

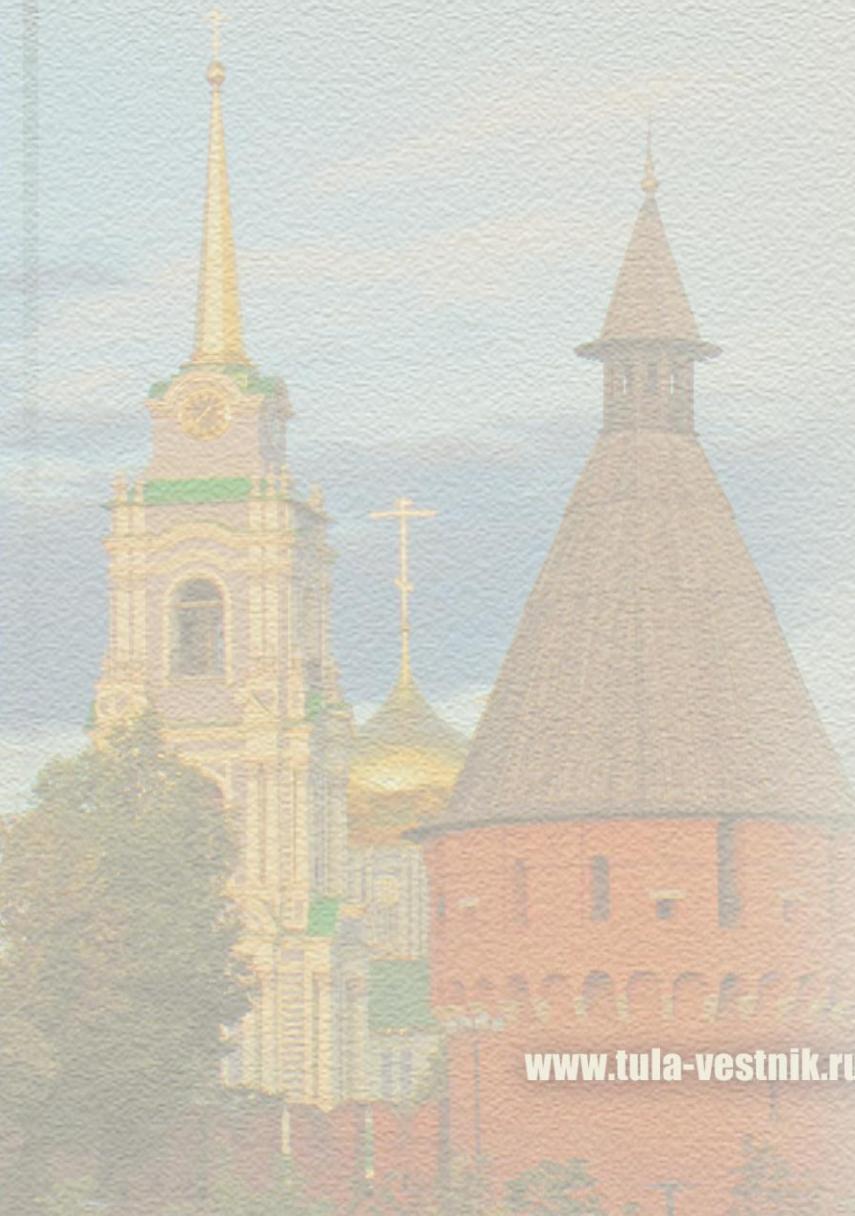
ISSN 2712-8407

СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025

**ТУЛЬСКИЙ
НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК**

Выпуск 4 (24)

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 4 (24)

Тула
2025

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ

ВЕСТНИК.

СЕРИЯ ИСТОРИЯ.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сетевое издание

Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 4 (24)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-4

Дата выхода в свет: 30.12.2025 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор

Е. П. Мартынова

Заместитель
главного редактора –
доктор филологических наук,
профессор

Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

Технический редактор –
кандидат исторических наук
М. О. Сафонова

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано Роскомнадзором 13.11.2020 г.

Регистрационный номер:
ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2025
© Авторы статей, 2025

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 31-20-34

Электронный адрес:
tula-vestnik@tolstovsky.ru

Издатель:

ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».

Адрес издателя:

300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 35-14-88

Электронный адрес:
info@tolstovsky.ru

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Всеобщая история: образы и нарративы

Клейменов А. А. Продромы в македонской армии времен Филиппа II 8

Марченко Е. Д. Методологические основания изучения женщин как маргинализируемого сообщества в Англии в XVII в. 25

Титкова Э. М. Этноконфессиональные различия османского общества середины XIX в. 35
в представлении княгини Кристины ди Бельджойозо

Социальная история

Долгих А. Н. Проблема обратной связи во взаимоотношениях государственной власти и дворянского общества в России в конце XVIII – первой половине XIX в. (крестьянский вопрос) 48

Соколов А. В. Переход из старообрядчества в православие в XIX – начале XX в. (на материалах Тульской губернии) 58

Сильченко И. С. Между уставом и преступлением: моральный облик и воинская дисциплина в 12-й Уральской стрелковой дивизии Белой армии в 1919 г. (микроисторический анализ) 68

Экономическая история

Белов А. В. Пашня в городе: особенности городского хозяйства и проблема экономического выживания (по материалам губерний Центральной России середины и второй половины XVIII в.) 80

Морозова Е. Н. «Единственный якорь спасения»: земское концессионное строительство Тамбово-Саратовской железной дороги (1860–1870-е гг.) 89

Биленко Н. А. Экономические кризисы в России второй половины XIX в. и динамика развития городской промышленности Тульской губернии 104

Этнология и антропология

Попова С. А. Мифологические перемещения Семи богатырей как отражение процесса формирования северных манси 120

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.**
**СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выпуск 4 (24)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-4

Сафонова М. О. Народные предрассудки и суеверия на страницах «Тульских епархиальных ведомостей» в 1862–1918 гг.

132

Мартынова Е. П., Джасарова А. А. Рутульские переселенцы в Тульской области: культурно-бытовые традиции в иноэтническом окружении

146

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вишнякова Н. М. Метафорическая модель <пространство – объект> в современном русском поэтическом тексте

158

Красовская Н. А. Вербализация идеологемы «уверенность» в местной прессе начала Великой Отечественной войны

169

Разоренов Д. А., Ишекенов Н. А. Притяжательный падеж английского языка: роль категории субъектности в построении и употреблении конструкций с притяжательным падежом

178

Сафонова Т. В. К вопросу о способах актуализации культурного контекста в рекламном дискурсе

187

Соловьева И. В., Таранова Е. Н. Использование идиом в паремиях русского языка

198

Таран К. Б. Характеристика концепта «Война» с позиций национальной культуры

211

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 4 (24)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-4

Released on December 30, 2025

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

Technical editor

PhD in History
M. O. Safronova

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.
Registration number
EL № FS 77 - 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2025

© Authors of articles, 2025

Address of the founder and the editorial office:

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34

E-mail address: tula-vestnik@tolstovsky.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Address of the publisher:

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tolstovsky.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

World History: Images and Narratives

- Kleymeonov A. A. Prodromoi in the Macedonian Army During the Reign of Philip II **8**

- Marchenko E. D. Methodological Foundations for the Study of Women as a Marginalized Community in 17th-Century England **25**

- Titkova E. M. Ethno-Confessional Differences in Ottoman Society in the Mid-Nineteenth Century as Seen by Princess Cristina di Belgiojoso **35**

Social History

- Dolgikh A. N. The Relations Between the Government and the Noble Society in Russia in the Late 18th and Early 19th Centuries (Peasant Issue) **48**

- Sokolov A. V. The Conversion from Old Believers to Orthodoxy in the 19th and Early 20th Centuries (a Case Study of the Tula Governorate) **58**

- Silchenko I. S. Between the Charter and Crime: Moral Portrait and Military Discipline in the 12th Ural Rifle Division of the White Guard in 1919 (a Microhistorical Analysis) **68**

Economic History

- Belov A. V. Arable Land in the City: Features of Urban Economy and the Problem of Economic Survival (a Case Study of the Central Russia Provinces in the Middle and Second Half of the 18th Century) **80**

- Morozova E. N. ‘The Only Anchor of Salvation’: the Zemstvo Concession Construction of the Tambov-Saratov Railway (1860s–1870s) **89**

- Bilenko N. A. Economic Crises in Russia in the Second Half of the 19th Century and the Dynamics of Urban Industry Development in Tula Province **104**

Ethnology and Anthropology

- Popova S. A. The Mythological Movements of the Seven Bogatyrs as Reflection of the Formation Process of the Northern Mansi People **120**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.**
HISTORY. LINGUISTICS

Online publication
Founded in 2020

Issue 4 (24)

DOI 10.22405/2712-8407-2025-4

<i>Safranova M. O.</i> Folk Prejudices and Superstitions on the Pages of the Tula Diocesan Gazette in 1862–1918	132
<i>Martynova E. P. & Jafarova A. A.</i> Rutulian Migrants in the Tula Region: Cultural and Everyday Traditions in a Non-Ethnic Environment	146
LINGUISTICS	
<i>Vishnyakova N. M.</i> The <Space – Object> Metaphorical Model in Modern Russian Poetic Texts	158
<i>Krasovskaya N. A.</i> Verbalization of the Ideologeme ‘Confidence’ in the Local Press at the Beginning of the Great Patriotic War	169
<i>Razorenov D. A. & Ishekenov N. A.</i> English Possessive Case: the Role of the Subjectivity Category in the Construction and Use of Possessive Case Constructions	178
<i>Safonova T. V.</i> On the Issue of Ways to Actualize Cultural Context in Advertising Discourse	187
<i>Sopova I. V. & Taranova E. N.</i> The Use of Idioms in Russian Paremia	198
<i>Taran K. B.</i> Characteristics of the ‘War’ Concept from the Standpoint of National Culture	211

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических
наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский
государственный гуманитарный университет»,
г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор
филологических наук, профессор (Пловдивский
университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив,
Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор
исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат
исторических наук, PhD, профессор (независимый
исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор
филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург,
Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор
исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ
им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук
(независимый исследователь, г. Будапешт,
Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор
филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им.
Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор
исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им.
Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор
исторических наук (ФГБУН «Институт археологии
Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор
исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт
археологии Российской академии наук», г. Москва,
Россия);

Мухаммадбегии Маҳди, кандидат
филологических наук (Институт гуманитарных и
культурологических исследований, г. Тегеран,
Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор
исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени
В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор
исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и
антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат
филологических наук, доктор педагогических
наук, доцент (Хельсинкский университет,
г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юхай, доктор филологических наук
(Институт иностранных языков Сычуаньского
университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор
филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор
филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов»,
г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор
исторических наук (ФГБУН «Институт экономики
Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-
восточный педагогический университет, г.
Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор
исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий
государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк,
Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук
(Ph.D.) (Арктический университет Норвегии,
г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор
филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород,
Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор
исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им.
Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,

Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,

Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,

Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,

Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromso, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Всеобщая история: образы и нарративы

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 8–24.

Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 8–24.

Научная статья

УДК 94(38).07

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-8-24>

ПРОДРОМЫ В МАКЕДОНСКОЙ АРМИИ ВРЕМЕН ФИЛИППА II

**Александр Анатольевич
Клейменов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, alek-klejmenov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Аннотация. В статье рассматривается проблема происхождения продромов, являвшихся особой частью кавалерийского контингента македонской армии времен великих завоеваний IV в. до н.э. Анализ данных письменной традиции, освещавших полководческую деятельность Александра Великого, позволяет заключить, что продромы были легкими кавалеристами, на которых возлагались задачи, связанные с разведкой и преследованием противника. Вместе с тем наличие у продромов длинных копий-сарисс обеспечивало их высокую эффективность в прямых военных столкновениях с вооруженными дротиками всадниками и не имеющими длиннодревкового оружия пехотинцами. Подтверждается это особой ролью продромов в масштабных сражениях при Гранике и Гавгамелах. Определяется, что данный тип конницы имелся в распоряжении Александра уже на начальном этапе его правления и, очевидно, входил в состав македонского войска, доставшегося будущему завоевателю Азии в наследство после смерти его отца. Именно с преобразованиями Филиппа II может быть связано появление подвижных, но экипированных длинными копьями всадников. Эта новация была осуществлена посредством усвоения опыта Афин, где присутствовал особый корпус легкой кавалерии авангарда, а также через заимствование элементов военной практики пеонов, подвижные всадники которых в период Восточного похода, как правило, использовались вместе с македонскими продромами, и, судя по всему, также вооружались длинными ударными копьями. К осознанию целесообразности создания подразделений продромов, сочетающих в себе мобильность легкой кавалерии и высокий атакующий потенциал, Филиппа, видимо, подтолкнули особенности ведения военных кампаний на фракийском направлении, где противник активно использовал методы «малой войны», имея в качестве основы вооруженных сил конных дротометателей и пельтастов.

Ключевые слова: продромы, сариссофоры, Александр Македонский, Филипп II, кавалерия, разведка, пеоны, фракийцы.

Для цитирования: Клейменов А. А. Продромы в македонской армии времен Филиппа II // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 8–24. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-8-24>

Сведения об авторе: А. А. Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 94(38).07

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-8-24>

PRODROMOI IN THE MACEDONIAN ARMY DURING THE REIGN OF PHILIP II

Alexander A. Kleymenov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, alek-klejmenov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Abstract. The article discusses the problem of prodromoi origin, which were a special part of the cavalry contingent of the Macedonian army during the great conquests of the 4th century BC. An analysis of narrative sources covering the military activities of Alexander the Great suggests that the prodromoi were light cavalrymen. Their tasks included reconnaissance and pursuit of the enemy. At the same time, the presence of long spears called sarissae in the prodromoi ensured their high effectiveness in direct military clashes with mounted javelin throwers and infantrymen without long-bladed weapons. This is confirmed by the special role of the prodromoi in the great battles of Granicus and Gaugamela. The author determines that this type of cavalry was at Alexander's disposal already at the initial stage of his reign, and was obviously part of the Macedonian army inherited by the conqueror of Asia after the death of his father. It is with the transformations of Philip II that the appearance of light horsemen equipped with long spears may be associated. This innovation appeared through the assimilation of the Athenian experience of, where a special corps of light cavalry of the vanguard was also present. Elements of the military practice of the Paeonians, whose horsemen were used together with the Macedonian prodromoi during the Asian expedition, were also adopted. Apparently, the Paeonian cavalrymen were also mobile and armed with long striking spears. Philip probably realized the feasibility of creating prodromoi units that combined the mobility of light cavalry and high attack potential, due to the peculiarities of military campaigns in Thracia, where the enemy actively used the methods of petty warfare, operated with troops consisting of mounted javelin throwers and peltasts.

Keywords: prodromoi, sarissophoroi, Alexander the Great, Philip II, cavalry, reconnaissance, Paeonians, Thracians.

For citation: Kleymenov, AA 2025, 'Prodromoi in the Macedonian Army During the Reign of Philip II', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 8–24, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-8-24> (in Russ.)

Information about the Author: Alexander A. Kleymenov – Doctor of Science (History), Senior Researcher of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Изучение военных преобразований македонского царя Филиппа II, приведших к оформлению одной из наиболее эффективных военных систем древности, является делом и важным, и крайне непростым. Понять, как именно рождалась армия, позволившая Александру Великому с боями достичь дальних районов Ойкумены и создать в краткие сроки одну из обширнейших держав в мировой истории, сложно из-за недостатков источников базы. Античный нарратив, играющий ключевую роль в исследовании реформаторской деятельности Филиппа, повествует о ней очень скромно и однобоко, практически ничего не сообщая о возникновении некоторых компонентов «военной машины» поздних Аргеадов, в том числе и внесших весомый вклад в знаменитые победы Александра. Одной из таких частей были кавалеристы-продромы, чье появление в составе македонской армии является настоящей загадкой, частично приоткрыть завесу, над которой позволяет лишь сочетание ретроспективного метода с системным анализом военных и этнокультурных реалий времен Филиппа II.

Самые ранние упоминания македонских конных подразделений, обозначаемых как *прόδρομοι*, связаны с начальным этапом азиатской экспедиции Александра. В частности, о продромах сообщает Диодор в своем не имеющем аналогов очерке состава армии македонского царя (XVII, 17, 4), а Арриан, рассказывая о движении Александра к Гранику, пишет о нахождении впереди возглавляемых Аминтой «разведчиков» (околои), представленных Аполлонийской илой гетайров и четырьмя илами «так называемых продромов» (*τῶν πρόδρομῶν καλούμενων*) (Anab., I, 12, 7). Именно последний автор передает большую часть имеющихся в нашем распоряжении сведений о продромах, что полностью соответствует специфике его «Анабасиса Александра», где более детально в сравнении с другими письменными памятниками освещаются военные события [7, с. 49–52; 36, с. 4; 69, с. 2], а также, благодаря особенностям источников, применяется собственно македонская терминология [76, с. 374–375]. Относится это и к продромам, чье первое упоминание Арриан сопровождает причастием *καλούμενοι*, обычно используемым им для передачи наименований подразделений, либо недавно введенных в оборот, либо имевших обиходный характер [20, с. 89]. Понятие *прόδρομοι*, буквально переводимое как «бегущие впереди», действительно было в большей степени функциональным и широко использовалось в греческом военном лексиконе классического периода. Геродот (IV, 121–122; VII, 203) и Фукидид (II, 22, 2) его применяли для обозначения передовых отрядов армии в целом, а Ксенофонт (Hipp., I, 25) и Аристотель (Ath. Pol., 49, 1) называли продромами специальные подразделения конницы авангарда. Именно это узкое «кавалерийское» наименование прослеживается в Афинах на протяжении всего IV в. до н.э., отражаясь, помимо прочего, в эпиграфическом материале [34, с. 71]. Ксенофонт, подробно описывающий обязанности афинских продромов, упоминает их применение для выяснения маршрута в труднопроходимой местности и сбора информации о неприятеле (Hipp., IV, 4–5). По сути, понятие *прόδρομοι* имело в Греции два значения. В изначальном широком контексте оно подразумевало передовые подразделения армии как таковые, а уже во втором, дополнительном, обозначало разведчиков [80, с. 131]. Именно последняя тенденция в большей степени проявляется в письменной традиции, освещающей действия продромов Александра. Так, Арриан не только отмечает наличие продромов в составе разведывательного отряда, действовавшего накануне битвы при Гранике, но и сообщает о предоставлении ими сведений о персах после переправы македонян через Тигр (Anab., III, 7, 7). Здесь же можно упомянуть и информацию Курция Руфа о движении Александра к Тигру с постоянной отправкой вперед «разведчиков» (*speculatores*) и поиском брода через реку всадниками (*equitum*) (IV, 9, 11–15). Присутствует и общее замечание Полибия, который в критическом разборе оставленного Каллисфеном описания битвы при Иссе

указал на способность Александра узнавать о близости противника с помощью продромов (τὸν προδρόμων) (ХII, 20, 7). Эти сообщения позволяют принять широко распространенное в науке мнение, согласно которому именно на продромов в армии Александра чаще всего возлагалась функция тактической разведки [30, с. 81; 44, с. 334; 45, с. 38; 89, с. 27; 90, с. 156].

Была у македонских прόδρομοι и другая ипостась, также нашедшая отражение в терминологии. В уже рассматривавшемся выше рассказе Арриана о событиях, предшествовавших битве при Гранике, сообщается, что в момент выхода к реке македонской разведкой руководил Гегелох, которому подчинялись легковооруженные воины и «конные сариссофоры» (ἱππέας τοὺς σαρισφόρους) (Anab., I, 13, 1). Существенно ниже, при описании сражения Александра со «скифами» у Танаиса-Яксарта, Арриан называет участниками первой македонской атаки наемных всадников и четыре илы «сариссофоров» (τῶν σαρισφόρων ἵλας τέσσαρας) (Anab., IV, 4, 6). Примечательный результат дает сравнение рассказов Арриана и Курция Руфа о битве при Гавгамелах. Если первый автор указывает, что в сражении Арета возглавлял продромов (Arr. Anab., III, 12, 3), то второй называет Арету командиром «копейщиков, называемых сариссофорами» (*hastatorum – sarisophoros vocabant*) (Curt., IV, 15, 12). Явное пересечение информации свидетельствует об опоре писателей на общий источник, которым, как и в других перекликающихся фрагментах их сообщений о битве при Гавгамелах, видимо, являлось сочинение Птолемея Лага [41, с. 91]. Всё это позволяет присоединиться к выводам об использовании понятия «сариссофоры» как второго наименования продромов [26, с. 129; 32, с. 27–28; 56, с. 408–409]¹. Согласно наиболее распространенному и оправданному мнению продромы, имея легкую защитную экипировку, в качестве основного оружия использовали длинное копье, являвшееся кавалерийским аналогом пехотной сариссы [13, с. 34–35; 23, с. 33; 88, с. 82; 97, с. 156]. Более скептично следует отнести к выводам М. М. Маркла о наличии у продромов дротиков для разведывательных миссий и сарисс для сражений [70, с. 492–493], а построения К. Виллекес, признавшей употребление лексемы *сариссофоры* для обозначения продромов, но сделавшей вывод о применении сарисс всеми македонскими всадниками [96, с. 180–183], выглядят просто обескураживающими. Античная традиция свидетельствует о наименовании «сариссофорами» именно продромов, что само по себе указывает на наличие у них особого, не характерного для иных кавалеристов варианта копья [88, с. 82].

Комплексный анализ письменных сообщений об участии продромов-сариссофоров в Восточном походе показывает, что они составляли отдельный конный корпус, должность командира которого последовательно занимали Аминта, Протомах и Арета [27, с. 29–30, 58, 329; 62, с. 321–323]. Организационно продромы разделялись на упомянутые Аррианом четыре илы, насчитывая, согласно различным оценкам, от 300 до 900 воинов [23, с. 32; 32, с. 35; 45, с. 39; 52, с. 33; 75, с. 167]. Разведка, безусловно, не была их единственной задачей. Арриан сообщает о привлечении продромов-сариссофоров к участию в самых разных предприятиях, требовавших мобильности. К ним относятся операция по деблокированию Персидских ворот (Anab., III, 18, 1–2) и погоня за бежавшим из Экбатан Дарием III (Anab., III, 20, 1; 21, 1–4). Как справедливо отмечается, продромы, мало отличавшиеся кругом обязанностей от легкой кавалерии иных времен, формировали авангард войска на марше, вели разведку, преследовали отступающего противника, осуществляли неожиданные атаки и обходные маневры [9, с. 452; 44, с. 334; 51, с. 173]. Вместе с тем нельзя игнорировать качества, которые продромы демонстрировали в подробно освещенных в источниках масштабных битвах с персами. Во всех этих сражениях продромы-сариссофоры размещались на переднем крае правого фланга армии Александра (Arr. Anab., I, 14, 1; II, 9, 2; III, 12, 3), что было чрезвычайно ответственной позицией, так

как именно силами располагавшихся на правом крыле отборных частей кавалерии и пехоты македонский полководец осуществлял решающую атаку [47, с. 199–211; 72, с. 371–373; 95, с. 247–249; 99, с. 196–197]. В сражении при Гранике прôбромои Аминты, согласно Арриану, вместе с пеонами, кавалерийской илой Сократа и одним подразделением пехоты первыми перешли реку и, храбро сражаясь с лучшей частью вражеской конницы, понесли большие потери (*Anab.*, I, 14, 6; 15, 1–3). По сути, продромы внесли вклад в решение важной задачи, подразумевавшей сковывание персидской кавалерии для обеспечения пересечения реки основными ударными силами Александра [39, с. 274; 58, с. 84; 91, с. 60–61]. В битве при Гавгамелах Арета и его продромы-сариссофоры, поддерживаемые пеонами и наемниками, успешно атаковали наступавших бактрийских (кадусийских) всадников и «скифов», до того отбивших нападение отряда конных наемников Менида. В результате персидскому командованию пришлось ввести в схватку на этом участке новые подразделения бактрийцев (см. *Arr. Anab.*, III, 13, 3–4; *Curt.*, IV, 15, 12–18). При самых вариативных оценках хода битвы исследователями констатируется, что конница Ареты проявила превосходные ударные качества и оттянула на себя крупные силы врага, создав предпосылки для решающего наступления Александра [41, с. 379; 53, с. 83–84; 71, с. 54; 90, с. 186–187]. Мало того, Арриан упоминает еще одну атаку Ареты, по приказу царя отогнавшего персов, пытавшихся окружить правое крыло македонян (*Anab.*, III, 14, 1; 3), что может быть как отражением отдельного боевого эпизода [9, с. 449; 27, с. 58], так и следствием закравшейся в текст неточности [29, с. 305].

Высокая боеспособность продромов была в немалой степени обеспечена особенностями их вооружения. С одной стороны, наличие сарисс в сочетании с легкой защитной экипировкой делало продромов чрезвычайно полезными при преследовании врага или для быстрого нападения на стратегически ценные позиции [44, с. 334]. Вместе с тем длинное оружие продромов практически идеально подходило для сражений с легкой конницей противника, экипированной короткими копьями или дротиками [23, с. 33]. Не были продромы беспомощны и в бою с тяжеловооруженными всадниками, доказательством чему является битва при Гавгамелах, где кавалеристы Ареты успешно противостояли «скифам», которые, согласно Арриану, и сами были облачены в панцири, и закрывали броней лошадей (*Anab.*, III, 13, 4). Специфика вооружения также позволяла конным сариссофорам эффективно атаковать пехоту в случае отсутствия у нее длинных копий [97, с. 167]. Тактический потенциал продромов порождал примечательную ситуацию, неоднократно отмечавшуюся в историографии: в стратегическом плане они выполняли функции легкой кавалерии, однако в бою были способны решать практически те же задачи, что и «тяжелая» македонская конница [9, с. 452; 51, с. 178–179].

Упоминание прôбромои как активных участников событий начального этапа азиатской экспедиции Александра дает возможность присоединиться к выводам об их присутствии уже в армии Филиппа II [16, с. 54; 43, с. 27; 50, с. 73; 54, с. 412]. Предположение Н. Секунды, согласно которому продромы сперва были конными дротометателями и лишь после прихода к власти Александра получили сариссы [13, с. 34–35], представляется явно ошибочным, так как не учитывает необходимость длительного обучения воинов использованию принципиально нового для них вооружения [9, с. 63]. Опереться при рассмотрении предпосылок появления продромов на особенности их этнического происхождения невозможно. В письменной традиции присутствуют всего два фрагмента, где продромы сопоставлены с определенными народами. Это рассказ Арриана о движении армии Александра к Гавгамелам, во время которого в авангарде, помимо иных соединений, находились пеонийские продромы (τῶν προδρόμων τοὺς Παιονας) (*Anab.*, III, 8, 1), а также сообщение Диодора (XVII, 17, 4) о составе высажившегося в Азии войска, где фигурируют «фракийские продромы»

и пеоны (Θράκες δὲ πρόδρομοι καὶ Παιόνες). Полностью довериться этим сведениям нельзя, так как в большинстве случаев Арриан четко отделяет продромов и от фракийцев, и от пеонов. Р.Д. Милнс в рамках отдельной статьи показал, что в сочинении Диодора может присутствовать порча текста, изначально сообщавшего о «фракийцах, продромах и пеонах» (Θράκες δὲ καὶ πρόδρομοι καὶ Παιόνες) [75, с. 167–168]. Некоторые исследователи поддержали эту корректировку [9, с. 100; 56, с. 408]. Вероятность ошибки отмечается и применительно к «пеонийским продромам» [32, с. 27]. Подобные версии не являются единственным выходом из терминологических противоречий. Представлено мнение об использовании в обоих случаях понятия «продромы» в функциональном ключе для обозначения принадлежности пеонов и фракийцев к коннице авангарда [29, с. 110–111; 45, с. 38]. Впрочем, противоречивость рассмотренных сообщений и частое упоминание продромов Аррианом без этнических маркеров не являются однозначными доказательствами их македонского происхождения, как об этом заявляют отдельные специалисты [30, с. 262; 32, с. 27–28]. Для македонской военной терминологии было вполне характерно указание боевых функций в наименовании подразделений вне зависимости от их происхождения [9, с. 451–452]. В настоящее время можно считать равнозначными мнения, согласно которым продромы набирались из самих македонян², являлись фракийцами [9, с. 451–452; 13, с. 34–35; 50, с. 73; 90, с. 157] или же формировались из представителей сразу нескольких народов [68, с. 115; 84, с. 113].

Неясность этнического происхождения продромов не мешает заключить, что на момент смерти Филиппа II они уже являлись полноценной частью македонского войска. Создание контингента вооруженных сариссами конных разведчиков нельзя считать результатом простого механического заимствования «готового рецепта». Конечно, идентичное наименование с бытовавшим в Афинах корпусом конных разведчиков и схожие стратегические функции македонских πρόδρομοι позволяют полагать, что Филипп мог отчасти опереться на афинский опыт. Его усвоению должно было способствовать особо внимательное отношение к разведке, которым Филипп отличался от своих греческих предшественников [47, с. 181; 50, с. 92–94]. Тем не менее царь-реформатор подверг идею продромов значительной переработке, отразившейся на их тактических возможностях. Последние определялись наличием длинных ударных копий, в то время как продромы Афин, аналогично иным всадникам этого полиса, были экипированы дротиками [35, с. 222; 51, с. 178]. Именно особое сочетание стратегических функций македонских продромов и их боевых возможностей, помещенное в контекст специфики некоторых направлений завоевательной деятельности Филиппа II, позволяет приблизиться к пониманию обстоятельств появления указанного типа кавалерии.

Конечно, тактическая и стратегическая разведка были важны для создателя македонской «сверхдержавы» на всех этапах его военной активности, однако не просто полезными, но буквально незаменимыми вооруженные сариссами легкие всадники становились на фракийском направлении, часто игнорируемом исследователями македонского военного дела, но для Филиппа являвшемся весьма значимым. Несмотря на то что к началу македонской экспансии некогда единая Одриssкая держава распалась на три части [10, с. 211–215; 37, с. 49; 54, с. 195–196], а военно-политическая структура царств-осколков отличалась рыхлостью из-за наличия полунезависимых правителей-параиднастов и племенных объединений [1, с. 6–13; 5, с. 232–239; 12, с. 79–82], подчинение фракийской территории было делом непростым. Проблема крылась не только в отмечаемых классическими авторами многочисленности и воинственности фракийцев (см. Herod., V, 3–6; Thuc., II, 95–101), но и в местных методах ведения боевых действий. Проявляя высокую подвижность и тактическую гибкость, фракийцы были склонны использовать разнообразные приемы

«малой войны», включавшие в себя внезапные атаки превосходящего противника силами подвижных соединений с последующим отходом, засады, ложные отступления и обходные маневры [2, с. 107; 17, с. 69–69; 23, с. 167; 85, с. 44]. Подобным приемам способствовали природные условия Фракии, где имелись удобные для засад покрытые лесами гористые районы и труднопроходимые перевалы [50, с. 182–183]. Соответствовал практике «малой войны» и состав фракийских войск, основой которых выступали подвижные подразделения, ориентированные на ведение дистанционного боя. Весьма многочисленная местная кавалерия преимущественно была представлена легкими всадниками, вооруженными метательными копьями [7, с. 247–248; 17, с. 58–59; 94, с. 35], а главным компонентом пеших сил, как известно, являлись пельтасты, экипированные дротиками и плетеными щитами [2, с. 107–108; 4, с. 232–234; 28, с. 7–16; 77, с. 100].

Войско Филиппа проникало во фракийские земли в рамках нескольких кампаний, происходивших на разных этапах его правления. Походы на восточных соседей предпринимались в 356 г. до н.э., 354–353 гг. до н.э., 352–351 гг. до н.э. и 347–346 г. до н.э. [3, с. 11–16; 10, с. 225–235; 24, с. 57–66]. Самая масштабная военная кампания, приведшая к подчинению большей части фракийских земель, состоялась ближе к концу правления Филиппа в 342–341 гг. до н.э. [6, с. 55–56; 19, с. 135; 33, с. 464] или в 342–340 гг. до н.э. [3, с. 20; 15, с. 7]. Без сомнения, в рамках всех указанных предприятий македонский царь в той или иной степени сталкивался с особенностями фракийских методов ведения войны, но в наиболее значительном масштабе они должны были проявиться именно в последней кампании [6, с. 56; 21, с. 235]. В ее условиях особое значение приобретали подвижные подразделения македонской армии, о чем свидетельствует датируемая как раз весной 341 г. до н.э. [83, с. 76] «Третья речь против Филиппа» Демосфена, где упоминается склонность македонского монарха воевать с помощью легковооруженных, кавалерии, лучников и наемников (IX, 47–50)³. Не пытаясь умалить значение иных конных подразделений и легкой пехоты, необходимо отметить, что особо полезным для македонского командования на фракийском театре военных действий становился набор функций и качеств продромов. Специально ориентированные на проведение разведки легкие всадники позволяли заранее выявлять засады и отслеживать перемещения фракийцев для предотвращения неожиданных налетов. Также прôбрюои могли вести преследование летучих формирований противника, нанося им большие потери или полностью уничтожая. Подобный результат обеспечивался тактическим преимуществом, обусловленным мобильностью продромов и их вооружением. Как уже отмечалось выше, всадники-сариссофоры были весьма эффективны в столкновениях с конными дротометателями, выступавшими, что примечательно, основным типом кавалерии у фракийцев. Не лучше обстояли дела у фракийской пехоты. Пельтасты были уязвимы даже перед атакой греческой конницы, экипированной короткими метательными копьями⁴. Конечно, они не являлись столь беззащитными, как обычная легкая пехота, и при необходимости могли сплотиться, прикрыться пельтами и попытаться отразить нападение кавалерии [23, с. 45; 47, с. 179; 65, с. 120], однако в бою с обладающими сариссами продромами этот прием, основанный на употреблении дротиков в качестве ударных копий, был практически бесполезен. Столь удачное вписывание возможностей продромов в условия фракийских кампаний нельзя считать случайностью. Следует согласиться с А. К. Нефёдкиным, определившим вооруженных сариссами продромов как особый, искусственно созданный Филиппом II тип кавалерии, весьма отличавшийся от характерных для Фракии конных дротометателей [9, с. 450]. Видимо, базировалось это нововведение на опыте противостояния тем же фракийцам и было осуществлено, как минимум, до начала масштабного похода 342 г. до н.э.

Состояние источников не позволяет лишать Филиппа лавров новатора, внедрившего сариссы в кавалерийский обиход⁵, однако при выборе оружия для корпуса легкой конницы македонский реформатор все же мог отчасти опереться на чужие наработки, имевшие уже не афинское, а северо-балканское происхождение. Вновь обратившись к данным Арриана о применении продромов эпохи Александра, нужно выделить показательный нюанс: в подавляющем большинстве случаев автор, повествуя об использовании этой разновидности кавалерии, сообщает о задействовании вместе с ней конницы пеонов (см. *Arr. Anab.*, I, 14, 1; 6; II, 9, 2; III, 12, 3), причем по отношению к последней, как уже отмечалось, Арриан случайно или нарочно применяет термин *прόбрοιοι* (*Anab.*, III, 8, 1). Всё это, безусловно, свидетельствует о тесной тактической интеграции указанных подразделений [54, с. 433]. Тем не менее их постоянное сотрудничество отнюдь не дает возможности присоединиться к выводам специалистов, заявляющих о наличии у пеонов кавалерийских сарисс [51, с. 178–179; 67, с. 12]. Материал нарративной традиции позволяет считать более взвешенной позицию С. Пановского, который, указав на сходство задач пеонийских всадников и продромов, справедливо заметил, что пеоны в источниках никогда не именуются сариссофорами и, видимо, имели иное вооружение [11, с. 47]. Н. Хэммонд, отталкиваясь от аналогий и информации из позднеримского «Итineraria Александра», сделал вывод о наличии у пеонийских всадников щитов и дротиков [55, с. 31]⁶. Первая часть этого утверждения неубедительна ввиду изолированности используемого позднего сообщения, которое, видимо, содержит анахронизм [9, с. 454–455]. Заключение об экипировании пеонов метательным оружием также спорно: схожее использование пеонов и продромов показывает, что в бою первые не уступали вторым, а, значит, имели достаточно длинные копья. Подкрепить этот вывод можно свидетельствами разного рода. К ним относится комплекс сведений о кавалерийском сражении, произошедшем после пересечения Александром Тигра в 331 г. до н.э. Как указывается античными авторами, встретившийся македонянам персидский конный отряд был опрокинут решительной атакой, причем особую доблесть проявили пеоны и их предводитель Аристон, лично сразивший вражеского командира (см. *Arr. Anab.*, III, 7, 7–8, 2; *Curt.*, IV, 9, 23–25; *Plut. Alex.*, 39). О том, что это был удар конных копейщиков, говорит не только развитие событий, но и детали сообщения Курция Руфа (IV, 9, 25), по чьей версии Аристон пронзил горло неприятеля «копьем» (*guttur hasta transfixit*). Нельзя игнорировать и нумизматический материал в виде тетрадрахм правившего в конце IV в. до н.э. пеонийского царя Патрея. На них изображен всадник, побеждающий пешего противника, причем кавалерист неизменно вооружен копьем, позволяющим ему поражать лежащего у ног оппонента [87, с. 53–67; 98, с. 4–13]. Вышеизложенное свидетельствует, что конные пеоны из армии Александра не имели тяжелой защитной экипировки, но использовали достаточно длинные копья [73, с. 46]. Это давало пеонам, как и продромам-сариссофорам, возможность эффективно действовать в ближнем бою. Видеть в этих качествах результат македонской новации оснований нет. Очевидно, подвижные и экипированные ударными копьями всадники и ранее выступали основой кавалерийских сил пеонов [82, с. 93]. Сформироваться они могли эволюционным путем как средство противодействия легким пехотинцам и конным дротометателям фракийцев, а также иллирийцам, чья немногочисленная конница использовала метательное оружие [9, с. 46; 23, с. 18; 60, с. 29–30], да и пехота, возможно, до конца V в. до н.э. преимущественно состояла из аналога пельтастов [46, с. 43–44]. Возвращаясь к проблеме оформления корпуса македонских *прόбрοιοι*, следует отметить, что Филипп имел возможность заранее оценить тактический потенциал подобной кавалерии. Македонский царь подчинил пеонов, как минимум, к 349 г. до н.э. и в дальнейшем, несомненно, привлекал их конницу к участию в своих кампаниях [16, с. 54; 54, с. 432–433; 57, с. 40; 73, с. 44].

Отталкиваясь от этого опыта, Филипп вполне мог прийти к идее о вооружении своей легкой кавалерии еще более длинными сариссами.

Подводя итог, необходимо констатировать, что македонские всадники-продромы являлись весьма примечательной частью армии, порожденной уникальным сочетанием конкретно-исторических условий. Используемые в эпоху Восточно-го похода для разведки и преследования противника, подвижные продромы благодаря наличию сарисс также были ценными участниками сражений, способными эффективно действовать против вражеских конных метателей и не имеющих длиннодревкового оружия пехотинцев. Этот тип кавалерии присутствовал уже в армии Филиппа II и возник в результате творческой переработки афинского опыта организации соединений кавалерии авангарда и пеонийской практики использования конных копейщиков. Катализатором процесса, очевидно, стали условия фракийских кампаний, побудившие Филиппа искать способы противодействия подвижным отрядам противника, действовавшим в формате «малой войны». Позже сформировавшиеся благодаря описанному стечению предпосылок и обстоятельств качества продромов оказались востребованы и в условиях масштабной азиатской экспедиции Александра, в немалой степени повлияв на ее успешность.

Примечания

- 1.** Соотношение используемых в сочинении Арриана понятий дает возможность признать необоснованным предположение о наименовании «сариссофорами» представителей некой особой части кавалерии гетайров [86, с. 155].
- 2.** Согласно Н. Хэммонду, подразделения продромов укомплектовывались македонянами из подвергшихся фракийскому влиянию юго-восточных районов страны [55, с. 28]. Также выдвинута гипотеза о верхнемакедонском происхождении продромов [54, с. 412; 61, с. 71]. Оригинальная, но трудно доказуемая концепция М. Хадзопулоса подразумевает, что в корпусе продромов служили молодые македонские аристократы до их включения в состав кавалерии гетайров [59, с. 35–36]. В соответствии с диаметрально противоположной трактовкой, продромы отличались от элитных конных «друзей» именно своим простонародным происхождением [43, с. 27].
- 3.** Конечно, в данном фрагменте, как и иных частях риторического наследия знаменитого оратора, присутствует явная политico-идеологическая составляющая [14, с. 290–291; 66, с. 67–68; 74, с. 47], однако необходимо принять выводы, согласно которым здесь нашли отражение и реальные особенности действий Филиппа во Фракии [16, с. 174; 50, с. 185; 57, с. 123].
- 4.** На это обстоятельство явно указывает Ксенофонт (Hell., IV, 5, 16) в своем рассказе о битве при Лехее 390 г. до н.э. В историографии представлено немало аналитических выкладок по данному вопросу [18, с. 58; 86, с. 138; 88, с. 58–59; 99, с. 136].
- 5.** Предложение М. Маркла о более раннем наличии кавалерийских сарисс у фракийцев [70, с. 490] не может быть признано убедительным из-за его опоры на единичное сообщение античной традиции о ранении Филиппа трибаллами (см. D. Col., 13, 3–7), которое, у тому же, имеет множество иных трактовок [49, с. 120–121; 57, с. 136; 60, с. 105; 94, с. 39].
- 6.** В литературе встречается и полное принятие данного вывода [23, с. 34], и близкое мнение о вооружении пеонов дротиками без указания на наличие у них щитов [88, с. 94].

Список источников и литературы

1. Анисимов К. А. Система управления в Одрисском царстве // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2021. Вып. 3 (7). С. 6–18. URL: https://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_7/6/ (дата обращения: 08.11.2025).
2. Данов Хр. Траки. София: Народна просвета, 1982. 182 с.
3. Делев П. Филип II и залезът на «Голямото» Одриско царство в Тракия // Шуменски университет «Епископ Константин Преславски»: Трудове на катедрите по история и богословие. 1997. № 1. С. 7–40.
4. Жеков Ж. Пелтастите – войните на Антична Тракия (тактика и стратегия) // Исторически преглед. 2015. № 72 (3-4). С. 232–247.

5. Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев, VII-VI вв. до н.э. М.: Наука, 1971. 258 с.
6. Йорданов К. Политическите отношения между Македония и тракийските държави (359–281 пр. Хр.). София: Рал-Колобър, 2000. 267 с.
7. Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский: к проблеме кризиса полиса. М.: Наука, 1993. 287 с.
8. Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. 256 с.
9. Нефёдкин А. К. Конница эпохи эллинизма. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 784 с.
10. Николов Н. Одриската династия в периода на македонската хегемония в Тракия и борбата на елинистическите владетели за тракийското наследство (ср. на IV – ср. на II в. пр. н.е.). Велико Търново: ИТИ, 2025. 448 с.
11. Пановски С. Пајонците во пишаните извори од владеењето на Филип II до смртта на Дропион // Пајонија и Пајонците. Извори, историја, археологија / уред. А. Јакимовски, В. Саракински. Скопје: Филозофски факултет, 2022. С. 39–74.
12. Попов Д. Древна Тракия. История и култура. София: ЛИК, 2009. 343 с.
13. Секунда Н. Армия Александра Великого / пер. с англ. Я. Зверева. М.: ACT, 2004. 56 с.
14. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. 392 с.
15. Тачева М. Севт III, Севтиополис и Кабиле (341-252 г. пр. Хр) според епиграфските и нумизматичните данни. София: Агато, 2000. 51 с.
16. Уортингтон Й. Филипп Македонский / пер. с англ. С. В. Иванова. СПб.; М.: Клио, 2014. 397 с.
17. Фол А. Тракийско военно изкуство. София: Държавно военно изд-во, 1969. 125 с.
18. Anderson J. K. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1970. 419 p.
19. Anson E. M. Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues. London; New York: Bloomsbury, 2020. 256 p.
20. Anson E. M. The Asthetairoi: Macedonia's Hoplites // Philip II and Alexander the Great: Father and Son, Lives and Afterlives / ed. E. Carney, D. Ogden. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 81–90.
21. Archibald Z. H. The Odrysian Kingdom of Thrace: Orpheus Unmasked. Oxford: Clarendon Press, 1998. 370 p.
22. Aristoteles Athenaion Politea / ed. M. Chambers. Leipzig: Teubner, 1986. 84 p.
23. Ashley J. R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC. Jefferson: McFarland, 1998. 486 p.
24. Badian E. Philip II and Thrace // Pulpudeva: Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la Culture Thrace 4. Plovdiv: The Growood Press, 1983. P. 51–71.
25. Baynham E. J. Arrian's Sources and Reliability // The Landmark Arrian: the campaigns of Alexander: a new translation / ed. J. Romm. NY: Pantheon Books, 2010. P. 325–332.
26. Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I. München: Beck, 1926. 803 s.
27. Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. II. München: Beck, 1926. 357 s.
28. Best J. G. P. Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare. Groningen: Wolters-Noordhoff, 1969. 149 p.
29. Bosworth A. B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 1: Commentary on books I-III. Oxford: Clarendon Press, 1980. 396 p.
30. Bosworth A. B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 330 p.
31. Bosworth A. B. From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation. Oxford: Clarendon Press, 1988. 225 p.
32. Brunt P. A. Alexander's Macedonian Cavalry // Journal of Hellenic Studies. 1963. Vol. 83. P. 27–46.
33. Buckler J. Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden; Boston: Brill, 2003. 544 p.

34. *Bugh G. R.* Greek Cavalry in the Hellenistic World: Review and Reappraisal // New Approaches to Greek and Roman Warfare / ed. L. L. Brice. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2020. P. 65–80.
35. *Bugh G. R.* The Horsemen of Athens. Princeton: Princeton University Press, 1988. 298 p.
36. *Burliga B.* Arrian's Anabasis. An Intellectual and Cultural Story. Gdańsk: University of Gdańsk, 2013. 167 p.
37. *Delev P.* Thrace from the Assassination of Kotys I to Koroupedion (360–281 BCE) // A Companion to Ancient Thrace / ed. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. Malden; Oxford: Wiley-Blackwell, 2015. P. 48–58.
38. *Demosthenes* Vol. 1 / ed. R. Whinston. London: Whittaker & Co, 1859. 572 p.
39. *Devine A. M.* Demythologizing the Battle of the Granicus // Phoenix. 1986. Vol. 40, № 3. P. 265–278.
40. *Devine A. M.* Grand Tactics at Gaugamela // Phoenix. 1975. Vol. 29, № 4. P. 374–385.
41. *Devine A. M.* The Battle of Gaugamela: A Tactical and Source-Critical Study // Ancient World. 1986. Vol. 13, № 3-4. P. 87–116.
42. Diodorus Siculus Library of history. Vol. 8. Cambridge; London: Harvard University Press. 1989. 496 p.
43. *Ellis J. R.* Philip II and Macedonian Imperialism. Princeton: Princeton University Press, 1976. 312 p.
44. *Engels D. W.* Alexander's Intelligence System // Classical Quarterly. 1980. Vol. 30, № 2. P. 327–340.
45. *English S.* The Army of Alexander the Great. Barnsley: Pen and Sword, 2009. 164 p.
46. *Feil F.* "Not a Few Hoplites": The Evolution of Illyrian Infantry, 5th to 3rd Century BC // Ancient Warfare. Vol. 2: Introducing Current Research / ed. G. Wrightson, J. Kreiner. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2024. P. 40–65.
47. *Ferrill A.* The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great. Boulder: Westview Press, 1997. 240 p.
48. Flavii Arriani Anabasis Alexandri / ed. A. G. Roos. Leipzig: Teubner, 1907. 333 p.
49. *Foucart P. F.* Étude sur Didymos d'après un papyrus de Berlin. Paris: Imprimerie nationale, 1906. 194 p.
50. *Gabriel R. A.* Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. Washington: Potomac Books, 2010. 303 p.
51. *Gaebel R. E.* Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman: University of Oklahoma Press, 2002. 345 p.
52. *Gehrke H.-J.* Alexander der Große. München: Beck, 1996. 111 s.
53. *Griffith G. T.* Alexander's Generalship at Gaugamela // Journal of Hellenic Studies. 1947. Vol. 67. P. 77–89.
54. *Griffith G. T.* The Reign of Philip the Second // Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. 2: 550–336 BC. Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 201–646.
55. *Hammond N. G. L.* Alexander the Great: King, Commander and Statesman. Park Ridge: Noyes Press, 1980. 358 p.
56. *Hammond N. G. L.* Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 B.C. // Historia. 1998. Bd. 47, Hf. 4. P. 404–425.
57. *Hammond N. G. L.* Philip of Macedon. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994. 235 p.
58. *Hammond N. G. L.* The Battle of the Granicus River // Journal of Hellenic Studies. 1980. Vol. 100. P. 73–88.
59. *Hatzopoulos M. B.* L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides. Athènes: De Boccard, 2001. 196 p.
60. *Head D.* Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC. Goring-by-Sea: War-games Research Group, 1982. 192 p.
61. *Heckel W.* Geography and Politics in Argead Makedonia // The History of the Argeads: New Perspectives / ed. S. Müller, T. Howe, H. Bowden, R. Rollinger. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2017. P. 67–78.
62. *Heckel W.* The Marshals of Alexander's Empire. London; New York: Routledge, 1992. 448 p.
63. Herodotus Historiae. Vol. 1 / ed. C. Hude. Oxford: Clarendon, 1908. 450 p.

64. Herodotus *Historiae*. Vol. 2 / ed. C. Hude. Oxford: Clarendon, 1908. 444 p.
65. Hunt P. Archaic and Classical Greece: Military Forces // *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. 1 / ed. P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 108–146.
66. Hunt P. War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 317 p.
67. Jouguet P. Macedonian Imperialism and the Hellenization of the East. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1928. 440 p.
68. King C. J. Ancient Macedonia. London; New York: Routledge, 2017. 307 p.
69. Liotsakis V. Alexander the Great in Arrian's *Anabasis*: A Literary Portrait. Berlin; Boston: de Gruyter, 2019. 295 p.
70. Markle M. M. Use of the Macedonian Sarissa by Philip and Alexander // *American Journal of Archaeology*. 1978. Vol. 82, № 4. P. 483–497.
71. Marsden E. W. *The Campaign of Gaugamela*. Liverpool: Liverpool University Press, 1964. 79 p.
72. Matthew C. A. An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-Phalanx at War. Barnsley: Pen and Sword, 2015. 368 p.
73. Merker I. L. The Ancient Kingdom of Paionia // *Balkan Studies*. 1965. Vol. 6. P. 35–54.
74. Millett P. Winning Ways in Warfare // *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World* / ed. B. Campbell, L. A. Trittle. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 46–74.
75. Milns R. D. Alexander's Macedonian Cavalry and Diodorus xvii 17.4 // *Journal of Hellenic Studies*. 1966. Vol. 86. P. 167–168.
76. Milns R. D. Arrian's Accuracy in Troop Details: A Note // *Historia*. 1978. Bd. 27, Hf. 2. P. 374–378.
77. Nankov E. Thracian Warriors and Mercenaries // *Ancient Thrace and the classical world: treasures from Bulgaria, Romania, and Greece* / ed. J. Spier, T. Potts, S. E. Cole, M. Damyanov. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2024. P. 99–105.
78. Plutarchi *Vitae parallelae*. Vol. 3 / ed. C. Sintensis. Leipzig: Teubner, 1889. 276 p.
79. Polybii *Historiae*. Vol. 3 / ed. T. Buttner-Wobst. Leipzig: Teubner, 1893. 431 p.
80. Pritchett W. K. *The Greek State at War. Part 1*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1971. 184 p.
81. Q. Curtii Rufi *Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt* / ed. Th. Vogel. Leipzig: Teubner, 1889. 308 p.
82. Ray F. E. Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC. Jefferson: McFarland, 2012. 315 p.
83. Ryder T. T. B. Demosthenes and Philip II // *Demosthenes: statesman and orator* / ed. I. Worthington. London; New York: Routledge, 2000. P. 45–89.
84. Santosuosso A. *Soldiers, Citizens and the Symbols of Wars: From Classical Greece to Rome, 500–167 BC*. Boulder; Oxford: Westview Press, 1997. 277 p.
85. Sears M. A. *Athens, Thrace, and the Shaping of Athenian Leadership*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 328 p.
86. Sears M. A. *Understanding Greek Warfare*. London; New York: Routledge, 2019. 220 p.
87. Sekunda N. V. The “Victory” coinage of Patraos of Paionia // *Armées grecques et romaines dans le nord des Balkans: Conflits et intégration des communautés guerrières* / ed. A. Rufin Solas. Gdańsk: Akanthina, 2013. P. 53–67.
88. Sidnell P. *Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare*. London; New York: Hambledon Continuum, 2006. 363 p.
89. Spence I. G. *The Cavalry of Classical Greece: A Social and Military History with Particular Reference to Athens*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 346 p.
90. Tarn W. W. *Alexander the Great. Vol. 2: Sources and Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. 447 p.
91. Thompson M. *Granicus 334 BC. Alexander's First Persian Victory*. Oxford: Osprey, 2007. 96 p.
92. Thucydidis *Historiae*. Vol. 1 / ed. C. Hude. Leipzig: Teubner, 1901. 425 p.
93. Thucydidis *Historiae*. Vol. 2 / ed. C. Hude. Leipzig: Teubner, 1903. 378 p.
94. Webber C. *The Thracians 700 BC – AD 46*. Oxford: Osprey, 2001. 47 p.

95. Willekes C. Army and Warfare // *The Cambridge Companion to Alexander the Great* / ed. D. Ogden. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 243–255.
96. Willekes C. Macedonian and Thessalian Cavalry // *Brill's Companion to the Campaigns of Philip II and Alexander the Great* / ed. E. M. Anson. Leiden; Boston: Brill, 2025. P. 164–186.
97. Worley L.J. Hippes: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare). London; NY: Routledge, 2021. 256 p.
98. Wright N. L. The Horseman and the Warrior: Paionia and Macedonia in the Fourth Century BC // *Numismatic Chronicle*. 2012. Vol. 172. P. 1–26.
99. Wrightson G. Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and his Successors. London; NY: Routledge, 2019. 248 p.
100. Xenophon On the cavalry commander // *Scripta minora* / ed. E. C. Marchant, G. W. Bowersock. Cambridge: Harvard University Press, 1925. P. 233–294.
101. Xenophons Griechische Geschichte. Hf. 1 / erklärt von B. Büchsenschütz. Leipzig: Teubner, 1880. 226 s.

References

1. Anisimov, KA 2021, ‘Sistema upravleniya v Odrisskom tsarstve’ (The System of Government in the Odrysian Kingdom), *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istorya. Yazykoznaniye* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 3 (7), pp. 6–18. (In Russ.)
2. Danov, Chr 1982, *Traki* (Thracians), Durzhavno izdatelstvo “Narodna prosveta” publ, Sofia. (In Bulgarian)
3. Delev, P 1997, ‘Filip II i zalezt na “Golyamoto” Odrisko tsarstvo v Trakiya’ (Philip and the decline of the “Big” Odrysian Kingdom in Thrace), *Shumenski universitet “Episkop Konstantin Preslavski”. Trudove na katedrite po istoriya i bogoslovie* (Shumen University “Bishop Konstantin Preslavski”. Works of the Departments of history and theology), no. 1, pp. 7–40. (In Bulgarian)
4. Zhekov, Zh 2015, ‘Peltastite – voinite na Antichna Trakiya (taktika i strategiya)’ (Peltasts – the warriors of Ancient Thrace (tactics and strategy)), *Istoricheski pregled* (Historical overview), no. 72 (3–4), pp. 232–247. (In Bulgarian)
5. Zlatkovskaya, TD 1971, *Vozniknoveniye gosudarstva u frakiytsev. VII – V vv do n.e.* (The emergence of the state among the Thracians, The 7th – 5th centuries BC), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
6. Yordanov, K 2000, *Politicheskite otnosheniia mezhdu Makedoniia i trakiiskite drzhavi (359–281 pr. Chr.)* (Political relations between Macedonia and Thracian states, 359–281 BC), Ral-Kolobr publ, Sofia. (In Bulgarian)
7. Marinovich, LP 1993, *Greki i Aleksandr Makedonskiy (K probleme krizisa polisa)* (The Greeks and Alexander the Great (On the problem of the crisis of the polis)), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
8. Melyukova, AI 1979, *Skifiya i frakiyskiy mir* (Scythia and the Thracian World), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
9. Nefedkin, AK 2019, *Konnitsa epokhi ehllinizma* (Hellenistic cavalry), Izdatelstvo RGPU im. A.I. Gertseni publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Nikolov, N 2025, *Odriskata dinastiya v perioda na makedonskata xegemoniya v Trakiya i borbata na elinisticheskite vladeteli za trakiyskoto nasledstvo (sr. na IV – sr. na II v. pr. n.e.)* (The Odrysian Dynasty in the Period of Macedonian Hegemony in Thrace and the Struggle of the Hellenistic Rulers for the Thracian Heritage (mid-4th – mid-2nd cent. BCE)), Izdatelstvo “ITI” publ, Veliko Tarnovo. (In Bulgarian)
11. Panovski, S 2022, ‘Pajoncite vo pishanite izvori od vladeeñeto na Filip II do smrtta na Dropion’ (The Paeonians in written sources from the reign of Philip II to the death of Dropion), *Pajonija i Pajoncite. Izvori, istorija, archeologija*, (Paeonia and the Paeonians. Sources, history, archaeology), ed. A. Jakimovski, V. Sarakinski, Filozofski fakultet publ, Skopje, pp. 39–74. (In Macedonian)
12. Popov, D 2009, *Drevna Trakiya. Istorya i kultura* (Ancient Thrace. History and Culture), LIK publ, Sofia. (In Bulgarian)

13. Sekunda, N 2004, *Armiya Aleksandra Velikogo* (The Army of Alexander the Great), trans. by Ya. Zverev, AST publ, Moscow. (In Russ.)
14. Surikov, IYe 2015, *Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epokhi. Na poroge novogo mira* (Ancient Greece: Politics in the Context of the Age. On the doorstep of a new world), Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke publ, Moscow. (In Russ.)
15. Tacheva, M 2000, *Sevt III, Sevtiopolis i Kabile (341–252 g. pr. Chr) spored epigrafskite i numizmatichnite danni* (Seuthes III, Seuthopolis and Kabile (341–252 BC) according to epigraphic and numismatic data), Agato publ, Sofia. (In Bulgarian)
16. Worthington, I 2014, *Filipp Makedonskiy* (Philip II of Macedonia), trans. by S. V. Ivanov, Klio publ, St. Petersburg, Moscow. (In Russ.)
17. Fol, A. 1969, *Trakijsko voenno izkustvo* (Thracian military art), Drzhavno voenno izdatelstvo publ, Sofia. (In Bulgarian)
18. Anderson, JK 1970, *Military Theory and Practice in the Age of Xenophon*, University of California Press publ, Berkeley, Los Angeles.
19. Anson, EM 2020, *Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues*, Bloomsbury publ, London, New York.
20. Anson, EM 2010, ‘The Asthetairoi: Macedonia’s Hoplites’, *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*, ed. E. Carney, D. Ogden, Oxford University Press publ, Oxford, pp. 81–90.
21. Archibald, ZH 1998, *The Odrysian Kingdom of Thrace: Orpheus Unmasked*, Clarendon Press publ, Oxford.
22. Chambers, M (ed.) 1986, *Aristoteles, Athenaion Politea*, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
23. Ashley, JR 1998, *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*, McFarland publ, Jefferson.
24. Badian, E 1983, ‘Philip II and Thrace’, *Pulpudeva: Semaines philippopolitaines de l’histoire et de la Culture Thrace 4*, The Growood Press publ, Plovdiv, pp. 51–71.
25. Baynham, EJ 2010, ‘Arrian’s Sources and Reliability’, *The Landmark Arrian: the campaigns of Alexander: a new translation*, ed. J. Romm, Pantheon Books publ, New York, pp. 325–332.
26. Berve, H 1926, *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*, bd. I, Beck publ, München. (In Germ.)
27. Berve, H 1926, *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*, bd. II, Beck publ, München. (In Germ.)
28. Best, JGP 1969, *Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare*, Woltres-Noordhoff publ, Groningen.
29. Bosworth, AB 1980, *A Historical Commentary on Arrian’s History of Alexander*, vol. 1, Clarendon Press publ, Oxford.
30. Bosworth, AB 1988, *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*, Cambridge University Press publ, Cambridge.
31. Bosworth, AB 1988, *From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation*, Clarendon Press publ, Oxford.
32. Brunt, PA 1963, ‘Alexander’s Macedonian Cavalry’, *Journal of Hellenic Studies*, vol. 83, pp. 27–46.
33. Buckler, J 2003, *Aegean Greece in the Fourth Century BC*, Brill publ, Leiden, Boston.
34. Bugh, GR 2020, ‘Greek Cavalry in the Hellenistic World: Review and Reappraisal’, *New Approaches to Greek and Roman Warfare*, ed. L. L. Brice, Wiley-Blackwell publ, Hoboken, pp. 65–80.
35. Bugh, GR 1988, *The Horsemen of Athens*, Princeton University Press publ, Princeton.
36. Burliga, B 2013, *Arrian’s Anabasis. An Intellectual and Cultural Story*, University of Gdańsk publ, Gdańsk.
37. Delev, P 2015, ‘Thrace from the Assassination of Kotys I to Koroupedion (360–281 BCE)’, *A Companion to Ancient Thrace*, ed. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger, Wiley-Blackwell publ, Malden, Oxford, pp. 48–58.
38. Whinston, R (ed.) 1859, *Demosthenes. Vol. 1*, Whittaker & Co publ, London.

39. Devine, AM 1986, ‘Demystifying the Battle of the Granicus’, *Phoenix*, vol. 40, no 3, pp. 265–278.
40. Devine, AM 1975, ‘Grand Tactics at Gaugamela’, *Phoenix*, vol. 29, no 4, pp. 374–385.
41. Devine, AM 1986, ‘The Battle of Gaugamela: A Tactical and Source-Critical Study’, *Ancient World*, vol. 13, no 3-4, pp. 87–116.
42. Diodorus Siculus 1989, *Library of history*, vol. 8, Harvard University Press publ, Cambridge, London. (In Ancient Greek)
43. Ellis, JR 1976, *Philip II and Macedonian Imperialism*, Princeton University Press publ, Princeton.
44. Engels, DW 1980, ‘Alexander’s Intelligence System’, *Classical Quarterly*, vol. 30, no 2, pp. 327–340.
45. English, S 2009, *The Army of Alexander the Great*, Pen and Sword publ, Barnsley.
46. Feil, F 2024, “Not a Few Hoplites”: The Evolution of Illyrian Infantry, 5th to 3rd Century BC’, *Ancient Warfare, Vol. II: Introducing Current Research*, ed. G. Wrightson, J. Kreiner, Cambridge Scholars Publishing publ, Newcastle upon Tyne, pp. 40–65.
47. Ferrill, A 1997, *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*, Westview Press publ, Boulder.
48. Roos, AG (ed.) 1907, *Flavii Arriani Anabasis Alexandri*, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
49. Foucart, PF 1906, *Étude sur Didymos d’après un papyrus de Berlin*, Imprimerie nationale publ, Paris. (In French)
50. Gabriel, RA 2010, *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*, Potomac Books publ, Washington.
51. Gaebel, RE 2002, *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*, University of Oklahoma Press publ, Norman.
52. Gehrke, H-J 1996, *Alexander der Große*, Beck publ, München. (In Germ.)
53. Griffith, GT 1947, ‘Alexander’s Generalship at Gaugamela’, *Journal of Hellenic Studies*, vol. 67, pp. 77–89.
54. Griffith, GT 1979, ‘The Reign of Philip the Second’ in Hammond N.G.L. *Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC*, Clarendon Press Oxford publ, pp. 201–646.
55. Hammond, NGL 1980, *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*, Noyes Press publ, Park Ridge.
56. Hammond, NGL 1998, ‘Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 B.C.’, *Historia*, vol. 47, no 4, pp. 404–425.
57. Hammond, NGL 1994, *Philip of Macedon*, The Johns Hopkins University Press publ, Baltimore.
58. Hammond, NGL 1980, ‘The Battle of the Granicus River’, *Journal of Hellenic Studies*, vol. 100, pp. 73–88.
59. Hatzopoulos, MB 2001, *L’organisation de l’armée macédonienne sous les Antigonides*, De Boccard publ, Athens. (In French)
60. Head, D 1982, *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*, Wargames Research Group publ, Goring-by-Sea.
61. Heckel, W 2017, ‘Geography and Politics in Argead Macedonia’, *The History of the Argeads: New Perspectives*, ed. S. Müller, T. Howe, H. Bowden, R. Rollinger, Harrassowitz Verlag publ, Wiesbaden, pp. 67–78.
62. Heckel, W 1992, *The Marshals of Alexander’s Empire*, Routledge publ, London, New York.
63. Hude, C (ed.) 1908, *Herodotus Historiae. Vol. 1*, Clarendon publ, Oxford. (in Ancient Greek)
64. Hude, C (ed.) 1908, *Herodotus Historiae. Vol. 2*, Clarendon publ, Oxford. (in Ancient Greek)
65. Hunt, P 2007, ‘Archaic and Classical Greece: Military Forces’, *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I*, ed. P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge University Press publ, Cambridge, pp. 108–146.
66. Hunt, P 2010, *War, Peace, and Alliance in Demosthenes’ Athens*. Cambridge University Press publ, Cambridge.
67. Jouguet, P 1928, *Macedonian Imperialism and the Hellenization of the East*, Kegan Paul, Trench, Trubner & Co publ, London.
68. King, CJ 2017, *Ancient Macedonia*, Routledge publ, London, New York.

69. Liotsakis, V 2019, *Alexander the Great in Arrian's Anabasis: A Literary Portrait*, de Gruyter publ, Berlin, Boston.
70. Markle, MM 1978, 'Use of the Macedonian Sarissa by Philip and Alexander', *American Journal of Archaeology*, vol. 82, no 4, pp. 483–497.
71. Marsden, EW 1964, *The Campaign of Gaugamela*, Liverpool University Press publ, Liverpool.
72. Mattew, CA 2015, *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-Phalanx at War*, Pen and Sword publ, Barnsley.
73. Merker, IL 1965, 'The Ancient Kingdom of Paionia', *Balkan Studies*, vol. 6, pp. 35–54.
74. Millett, P 2013, 'Winning Ways in Warfare', *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*, ed. B. Campbell, L.A. Trittle, Oxford University Press publ, Oxford, pp. 46–74.
75. Milns, RD 1966, 'Alexander's Macedonian Cavalry and Diodorus xvii. 17.4', *Journal of Hellenic Studies*, vol. 86, pp. 167–168.
76. Milns, RD 1978, 'Arrian's Accuracy in Troop Details: A Note', *Historia*, vol. 27, no 2, pp. 374–378.
77. Nankov, E 2024, 'Thracian Warriors and Mercenaries', *Ancient Thrace and the classical world: treasures from Bulgaria, Romania, and Greece*, ed. J. Spier, T. Potts, S.E. Cole, M. Damyanov, J. Paul Getty Museum publ, Los Angeles, pp. 99–105.
78. Sintensis, C (ed.) 1889, *Plutarchi Vitae parallelae*, vol. 3, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
79. Buttner-Wobst, T (ed.) 1893, *Polybii historiae. Vol. 3*, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
80. Pritchett, WK 1971, *The Greek State at War. Part I*, University of California Press publ, Berkeley, Los Angeles.
81. *Q. Curtii Ruf ihistoriarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt* 1889, ed. Th. Vogel, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
82. Ray, FE 2012, *Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC*, McFarland publ, Jefferson.
83. Ryder, TTB 2000, 'Demosthenes and Philip II', *Demosthenes: statesman and orator*, ed. I. Worthington, Routledge publ, London, New York, pp. 45–89.
84. Santosuosso, A 1997, *Soldiers, Citizens and the Symbols of Wars: From Classical Greece to Rome, 500–167 BC*, Westview Press publ, Boulder, Oxford.
85. Sears, MA 2013, *Athens, Thrace, and the Shaping of Athenian Leadership*, Cambridge University Press publ, Cambridge.
86. Sears, MA 2019, *Understanding Greek Warfare*, Routledge publ, London, New York.
87. Sekunda, NV 2013, 'The "Victory" coinage of Patraos of Paionia', *Armées grecques et romaines dans le nord des Balkans: Conflits et intégration des communautés guerrières*, ed. A. Rufin Solas, Akanthina publ, Gdánsk, pp. 53–67.
88. Sidnell, P 2006, *Warhorse: Cavalry in Ancient Warfare*, Hambledon Continuum publ, London, New York.
89. Spence, IG 1993, *The Cavalry of Classical Greece: A Social and Military History with Particular Reference to Athens*, Clarendon Press publ, Oxford.
90. Tarn, WW 1948, *Alexander the Great*, vol. 2, Cambridge University Press publ, Cambridge.
91. Thompson, M 2007, *Granicus 334 BC. Alexander's First Persian Victory*, Osprey publ, Oxford.
92. Hude, C (ed.) 1901, *Thucydidis Historiae*, Vol. 1, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
93. Hude, C (ed.) 1903, *Thucydidis Historiae*, Vol. 2, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
94. Webber, C 2001, *The Thracians 700 BC – AD 46*, Osprey publ, Oxford.
95. Willekes, C 2024, 'Army and Warfare', *The Cambridge Companion to Alexander the Great*, ed. D. Ogden, Cambridge University Press publ, Cambridge, pp. 243–255.
96. Willekes, C 2025, 'Macedonian and Thessalian Cavalry', *Brill's Companion to the Campaigns of Philip II and Alexander the Great*, ed. E.M. Anson, Brill publ, Leiden, Boston, pp. 164–186.
97. Worley, LJ 2021, *Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare)*, Routledge publ, London, New York.

98. Wright, NL 2012, ‘The Horseman and the Warrior: Paionia and Macedonia in the Fourth Century BC’, *Numismatic Chronicle*, vol. 172, pp. 1–26.
99. Wrightson, G 2019, *Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and his Successors*, Routledge publ, London, New York.
100. Xenophon 1925, ‘On the cavalry commander’, *Scripta minora*, ed. E. C. Marchant, G. W. Bowersock, Harvard University Press publ, Cambridge, pp. 233–294. (In Ancient Greek)
101. Büchsenschütz, B (ed.) 1880, *Xenophons Griechische Geschichte. Vol. 1*. Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)

Статья поступила в редакцию: 08.11.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 08.11.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 25–34.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 25–34.

Научная статья
УДК 94(410)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-25-34>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНЩИН КАК МАРГИНАЛИЗИРУЕМОГО СООБЩЕСТВА В АНГЛИИ В XVII В.

Егор Дмитриевич
Марченко

Тверской государственный университет
Тверь, Россия, marchenko.eg.dm@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0000-7967-3109>

Аннотация. Целью статьи является разработка актуального методологического подхода к анализу статуса женщин в качестве маргинализируемого сообщества в контексте английского общества XVII в. Для достижения заявленной цели необходимо обратиться к задачам исследования. Во-первых, требуется определить дефиницию понятия «маргинализируемое сообщество», оценить его различие с укоренившимся термином «маргинальное сообщество». Во-вторых, следует обосновать статус английских женщин XVII в. в качестве маргинализируемого сообщества. В-третьих, необходимо разработать и применить обновлённый подход к анализу маргинализируемого сообщества в рамках конкретно-исторического исследования. При решении поставленных задач был сделан вывод об укоренённости практик культурного, политического, экономического и социального давления на женщин при помощи реализации символической власти. Несмотря на отсутствие актов прямого воздействия на маргинализируемые сообщества, указанные практики легитимизировали заявленное подавление, придавая последнему статус одобряемой нормы. Маргинализация в качестве социокультурного механизма реализации власти обнаруживается во всём многообразии письменных и изобразительных источников эпохи, включая наиболее распространённые среди интеллектуальных элит – в брошюрах, делопроизводственных документах, личной переписке и пр. Определение указанной практики в качестве предмета исторического исследования, а также формирование методологического подхода по её изучению, позволит обновить взгляд на социокультурный контекст в контексте иных исторических эпох. Помимо этого, представление о маргинализации как о способе политической, социальной и экономической борьбы обладателями символического капитала позволит расширить представление о коммуникации между различными сообществами в плоскости этнической, конфессиональной, статусной и пр. идентификации.

Ключевые слова: раннее новое время, маргинализируемые сообщества, английская революция XVII в., гендерные исследования, символическая власть.

Благодарности: Работа выполнена под научным руководством доктора исторических наук, профессора, заведующей кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета А. В. Беловой.

Для цитирования: Марченко Е. Д. Методологические основания изучения женщин как маргинализируемого сообщества в Англии в XVII в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 25–34. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-25-34>

Сведения об авторе: Е. Д. Марченко – аспирант кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет, 170100, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Scientific Article

UDC 94(410)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-25-34>

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF WOMEN AS A MARGINALIZED COMMUNITY IN 17TH-CENTURY ENGLAND

Egor D. Marchenko

Tver State University

Tver, Russia, marchenko.eg.dm@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0000-7967-3109>

Abstract. This article aims to develop a relevant methodological approach for analyzing the status of women as a marginalized community within the context of 17th-century English society. To achieve this stated goal, it is necessary to address the following research objectives: to define the concept of a 'marginalized community' and assess its distinction from the established term 'marginal community'; to substantiate the status of 17th-century English women as a marginalized community; to develop and apply an updated approach to the analysis of a marginalized community within the framework of a specific historical study. In addressing these tasks, the study concludes that practices of cultural, political, economic, and social pressure on women were deeply entrenched, implemented through the exercise of symbolic power. Despite the absence of acts of direct coercion against marginalized communities, these practices legitimized the aforementioned suppression, granting it the status of an approved norm. Marginalization, as a sociocultural mechanism for exercising power, is evident across the full diversity of written and visual sources from the period, including those most prevalent among intellectual elites—such as pamphlets, official documents, personal correspondence, etc. The definition of this practice as a subject of historical research, as well as the formation of a methodological approach to its study, will allow updating the view of the socio-cultural context in the context of other historical eras. In addition, the idea of marginalization as a way of political, social and economic struggle by the owners of symbolic capital will expand the idea of communication between different communities in terms of ethnic, confessional, status, etc. identification.

Keywords: Early Modern Period, marginalized communities, English Revolution of the 17th century, gender studies, symbolic power.

Acknowledgments: The work was carried out under the scientific supervision of A. V. Belova, Doctor of Sciences in Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Tver State University.

For citation: Marchenko, ED 2025, 'Methodological Foundations for the Study of Women as a Marginalized Community in 17th-Century England', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 25–34, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-25-34> (in Russ.)

Information about the Author: Egor D. Marchenko – Postgraduate Student of the Department of World History, Tver State University, 33 Zhelyabova Str., Tver, 170100, Russia.

Введение

Маргинализируемое сообщество является категорией исторического исследования, требующей пересмотра в контексте возникновения новых методологических подходов. Существующие определения настоящего термина представлены, в основном, в контексте марксистского анализа, не отвечающего запросам современности. Так, в предметную область гуманитарных исследований, как правило, попадают маргинальные группы. К ним могут относить: а) лиц, находящихся в «кризисном состоянии неуверенности, неопределенности или самоопределения себя в мире» [6, с. 100]; б) социальные группы, находящиеся в пограничном положении по отношению к какой-либо социальной общности, находящиеся в положении меньшинства, находящегося на границе или вне социальной структуры, исповедующие ценности, отличающиеся от общепринятой нормы [3]; в) все, кто воспринимается обществом как нежелательные и дезорганизующие – бродяги, безработные, бездомные, <...>, лица с нереализованными статусными ожиданиями или находящиеся в ситуации «статусного промежутка» и др. социальные аутсайдеры [1, с. 137].

Исходя из приведённых определений, мы можем сделать вывод, что под маргинальными сообществами, как правило, понимаются группы, исключённые из социального порядка, находящиеся вне его или на его границе. Однако на примере изучения английского общества XVII в. следует отметить наличие внутренней иерархии среди всех представленных в нём сообществ. Сама социокультурная среда британских островов предусматривает подавление (в экономической, политической, культурной и пр. сферах) крупных прослоек населения, при этом не ставя под сомнение необходимость их существования в рамках социального порядка. Указанные «угнетённые» группы следует характеризовать в качестве маргинализируемых сообществ. Несмотря на то что попытки интерпретации указанного термина уже присутствуют в новейших социологических и экономических исследованиях [9], целью настоящей работы является характеристика его исторической специфики. Так, под маргинализируемым сообществом в контексте настоящего исследования следует принимать часть общества, подвергающуюся множественной дискриминации на основании личностных характеристик или признаков, таких как пол, гендер, возраст, этническая и расовая принадлежность, религия или убеждения, состояние здоровья, инвалидность, сексуальная ориентация, гендерная идентичность, образование или доход или проживание в различных географических районах.

В любой национальной общности одним из наиболее крупных маргинализируемых сообществ являются женщины. Важно обратить внимание на то, что выделение группы лишь по половой принадлежности определяет чрезвычайную сложность исторического анализа. Так, с одной стороны, невозможно говорить о маргинализируемом сообществе женщин в качестве внутренне непротиворечивой группы – очевидна разница её представительниц в статусной, имущественной, территориальной принадлежности, что, в свою очередь, определяет множественность мировоззрения, самовосприятия и требований внутри предложенной категории. С другой стороны, как мы увидим ниже, всех представительниц указанной группы объединяют практики маргинализации, реализуемые в английском обществе XVII в.

Исторический контекст

Статус маргинализируемого сообщества всегда сопровождается попыткой контроля «инаковости» со стороны мужчин. Несмотря на то что мы не можем говорить о существовании единого регламента поведения женщин в официальных государственных документах, невозможно отрицать его присутствие в памятниках национальной культуры. Так, «нормы» женского поведения могут иллюстрировать «идеалы» занятий и образа жизни. Их разительное отличие от представлений о мужественности прекрасно проиллюстрировано на гравюре «Домохозяйка и охотник»

[4, с. 234]. Так, на заднем плане изображения мы можем обратить внимание на идеалы мужского быта – конная охота с участием прислуги, занятие, представленное в качестве благородной цели обеспечения семейства едой, обличённое в форму досуга знатных семейств. В противовес ему передний план представляет образ стереотипных женских занятий – прядения, ограниченного статичным придомовым пространством.

Как отмечает Ф. Борен, «отказывать женщинам в праве на слово означает считать их низшими существами и, следовательно, присваивать право руководить их внешним видом и воспитывать их» [4, с. 239–240]. Так, система контроля над поведением не ограничивалась подбором стереотипных гендерных занятий. На это указывает памфлетная публицистика эпохи – работа «Мужчина-Женщина» (1620) [11]. Указанное сочинение представляет собой диалог между женщиной и «мужчиной-женщиной», в котором раскрываются пороки попыток отхождения от существующего гендерного регламента. Сюжет ярко иллюстрирует гравюра, представленная на титульном листе текста. На нём изображены две участницы диалога и их противоречие раскрывается наглядно через представление мужского и женского наряда. О широте резонанса, вызванного женским «переодеванием» может также говорить реакция Якова I в 1620 г., призывающего священство к: «яростному осуждению в своих проповедях дерзости наших [английских] женщин [за] ношение ими широкополых шляп, остроконечных дублетов, коротких стрижек и бритъё волос, а также использование некоторыми из них стилетов и кинжалов» [16]. Так, попытка выхода за пределы «допустимого» внешнего вида могла бы означать попытку преодоления гендерных различий, в чём не были заинтересованы как отцы семейств, так и королевская власть.

Интересно, к примеру, пересечение статуса маргинализируемых сообществ в категориях «женщин» и «бедняков». Так, Д. Виллен [18] обращается к материалам переписей городского населения в городах Уорик (от 1587 г.) и Солсбери (от 1640 г.), где соотношение женского и мужского населения в числе малоимущих слоёв составляло две трети. Указанный факт следует связывать, с одной стороны, с участием матерей в производстве на менее оплачиваемых профессиях, таких, как прядение, и, с другой стороны, экономической зависимости семейства от доходов отца. Как следствие, становится очевидным, что утрата мужчины вследствие смерти или миграции приводила к обнищанию всего семейства.

На фоне укоренённости практики маргинализации следует отметить резкий рост политической активности женщин в период английской революции XVII в. Несмотря на фактическое отсутствие внутреннего единства в среде приведённого маргинализируемого сообщества в своём общественном статусе, мы можем говорить о резком росте числа публичных заявлений, выражающихся, по большей части, в формате брошюр и петиций Парламенту. Согласно замечаниям Ж. Броад, указанные заявления носили разный характер: «Несмотря на то что они [женщины] часто представляли петиции по личным мотивам – для защиты своих поместий или преследуемых мужей, – некоторые также были мотивированы к выражению своих политических претензий в качестве социальной группы» [10, с. 77–78]. Действительно, существенная часть источникового материала подтверждает указанный тезис. Об этом говорит, к примеру, петиция Мэри Робинсон в Парламентский комитет по конфискации земель с просьбой смягчения требования о передаче её поместья к государству по причине содержания сына в рамках военной кампании [13]. Аналогичные документы также были посвящены имущественным аспектам содержания жён (вдов) и детей осуждённых преступников. Указанная ситуация прослеживается на базе анонимной петиции с просьбой о сохранении за семейством пятой части закладываемого на продажу имущества преступников [17]. Предложенный к анализу ма-

териал имел прямое отношение к Ортодансу о конфискации имущества известных правонарушителей (1643) [12], в котором приводится перечень лиц, подлежащих конфискации движимого и недвижимого имущества по причине отказа от выплаты сборов, содействии / финансированию / участии в действиях против Парламента, реализации разбойных нападений на сторонников Парламента и пр. Указанная петиция является прошением ряда неназванных жён и детей мужчин, преступивших позиции Ортоданса, с просьбой о защите своих имущественных прав. Интересно, что указанный документ не противоречит предложенному закону, и используемые формулировки не оспаривают статус осуждённых, уступая полемике просьбу об удержании пятой части конфискуемого имущества.

Несмотря на указанную политическую активность, общественная реакция продолжала воспринимать образ женщин в контексте сохраняющейся бинарной иерархической структуры, контролируемой «легитимным сообществом» мужчин. Это в том числе подтверждается на базе визуальных источников политического характера. Так, к примеру, следует обратить внимание на два титульных листа брошюра середины XVII в. На первом изображении [15] представлена, вероятно, супружеская пара. Образ женщины предлагается читателю в качестве выразителя общественного запроса по отношению к юмористически изображённому мужчине – одетому в парадную одежду и любующемуся на своё отражение в зеркале. В диалоговом окне «жена» оглашает: «Отправляйся на войну». Интересно использование указанного изображения в условиях существования большого количества петиций, обращённых со стороны женщин высокого социального статуса к парламенту, что выражает, в том числе, наделением «вины» за участие в военных действиях со стороны мужского населения на их пару. Кроме того, очевидно наличие негативного восприятия женского населения со стороны мужчин, поскольку именно их образу предлагается предусматриваемое «вынуждение» к участию в нежелательном для потенциальных воинов действию. Не меньший интерес представляет титульное изображение памфлета «Женский Парламент» (1646) [14]. Как было указано выше, существенная часть материалов, передаваемых в Парламент со стороны женщин, могла иметь не только практические цели по защите имущественных интересов, но и предложения, предусматривающие глубокие религиозные и социально-политические рассуждения на тему изменения общества. Изображение, в свою очередь, предусматривает саркастический взгляд на указанную проблему. Об этом, в том числе, говорит авторский комментарий к расширенному названию источника: «Жить в большем комфорте, напыщенности, гордости и распутстве: но особенно с тем, чтобы они [женщины] имели господство над своими мужьями». Само описание нивелирует все попытки образованных горожанок и представительниц знатных семейств в участии в политических обсуждениях и сводит их взгляды к стереотипным представлениям, контролируемым мужским населением страны.

Методологическое обоснование

Подход к проблеме анализа маргинализируемых сообществ в контексте английского общества XVII в. нуждается в формировании обновления инструментария исторического анализа. Так, он может быть рассмотрен интуитивно в рамках марксистской методологии, поскольку предусматривает существование двух условно противостоящих друг другу групп – основной части населения, обладающей доступом ко всем общественным благам, и одной исключённой из него части. Это напрямую следует из известной формулировки К. Маркса и Ф. Энгельса: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [5, с. 424]. Интерпретация указанного фрагмента в контексте анализируемой проблемы может быть реализована двумя способами: либо грубым наложением формулировки на две якобы противостоящих друг другу общественные единицы – «общество» и «маргинализируемое

сообщество», либо рассмотрением указанного противостояния в контексте общей борьбы «угнетающих» и «угнетённых» в анализируемой исторической формации.

Оба предложенных способа марксистского взгляда на проблему утрачивают свою жизнеспособность в случае их применения на базе указанного исследования. Во-первых, следует утверждать об отсутствии «фрона противостояния», то есть идеологического и социального объединения среди маргинализируемых сообществ по какому-либо принципу. Во-вторых, состав маргинализируемых сообществ не может быть охарактеризован в качестве единой категории «угнетённых», поскольку каждый из его участников может существовать одновременно на разных уровнях социальной стратификации.

Приведённый марксистский способ интерпретации противоборства сообществ с главенствующими условиями социальной стратификации, однако, позволяет нам перенять принцип оппозиций, лежащих в основе выделения любого маргинализируемого сообщества. Он состоит из трёх звеньев. К ним относится легитимное сообщество – доминирующий принцип связи – маргинализируемое сообщество. На основании его следует отметить, что в рамках указанного исследования мы можем выделить следующие группы: а) мужчины – гендерная принадлежность – женщины.

Важно отметить, что было бы неверным представление о том, что указанные бинарные оппозиции предполагают взаимодействие двух звеньев на базе общественной связи на «равных» условиях. Сама формулировка «маргинализируемого сообщества» предусматривает некоторую ограниченную дееспособность на основании дискриминируемого статуса. Интересно, что аналогичную ситуацию мы можем проследить в прочих вариантах рассмотрения бинарных оппозиций в гуманитарных и социальных науках. Так, этот вопрос актуализирует Дж. Сёрль в своих рассуждениях о деконструкции: «Первое, и самое главное, деконструктивисты чутки к любым традиционным бинарным оппозициям в западной интеллектуальной истории, в частности к таким, как: устное / письменное, мужское / женское, правдивое / вымышленное, буквальное / метафорическое, означаемое / означающее, реальное / представленное. Деконструктивисты утверждают, что в подобных оппозициях первые, или левые, термины наделены более превосходящим статусом, чем правые, что рассматривается как «совокупность, отрицание, манифестация или разрушение первого». Данная иерархическая оппозиция якобы пролегает через самое сердце логоподлинности с его одержимостью рациональностью, логикой и поиском истины» [7]. Сложно утверждать о безусловной верности указанного утверждения в поле логики и философии, однако следует отметить, что использование указанной формулировки в контексте настоящего исследования играет важную роль в понимании сути противоречий между заявленными «бинарными оппозициями». Важно отметить, что маргинализируемое сообщество, выделяемое из основной части населения, всегда включает в себя «изнанку» восприятия населением самого себя. «Левая», или доминирующая, группа имплицитно включает в себе все нормируемые представления о той или иной социальной группе. «Правая», в свою очередь, описывается и воспринимается в контексте «других», то есть отчуждённых от главенствующей группы, в своей жизнедеятельности отличных от конвенциональных представлений об этосе, традиции, поведении.

Следует обратить внимание, что определение маргинализируемого сообщества согласно маркеру «нормируемого поведения» не является строго научным. Приведённое утверждение нельзя принять на веру в связи с тем, что невозможно оценить границы конвенциональных представлений об этосе, традициях и поведении. Однако мы можем утверждать о наличии институтов, общественных групп или конкретных мыслителей, надзирающих за соблюдением «нормированного», присутствие которых подтверждается историческими источниками. Указанное присутствие

конвенциональных представлений в аутентичных текстах подводит нас к необходимости привлечения концепций «власти» М. Фуко и «символической власти» П. Бурдье. Предложенные в контексте анализа бинарных оппозиций «доминирующие принципы связи» имплицитно включают в себя некое представление о «норме» – левом звене, и отхождении от неё – правом звене. Утверждение и поддержание указанной нормы не является привилегией какого-либо конкретного института, несмотря на несомненную поддержку со стороны государства и церкви. Её реализация лежит в самой структуре бинарной оппозиции, предусматривающей иерархический характер связи. Так, любое легитимное сообщество реализует контроль за соблюдением «нормы». Это же подтверждается на базе рассуждений М. Фуко: «Власть повсюду; не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» [8, с. 193]. Согласно указанному утверждению, контроль за поддержанием существующего общественного уклада или подтверждения за маргинализируемым сообществом дискриминационного статуса, реализуется силами легитимного сообщества и устанавливается в прочих иерархических системах.

Важно отметить, что легитимное сообщество зачастую может восприниматься как данность для представителей конкретной исторической эпохи или исследователя, ориентирующегося на «свойственное» определённым формам организации социального пространства положение общественных групп. Однако мы не можем не указать на то, что предложенная категория населения может утверждать, поддерживать и продолжать существование своего статуса самостоятельно. Конечно, в случае устойчивой социальной стратификации указанный метод неотделим от санкции общественных институтов (так, для присвоения дворянского титула или пострижения в монашество необходима санкция со стороны государства (государя) и церкви соответственно. Однако в случае предложенной связи легитимного и маргинализируемого сообществ присвоение высокого статуса может быть реализовано группой самостоятельно – через то, что обозначается П. Бурдье в качестве категории «символического капитала», то есть экономического или культурного ресурса, признанного субъектами в соответствии с утверждаемыми ими категориями восприятия [2]. Подтверждение своего статуса может быть реализовано в том числе через исключение из своего числа неугодных членов, признаваемых дискриминируемыми. Таким образом, возникновение маргинализируемых сообществ является лишь следствием развития группового самосознания легитимного сообщества и носит рукотворный характер. Это объясняет внутреннюю разрозненность и частое отсутствие общих черт в самой среде дискриминируемых групп. Помимо предложенного объяснения, это связано с развитием элементов символической власти легитимного сообщества, что приводит к пропорциональному увеличению числа маргинализируемых сообществ, не попадающих под какие-либо элементы реализации символической власти.

Заключение

Таким образом, материалы настоящего исследования позволяют говорить об обновлении методологического подхода в контексте изучения маргинализируемых сообществ. Его можно свести к следующему порядку исследования. Предварительно необходимо выделить из исторической эпохи «легитимного» и «маргинализируемого» сообществ на основании какой-либо группы связей. Как следствие, следует определить ведущее звено искомой «оппозиции». Это предопределяет необходимость анализа нормируемых представлений об обществе, восприятие которых находится в конфликте между двумя типами сообществ. Как следствие, это подводит исследователя к определению «символического капитала» в среде «легитимного» сообщества. Указанный порядок действий предполагает выявление средств и способов реализации «символической власти» в контексте социального взаимодействия и материаль-

ной культуры через дискриминацию маргинализируемого сообщества. Так, при формировании принципа связи, выведенного на основании английского общества XVII в., мужчины – гендерная принадлежность – женщины, статус легитимного сообщества соотносится с первым, левым звеном. Ограничения, производимые по отношению к маргинализируемому сообществу, носят повсеместный характер и реализуются в социальном, имущественном, политическом статусе. Данная практика происходит из устойчивости патриархальных представлений английского общества в этнической, конфессиональной, политической традиции, что формирует символический капитал легитимного сообщества. Практики маргинализации, в свою очередь, получают постоянную поддержку в элементах массовой и интеллектуальной культуры, обосновывая необходимость продолжения ограничений в общественной среде.

Список источников и литературы

1. Бобер Ж. Культурная маргинальность и ее место в развитии культуры // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 4. С. 136–143.
2. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть : текст лекции // Гуманистический портал : интернет-издание. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/883> (дата обращения: 01.10.2024).
3. Гурин С. П. Введение // Маргинальная антропология. Саратов, 2000. Электрон. версия изд. URL: http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya_ (дата обращения: 07.07.2025). Доступ на сайте ANTHROPOLOGY.RU.
4. Борен Ф. Жить вместе // История женщин на Западе : в 5 т. Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / общ. ред. Ж. Диби, М. Перро; ред. Н. Земон Дэвис, А. Фарж. СПб.: Алетейя, 2008. С. 230–247.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
6. Сайнаков Н. А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 97–101.
7. Сёрл Дж. Слово вверх дном / пер. А. Кардаш, А. Чистов // Insolarance Cult : [интернет-проект]. 2019–2025. URL: <https://insolarance.com/the-word-turned-upside-down/> (дата обращения: 22.11.2024).
8. Фуко М. Диспозитив сексуальности // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 175–237.
9. Defining marginalization: An assessment tool for WFTO-Asia / N. Alakhunova, O. Diallo, I. del Campo, W. Tallarico // STUDOCU : educational platform. [S. l.], 2015. URL: <https://www.studocu.com/row/document/debre-markos-university/programming/world-fair-trade-organization/31329319> (date of request: 16.03.2025).
10. Broad J. Liberty and the Right of Resistance: Women's Political Writings of the English Civil War Era // Virtue, Liberty, and Toleration: Political Ideas of European Women, 1400–1800 / J. Broad, K. Green. Melbourne: Springer, 2007. P. 77–94.
11. Haec-Vir: or, The womanish-man: being an answer to a late booke intituled Hic-Mulier. Exprest in a briefe dialogue betweene Haec-Vir the womanish-man, and Hic-mulier the man-woman. London, 1620 // Early English Books Online: digital collection / University of Michigan Library. URL: <https://name.umdl.umich.edu/Boo117.0001.001> (date of request: 20.12.2025).
12. March 1643: An Ordinance for sequestring notorious Delinquents Estates // British History Online : [is a not-for-profit digital library]. URL: <https://www.british-history.ac.uk/no-series/acts-ordinances-interregnum/pp106-117> (date of request: 13.06.2025).
13. Petition from Mary Robinson to the Committee for Compounding [a Parliamentary Committee that dealt with confiscated lands], July 1646 (SP 23/184 f.916) // The National Archives. Women and the English Civil Wars. Source 1: wives and mothers. URL: <https://>

- www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-1/ (date of request: 13.12.2024).
14. The Parliament of Women (1646) // The National Archives. Women and the English Civil Wars. Source 7: Women in pictures. URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-7/> (date of request: 13.12.2024).
15. The Resolution of the Women of London to the Parliament (1642) // The National Archives. Women and the English Civil Wars. Source 7: Women in pictures. URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-7/> (date of request: 13.12.2024).
16. To Sir Dudley Carleton [London, January 25, 1620] // The Chamberlain letters: A selection of the letters of John Chamberlain concerning life in England from 1597 to 1626. Philadelphia: The American philosophical society, 1939. P. 285–287.
17. To the supreme authority of this Common-VWealth, the Parliament of England. The humble petition of several of the wives and children of such delinquents, whose estates are propounded to be sold, as the petitioners are informed. [London, 1650] // Early English Books Online : digital collection / University of Michigan Library. URL: <https://name.umdl.umich.edu/A94696.0001.001> (date of request: 21.07.2025).
18. Willen D. Women in the Public Sphere in Early Modern England: The Case of the Urban Working Poor // The Sixteenth Century Journal. 1988. Vol. 19, no. 4. P. 559–575.

References

1. Bober, Zh 2010, ‘Kulturnaya marginalnost i yevo mesto v razvitiu kulturi’ (Cultural marginality and its place in the development of culture), *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* (Pushkin Leningrad State University Journal), no. 4, pp. 136–143. (In Russ.)
2. Bourdieu, P 1989, ‘Sotsialnoye prostranstvo i simvolicheskaya vlast’ (Social Space and Symbolic Power), *Gumanitarniy portal* (Humanities Portal), viewed 1 October 2024, <https://gtmarket.ru/library/articles/883>. (In Russ.)
3. Gurin, SP 2000, ‘Marginalnaya Antropologiya’ (Marginal anthropology), *Antropologiya* (Anthropology), viewed 7 July 2025, <http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya>. (In Russ.)
4. Bouren, F 2008, ‘Zhit vmeste’ (Living Together), Paradoxes epochki Vozrozhdeniya i Prosvetshcheniya (Paradoxes of the Renaissance and Enlightenment), *Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t.* (History of Women in the West. In 5 vols.), vol. 3, ed. J Duby, M. Perrault, N. Zemon Davis, A. Farge, St. Petersburg, 2008, pp. 230–247. (In Russ.)
5. Marx K & Engels, F 1955, ‘Manifest kommunisticheskoy partii’ (The Communist Manifesto), Sochineniya (Works), vol. 4, Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literature publ, Moscow, pp. 419–459. (In Russ.)
6. Saynakov, NA 2013, ‘Marginalnost kak ponyatiye. Metodologicheskiye perspektivy v istoricheskem issledovanii’ (Definition of Marginality. Methodological perspectives in historical studies), *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* (Tomsk State University Journal), no. 375. pp. 97–101. (In Russ.)
7. Searle, J 2022, ‘Slovo Vverkh dnom’ (The Word Upside Down), trans. A. Kardash, A. Chistov, *Insolarance*, viewed 22 November 2024, <https://insolarance.com/the-word-turned-upside-down/>. (In Russ.)
8. Foucault, M 1996, ‘Dispozitiv seksualnosti’ (Dispositif of sexuality), *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* (The Will to Truth), trans. S. Tabachnikova, Kastal publ, Moscow, pp. 175–237. (In Russ.)
9. Alakhunova, N, Diallo, O, del Campo, I & Tallarico, W 2015, ‘Defining marginalization: An assessment tool. A product of the partnership between four development professionals at the Elliot School of International Affairs & The Word Fair Trade Organization-Asia’, *The George Washington University*, viewed 16 March 2025, <https://www.studocu.com/row/document/debre-markos-university/programming/world-fair-trade-organization/31329319>

10. Broad, J 2007, 'Liberty and the Right of Resistance: Women's Political Writings of the English Civil War Era', *Virtue, Liberty, and Toleration: Political Ideas of European Women, 1400–1800*, Melbourne, pp. 77–94.
11. 'Hæc-vir: or, The womanish-man: being an answere to a late booke intituled Hic-mulier. Express in a briefe dialogue betweene Hæc-vir the womanish-man, and Hic-mulier the man-woman', *Early English Literature*, viewed 27 July 2025, <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A01086.0001.001?view=toc>.
12. 'March 1643: An Ordinance for sequestring notorious Delinquents Estates', *British History Online*, viewed 13 June 2025, <https://www.british-history.ac.uk/no-series/acts-ordinances-interregnum/pp106-117>
13. 'Petition from Mary Robinson to a Parliamentary Committee that dealt with confiscated lands, July 1646', *The National Archives*, viewed 13 December 2024, <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-7/>
14. 'The Parliament of Women' 1646, *The National Archives*, viewed 13 December 2024, <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-7/>
15. 'The Resolution of the Women of London to the Parliament (1642)', *The National Archives*, viewed 13 December 2024, <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/women-english-civil-wars/women-english-civil-wars-source-7/>
16. 'To Sir Dudley Carleton (London, January 25, 1620)' 1939, *The Chamberlain letters: A selection of the letters of John Chamberlain concerning life in England from 1597 to 1626*, The American philosophical society publ, Philadelphia, pp. 285–287.
17. 'To the supreme authority of this Common-VVearth, the Parliament of England. The humble petition of several of the wives and children of such delinquents, whose estates are propounded to be sold, as the petitioners are informed' 1650, *Digital collection Early English Books Online*, viewed 21 July 2025, <https://name.umdl.umich.edu/A94696.0001.001>
18. Willen, D 1988, 'Women in the Public Sphere in Early Modern England: The Case of the Urban Working Poor', *The Sixteenth Century Journal*, vol. 19, no. 4, The University of Chicago Press publ, Chicago, pp. 559–575.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2025

Одобрена после рецензирования: 12.12.2025

Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 15.11.2025

Approved after reviewing: 12.12.2025

Accepted for publication: 12.12.2025

Научная статья
УДК 94(5)+323.111-055.2
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-35-47>

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ОСМАНСКОГО ОБЩЕСТВА СЕРЕДИНЫ XIX В. В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КНЯГИНИ КРИСТИНЫ ДИ БЕЛЬДЖОЙОЗО

Элина Михайловна
Титкова

Тверской государственный университет
Тверь, Россия, titkova-elina@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0005-7992-3004>

Аннотация. Статья сосредоточена на эмигрантском опыте итальянской княгини К. Т. ди Бельджойозо с точки зрения восприятия ею этнокультурных и религиозных особенностей населения Османской империи в середине XIX в. На основе анализа ее автобиографического нарратива, посвященного жизни в инокультурной среде Малой Азии, Сирии, Палестины, наблюдения К. Т. ди Бельджойозо об османском обществе интерпретированы в контексте отступления от дискурса европейского ориентализма. Представления княгини об этноконфессиональной дифференциации общества Османской империи раскрыты через акценты на категории этничности и вероисповедания, во взаимосвязи с чем определен перечень местных общин, идентифицированных и описанных К. Т. ди Бельджойозо, а также черты конкретных образов «других» как представителей этнических групп и религиозных конфессий. Особое внимание, наравне с характеристикой крупных сообществ, уделено специфике презентации ею этнических и этноконфессиональных меньшинств, проявлений синкретических религиозных представлений и культов. В нарративе К. Т. ди Бельджойозо также обнаружено применение иных принципов разделения – по приверженности к кочевому или оседлому образу жизни и по языковой принадлежности человека. Отдельно проанализирована динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в османском обществе, суть которой состояла в вариативности контактов: от мирных связей и смешанных браков до конфликтов и скрытой неприязни. В заключение сделан вывод о высокой степени подробности изложения К. Т. ди Бельджойозо этноконфессиональных различий населения Османской империи в середине XIX в., что дало ей возможность представить в своих текстах сложность и неоднородность этого общества. Подобный подход позволил автору передать близкую к реальности этнокультурную ситуацию в регионе и тем самым подтвердить отход от ориенталистского видения Ближнего Востока.

Ключевые слова: Ближний Восток, османское общество XIX в., Кристина Тривульцио ди Бельджойозо, ориентализм, этнокультурная идентичность, религиозные общины, этноконфессиональные меньшинства.

Благодарности: Работа выполнена под научным руководством доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета А. В. Беловой.

Для цитирования: Титкова Э. М. Этноконфессиональные различия османского общества середины XIX в. в представлении княгини Кристины ди Бельджойозо // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 35–47. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-35-47>

Сведения об авторе: Э. М. Титкова – аспирант кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет, 170100, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31.

Scientific Article

UDC 94(5)+323.111-055.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-35-47>

ETHNO-CONFESIONAL DIFFERENCES IN OTTOMAN SOCIETY IN THE MID-NINETEENTH CENTURY AS SEEN BY PRINCESS CRISTINA DI BELGIOJOSO

Tver State University

Elina M. Titkova

Tver, Russia, titkova-elina@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0005-7992-3004>

Abstract. The article focuses on the emigration experience of Italian princess Cristina Trivulzio di Belgiojoso from the perspective of her perception of the ethnocultural and religious characteristics of the Ottoman Empire's population in the mid-nineteenth century. Based on an analysis of the princess's autobiographical narrative devoted to life in the foreign cultural environment of Asia Minor, Syria, and Palestine, the author interprets her observations on Ottoman society in the context of a departure from the European Orientalism discourse. The article focuses on the categories of ethnicity and religion, through which C. T. di Belgiojoso's ideas about the ethno-confessional differentiation of society in the Ottoman Empire are revealed, and defines a list of local communities described by the Princess, as well as the features of specific images of 'Others' as representatives of ethnic groups and religious confessions. Along with the characteristics of large communities, the author also pays special attention to the specifics of ethnic and ethno-confessional minorities representation, and syncretic religious beliefs and cults manifestations. C. T. di Belgiojoso's narrative also reveals the use of other principles of division – according to adherence to a nomadic or sedentary lifestyle and to a person's linguistic affiliation. The dynamics of interethnic and interfaith relations in Ottoman society are analysed separately, with a note on the variability of contacts, ranging from peaceful relations and mixed marriages to conflicts and latent hostility. In conclusion, the author notes that C. T. di Belgiojoso provides a highly detailed account of the ethno-confessional differences among the population of the Ottoman Empire in the mid-nineteenth century, which allowed her to present the complexity and heterogeneity of this society. This approach allowed the author to convey a realistic ethnocultural situation in the region and thus confirm the departure from the Orientalist view of the Middle East.

Keywords: Middle East, Ottoman society of the 19th century, Cristina Trivulzio di Belgiojoso, Orientalism, ethnocultural identity, religious communities, ethno-confessional minorities.

Acknowledgments: The work was carried out under the scientific supervision of A. V. Belova, Doctor of Sciences in Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Tver State University.

For citation: Titkova, EM 2025, 'Ethno-Confessional Differences in Ottoman Society in the Mid-Nineteenth Century as Seen by Princess Cristina di Belgiojoso', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 35–47, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-35-47> (in Russ.)

Information about the Author: Elina M. Titkova – Postgraduate Student of the Department of World History, Tver State University, 16/31, Trekhsvyatskaya Str., Tver, 170100, Russia.

Введение

В качестве основы европейского знания о восточных странах в XIX в. выступал комплекс устойчивых идей, представлений и образов, которые в историографической традиции, вслед за Э. В. Саидом, были объединены понятием «ориентализм», что в политико-идеологическом смысле предполагало отношения власти по линии «Запад – Восток», когда первый доминировал и подчинял второй, а в области литературы и искусства раскрывалось в виде тенденций романтизации и мистификации «Востока» [2, с. 21, 25, 40]. Тем самым реальность оставалась вне ориенталистского дискурса, и в европейском общественном сознании происходила замена настоящего гетерогенного этнокультурного пространства Ближнего Востока на искусственно сконструированную, стереотипную версию воображаемого «Востока», которая воспроизводилась в разных текстах эпохи.

Однако в ходе переосмысливания концепции Э. В. Саида в историографии одним из важных направлений критики стало почти полное исключение ученым из данного дискурса женских текстов о Ближнем Востоке, в то время как именно в них был выявлен потенциал для преодоления ориентализма в пользу более достоверного знания [15, р. 584–585; 16, р. 21, 62–63]. Среди женщин-авторов, писавших об опыте посещения региона, в этом смысле стоит выделить личность итальянской княгини Кристины Тривульцио ди Бельджойозо (1808–1871), в чьих текстах выражена интенция к созданию нового знания о населении земель Османской империи в середине XIX в.

К. Т. ди Бельджойозо более известна своим участием в общественно-политических и культурных процессах, связанных с итальянским национально-освободительным движением Рисорджименто [3, р. 67–68]. Летом 1849 г., после поражения Римской республики в ходе итальянской революции 1848–1849 гг., княгиня подверглась политическому преследованию и эмигрировала в Османскую империю, где находилась с 1850 г. по 1855 г., обосновавшись в чифтлике Чакмакоглу недалеко от Анкары и успев совершить путешествие из своего нового дома в Иерусалим и обратно в 1852 г. Важно подчеркнуть, что за время поездки на Святую Землю и в целом за пять лет К. Т. ди Бельджойозо посетила множество населенных пунктов, расположенных в разных эялетах империи, в пределах Малой Азии и Восточного Средиземноморья (рис. 1). В основе ее наблюдений лежал разносторонний опыт, включавший в себя общение с представителями разных культур, народов, религий, являвшихся подданными Османской империи.

Цель статьи – выявить этноконфессиональные различия османского общества середины XIX в. в представлении княгини К. Т. ди Бельджойозо.

Материалы и методы

Автобиографический нарратив К. Т. ди Бельджойозо, посвященный ее жизни в Османской империи, представлен главным образом ее письмами и воспоминаниями. Среди материалов переписки княгини особенно важны серии писем, опубликованные прижизненно: «Воспоминания в изгнании» (письма к К. Жобер за 1849–1850 гг.) во французской газете «Le National» [13] и «Письма изгнанницы» (письма к неизвестным теперь адресатам за 1850–1853 гг.) в американской газете «New-York Daily Tribune» [7; 8; 9; 10; 11; 12]. Также сведения о жизни османского общества содержатся в письмах княгини к О. Тьери в 1852–1856 гг. [4]. Важным источником являются мемуары «Малая Азия и Сирия. Воспоминания о путешествиях», полностью изданные к 1858 г. [5]. Кроме того, этноконфессиональная проблематика присутствует в серии «восточных» новелл княгини [6; 14], где этничность и вероисповедание персонажей выступили как влияющие на сюжет проявления их идентичности. Дополнением к письменным источникам служит сохранившийся рисунок араба, вы-

полненный княгиней в годы пребывания в Османской империи как пример репрезентации местного населения через визуальный образ жителя региона.

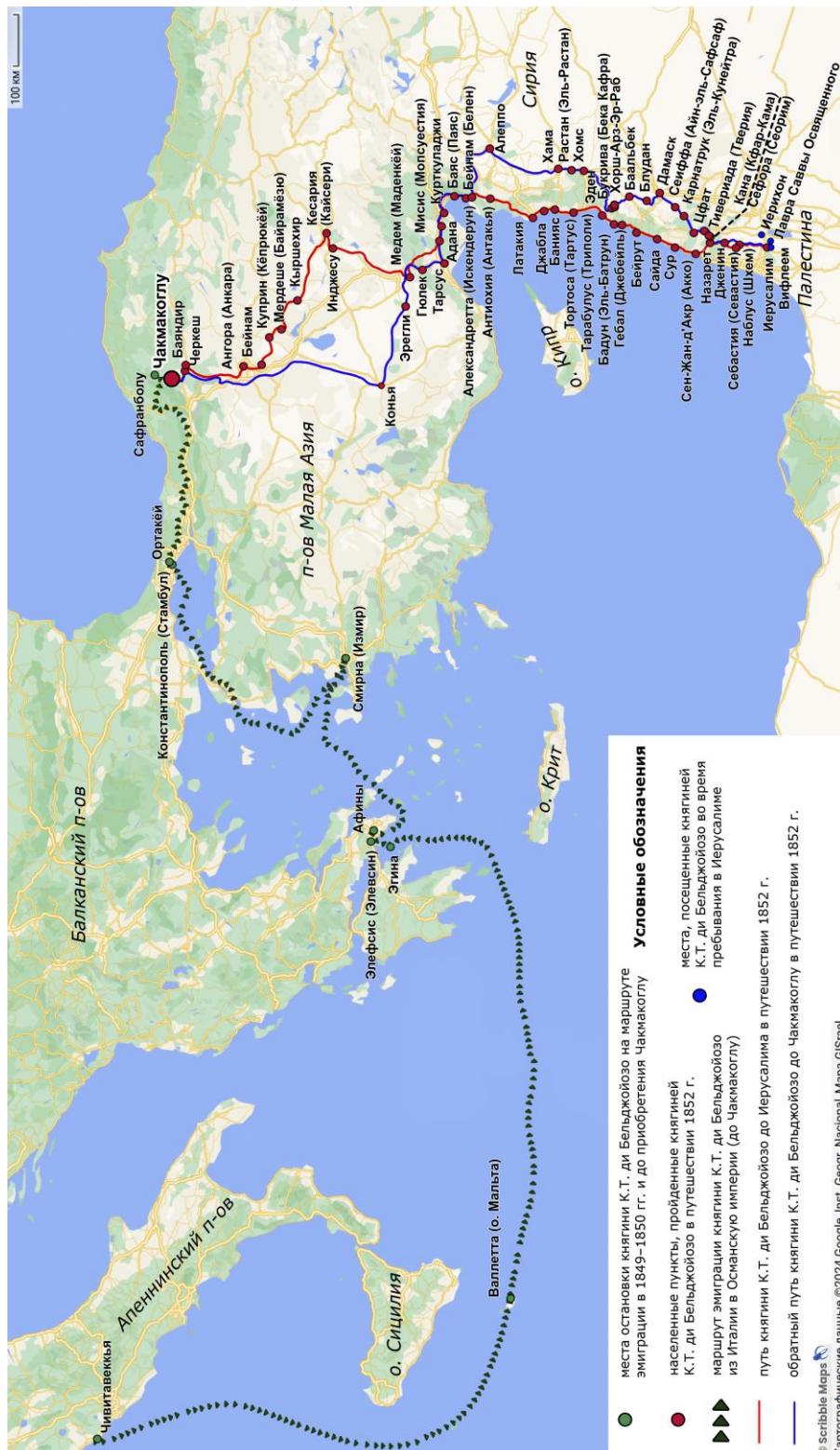

Рис. 1. Маршруты княгини К. Т. ди Бельджойозо в эмиграции.

Карта подготовлена автором статьи на основе Scribble Maps и Adobe Photoshop CS5.

Обозначения населенных пунктов: до скобок – по тексту источников; в скобках – современные названия. Другие знаки: см. Условные обозначения карты

Методология исследования основывается на применении подходов исторической антропологии, исторической имагологии, женской истории и истории повседневности, благодаря которым акцент ставится на личный опыт восприятия К. Т. ди Бельджойозо османского общества в этнокультурном преломлении, с точки зрения поиска в ее нарративе новых образов «других», нетождественных шаблонам ориентализма, и влияния этнокультурной идентичности на повседневные взаимоотношения местного населения. Так как в статье реализован анализ источников и представлений конкретной личности, особая роль отведена историко-биографическому методу и методу качественной интерпретации при работе с письмами и воспоминаниями.

Результаты

Прежде всего, стоит отметить, что время эмиграции княгини К. Т. ди Бельджойозо соотносится с неоднозначным и переходным периодом в истории Османской империи, связанным с проведением реформ Танзимата при султане Абдул-Меджиде I (1839–1861). С точки зрения этнокультурной ситуации важен Гюльханейский хатт-и-шериф 1839 г., где был декларирован концепт равенства всех поданных империи, независимо от веры или этнической принадлежности. Если прежняя структура общества базировалась на отделении мусульман от немусульман и воспроизводилась через систему миллетов для последних [1, с. 389–390], то нововведение юридически стирало межобщинные границы и к тому же меняло принцип сбора статистики. Так, новая перепись населения учитывала не только его религиозную аффилиацию, но и его этнический состав. В границах империи на 1844 г. проживало 35 млн. 350 тыс. человек, из которых было 33,38 % турок, 20,37 % славян (болгар, сербов и других), 13,76 % арабов, 11,32 % румын, 6,79 % армян, 5,66 % греков, 4,24 % албанцев, 2,83 % курдов, 0,65 % татар, 0,68 % евреев, 0,25 % туркменов, 0,07 % друзов (процентные соотношения подсчитаны с опорой на данные переписи 1844 г. [1, с. 391, 393]). Несмотря на вероятные сложности османской администрации в получении абсолютно точных данных, даже такое соотношение подтверждает, что османское общество являлось крайне неоднородным в этнокультурном смысле, и в отношении наблюдений княгини стоит определить, насколько глубоко ей удалось распознать это этническое многообразие, учитывая, что ее перемещения затронули далеко не все эялеты Османской империи.

В нарративе К. Т. ди Бельджойозо названо довольно большое количество разных групп, населявших пространство Малой Азии, Сирии, Палестины, в основу идентификации которых была положена именно категория этническости. При этом, описывая те или иные общинны, княгиня не упускала возможности одновременно дать уточнение и по религиозной принадлежности их членов. Не исключено, что эта особенность была не просто ее личным выбором сочетать сведения таким образом, а имела прямое отношение к ситуации в стране. Неразрывность этнического происхождения и религиозной принадлежности человека в текстах К. Т. ди Бельджойозо наводит на мысль о том, что в османском обществе 1850-х гг., даже после провозглашения равенства, эти две «константы» идентичности по-прежнему дополняли друг друга, если не юридически, через систему миллетов, то в восприятии самих жителей империи.

В рамках мусульманской части общества К. Т. ди Бельджойозо выделила общинны турок, арабов, курдов, туркменов (в скобках здесь и далее приведены названия в нарративе – «туркоманов»), черкесов, албанцев и ряд более мелких групп людей [4, р. 847–848, 860; 5, р. 76, 88–89, 107, 265, 366–367, 370, 390–393, 418–422; 10, р. 6; 11, р. 6]. Среди этнических групп, составлявших часть населения, не исповедовавшую ислам, она обозначила греков, армян, евреев, грузин, рома («цыган») и переселенцев из Эфиопии («абиссинцев») [5, р. 55–63, 68, 106–107, 128, 195–199, 214–215, 219–

220, 261–262, 264–265, 302, 370, 405; 12, р. 5; 13, р. 148–150, 163–172]. Также стоит добавить, что, будучи итальянкой, княгиня не могла не замечать присутствия в регионе европейцев, которые обобщенно именовались ею «франками» – жителями «франкских улиц» и «кварталов» городов империи, где концентрировались мигранты из Европы [5, р. 282, 371–372]. Конкретное происхождение людей тоже могло указываться К. Т. ди Бельджойозо, когда она писала о встречах с англичанами, французами, итальянцами, испанцами, датчанами и другими выходцами из европейских стран, принявшими подданство Османской империи. Тем самым, сопоставив получившийся перечень местных сообществ, идентифицированных княгиней, с данными переписи 1844 г., уже на данном моменте можно заметить, что ей удалось отразить сведения о сравнительно большем количестве групп населения, которые при переписи не были выделены отдельно и оказались включены в состав более крупных общин.

Более того, важной особенностью нарратива К. Т. ди Бельджойозо стало то, что идея этнически многогранной реальности османского общества 1850-х гг. была раскрыта ею с акцентом на подробное повествование о представителях разных общин, чертах их одежды, быта, повседневных практик, верований, культурных традиций, а также характеристик ментальности, которые, по ее мнению, прослеживались в процессе общения с населением. В этом отношении стоит согласиться с замечанием А. Амойи о том, что в эмиграции княгиня уделяла почти исключительное внимание не столько природной, сколько человеческой среде [3, р. 81], особенно если учесть, что данный регион существенно отличался от европейского пространства.

Первичным признаком опознания инаковости выступали элементы внешнего облика и одежды людей из разных этнических групп – в этой связи примечательны описательные сюжеты, которые К. Т. ди Бельджойозо посвятила увиденным ею костюмам и головным уборам. Так, во время посещения гарема Мустук-бея в городе Баяс (совр. Паяс) она обратила внимание на одну из его жен, туркменскую девушку, которая, хотя и была одета примерно так же, как и другие, носила туркменский головной убор – как писала княгиня, крайне сложную конструкцию, «бесконечное множество тюрбанов, надетых один на другой <...> поднимающихся на недосягаемую высоту», что напомнило ей «башню на манер богини Кибелы» [5, р. 117–118]. Или, например, описывая армянских женщин Кесарии (совр. Кайсери), К. Т. ди Бельджойозо подчеркивала, что ключевым элементом их образа являлась феска, расшитая золотом и украшенная пришитыми к ней монетами и драгоценными камнями [5, р. 56–57]. Еще более репрезентативным выражением можно считать рисунок княгини, где запечатлен визуальный образ араба Сирии (рис. 2), изображение которого в светлых одежде и тюрбане неслучайно и совпадает с описанием сирийских сельских жителей [5, р. 74]. Иногда К. Т. ди Бельджойозо также напрямую сравнивала местные общины и их жизненные условия. Одной из таких параллелей стало сопоставление турецких и греческих деревень: в восприятии княгини турки обычно выбирали живописные места для жилищ, имея «врожденный вкус к красотам природы», тогда как греки при выборе локации исходили из практических вопросов обеспеченности места ресурсами или расстояния до рынков [5, р. 68–69]. Подобные детали, позволяющие представить портреты и черты материальной культуры членов разных этнических общин Османской империи, можно считать важным шагом в направлении раскрытия этнокультурного многообразия населения.

Так как все сведения К. Т. ди Бельджойозо были опосредованы ее личным опытом межкультурной коммуникации с населением Османской империи, она пыталась судить и об определенных характеристиках ментальности, которые, с ее точки зрения, проявлялись в общении людей с ней и которые можно было бы приписать тем или иным народам в сравнительной перспективе. В частности, такого рода пред-

положения она высказала о характере турецкого народа, когда отметила, что у турок есть «драгоценный фонд доброты, мягкости, простоты, замечательный инстинкт уважения к прекрасному, жалости к слабому», проявления чего она с легкостью встречала в повседневной жизни: «Никто из них не повышает голос, никто не переходит на шутку, чтобы просто обидеть <...> никто не смешивает свои слова с теми богохульствами или грубыми изречениями, которыми увлекаются люди в других странах» [5, р. 98–99]. В отношении курдов княгиня отмечала импульс торжественности, которым они были готовы сопровождать любые события и бытовые дела [5, р. 367]. В этом контексте интерес представляют размышления о туркменах, которыми К. Т. ди Бельджойозо решила поделиться с О. Тьери в письме от 18 февраля 1852 г., на второй месяц путешествия в Иерусалим, где она заявила, что, привыкнув к «добродушию турок и величественным манерам курдов», осталась удивленной сдержанным приемом, полученным в туркменских поселениях [4, р. 848]. Вероятнее всего, настороженное отношение к иностранцам, с которым княгиня столкнулась в пути, можно интерпретировать как проявление закрытости культуры данной общины, настроенной в большей степени на сохранение своей этнокультурной специфики и традиционного образа жизни, который не предполагал интенсивные контакты с европейцами.

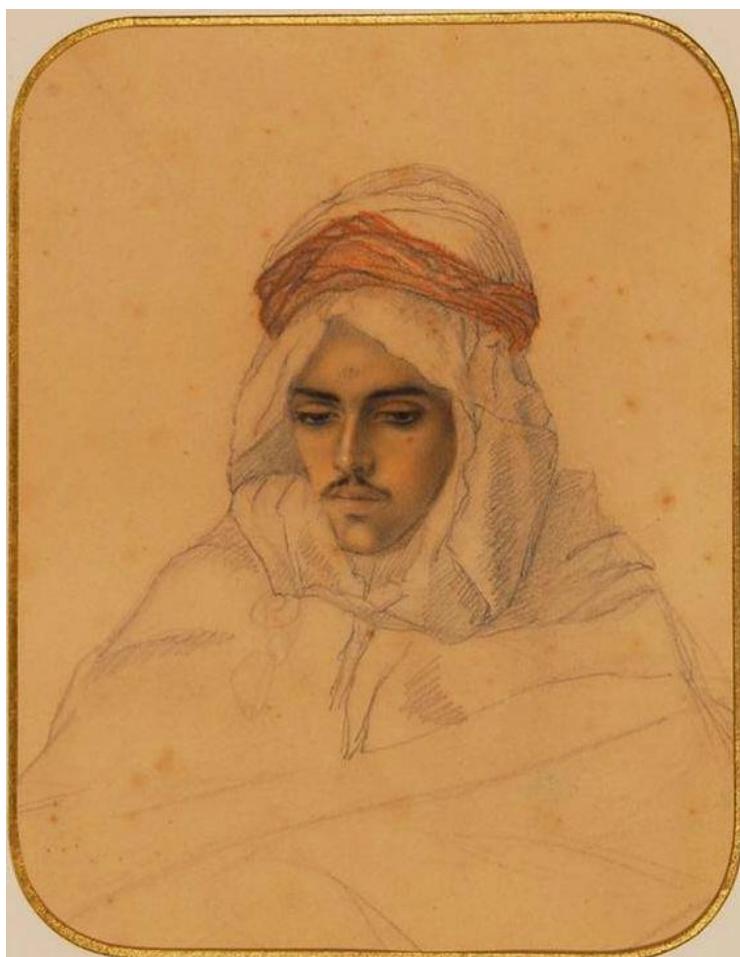

Рис. 2. Портрет араба работы княгини К. Т. ди Бельджойозо, ок. 1855 г.
Замок Мазино, Каравино.

Источник: <https://www.cristinabelgiojoso.it/wp/la-biblioteca/i-disegni-di-cristina/>
(дата обращения: 25.10.2025)

В продолжение проблемы защиты этнокультурной идентичности народов империи стоит также добавить, что К. Т. ди Бельджойозо с долей восхищения писала о том, как многие из них, находясь в положении немусульманского меньшинства, тем не менее смогли адаптироваться и найти себе место в зоне влияния ислама, не ассилировавшись и сохранив традиции. Так, в Малой Азии греки и армяне компактно проживали в Кесарии (совр. Кайсери), Инджесу, Эргли и других городах, где мирно занимались ремеслами и торговлей, сохраняли веру и культуру, имели свои школы [5, р. 55–56, 59–63]. В целом в нарративе княгини практически каждая этническая группа Османской империи получила похожие комментарии автора о специфике ментальности и образа жизни, что углубило презентацию этнокультурного изменения в текстах К. Т. ди Бельджойозо, потому что из зафиксированных ею деталей складывались новые, более достоверные образы «других», не идентичные ориенталистским представлениям.

Переходя к специфике восприятия княгиней аспектов религии, стоит обозначить, что она упоминала приверженцев ислама, христианства, иудаизма как основных религий, которые исповедовались в Османской империи в 1850-х гг. Это обстоятельство соотносится с результатами переписи населения 1844 г., когда по религиозной аффилиации было выявлено 57,94 % мусульман, 41,38 % христиан, включая 38,84 % православных и 2,54 % католиков и протестантов, а также 0,48 % иудеев (процентные соотношения подсчитаны с опорой на данные переписи 1844 г. [1, с. 391, 393]). Однако сведения К. Т. ди Бельджойозо, как и в случае этнического состава, давали более полную характеристику ситуации, потому что она рассматривала вариативные проявления религиозности, во что власти империи не стремились углубляться: если в случае ислама вставал острый вопрос об истинности веры, то внутреннее деление верующих иных религий и местные культы недостаточно интересовали чиновников-мусульман.

В этой связи первичен вопрос об отношении К. Т. ди Бельджойозо к исламу, который она пыталась понять в сравнении с христианством. В ее нарративе можно найти множество аналогий между двумя религиями: имамы как «священники мусульманской церкви», месяц Рамадан как «магометанский пост», намаз как «молитва», омовение как «часть литургии мусульман», хадж как «паломничество» в Мекку и Медину, Коран как «великая книга Востока» или «бессмертная книга», дервиш как «святой» или «мусульманский монах-подвижник» [5, р. 28–29; 7, р. 6; 8, р. 6; 9, р. 6; 13, р. 32, 35]. Согласно Э. В. Сайду, параллели с христианством и использование термина «магометанство» являлись маркерами ориенталистского дискурса с негативизирующим потенциалом [2, с. 106, 113–115], но, опираясь на опыт К. Т. ди Бельджойозо, стоит полагать, что наличие этих признаков в тексте не обязательно равноценно приверженности автора ориентализму, так как термины лишены враждебных к инаковости смыслов – через аналогии княгиня попыталась раскрыть ислам как еще одну религию со своими постулатами, практиками, последователями, а не как вероучение, угрожавшее ей или другим христианам.

Ее уважительное отношение к исламу имеет не только косвенные, но и прямые подтверждения. В отношении себя княгиня заявила, что ей «нечего сказать против Бога мусульман» и что еще до эмиграции она специально прочитала Коран, чтобы получить более глубокое представление о религии [5, р. 187, 223]. Та же установка на обмен смыслами есть в ее новелле «Эмина», где героиня, размышляя о Боге, в своих мыслях пришла к пониманию сущностной близости ее религии с христианской верой [6, р. 10–12, 15, 18–19, 21–23, 61–63, 130–131, 137–141]. В этом плане особенно актуальна оценка Л. Микелаччи, отметившей, что образ Эмины можно интерпретировать как альтер-эго автора [15, р. 589]. Другими словами, духовные искания героини-мусульманки и княгини-католички коррелируют друг с другом и при-

водят к диалогу о вере. Об интересе К. Т. ди Бельджойозо к этой проблеме свидетельствуют и детальные описания религиозных практик мусульман, в которых она старалась выдерживать уважительный тон своих комментариев. Единственным моментом критики с ее стороны можно считать проблему ортодоксальности верующих, то есть разрыв между идеалами ислама и настоящей жизнью его последователей, которые не всегда соблюдали все религиозные предписания [8, р. 6]. Так или иначе, представленное в нарративе видение ислама стоит интерпретировать как занятие позиции открытости перед чужой верой, которая гипотетически могла бы быть воспринята негативно, но постигалась вне подобной правной точки.

Не менее значимы наблюдения К. Т. ди Бельджойозо о верующих других религий – прежде всего, христианства и иудаизма. С точки зрения отражения конфессиональных различий христиан ее сведения подробны – присутствие разных христианских деноминаций отмечено ею, к примеру, в Иерусалиме, месте сближения «всех христиан Востока», и деревне Букрива (совр. Бека Кафра) у Ливанских кедров, где все вместе жили последователи католицизма, англиканской церкви, других течений протестантизма [5, р. 196–201, 335–337]. Момент сплочения разных конфессий, по словам итальянки, был ожидаем в условиях османского общества, поскольку, находясь среди мусульманского большинства, христиане находили ресурс для сохранения веры и традиций именно через объединение. Что касается последователей иудаизма, то княгиня отметила их проживание в Иерусалиме, Цфате, Тивериаде (совр. Тверии) и других городах Палестины, где, как ей показалось, число еврейских семей постепенно росло на протяжении 1850-х гг., поскольку «культ древнего Израиля достаточно силен, чтобы каждый год привлекать в Иерусалим группы израильских мигрантов» из европейских стран [5, р. 214–215, 261–262, 265]. В целом особенностью жизни иудеев Ближнего Востока К. Т. ди Бельджойозо считала высокую степень религиозности, которая обеспечивала сохранение их идентичности. Тем самым все три религии, официально признававшиеся властями Османской империи, отчетливо идентифицировались ею как составляющие религиозного плурализма общества этой страны.

Также К. Т. ди Бельджойозо интересовали проявления религиозного синкрезизма и народных суеверий в османском обществе 1850-х гг. Вероятно, подобные формы религиозности можно связать с различиями в понимании как ислама, так и других религий региона. Княгиня несколько раз сталкивалась с такого рода убеждениями и описывала их как конкретный опыт, имевший место в том или ином населенном пункте или даже семье. Так, например, вразрез с основами ислама шла вера в духов, способных вселяться в живых существ и влиять на жизнь людей. В деревне Куприн (совр. Кёпрюкёй) К. Т. ди Бельджойозо «лечила» девушку, которая уже целый год болела, как считали местные жители, из-за встречи с черной кошкой, потому что «черные кошки – это злые духи, чей визит является очень печальным предзнаменованием» [5, р. 44–47]. Другой случай, рассказанный княгиней, был связан с сакрализацией деревьев и применением практик магического характера в области медицины. Она запомнила дерево, покрытое маленькими лоскутами, на въезде в Кыршехир, где жил грек, считавшийся колдуном, который «лечил» людей, привязывая больных к дереву и произнося над ними заклинание, после чего они должны были сбежать оттуда так, чтобы лоскут порванной одежды зацепился за ветви и остался на дереве, которое тем самым забирало болезнь себе [11, р. 6]. Так как верования смешанного происхождения не признавались властью и существовали лишь в повседневной практике, такие сведения о них с трудом проверяемы, но важны как часть мировоззрения людей и как еще один аргумент в пользу разнообразия религиозных представлений османского общества.

Отдельно можно рассмотреть аспект презентации в нарративе К. Т. ди Бельджойозо жизни этноконфессиональных и конфессиональных меньшинств. Княгиня писала о таких локальных сообществах, пересекая территории Ливана и Сирии, где имела шанс встретить этноконфессиональные группы друзов (арабского происхождения) и езидов (курдского происхождения), также общину мутавали (в нарративе – «метуали»; ливанских мусульман-шиитов) и общину алавитов или нусайритов (в нарративе – «ансарииев», от названия горного хребта Ансария или Эн-Нусайрия, где проживали последователи алавизма – синкретического вероучения с элементами шиитского ислама, христианства, традиционных местных верований) [5, р. 70, 133, 323–325; 10, р. 6]. Существенная проблема проживания этих меньшинств в Османской империи состояла в открытой неприязни к ним со стороны мусульман-суннитов и христиан, из-за чего эти общины занимали маргинальное положение, а европейским путешественникам настоятельно советовали не вступать с ними в контакт. Так, по словам княгини, представители мутавали имели репутацию «огнепоклонников», обвиняемых мусульманами «в разврате, переходящем все границы», а христианами – «в нечестивых обрядах и даже в человеческих жертвоприношениях» [5, р. 323–324]. Но важно подчеркнуть, что сама княгиня, общаясь с этими людьми и останавливаясь в их поселениях на ночлег, заявила о ложности таких сведений и абсолютном отсутствии риска [4, р. 860–861; 5, р. 324]. Внимание К. Т. ди Бельджойозо к этноконфессиональным меньшинствам тоже способствовало полному отражению религиозной ситуации в османском обществе, хотя в данном случае еще более ценные и уникальны собранные ею сведения о жизни и верованиях этих групп в 1850-х гг., чего не могли дать переписи населения и сочинения многих других иностранцев, которые доверяли предостережениям местных жителей.

Кроме того, иногда К. Т. ди Бельджойозо обращалась к другим вариантам классификации населения, что дополняло критерии этничности и вероисповедания. В частности, она указывала на образ жизни людей, разделяя оседлое население и кочевников, что действительно играло роль в дифференциации османского общества [1, с. 394–402]. В понимании княгини некоторые народы Малой Азии и Сирии (прежде всего курды и туркмены) были полностью кочевыми [5, р. 68–75, 87–89, 91, 366–368, 390–393, 398, 418–422; 10, р. 6], поскольку ни один ее контакт с ними не происходил в иных условиях, кроме как в открытой местности, в процессе их перемещений или временной остановки. Также в представлении итальянки важной была категория языка, то есть акцент на лингвистическое разнообразие страны. К. Т. ди Бельджойозо была удивлена множеству диалектов, и даже идиолектов турецкого языка и отметила, что ни один путешественник и мигрант не бывает предупрежден о «большой разнице между языком одной провинции и другой, одного города и даже одного человека и других [городов и людей]» [7, р. 6]. Это замечание свидетельствовало о признании княгиней разделения населения еще и по языковым группам, что, как и фактор образа жизни, добавляло новые грани в этнокультурное измерение империи в ее восприятии.

Наконец, стоит отметить, что К. Т. ди Бельджойозо дала характеристику межэтнических и межконфессиональных отношений в османском обществе 1850-х гг. Причем, согласно С. Миллс, в женской путевой литературе акценты обычно смешались на отражение мирных контактов [16, р. 22], тогда как в нарративе княгини ограничение, по-видимому, было преодолено – ее тексты отличает видение сложной ситуации, включая и конфликтный опыт. Последнее вместе с тем согласуется с этнокультурной ситуацией в Османской империи, поскольку, хотя реформы Танзимата и предполагали установление равенства всех подданных, вряд ли они могли гарантировать мгновенные положительные сдвиги в повседневных реалиях, то есть быстрое

улучшение межобщинных отношений или прекращение дискриминации немусульманского населения.

Двойственность пореформенной ситуации заметна в передаче отношений внутри мусульманской общины, которая сначала казалась княгине сплоченной на основе веры, пока она не стала свидетельницей перманентных столкновений мусульман. К их числу относились уже названные проблемы с принятием этнокофессиональных меньшинств, чьи верования были связаны с исламом, но все же отличались от взглядов большинства. Иной конфликт разворачивался через противостояние турецких военных и арабских шейхов с кочевниками и горными племенами в Малой Азии и Сирии [5, р. 134–135, 140–142, 243–245, 263–268, 273–274, 280–281, 344–353, 393–394]. К тому же необычна параллель в ее новеллах «Эмина» и «Курдский князь», где взаимная неприязнь турок и курдов показана через взгляд каждой из сторон. В «Эмине» курды представлены как враги, которые ограбили турецкий дом и ранили Хамид-бeya, но в «Курдском князе» осуществлена инверсия этой обвинительной точки зрения – предводитель курдов Мехмет-бей, несмотря на набеги на турок, выступает как положительный персонаж, чья казнь в столице преподнесена как драматичный финал, а не справедливое возмездие [6, р. 73–76, 81–83, 90; 14, р. 152–157, 272–276]. Причем, хотя истории и не пересекаются сюжетно, вряд ли случайно, что во главе напавших на Хамид-бeya – курд с именем Мехмет-бей. Тем самым в нарративе княгини без упрощения реальной ситуации переданы ее впечатления от хаоса и нестабильности, явно имевших место в разных точках империи на фоне общей иллюзии стабильности.

Еще более противоречивыми в ее восприятии были отношения мусульман и немусульман (особенно христиан). С одной стороны, в османском обществе имело место их вполне мирное межкультурное взаимодействие, выражавшееся, например, в добровольных актах смены веры и смешанных браках. Как писала княгиня, она знала многие семьи, внутри которых произошел обмен культурными и религиозными традициями. Например, в Назарете пост французского консульского агента занимал араб-католик, чьи дети тоже были воспитаны в христианской традиции, тогда как консул Триполи, австриец по происхождению, женился на арабской женщине [5, р. 166–167, 257–258]. Другим моментом согласия верующих было также то, что каждый паломник на пути в Иерусалим, независимо от вероисповедания, имел «право на уважение всех правоверных мусульман, христиан, евреев» [5, р. 399]. Кроме того, контекст реформ Танзимата и процесс европеизации повседневной жизни в империи [1, с. 418–422] тоже могли способствовать налаживанию отношений, так как ориентировали население на сближение с европейцами, условием чего, как минимум, должно было быть лояльное отношение к христианской вере.

Обратной тенденцией связей мусульман и немусульман стоит определить латентную неприязнь друг к другу, которая по-прежнему сохранялась и проявлялась в виде насмешек, издевательств и иных форм дискриминации из-за веры, притом, по наблюдению К. Т. ди Бельджойозо, чаще в адрес тех, кто был в меньшинстве. В ее нарративе описаны случаи, когда она сама подверглась оскорблению, вопреки статусу паломницы, или увидела грубое отношение со стороны, которое оценила, как «настоящее фанатичное насилие» [5, р. 192–193, 201–203, 342; 12, р. 5; 13, р. 161–162]. Тот факт, что итальянка предпочла не скрывать крайности в своей коммуникации с жителями и в их отношениях друг с другом, значим в контексте передачи достоверной ситуации в области межэтнических и межконфессиональных отношений, которая, наряду с мирными связями, была не лишена негативных инцидентов.

Заключение

Подводя итог отражению этноконфессиональных различий в нарративе К. Т. ди Бельджойозо, стоит отметить, что с опорой на личный опыт проживания в

османском обществе она раскрыла весьма непростые исторические реалии середины 1850-х гг., то есть подробно дифференцировала население страны, учитывая специфику этнической и религиозной идентичности, образа жизни и языка его разных групп. Этнокультурное и конфессиональное многообразие было передано ею через повествование о разных представителях этого общества, составивших новые образы «других», в число которых вошли не только основные этнорелигиозные общины, но и локальные группы смешанного происхождения, с синкретическими религиозными верованиями и столь же специфичной этнокультурной самоидентификацией. В то же время османское общество для княгини – не конгломерат изолированных сообществ, а целостное, хотя и неоднородное по составу, образование, внутри которого разные группы находились в контакте друг с другом и с иностранцами (особенно с учетом европейского влияния в ходе реформ Танзимата). В этом смысле важно, что К. Т. ди Бельджойозо раскрыла представление о переменчивой динамике межэтнических и межрелигиозных связей, но попыталась изложить свой опыт, стараясь оставаться на позиции уважения к этнокультурному и религиозному разнообразию региона. Таким образом, отраженное в ее нарративе знание об османском обществе представляется более близким к действительности, чем ориенталистское знание о «Востоке», в чем и стоит видеть отступление итальянки от данного европейского дискурса XIX в.

Список источников и литературы

1. *Йедийылдыз Б.* Османское общество // История Османского государства, общества и цивилизации : в 2 т. / ред. Э. Ихсаноглу; пер. с турец. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1, гл. 7. С. 371–422.
2. *Сайд Э. В.* Ориентализм / науч. ред. А. Р. Ихсанов; пер. с англ. К. Лопаткиной. М.: Музей совр. искусства Гараж, 2021. 560 с.
3. *Amoia A.* Princess Cristina Trivulzio di Belgiojoso (1808–1871) // Great Women Travel Writers: From 1750 to the Present / ed. A. Amoia, B. L. Knapp. London; New York: Continuum, 2005. P. 64–85.
4. *Augustin-Thierry A.* La Princesse Belgiojoso et Augustin Thierry. Partie 4 // Revue des Deux Mondes. 1925. Vol. 29, № 4. P. 846–877.
5. *di Belgiojoso C. T.* Asie Mineure et Syrie. Souvenirs de voyages. Paris: Michel Lévy, 1858. 427 p.
6. *di Belgiojoso C. T. Emina* // Scènes de la vie turque. Paris: Michel Lévy, 1858. P. 1–143.
7. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XIII // New-York Daily Tribune. 1851. September 27. P. 6.
8. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XIV // New-York Daily Tribune. 1851. October 25. P. 6.
9. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XX // New-York Daily Tribune. 1852. February 28. P. 6.
10. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XXII // New-York Daily Tribune. 1853. June 4. P. 6.
11. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XXXVII // New-York Daily Tribune. 1853. November 22. P. 6.
12. *di Belgiojoso C. T.* Letters of an Exile... No. XXXVIII // New-York Daily Tribune. 1853. December 6. P. 5.
13. *di Belgiojoso C. T.* Ricordi dell'esilio / a cura di L. Severgnini. Roma: Edizioni Paoline, 1978. P. 23–188.
14. *di Belgiojoso C. T.* Un prince kurde // Scènes de la vie turque. Paris: Michel Lévy, 1858. P. 145–276.
15. *Michelacci L.* Cristina Trivulzio di Belgioioso allo specchio dell'Oriente // Lettere Italiane. 2014. Vol. 66, no. 4. P. 580–595.

16. Mills S. Discourses of Difference: An analysis of women's travel writing and colonialism. London; New York: Routledge, 2005. 233 p.

References

1. Yediyildiz, B 2006, 'Osmanskoye obshchestvo' (Ottoman society), *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii* (History of the Ottoman State, Society and Civilization), vol. 1, chap. 7, ed. E. Ihsanoglu, M. S. Meyer, trans. V. B. Feonova, Vost. lit. publ, Moscow, pp. 371–422. (In Russ.)
2. Said, EW 2021, *Orientalizm* (Orientalism), ed. A. R. Ikhsanov, trans. K. Lopatkina, Muzey sovremenennogo iskusstva Garazh publ, Moscow. (In Russ.)
3. Amoia, A 2005, 'Princess Cristina Trivulzio di Belgiojoso (1808–1871)' *Great Women Travel Writers: From 1750 to the Present*, ed. A. Amoia, B. L. Knapp, Continuum publ, London, New York, pp. 64–85.
4. Augustin-Thierry, A 1925, 'La Princesse Belgiojoso et Augustin Thierry: IV' (Princess Belgiojoso and Augustin Thierry: IV), *Revue des Deux Mondes* (Review of the Two Worlds), vol. 29, no. 4, pp. 846–877. (In French)
5. di Belgiojoso, CT 1858, *Asie Mineure et Syrie. Souvenirs de voyages* (Asia Minor and Syria. Travel Memories), Michel Lévy publ, Paris. (In French)
6. di Belgiojoso, CT 1858, 'Emina' (Emina), *Scènes de la vie turque* (Scenes from Turkish Life), Michel Lévy publ, Paris, pp. 1–143. (In French)
7. di Belgiojoso, CT 1851, 'Letters of an Exile... No. XIII', *New-York Daily Tribune*, 27 September, p. 6.
8. di Belgiojoso, CT 1851, 'Letters of an Exile... No. XIV', *New-York Daily Tribune*, 25 October, p. 6.
9. di Belgiojoso, CT 1852, 'Letters of an Exile... No. XX', *New-York Daily Tribune*, 28 February, p. 6.
10. di Belgiojoso, CT 1853, 'Letters of an Exile... No. XXII', *New-York Daily Tribune*, 4 June, p. 6.
11. di Belgiojoso, CT 1853, 'Letters of an Exile... No. XXXVII', *New-York Daily Tribune*, 22 November, p. 6.
12. di Belgiojoso, CT 1853, 'Letters of an Exile... No. XXXVIII', *New-York Daily Tribune*, 6 December, p. 5.
13. di Belgiojoso, CT 1978, *Ricordi dell'esilio* (Memories of exile), ed. L. Severgnini, Edizioni Paoline publ, Rome, pp. 23–188. (In Ital.)
14. di Belgiojoso, CT 1858, 'Un prince kurde' (A Kurdish prince), *Scènes de la vie turque* (Scenes from Turkish Life), Michel Lévy publ, Paris, pp. 145–276. (In French)
15. Michelacci, L 2014, 'Cristina Trivulzio di Belgioioso allo specchio dell'Oriente' (Cristina Trivulzio di Belgioioso in the mirror of the East), *Lettere Italiane* (Italian Letters), vol. 66, no. 4, pp. 580–595. (In Ital.)
16. Mills, S 2005, *Discourses of Difference: An analysis of women's travel writing and colonialism*, Routledge publ, London, New York.

Статья поступила в редакцию: 28.10.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 28.10.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025

Социальная история

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 48–57.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 48–57.

Научная статья
УДК 947.07(093)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-48-57>

ПРОБЛЕМА ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ДВОРЯНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС)

**Аркадий Наумович
Долгих**

Липецкий государственный педагогический
университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия, adonli@mail.ru

Аннотация. Статья представляет попытку рассмотрения одного из важных аспектов политической истории России дареформенного времени – так называемой обратной связи между государственной властью и дворянским обществом на протяжении XVIII – первой половины XIX в., в период правления ряда представителей династии Романовых, иногда более, а иногда менее заметной в зависимости от характера и самих монархов, и от общеполитической ситуации в стране. Их взаимоотношения рассматриваются прежде всего, в связи с решением крестьянского вопроса, то есть вопроса о крепостном праве (в особенностях в отношении владельческой деревни) и изменениях в нем. При этом движение в этом отношении было двусторонним, в ряде случаев оно было инициировано самодержавием, но иногда и отдельные представители дворянского общества делали попытки ускорить его решение правительством (по-разному встречающиеся властями), чему свидетельством являются многочисленные дворянские проекты той эпохи, собранные автором за период правления Павла I, Александра I и Николая I (около 2000). При этом позиции разных монархов в этом контексте обратной связи с обществом были существенно отличны: так, например, Павел просто часто игнорировал такие общественные позывы, Александр и инициировал, и учтивал их, а Николай делал это же, но значительно в меньшей степени, предпочитая кулуарное рассмотрение данной проблематики. Выделены и отдельные сюжеты в данном контексте, в особенности вопрос о положении дворовых людей, продажи людей без земли, размерах ренты, рекрутчине, отдельных злоупотреблениях помещиков в отношении их владельческих крестьян.

Ключевые слова: крепостное право, дворянское общество, помещики, владельческие крестьяне, дворовые люди, продажа людей без земли, самодержавие, обратная связь, крестьянский вопрос.

Для цитирования: Долгих А. Н. Проблема обратной связи во взаимоотношениях государственной власти и дворянского общества в России в конце XVIII – первой половине XIX в. (крестьянский вопрос) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 48–57. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-48-57>

Сведения об авторе: А. Н. Долгих – доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42.

Scientific Article
UDC 947.07(093)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-48-57>

THE RELATIONS BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE NOBLE SOCIETY IN RUSSIA IN THE LATE 18TH AND EARLY 19TH CENTURIES (PEASANT ISSUE)

Arkady N. Dolgikh

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia, adonli@mail.ru

Abstract. The article is an attempt to examine one of the important aspects of the political history of pre-reform Russia – so-called feedback between the state power and the noble society throughout the 18th – the first half of the 19th centuries, during the reign of a number of Romanov dynasty representatives, sometimes more and sometimes less noticeable, depending on the nature of the monarchs themselves, and on the general political situation in the country. The author considers their relationship primarily in connection with the solution of the peasant issue, that is, the serfdom (especially in relation to the owner's village) and changes in it. At the same time, the actions in this regard were bilateral, in some cases initiated by the autocracy. However, sometimes individual representatives of the noble society made attempts to accelerate the government's decision (met in different ways by the authorities), as evidenced by the numerous noble projects of that era during the reign of Paul I, Alexander I and Nicholas I (circa 2000) collected by the author. The positions of different monarchs in the context of feedback differed significantly. For example, Paul often ignored such social urges, Alexander initiated and took them into account, and Nicholas did the same, but to a much lesser extent, preferring behind-the-scenes consideration of this issue. The article also highlights certain subjects in this context, in particular the issue of the domestic workers' situation, the sale of people without land, the amount of rent, recruitment, and individual abuses of landlords against their private peasants.

Keywords: serfdom, noble society, landowners, private peasants, domestic workers, sale of people without land, autocracy, feedback, peasant issue.

For citation: Dolgikh, AN 2025, 'The Relations Between the Government and the Noble Society in Russia in the Late 18th and Early 19th Centuries (Peasant Issue)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 48–57, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-48-57> (in Russ.)

Information about the Author: *Arkady N. Dolgikh* – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of National and World History, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin Str., Lipetsk, 398020, Russia.

Введение

Одним из мало изученных сюжетов политической истории России в дореформенную эпоху конца XVIII – первой половины XIX в. является вопрос о наличии контактов верховной власти с обществом, под которым, прежде всего, понимается дворянство, и обратной связи между ними. При этом, по словам исследователя А. Г. Данилова, исторический опыт показал, что «без делегирования части полномочий обществу, которое хотя бы частично структурировано..., без цивилизованных форм обратной связи между государством и обществом даже слаженно действующий государственный аппарат обречен на проведение неэффективной политики...» [2, с. 160]. Нас в данном случае, в основном, интересует здесь проблема внутренней политики самодержавия по крестьянскому вопросу, вопрос о крепостном праве в отношении владельческих крестьян, иногда понимаемый более широко как крестьянский вопрос вообще [15, с. 43–44].

Материалы и методы

Данный сюжет неплохо представлен письменными источниками, в особенности стоит отметить использование материалов дворянских проектов решения крестьянского вопроса, собранных автором за много лет – около 2000 (в основном за время правления Павла I, Александра I и Николая I), а также документы, связанные с обсуждением крестьянского вопроса и в высших правительственные сферах, и в дворянских обществах той эпохи, а также мемуары и переписку государственных и общественных деятелей той эпохи. При анализе этих материалов использовались различные методы, характерные для исторического исследования, например, компаративный.

Результаты и их обсуждение

В принципе, вроде бы здесь все ясно: самодержавная власть приказывала, общество, реагируя на эти действия правительства, исполняло его указания, и только. Однако иногда общество все же и «поправляло» в той или иной степени действия монархов: ярко это явление имело место уже в эпоху так называемых дворцовых переворотов второй четверти – середины XVIII в., важнейшими требованиями которых со стороны правящего сословия стали высвобождение его от обязательной службы, довольно тяжкой еще при Петре I, чего оно и добилось Манифестом о вольности дворянства 1762 г. Петра III, реализованным при Екатерине II, предоставление российскому дворянству права личной неприкосновенности (в Жалованной грамоте дворянству 1785 г.), а также превращение статуса владения ими населенных имений в частную собственность, что стало практически очевидным в результате реализации той же Жалованной грамоты 1785 г. При этом последним удавшимся дворцовыми переворотом стало устранение в 1801 г. Павла I, покусившегося на многие дворянские права и привилегии, хотя сходные ситуации имели место и позднее, по крайней мере, в эпоху Тильзитского мира, и в той или иной степени в 1812 г., не говоря уже о восстании декабристов в 1825 г. Менее заметно это явление в николаевскую эпоху и в связи с резким усилением самодержавия в это царствование, и с рядом других обстоятельств, которые не всегда очевидны.

Верховная власть, в принципе, сознавала подобную возможность (пусть и не всегда) и старалась (по мере сил) поддерживать постоянный контакт со своей основной классовой опорой, не допуская серьезной оппозиции, прежде всего, в лице дворянства (конечно, и само общество постепенно видоизменялось, но общим для данной эпохи оставалась в нем доминанта именно этого сословия). Способы реализации и формы этого явления в разные эпохи отличались. В екатерининское время само дворянское общество еще было достаточно слабым (во многом и само оно в значительной степени оформлялось не без участия самодержавия), и его вполне устраивали и освобождение от обязательной службы, и Жалованная грамота 1785 г., поэтому

его усилия в определенном давлении на власть и были незначительны (например, план бр. Паниных – Д. И. Фонвизина), хотя кое-что на сей счет все же проявилось, например, в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. (в том числе в известной дискуссии о причинах бегства крестьян от помещиков и др.). При этом сама императрица довольно спокойно относилась к подобным попыткам, по крайней мере, до Великой Французской революции, позднее наказав за стремление в чем-то учить власть, например, Н. И. Новикова и А. Н. Радищева.

Павловский абсолютизм (во многом режим его личной власти) потому и был в чем-то тираническим, что почти полностью игнорировал некое совокупное мнение дворянства. Во всяком случае, серьезных усилий Павел в этом отношении не принимал. Эта эпоха правления своеобразного самодура – носителя власти оставила, тем не менее, определенную и довольно своеобразную форму взаимодействия, пусть и не самодержца, но наследника престола с обществом через прообраз Негласного комитета, имея в виду записку канцлера А. А. Безбородко 1798–1799 гг., во многом повторявшую идеи «законной монархии» Н. И. Панина и Д. А. Голицына в эпоху Екатерины II и обсуждавшуюся в кругу так называемых молодых друзей будущего императора Александра. Однако, если сам Павел в силу своего непреклонного характера и ярого стремления к абсолютному самовластию и не стремился к подобному общению (дескать, он знал сам, что надо делать), то само дворянское общество уже более или менее созрело, что, по мнению некоторых исследователей, впервые проявилось в своеобразной демонстрации – похоронах А. В. Суворова в 1800 г., а затем и в убийстве Павла в марте 1801 г. и реакции на это событие особенно столичного дворянства и офицерства [17, с. 189–192, 341–342].

Иное дело – Александр I, заигрывавший с обществом (а заодно, как афористично писал В. И. Ленин, и с либерализмом; спор на эту тему продолжается до сих пор) [8, с. 91; 10, с. 30], следствием чего стали многочисленные дворянские проекты преобразований в разных сферах жизни общества. Кстати, бывали времена, особенно при Александре I, когда и тайные (пусть и относительно) общества, и государственные структуры, опять же втайне друг от друга разрабатывали всякого рода проекты по решению крестьянского вопроса. Нами изучены преимущественно проекты, связанные с крестьянским вопросом. Их мы насчитали за его правление 994 (для сравнения при Павле – всего лишь 40), причем в ряде случаев они были прямо инспирированы верховной властью. Так, примерно с 1816 г., по словам С. В. Мироненко, монарх «настойчиво пытался добиться дворянской инициативы в решении этого крестьянского вопроса, кардинального вопроса русской жизни» [11, с. 67].

Правда, само их поступление «во власть» не было гарантией их реализации, а докучные «советодатели» (выражение Александра I) либо отстранялись от престола (В. Н. Каразин, М. М. Философов, В. С. Попов), либо даже отправлялись в заключение (Т. фон Бок). Эта же модель отношений, в сущности, имела место и при Николае I (1175 проектов и мнений разного рода, подавляющее большинство которых исходило от потомственных дворян – соответственно 94 и 96 % по царствованиям). Наиболее показательным (пусть и достаточно редким) для николаевского царствования был эпизод с беседой императора с выборными депутатами от смоленских помещиков в 1847 г., не имевший серьезных последствий [5]. В этом можно видеть особый ублюдочный суррогат парламентаризма, но только на это и могла пойти самодержавная власть в ту эпоху, в основном, ограничиваясь секретными комитетами, Государственным советом и другими преимущественно кулуарными органами, которые, в общем-то, не представляли настоящую панораму мнений тогдашнего общества, так как были населены представителями правящей бюрократии, которые только в конечном счете выражали дворянскую волю по тем или иным вопросам.

Рассмотрим основные темы интересующей нас общей проблемы крестьянского вопроса в данном контексте. Вопрос о продаже людей без земли был одним из тех, которые первоначально инициировала верховная власть уже при Петре I, Екатерине II и особенно при Павле I (когда появились первые серьезные ограничения на сей счет – запрет подобной продажи за казенные долги помещиков, а также в Малороссии). Но эти запреты, видимо, по большей части обходились помещиками (вспомним соответствующие пассажи у А. С. Грибоедова в «Горе от ума»). Вместе с тем многие представители дворянства (конечно, прежде всего, идеологи, а не какие-нибудь замшелые Коробочки), видя в этом явлении крайние формы крепостного права и, в общем, и не очень необходимые им (а для определенной их части и опасные из-за возможности легкого обогащения с последующим обнищанием, и по моральным соображениям в духе писаний А. Н. Радищева), также ставили перед верховной властью вопрос об ограничении или даже ликвидации этих форм фактической работоговли, чему было посвящено специально значительное количество дворянских проектов, а в большинстве из тех, которые, в принципе, касались социальных проблем, им было посвящено также много места (9 – при Павле I, 137 – при Александре I, 217 – при Николае I). Правительство со своей стороны реагировало на эти дворянские проекты, ставя данный вопрос на обсуждение в высших органах власти – в 1801 и 1802 г. в Непременном совете, в 1820 г. – в Государственном совете, а также в Сенате и др. [3, с. 132–161].

Но более или менее значительные изменения произойдут лишь при Николае I в первой половине 1830-х гг. (как некое наследие обсуждения проблемы в Комитете 6 декабря 1826 г. и следствие обсужденного, но практически так и нереализованного Дополнительного закона о состояниях 1830 г.), хотя сама продажа сохранится, в принципе, «под рукою», как тогда говорили, вплоть до отмены крепостного права в 1861 г., являясь пятном на репутации и России в целом, и российского дворянства. При этом странным здесь является тот факт, что именно эта сторона дела могла быть легко ликвидирована в тот период (так как она не затрагивала практически проблему земельного обеспечения дворянства), чем бы сделан был действительный шаг в продвижении идеи смягчения крепостного права, но этот вопрос так и не был окончательно разрешен до падения крепостничества [6, с. 246–263].

Особое отношение российского дворянства к дворовым людям (которых, видимо, прежде всего, и продавали без земли) было связано с восприятием их как исчадия ада, пьяниц, развратников, бездельников, а, с другой стороны, без них правящее сословие не могло обходиться в силу барских привычек к обслуге разного рода. Отсюда, может быть, и значительно меньшее уделяемое им внимание в упоминавшихся выше дворянских проектах, в том числе, например, в части контроля за жестокими помещиками, известными таким с ними обращением. Если в отношении продажи людей без земли цифры не очень точны, так как в большинстве случаев создатели их не отделяли в подобных случаях дворовых от основной массы владельческих крестьян, то вот в отношении контроля за злоупотреблениями помещичьей власти в виде жестоких наказаний и др. это положение очевидно (соответственно при Павле – 10 и 1, при Александре – 151 и 25, при Николае – 294 и 156; первая цифра – в отношении крестьян, вторая – в отношении дворовых). Возможно, поэтому в правительственной политике вопрос о дворовых людях был поднят довольно поздно (в том или ином виде в нескольких секретных комитетах николаевского времени), причем без существенных результатов в его решении [12, с. 100–106]. Этот вопрос стоял для внутренней политики того времени на обочине, возможно, именно из-за вполне определенного и негативного по преимуществу к нему отношения правящего сословия империи.

Одной из бед дворянства в те времена были, конечно, рекрутские наборы, постоянно отбиравшие у него работников. С этим правящее сословие не хотелось мириться, но все же против власти ничего особенного сделать не могло, хотя и роптало на сей счет, что было широко известно. Поэтому правительство (иногда в том числе и по иным соображениям) думало о замене подобной системы комплектования. Так, уже при Павле I появляется некая идея, напоминающая будущие военные поселения, развившиеся при Александре I. Причем стоит здесь подчеркнуть, что это была именно идея последнего, хотя во многом она соответствовала интересам дворянства, тем более что эти поселения располагались, как правило, на землях государственных, а не помещичьих. Несмотря на это, порядки в этих поселениях, создаваемых под эгидой графа А. А. Аракчеева, вызывали возмущение у достаточно многих представителей дворянства, особенно офицерства, не всегда лишь по моральным соображениям, но и, исходя из тезиса о том, что крайне сложно сочетать полевую работу и солдатскую муштру, и, в том числе, из опасения усиления опоры монарха на эти воинские соединения с нарастанием угрозы тирании со стороны власти, в том числе и в отношении дворянства, тем более, что многое из этого уже проходили при Павле [18].

Вопрос о ренте и ее размерах все же чаще исходил также от верховной власти, хотя и понимание опасности «перегнуть палку» и вызвать бунт, подобный пугачевскому, присутствовало в тогдашнем дворянстве. Наиболее интересен в этом отношении знаменитый Манифест от 5 апреля 1797 г. об ограничении барщины (часто неверно трактуемый как «Манифест о трехдневной барщине», так как в нем запрещалась именно воскресная барщина, и лишь рекомендовалось не заставлять крестьян работать больше трех дней в неделю; заметим, что запрет барщины в праздничные дни появился лишь в 1818 г., а не при Павле, как иногда указывается в литературе). Это был своеобразный позыв со стороны власти, в определенной степени восходящий к исторической традиции, но резко усиливавший свое значение созданием специального гласного документа, да еще и приуроченного к коронации монарха [3, с. 181–209].

Это не могло не сказаться на дворянской общественной мысли в целом, которая, в общем-то, приняла эти ограничения и критиковала, как правило, в дальнейшем злоупотребления на сей счет отдельных помещиков, хотя нарушения этого вроде как установленного свыше порядка носили на практике постоянный характер. Число проектов, рассматривавших данный вопрос, велико (при Павле – 11, при Александре – 171, при Николае – 269). Особенно здесь стоит отметить, что данное положение было довольно общим местом даже в весьма консервативных проектах, которые все же считали подобные ограничения помещичьей власти верными. С другой стороны, не забудем, что такие ограничения по-разному рассматриваются сегодня, например, исследователем Б. Н. Мироновым, отмечавшим, что русский крестьянин работал на барина более, чем вдвое, меньше, чем рабы на плантациях тогдашней Америки [13, с. 400].

На вопросе о контроле за жестокими помещиками сходились обе стороны – и дворянство, и самодержавие. Для консерваторов-идеологов типа А. С. Шишкова, сторонников тезиса «помещики – отцы родные для крестьян», этот контроль признавался необходимым, чтоб не портить нужной благостной картины этих взаимоотношений, для других – чтоб не допустить пугачевщины, для властей – в связи с необходимостью сохранения порядка и государственной безопасности в крестьянской по преимуществу стране. Правда, активность верхов в этом отношении была не столь большой и, скажем так, во многом спорадической (при том, что тенденции развития в данном вопросе до конца не изучены, хотя можно считать, что движение здесь шло по нарастающей – от Екатерины II до Николая I, хотя отдельные факты на

сей счет имели место и в XVII в., и при Петре I). В этой связи отметим, что пресловутая Салтычиха, с нашей точки зрения, если и не была типичным представителем подобных действий, с которыми пыталась бороться и верховная власть, и определенная часть правящего сословия, но она, в общем, мало отличалась от сходных по образу мыслей и действий в отношении подвластных им крестьян помещиков круга Простаковых и Скотинина, а не так, как это подается сегодня некоторыми публицистами, приукрашивающими крепостное право в России.

Роль дворянства и его взаимоотношения с владельцеским крестьянством в до-реформенную эпоху сегодня по-разному оценивается в литературе. И здесь на первое место выходит фигура Салтычихи – типичной или нетипичной представительницы клана Простаковых, Скотинина и иже с ними, либо А. И. Герцена, Н. П. Огарева, декабристов. В этой связи, действительно, единичные факты и фигуры мало что значат. Однако данный спор не является пустым. Так, в свое время И. А. Бунин в своих «Октябрьских днях» писал: «“Салтычиха, крепостники, зубры...” Какая вековая низость – шулерничать этой Салтычихой, самой обыкновенной сумасшедшей. А декабристы, а знаменитый Московский университет тридцатых и сороковых годов, за-воеватели и колонизаторы Кавказа, все эти западники и славянофилы, деятели “эпохи великих реформ”, “кающийся дворянин”, первые народовольцы, Государственная Дума? А редакторы знаменитых журналов? А весь цвет русской литературы? А ее герой? Ни одна страна в мире не дала такого дворянства». Среди современных сторонников более мягкого отношения к крепостному праву (по крайней мере, в данном отношении) – Б. Н. Миронов, а также прямой апологет крепостного права А. В. Савельев. С другой стороны, как писал Б. Ю. Керженцев, «крепостное рабство стало преступной взяткой, которой правительство покупало дворянскую поддержку и лояльность». Мы придерживаемся здесь традиционной точки зрения, и для нас вина и самодержавия, и дворянства за физическое и морально-нравственное угнетение подвластного им крестьянства очевидна. В общем, как говорил герой Ш. де Костера, «пепел Клааса стучит в мое сердце» [1, с. 116; 9, с. 248; 13, с. 360–422; 16].

Вопрос об освобождении крестьян от помещичьей власти также возникал и под влиянием персон, олицетворявших самодержавие, как та же Екатерина II, которая, несмотря на реальное нарастание крепостнического рабства в ее время, сама была противницей крепостничества и иногда инициировала его осуждение (случай с публикацией Г. Ф. Миллером произведения пастора И. Г. Эйзена фон Шверценберга, Наказ Уложенной комиссии). Движение в сторону крестьянской эмансипации имело место и применительно к некоторым лицам правящего сословия, правда, это явление все же стало характерным лишь в самом начале XIX в., пусть и А. Н. Радищев заговорил об этом несколько раньше (даже имея некоторое число своих последователей типа И. П. Пнина). Но здесь разница была серьезной. Самодержавие почти ничего не теряло от реализации этой идеи освобождения, а дворянство существовало, в основном (конечно, не боясь во внимание жалованья тех, кто служил), за счет своей «крещеной собственности». И лишь тогда, когда местное дворянство, как это было в остзейских губерниях, само инициировало такое освобождение в 1816–1819 гг. (практически безземельное), правительство на него пошло, но в дальнейшем все же отказалось от такого плана «погубернского» освобождения из-за «язвы пролетариата», как писали тогда, и по другим причинам. Но наряду с этим существовал и указ 1803 г. о свободных хлебопашцах, но которому мало кто следовал (до реформы от 1 до 2 % крестьян было по нему освобождено – капля в море). Настоящего желания пойти на это освобождение, да еще с передачей крестьянам земли, пусть и за выкуп, мало кто из дворян выказал.

Заметим и то, что разговоры о крестьянской эмансипации даже в таком сообществе как декабристские организации, оставались преимущественно разговорами,

так как никто из них своих крестьян не освободил (не до конца ясен вопрос с И. И. Горбачевским), а всякого рода близкие к ним общества (такие как Общество 1820 г. П. А. Вяземского и братьев Тургеневых, Общество 1825 г. И. И. Пущина и др.) также не имели никаких серьезных итогов в этом отношении. Лишь немногие из них освободили несколько дворовых людей. Такие же последствия имели и усилия так называемых дворянских революционеров и подобных им радикалов позднейшей эпохи. Не имел серьезного успеха и довольно жалкий указ об обязанных крестьянах 1842 г., инициированный властями при учете дворянских интересов, так как крестьяне не получали по нему земли в собственность, а просто переходили на контрактные отношения с землевладельцами, да и то лишь по желанию помещика [7, с. 152–173, 225–231].

Заключение

В итоге на выходе оставался лишь известный тезис А. С. Пушкина из его «Деревни»: «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный и рабство, падшее по манио царя...» [14]. Так и случилось в эпоху реформы 1861 г., которая была проведена самодержавием при Александре II против воли огромного большинства дворянского сословия.

Список источников и литературы

1. Антология русской поэзии и прозы. XX век. Ч. 1 / сост. Г. Г. Гольдштейн, Н. С. Орлова; вступ. ст. Е. А. Таратуты. М.: Круглый год, 1994. 336 с.
2. Данилов А. Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV–XIX вв.). Ростов н/Д: Феникс, 2007. 317 с.
3. Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. : в 2 т. Липецк: ЛГПУ, 2006. Т. 1. 311 с.
4. Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. : в 2 т. Липецк: ЛГПУ, 2006. Т. 2. 359 с.
5. Долгих А. Н. О попытке зондажа дворянского общественного мнения по крестьянскому вопросу Николаем I в 1840-е гг. // Манускрипт. 2018. № 7 (93). С. 31–34.
6. Долгих А. Н. «Пороховой погреб под государством»: пути решения крестьянского вопроса в России в эпоху правления Николая I. Историографические очерки. Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. 478 с.
7. Долгих А. Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. : историографические очерки : в 2 т. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. Т. 1. 354 с.
8. Жуковская Т. Н. К вопросу о реформаторских планах Александра I (1801–1825 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1992. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. Вып. 3 (№ 16). С. 91–93.
9. Керженцев Б. Ю. Окаянное время. Россия в XVII – середине XVIII вв. М.: Вече, 2013. 304 с.
10. Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. : в 55 т. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1979. Т. 5. С. 21–72.
11. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.
12. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990. 235 с.
13. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX в.) : в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 549 с.
14. Пушкин А. С. Деревня // Полн. собр. соч. : в 10 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 1. С. 361.
15. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 360 с.
16. Савельев А. Н. Выдумки о «темном царстве» крепостничества // Русский Дом. 2011. № 2 (февраль). URL: www.russdom.ru/node/3671 (дата обращения: 22.09.2025).

17. Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М.: Мысль, 1982. 368 с.
18. Ячменихин К. М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов: Сіверянська думка, 2006. 444 с.

References

1. Goldshchtein, GG, Orlova, NS & Taratuti, YeA 1994, *Antologiya russkoy poezii i prozi. XX vek. Ch. 1.* (Anthology of Russian Poetry and Prose. 20th Century. Part 1), Kruglyy god publ, Moscow. (In Russ.)
2. Danilov, AG 2007, *Alternativy v istorii Rossii: mif ili realnost (XIV–XIX vv.)* (Alternatives in Russian History: Myth or Reality (14th–19th Centuries)), Feniks publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
3. Dolgikh, AN 2006, *Krestyanskiy vopros vo vnutrenney politike rossiyskogo samoderzhaviya v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX vv.: V 2 t.* (The Peasant Issue in the Domestic Policy of the Russian Autocracy in the Late 18th – First Quarter of the 19th Centuries. In 2 Vols), vol. 1, LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.)
4. Dolgikh, AN 2006, *Krestyanskiy vopros vo vnutrenney politike rossiyskogo samoderzhaviya v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX vv.: V 2 t.* (The Peasant Issue in the Domestic Policy of the Russian Autocracy in the Late 18th – First Quarter of the 19th Centuries. In 2 Vols), vol. 2, LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.)
5. Dolgikh, AN 2018, ‘О попытке зондажа дворянского общественного мнения по крестьянскому вопросу Николаем I в 1840-е гг.’ (Attempt of Nicholas I to Monitor the Russian Nobility’s Opinion on the Peasant Issue in the 1840s), *Manuscript*, no. 7 (93), pp. 31–34. (In Russ.)
6. Dolgikh, AN 2022, «*Porokhovoy pogreb pod gosudarstvom*»: puti resheniya krestyanskogo voprosa v Rossii v epokhu pravleniya Nikolaya I. *Istoriograficheskiye ocherki* (‘A Powder Keg Under the State’: Ways to Solve the Peasant Issue in Russia during the Reign of Nicholas I. Historiographical Essays), LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.)
7. Dolgikh, AN 2018, «*Uvizhu l, o druzya, narod neugnetenniy...»: Rossiiskoye dvoryanstvo i krestyanskiy vopros v XVIII – pervoy chetverti XIX v. Istoriograficheskiye ocherki: V 2 t. T. 1* (“Will I see, friends, an unoppressed people...”: The Russian Nobility and the Peasant Issue in the 18th – First Quarter of the 19th Century. Historiographical Essays. In 2 Volumes), vol. 1, LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.)
8. Zhukovskaya, TN 1992, ‘К вопросу о реформаторских планах Александра I (1801–1825 гг.)’ (On the Reform Plans of Alexander I (1801–1825)), *Vestnik of Saint Petersburg University. History, Linguistics, Literary Criticism*, no. 3 (16), pp. 91–93. (In Russ.)
9. Kerzhentsev, BYU 2013, *Okayannoye vremya. Rossiya v XVII – seredine XVIII vv.* (The Cursed Time. Russia in the 17th – Mid-18th Centuries), Veche publ, Moscow. (In Russ.)
10. Lenin, VI 1979, ‘Гонители земства и аннибали либерализма’ (The Persecutors of the Zemstvo and the Hannibals of Liberalism), *Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 t.* (Complete Works in 55 Vols), vol. 5, pp. 21–72. (In Russ.)
11. Mironenko, SV 1989, *Samoderzhaviye i reformi. Politicheskaya borba v Rossii v nachale XIX v.* (Autocracy and Reforms. Political Struggle in Russia at the Beginning of the 19th Century), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
12. Mironenko, SV 1990, *Stranitsi taynoi istorii samoderzhaviya: Politicheskaya istoriya Rossii pervoy polovini XIX stoletiya* (Pages of the Secret History of the Autocracy. Political History of Russia in the First Half of the 19th Century), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
13. Mironov, BN 1999, *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII–XX v.): V 2 t.* (Social History of Russia during the Imperial Period (18th–20th Centuries). In 2 Vols), vol. 1, Dmitriy Bulanin publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Pushkin, AS 1962, ‘Деревня’ (The Village), *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t.* (Complete Works in 10 Vols), vol. 1, Goslitizdat publ Moscow. (In Russ.)
15. Ruzhitskaya, IV 2015, *Zakonodatel'naya deyatel'nost v tsarstvovaniye imperatora Nikolya I* (Legislative Activity during the Reign of Emperor Nicholas I), Tsentr gumanitarnykh initiativ publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)

16. Savelyev, AN 2011, ‘Vidumki o «temnom tsarstve» krepostnichestva’ (Fantasies about the ‘Dark Kingdom’ of Serfdom), *Russkiy Dom*, no. 2, viewed 22 September 2025, www.russdom.ru/node/3671. (In Russ.)
17. Eidelman, NYa 1982, *Gran vekov. Politicheskaya borba v Rossii. Konets XVIII – nachalo XIX stoletiya* (The Edge of Centuries. Political Struggle in Russia. The End of the 18th Century and the Beginning of the 19th Century), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
18. Yachmenikhin, KM 2006, *Armiya i reformi: voennyye poseleniya v politike rossiiskogo samoderzhaviya* (Army and Reforms. Military Settlements in the Politics of the Russian Autocracy), Siverska dumka publ, Chernigov. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.09.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 20.09.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 58–67.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 58–67.

Научная статья
УДК 930.2+94
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-58-67>

ПЕРЕХОД ИЗ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ПРАВОСЛАВИЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

**Александр Владимирович
Соколов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, alks_2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5016-3199>

Аннотация. Статья посвящена переходу старообрядцев в лоно официальной церкви. Целью исследования является анализ статистики переходов из старообрядчества в официальное православие в XIX – начале XX в. в Тульской губернии на основе отчетности тульской духовной консистории. В рамках данной работы были рассмотрены лишь те материалы, которые не были напрямую связаны с явным административным воздействием на старообрядцев. Данная выборка обусловлена тем, что она позволяет не фокусироваться на ярких и драматических случаях «борьбы с расколом», однако позволяет проследить общую динамику перехода из старой веры в официальное православие. Во всех анализируемых материалах упоминается время обращения, населенный пункт, в котором проживал неофит, в большинстве материалов указан пол, возраст, социальная принадлежность, а также предыдущая принадлежность к определенному старообрядческому согласию обращенного. На основе подсчета данных по разным годам возможно проследить динамику этих процессов во времени. Было отмечено, что самый жесткий административный прессинг на старообрядцев (как при Николае I) не давал ожидаемых результатов; а вот ненасильственные методы «борьбы с расколом» при условии умеренной маргинализации старой веры на уровне властных институтов оказывались гораздо более эффективными. После манифеста от 17 апреля 1905 г. тенденция на переход в официальную веру практически сошла на нет. Что касается социального состава тех, кто переходил из старой веры в православие, то среди сельских жителей большинство составляли крестьяне, а среди жителей городов переход преимущественно осуществлялся в мещанской среде. Поповцы и беспоповцы в равной степени были склонны к переходу в официальную церковь.

Ключевые слова: старообрядцы, социальные группы, переход, крестьяне, мещане, поповцы, беспоповцы.

Для цитирования: Соколов А. В. Переход из старообрядчества в православие в XIX – начале XX в. (на материалах Тульской губернии) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 58–67. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-58-67>

Сведения об авторе: А. В. Соколов – ассистент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 930.2+94

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-58-67>

THE CONVERSION FROM OLD BELIEVERS TO ORTHODOXY IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES (A CASE STUDY OF THE TULA GOVERNORATE)

Alexandre V. Sokolov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, alks_2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5016-3199>

Abstract. The article focuses on the conversion of Old Believers to the Established Church. The aim of the research is to analyze the statistics of conversions from Old Belief to official Orthodoxy in the 19th and early 20th centuries in the Tula Governorate based on the reports of the Tula ecclesiastical Consistory. This work examines only those reports that were not directly related to explicit administrative pressure on the Old Believers. This sampling makes it possible to trace the general dynamics of conversion from the old faith to official Orthodoxy, without focusing on the vivid and dramatic cases of the 'fight against schism'. All analyzed materials mention the time of conversion and the settlement where the convert lived; most materials also indicate gender, age, social status, as well as the convert's prior affiliation with a specific Old Believer denomination. Based on data concerning the time when conversion reports were submitted, the author identifies a trend of growing need among Old Believers for an official change of faith. It worth noting that, despite the targeted campaign against Old Believers during the reign of Nicholas I, non-violent methods of 'fighting the schism' proved more effective under the condition of moderate marginalization of the old faith at the state institutions level. After the manifesto of April 17, 1905, the trend of conversion to the official faith virtually disappeared. The social composition of converts varied: peasants in Tula Governorate clearly constituted the majority among them; as for urban residents, conversions occurred primarily among the *meshchane* (burgher). The author emphasizes that both *popovtsy* (priestist Old Believers) and *bespopovtsy* (priestless Old Believers) tended to convert to the official church.

Keywords: Old Believers, social groups, conversion, peasants, burgher, *popovtsy*, *bespopovtsy*.

For citation: Sokolov, AV 2025, 'The Conversion from Old Believers to Orthodoxy in the 19th and Early 20th Centuries (a Case Study of the Tula Governorate)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 58–67, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-58-67> (in Russ.)

Information about the Author: Alexandre V. Sokolov – Assistant of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Согласно законам Российской империи до манифеста 17 апреля 1905 г. перейти в православие мог любой, а вот выйти из официальной веры юридически было невозможно. В то же время старообрядцы зачастую были вынуждены совершать переход в православие в силу государственного прессинга: им грозили длительные увещевания, судебные процессы, наказания. К таким неофитам власти в XIX – начале XX в. относились с настороженностью. За частую над ними устанавливался особый надзор, чтобы определить искренность этого перехода и наказать в случае рецидива «раскольничих суеверий». В архивных фондах помимо пространных дел, в которых переход сопровождался длительными предварительными административными процедурами, существуют также материалы, которые в виде небольших рапортов и отчетов сообщают о том, что конкретное лицо перешло из раскола в православие. Вообще переход любого человека в православие рассматривался как несомненное достижение церкви. В фонде Тульской духовной консистории сохранилось более 1219 подобных дел, однако большинство из них касалось перехода в лоно официальной церкви лютеран, католиков, иудеев, мусульман. Однако среди этого комплекса документов удалось выявить 309 случаев, в которых отражен переход в православие старообрядцев.

Подобные материалы практически не рассматривались исследователями. С одной стороны, они отличаются сухостью и низкой информативностью, а с другой – ученых существуют обоснованные подозрения о вынужденном характере подобных переходов и сомнения в их искренности [1, с. 38–42; 25, с. 86–88; 28; 30, с. 36]. Однако комплексное рассмотрение этих дел позволяет оценить степень эффективности борьбы светской и духовной власти с расколом в разные годы, а также установить, какие категории населения чаще обращались к смене веры.

Целью исследования является анализ статистики переходов из старообрядчества в официальное православие в XIX – начале XX в. в Тульской губернии. Для решения поставленной цели необходимо, во-первых, выявить динамику перехода из старой веры и те факторы, которые на нее влияли. Во-вторых, установить дифференциацию «переходящих» по половому, социальному и религиозному признаку.

Источники и методы исследования

Основой данного исследования стали материалы фонда Тульской духовной консистории Государственного архива Тульской области (ГУ ГАТО. Ф. 3), поскольку именно в нем содержатся интересующие нас свидетельства о переходе. В рамках данной работы были рассмотрены лишь те сообщения, которые не были напрямую связаны с явным административным воздействием на старообрядцев. Данная выборка обусловлена тем, что она позволяет не фокусироваться на ярких и драматических случаях борьбы с расколом, однако позволяет проследить общую динамику перехода из старой веры в официальное православие. В рамках работы под официальной верой и официальным православием мы подразумеваем как единовение, так и православную церковь, поскольку в источниках между этими направлениями могло не быть дифференциации.

Основная часть

Как ранее было сказано, рассматриваемые нами источники о переходе в официальное православие имеют низкую информативность. В них практически не говорится о мотивах перехода. Мотивы отдельных перешедших в официальное православие мы отчасти можем узнать по иным источникам. Так, в 1883 г. переход в официальное православие совершил Назарий Горлов, а в 1891 г. – Яков Соболев, оба они были федосеевцами из села Бунырево Алексинского уезда. При этом в церковь они не ходили, объясняя это тем, что приняли православие лишь для узаконения своего брака с православными женами [7, л. 1–4]. Другим примером может быть Фо-

ма Земцов, который в 1893 г. перешел из поморского согласия в единоверие после личного конфликта с родственниками [5, л. 1, 21, 22]. В отдельных случаях мотивы перехода проговариваются напрямую, но эта информация фрагментарна и не позволяет корректно говорить в целом о причинах перехода. В отдельных случаях мы можем быть уверены, что переход был совершен под давлением внешних факторов, из-за чего мы склонны сомневаться в его искренности и добровольности. К примеру, Федор Захаров в 1862 г. и Ксенофонт Агафонов в 1863 г. перешли в православие, находясь в «тюремном замке» [18; 19]; шесть человек перешли в официальную веру после длительного и обязательного увещевания [2, л. 1; 4, л. 1; 5, л. 33; 16, л. 1; 17, л. 2; 20, л. 1]. Подобные яркие случаи не могут охарактеризовать все мотивы, которые сопровождали переход из старой веры в официальное православие.

В то же время рассматриваемые нами источники дают в 200 из 309 случаев информацию о социальной принадлежности лиц, совершивших переход, в 261 из 309 – о половой принадлежности, в 186 из 309 – о принадлежности новообращенных к поповству или беспоповству. Во всех источниках указан населенный пункт и год, в который был совершен переход. Мы также можем говорить о том, что в подавляющем большинстве переход совершался индивидуально, но иногда переходили группами, чаще семьями. Во втором случае переход, как правило, инициировался либо отцом семейства, либо матерью, с которыми переходили их дети. Переход, согласно законам Российской империи, мог осуществить лишь совершеннолетний. Мы знаем лишь один случай, когда 15-летний крестьянин деревни Бурдукова Веневского уезда Михей Никифорович Кузин решил перейти в официальное православие без согласия родителей в 1901 г., при этом его просьба была удовлетворена [8, л. 83–105]. Этот казус, с одной стороны, говорит о том, что при желании несовершеннолетний также мог совершить переход в православие в индивидуальном порядке, с другой – что возраст инициирующих переход мог варьироваться от 15 до 72 лет [6, л. 75; 8, л. 83–105].

Рассматривать число переходов наиболее уместно не по годам, а по периодам правления императоров, это связано с тем, что в разные эпохи формировалось определенное отношение к старообрядцам, а также оформлялись разные методы борьбы с расколом.

На основе представленных данных мы видим, что в спокойные для старообрядцев периоды правления Павла I и Александра I число переходов было незначительным. Сказывалось не только относительно толерантное отношение властей к старообрядцам, но и неразвитость миссионерской деятельности. Количество переходов возросло при Николае I, что было связано с усилением административного нажима на людей древнего благочестия. Однако в пореформенную эпоху этот алгоритм начинает изменяться на диаметрально противоположный. В условиях либерализации религиозной политики количество переходов не падало, а росло. Пик переходов мы наблюдаем в первые десять лет правления Николая II, когда преследование старообрядцев в административном формате практически прекратилось. Сохранение тенденции на переход в официальную церковь после прихода к власти Александра II во многом связано с изменившейся логикой борьбы с расколом. Если ранее борьба осуществлялась за счет воздействия административного ресурса, то теперь на смену жесткому прессингу пришли более мягкие, церковно-гуманитарные и гуманные методы по обращению старообрядцев в официальное православие. Пиковое же значение в первые годы правления Николая II объясняется тем, что церковные методы по борьбе с расколом достигли наибольшего развития. Важным фактором стало и то, что в 1894 г. в Туле организуется единоверческая община, которую возглавил деятельный миссионер Доментий Холопов. На данном этапе мы можем сделать промежуточный вывод о том, что в логике борьбы с раско-

лом наиболее эффективными были ненасильственные методы по обращению старообрядцев в лоно официальной церкви. Такая тенденция продолжалась до манифеста от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». После его издания в официальное православие с 1905 по 1917 гг. перешло только тринадцать человек [9, Л. 5, 18, 24, 36, 68, 77, 105–108, 112–113; 10, Л. 50–51, 91–92], а официально вышло из господствующей церкви в старообрядчество пять [11; 12; 13; 14; 15]. Поскольку манифест во многом уравнивал положение старо- и новообрядцев, а также позволял свободно менять свою религиозную принадлежность, то привлекательность официальной веры во многом нивелировалась, поскольку приверженность к разным церквям не влекла правовых ограничений для носителя старообрядческой религиозной традиции.

Таблица 1

**Число переходов из старообрядчества в официальное православие
в Тульской губернии в 1800–1904 гг.¹**

Император	Число переходов	Из них мужчин	Из них женщин
Павел I	1	1	-
Александр I	14	7	7
Николай I	56	38	12
Александр II	52	36	16
Александр III	72	42	30
Николай II	114	34	38
Итого	309	158	103

¹ Составлены на основе документов: ГУ ГАТО. Ф. 3 Оп. 6. Д. 1693; Оп. 1. Д. 1837, 1931, 267; Оп. 18. Д. 2300, 2309, 2315, 2426, 3264, 3364, 3368, 3595, 3597, 3599, 3608; Оп. 19. Д. 379, 461, 462, 463, 618, 621, 630, 721, 729, 733, 737, 740, 742; Оп. 2. Д. 2258, 2394, 4740, 4841, 592; Оп. 3. Д. 1305, 2985, 3482; Оп. 4. Д. 1958, 23, 3037, 3050, 3569, 458, 503, 1574; Оп. 5. Д. 1072, 1084, 1085, 1110, 1120, 1184, 1211, 295, 300, 303, 304, 306, 338, 339, 37, 38, 40, 461, 675, 749, 86, 89, 977, 1037, 1047, 1049; Оп. 6. Д. 1165, 1178, 1200, 1394, 1395, 1408, 1690, 1697, 258, 655, 663, 1030, 1192, 1694; Оп. 7. Д. 1155, 1162, 1360, 1363, 1370, 1371, 1372, 1567, 1568, 1571, 1759, 1761, 1764, 2066, 2216, 2346, 2347, 2352, 2353, 2355, 2531, 2533, 2534, 2535, 2538, 2540, 2544, 2546, 2711, 2714, 2717, 2721, 2725, 2728, 2877, 2884, 2888, 2893, 2895, 2896, 2898, 2902, 3127, 3132, 3137, 3142, 3143, 3150, 3409, 3412, 3416, 3419, 3422, 3426, 3427, 3429, 3433, 3434, 4131, 4411, 4529, 4736, 526, 570, 811, 813, 1163, 1164, 664; Оп. 8. Д. 425, 555, 71, 2295; Ф. 90. Оп. 1. Т. 30. Д. 24215.

Среди перешедших в официальное православие преобладали мужчины, женщины, очевидно, были менее склонны совершать переход. Во многом это объясняется гендерной дифференциацией: мужчины гораздо сильнее были вовлечены в общественную жизнь, женщины зачастую были ограничены своим домашним окружением. Это приводило к тому, что мужчины были вынуждены чаще подстраиваться под общественные реалии по сравнению с женщинами, поскольку на их социальной жизни формальная принадлежность к старой и новой вере сказывалась в большей степени.

Таблица 2

Места проживания старообрядцев, переходивших в официальное православие в Тульской губернии в 1800–1904 гг.²

Тип населенного пункта	Число
Город	143
Село / сельцо / деревня	166

² Составлены на основе документов: ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 1693; Оп. 1. Д. 1837, 1931, 267; Оп. 18. Д. 2300, 2309, 2315, 2426, 3264, 3364, 3368, 3595, 3597, 3599, 3608; Оп. 19. Д. 379, 461, 462, 463, 618, 621, 630, 721, 729, 733, 737, 740, 742; Оп. 2. Д. 2258, 2394, 4740, 4841, 592, 1305; Оп. 3. Д. 2985, 3482; Оп. 4. Д. 1958, 23, 3037, 3569, 503, 1574; Оп. 5. Д. 1072, 1084, 1085, 1110, 1120; Оп. 5. Д. 1184, 1211, 295, 300, 303, 304, 306, 338, 339, 37, 38, 40, 675, 749, 86, 89, 977; Оп. 6. Д. 1037, 1047, 1049, 1165, 1178, 1200, 1394, 1395, 1408, 1690, 1697, 258, 258, 655, 663, 1030, 1192, 1694; Оп. 7. Д. 1155, 1162, 1360, 1363, 1370, 1371, 1372, 1567, 1568, 1571, 1759, 1761, 1764, 2066, 2216, 2346, 2347, 2352, 2353, 2355, 2531, 2533, 2534, 2535, 2538, 2540, 2544, 2546, 2711, 2714, 2717, 2721, 2725, 2728, 2877, 2884, 2888, 2893, 2895, 2898, 2902, 3127, 3132, 3137, 3142, 3143, 3150, 3409, 3412, 3416, 3419, 3422, 3426, 3427, 3429, 3433, 3434, 4131, 4411, 4529, 4736, 526, 570, 811, 813, 1163, 1164, 664; Оп. 8. Д. 425, 555, 71; Оп. 9. Д. 2295; Ф. 90. Оп. 1. Т. 30. Д. 24215.

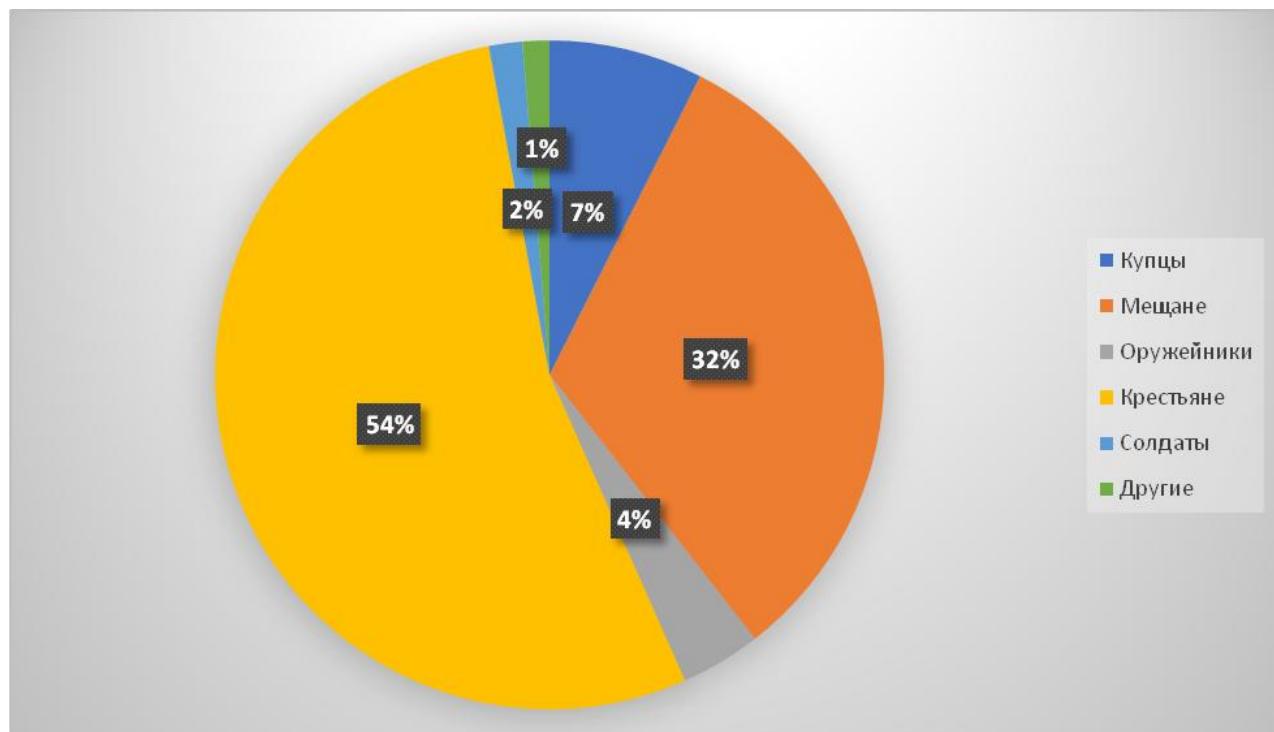
Анализ социального состава переходящих в официальное православие проводить достаточно сложно. Как ранее говорилось, информация о социальном положении перешедшего представлена только в 200 из 309 случаев. Если мы посмотрим не только на социальный состав, но и на места проживания (см. таблицу 2), то обнаружим, что в основном переход совершился среди сельских жителей. Все те 109 дел, где социальный статус не указан, связаны с сельскими жителями. Можно предположить, что в большинстве своем это были крестьяне. Об этом говорит уже то, что деревенские священники манкировали указанием сословной принадлежности неофита, очевидно, считая это указание совершенно избыточным. Всего мы можем выделить шесть социальных прослоек жителей Тульской губернии, которые совершали переход в православие. В категорию «другие» мы отнесли чиновников, ремесленников и цеховых ремесленников. Суммарно эта категория составляет четыре человека. Исходя из сведений источников, мы видим, что переходили в официальную веру преимущественно сельские жители, т. е. крестьяне. В городской среде преобладали мещане.

Объяснить такую ситуацию с перешедшими достаточно сложно, так как в источниках не указываются мотивы перехода. Были ли они в большинстве своем чистой формальностью для достижения каких-либо практических целей (в зависимости от социальной принадлежности эти цели могли сильно различаться) или это был переход из-за искренней смены религиозной парадигмы? По всей видимости, более высокий процент перешедших среди крестьян-старообрядцев был связан с их сравнительно низким социальным статусом и слабой корпоративностью. Старообрядцы-городяне зачастую проживали компактными религиозными общинами, в то время как крестьяне-старообрядцы, как правило, жили небольшими анклавами в несколько семей. Подобные условия позволяли местным священникам или приезжим миссионерам оказывать наибольшее влияние на приверженцев древнего благочестия. Оказываясь под воздействием регулярных увещеваний и не имея возможности их избежать, крестьяне были более склонны к переходу. Однако в таких условиях этот шаг далеко не всегда означал искреннюю смену религиозной парадигмы, а мог быть следствием их стремления к формальному изменению статуса. В конечном счете увещевания напрямую затрагивали их «мирские» интересы, в виде затрачивания времени, которое крестьянин мог провести в своих «трудах и заботах». Старообряд-

цы-горожане, проживая компактней и имея более тесные внутренние социально-религиозные связи, не были столь «уязвимы» для проповедей, поскольку переход в официальную веру с одной стороны улучшал их социальный статус, но с другой приводил к конфликтам с их привычным окружением.

Диаграмма 1

Социальный состав лиц, перешедших из старообрядчества в официальное православие в Тульской губернии в 1800–1904 гг.³

³ Составлены на основе документов: ГУГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 1693; Оп. 1. Д. 1837, 1931, 267; Оп. 18. Д. 2300, 2309, 2315, 2426, 3264, 3364, 3368, 3595, 3597, 3599, 3608; Оп. 19. Д. 379, 461, 462, 463, 618, 621, 630, 721, 729, 737, 740, 742; Оп. 2. Д. 2258, 2394, 4740, 4841, 592; Ф. 3. Оп. 3. Д. 1305, 2985, 3482; Оп. 4. Д. 1958, 23, 3037, 3050, 3569, 458, 503, 1574; Оп. 5. Д. 1072, 1084, 1085, 1110, 1120, 1184, 1211, 295, 300, 303, 304, 306, 338, 339, 37, 38, 40, 461, 675, 749, 86, 89, 977; Оп. 6. Д. 1037, 1047, 1049, 1165, 1178, 1200, 1394, 1395, 1408, 1690, 1697, 258, 258, 655, 663, 1030, 1192, 1694; Оп. 7. Д. 1155, 1162, 1360, 1363, 1370, 1371, 1372, 1567, 1568, 1571, 1759, 1761, 1764, 2066, 2216, 2346, 2347, 2352, 2353, 2355, 2531, 2533, 2534, 2535, 2538, 2540, 2544, 2546, 2711, 2714, 2717, 2721, 2725, 2728, 2877, 2884, 2888, 2893, 2895, 2896, 2898, 2902, 3127, 3132, 3137, 3142, 3143, 3150, 3409, 3412, 3416, 3419, 3422, 3426, 3427, 3429, 3433, 3434, 4131, 4411, 4529, 4736, 526, 570, 811, 813, 1163, 1164, 664; Оп. 8. Д. 425, 555, 71; Оп. 9. Д. 2295; Ф. 90. Оп. 1. Т. 30. Д. 24215.

Из имеющихся данных об изначальной принадлежности староверов к поповству или беспоповству мы видим, что из 186 случаев, где упоминается принадлежность к определенному согласию, 96 человек ранее относились к первому и 90 – ко второму старообрядческому направлению. Разница невелика. Представители поповства и беспоповства переходили в официальную веру одинаковыми темпами.

Остается непонятным, насколько подобные переходы реально влияли на численность старообрядцев в Тульской губернии. Статистика по численности старообрядцев крайне ненадежна не только в Тульской губернии, но и в целом по Российской империи [23; 24; 26; 27; 28; 29]. В то же время, очевидно, что переход инициировала лишь малая часть старообрядцев. Каково было количество право-

славных, уклонявшихся в раскол, не до конца ясно, тем не менее такие случаи происходили регулярно. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что политика властей по обращению старообрядцев в официальную веру не была успешной.

Заключение

Представленные сведения позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, рапорты и отчеты о переходе из старообрядчества в официальную веру, несмотря на низкую информативность, имеют большое значение для понимания специфики трансформации религиозного ландшафта. Они позволяют выявить динамику переходов, социальный, половой, возрастной и религиозный состав переходящих. Во-вторых, мы можем отметить, что, несмотря на целенаправленную борьбу со старообрядцами в эпоху Николая I более эффективными оказались ненасильственные методы борьбы с расколом, однако при условии, что на уровне властных институтов старая вера была маргинализирована. После манифеста от 17 апреля 1905 г. тенденция на переход в официальную веру практически сходит на нет. В-третьих, социальный состав переходящих был разным: крестьян в Тульской губернии среди них было, очевидно, большинство, что касается городских жителей, то переход преимущественно осуществлялся в мещанской среде. В-четвертых, поповцы и беспоповцы в равной степени были склонны к переходу в официальную церковь, заметной разницы между ними нет.

Список источников и литературы

1. Володина Т. А. Численность Тульских старообрядцев в XVIII – XIX вв.: методологические аспекты // Старообрядчество: история, культура, современность. 2019. № 18. С. 38–42.
2. ГУ ГАТО (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. 3. Оп. 4. Д. 458.
3. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 37.
4. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1072.
5. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 3429.
6. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 4131.
7. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 4737.
8. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 71.
9. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 892.
10. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1128.
11. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2379.
12. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2382.
13. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2383.
14. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2577.
15. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2578.
16. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 2315.
17. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 3597.
18. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 379.
19. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 461.
20. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 618.
21. ГУ ГАТО. Ф. 664. Оп. 1. Д. 33.
22. ГУ ГАТО. Ф. 664. Оп. 1. Д. 35.
23. Еремеев П. В. И всё же, два миллиона или двадцать? Численность старообрядцев Российской империи в XIX – начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7, вып. 7 (51). URL: <https://history.jes.su/s207987840001595-3-1/> (дата обращения: 20.07.2025).
24. Еремеев П. В. Методы оценки достоверности статистики старообрядчества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на примере Харьковской губернии) // Историческая

- информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2015. № 1-2 (11-12). С. 73–97.
25. Каменева Е. А. Петербургские старообрядцы в XVIII – первой половине XIX века. СПб.: Дм. Буланин, 2013. 287 с.
26. Катькова В. В., Мышенцев Н. П. Старообрядческие общины самарской губернии: численность, структура, динамика развития // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13, № 3. С. 47–54.
27. Кириллов И. А. Статистика старообрядчества. М.: журн. "Старообрядческая мысль", 1913. 26 с.
28. Латыпов И. Р. Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX – начале XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chislenost-staroobryadchestva-kazanskoy-gubernii-v-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 20.07.2025).
29. Латыпов И. Р. Развитие старообрядческих общин Казанской губернии в XIX – начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Латыпов Ильяпат Рафаэлевич. Казань, 2011. 224 с.
30. Матющенко В. С. Старообрядчество в Приамурье в XIX – начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук : 09.00.13 / Матющенко Виктория Сергеевна. Благовещенск, 2009. 226 с.

References

1. Volodina, TA 2019, 'Chislennost Tulskikh staroobryadtsev v XVIII – XIX vv.: metodologicheskiye aspeki' (The number of Tula Old Believers in the 18th–19th centuries: methodological aspects), *Staroobryadchestvo: istoriya, kultura, sovremennost* (Old Believers: history, culture, modernity), no. 18. pp. 38–42. (In Russ.)
2. Gosudarstvennyy arkhiv Tulskoy oblasti (GATO) (State Archive of Tula Oblast), fund 3, inventory 4, file 458. (In Russ.)
3. GATO, fund 3, inventory 5, file 37. (In Russ.)
4. GATO, fund 3, inventory 5, file 1072. (In Russ.)
5. GATO, fund 3, inventory 7, file 3429. (In Russ.)
6. GATO, fund3, inventory7, file4131. (In Russ.)
7. GATO, fund3, inventory7, file4737. (In Russ.)
8. GATO, fund3, inventory8, file71. (In Russ.)
9. GATO, fund3, inventory8, file892. (In Russ.)
10. GATO, fund3, inventory8, file1128. (In Russ.)
11. GATO, fund3, inventory8, file2379. (In Russ.)
12. GATO, fund3, inventory8, file2382. (In Russ.)
13. GATO, fund3, inventory8, file2383. (In Russ.)
14. GATO, fund3, inventory8, file2577. (In Russ.)
15. GATO, fund3, inventory8, file2578. (In Russ.)
16. GATO, fund3, inventory18, file2315. (In Russ.)
17. GATO, fund3, inventory18, file3597. (In Russ.)
18. GATO, fund3, inventory19, file379. (In Russ.)
19. GATO, fund3, inventory19, file461. (In Russ.)
20. GATO, fund3, inventory19, file618. (In Russ.)
21. GATO, fund664, inventory1, file34. (In Russ.)
22. GATO, fund664, inventory1, file35. (In Russ.)
23. Eremeyev, PV 2016, 'I vsyo zhe, dvamilliona ili dvadtsat? Chislennost staroobryadtsev Rossiskoy imperii v XIX – nachale XX vv.' (And after All, Two or Twenty Million? The Number of Old Believers in the Russian Empire in the 19th – early 20th Centuries), *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal "Istoriya"*, vol. 7, no. 7(51), viewed 11 October 2022, https://www.academia.edu/33683796/...And_yet_two_or_twenty_million_The_number_of_Old_Believers_of_the_Russian_Empire_in_the_19th_early_20th_centuries/ (In Russ.)
24. Eremeyev, PV 2015, 'Metody otsenki dostovertnosti statistiki staroobryadchestva Rossiskoy imperii v XIX – nachale XX vv. (na primere Kharkovskoy gubernii)' (Methods of verifications

of statistics concerning the Old Belief of the Russian Empire in 19th – early 20th centuries (the case of Kharkiv province)), *Istoricheskaya informatika. Informatsionnyye tekhnologii i matematicheskiye metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii* (Information Technology and Quantitative Methods in Historical Research and Education), no. 1-2 (11-12), pp. 73–97. (In Russ.)

25. Kameneva, YeA 2013, *Peterburgskiye staroobryadtsy v XVIII – pervoy polovine XIX veka.* (St. Petersburg Old Believers in the 18th first half of the 19th century), Dmitriy Bulanin publ, St. Petersburg. (In Russ.)
26. Katkova, VV & Myshentsev, NP 2011, ‘Staroobryadcheskiye obshchiny Samarskoy gubernii: chislennost, struktura, dinamikazvitiya’ (Old Belief communities in Samara province: size, structure, dynamics), *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* (Izvestiya of the Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Science), vol. 13. no. 3, pp. 47–54. (In Russ.)
27. Kirillov, IA 1913, *Statistika staroobryadchestva* (Statistics of the Old Believers), Staroobryadch. Myslpubl, Moscow. (In Russ.)
28. Latypov, IR 2011, ‘Chislenost staroobryadchestva Kazanskoy gubernii v XIX – nachale XX vv.’ (The number of the Old Believers of the Kazan province in the 19th – early 20th centuries), *Vestnik BGU* (The Bryansk State University Herald), no. 2, viewed 11 October 2022, <https://cyber-leninka.ru/article/n/chislenost-staroobryadchestva-kazanskoy-gubernii-v-xix-nachale-xx-vv>. (In Russ.)
29. Latypov, IR 2011, *Razvitiye staroobryadcheskikh obshchin Kazanskoy gubernii v XIX – nachale XX vekov: kand. ist. nauk.* (The development of the Old Believer communities of the Kazan province in the 19th and early 20th centuries), PhD thesis, Kazan. (In Russ.)
30. Matyushchenko, VS 2009, *Staroobryadchestvo v Priamurye v XIX – nachale XXI vv.* (The Old Believers in the Amur region in the 19th – early 21st centuries), PhD thesis, Blagoveshchensk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.10.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 10.10.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 68–79.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 68–79.

Научная статья
УДК 94(47).083.3+356.18+17.022.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-68-79>

МЕЖДУ УСТАВОМ И ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК И ВОИНСКАЯ ДИСЦИПЛИНА В 12-Й УРАЛЬСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ БЕЛОЙ АРМИИ В 1919 Г. (МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

**Иван Сергеевич
Сильченко**

Технический университет УГМК
Верхняя Пышма, Россия
89022777814@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9906-9619>

Аннотация. Статья посвящена микроисторическому анализу воинской дисциплины и морального облика личного состава 12-й Уральской стрелковой дивизии Белой армии в 1919 г. Цель исследования – на примере конкретного соединения реконструировать реальное состояние дисциплины как ключевого индикатора морально-психологического состояния, мотивации и групповой психологии в условиях социально-политического кризиса на востоке России. Методологической основой работы выступил микроисторический подход, примененный к детальному изучению неопубликованных материалов полковых судов дивизии из фондов Российского государственного военного архива. В результате реконструирована картина морального разложения в соединении. Выявлены и систематизированы основные типы дисциплинарных нарушений: преступления на почве алкоголизма, злоупотребление властью офицерами, дезертирство, саботаж, мародёрство и хищения. Установлено, что эти явления были не разрозненными инцидентами, а элементами единого комплекса распада, в котором пьяный произвол командного состава подрывал авторитет власти, что, в свою очередь, толкало солдат к дезертирству и грабежам как стратегиям выживания. Показана неэффективность и избирательность работы военно-судебных органов. Научная новизна заключается в первой детальной реконструкции внутренней дисциплинарной ситуации в 12-й Уральской дивизии. На её примере выявлена универсальная для гражданских войн модель коллапса, движимая триадой: утрата легитимности власти, кризис смысла борьбы и переход к индивидуальным стратегиям выживания в ущерб уставным нормам. Значение работы состоит в раскрытии фундаментальных антропологических механизмов, обусловивших внутренний распад белых частей, который происходил задолго до их окончательного военного поражения.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, 12-я Уральская стрелковая дивизия, воинская дисциплина, моральный облик, дезертирство, военно-судебные органы, полковые суды, историческая антропология.

Для цитирования: Сильченко И. С. Между уставом и преступлением: моральный облик и воинская дисциплина в 12-й Уральской стрелковой дивизии Белой армии в 1919 г. (микроисторический анализ) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 68–79. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-68-79>

Сведения об авторе: И. С. Сильченко – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Технический университет УГМК, 624091, Россия, Свердловская область, г. Верхняя Пышма, проспект Успенский, д. 3.

Scientific Article

UDC 94(47).083.3+356.18+17.022.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-68-79>

BETWEEN THE CHARTER AND CRIME: MORAL PORTRAIT AND MILITARY DISCIPLINE IN THE 12TH URAL RIFLE DIVISION OF THE WHITE GUARD IN 1919 (A MICROHISTORICAL ANALYSIS)

Ivan S. Silchenko

UMMC Technical University

Verkhnyaya Pyshma, Russia

89022777814@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9906-9619>

Abstract. The article analyzes military discipline and the moral portrait of the White Guard 12th Ural Rifle Division personnel in 1919 from a microhistorical point of view. The aim of the study is to reconstruct, using the example of this specific unit, the real state of discipline as a key indicator of the moral and psychological condition, motivation, and group psychology amidst the socio-political crisis in the east of Russia. The methodological basis of the work is the microhistorical approach applied to a detailed study of unpublished materials from the divisional regimental courts from the holdings of the Russian State Military Archive. As a result, the author reconstructs a picture of moral decay within the unit, identifies and systematizes the main types of disciplinary offenses: alcohol-related crimes, authority abuse by officers, desertion, sabotage, maraud, and theft. It is worth noting that these phenomena were elements of a single disintegration complex, in which drunken line officers members undermined prestige of the authorities. This forced the soldiers to embark on the path of desertion and robbery as a survival strategy. The article demonstrates inefficiency and selectivity of the military judicial authorities. The scientific novelty lies in the first detailed reconstruction of the internal disciplinary situation in the 12th Ural Division. Using this example, the author reveals universal model of collapse inherent to civil wars driven by a triad: the loss of legitimacy of authority, a crisis of meaning in the struggle, and a shift towards individual survival strategies at the expense of charter norms. The significance of the work lies in revealing the fundamental anthropological mechanisms that determined the internal disintegration of White units, which occurred long before their final military defeat.

Keywords: Russian Civil War, White Movement, 12th Ural Rifle Division, military discipline, moral character, desertion, military judicial authorities, regimental courts, historical anthropology.

For citation: Silchenko, IS 2025, 'Between the Charter and Crime: Moral Portrait and Military Discipline in the 12th Ural Rifle Division of the White Guard in 1919 (a Microhistorical Analysis)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 68–79, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-68-79> (in Russ.)

Information about the Author: Ivan S. Silchenko – PhD in Historical Sciences, Head of the Department of Humanities and Natural Sciences, UMMC Technical University, 3, pr-t Uspensky, Verkhnyaya Pyshma, 624091, Russia.

Введение

Исторический процесс неотделим от феномена войн, выступавших ключевым фактором в определении государственных границ, формировании систем международных отношений и разрешении противоречий. Наиболее значимым с точки зрения масштабов вовлеченности человеческих и материальных ресурсов, а также глубины последующих политических, социальных и культурных трансформаций стал XX в. Несомненно, комплексное исследование феномена войны предполагает его рассмотрение в рамках различных методологических подходов, среди которых важнейшее значение имеет антропологическое измерение, фокусирующееся на изучении «человека в условиях военного конфликта». При этом одними из наиболее сложных и противоречивых являются вопросы мотивации и лояльности военнослужащих, принимающих участие в гражданских войнах, которые отличаются повышенной социально-политической напряженностью и многосоставностью.

Среди внутренних конфликтов Новейшего времени в качестве репрезентативной модели подобного противоборства выделяется Гражданская война в России. Данный конфликт характеризовался размыванием классической фронтовой структуры, а в его орбиту были вовлечены все слои населения независимо от их изначальной политической ангажированности. Уже в ходе конфликта воюющие стороны начали формировать стереотипный образ своего противника, который закреплялся в различных формах культурной репрезентации – от изобразительного искусства и художественной литературы до кинематографа. После окончания Гражданской войны победившие большевики сознательно конструировали новый «героический пантеон», в структуру которого включались как рядовые бойцы, так и известные деятели, при этом образ бывшего врага сознательно редуцировался до упрощенных и нередко демонизированных представлений.

Реальные образы участников антибольшевистского движения существенно расходятся с их художественными и пропагандистскими репрезентациями. Они обладают выраженной многомерностью и внутренней противоречивостью, обусловленной не только социально-политическими и моральными дилеммами, присущими внутреннему вооруженному конфликту, но и глобальными политическими и военными катализмами, характерными для первой четверти XX в.

Таким образом, научное осмысление реальных образов участников Белого движения обладает не только исторической значимостью, но и позволяет приблизиться к пониманию «человека Гражданской войны», чьи поступки определялись не абстрактными лозунгами, а сложным переплетением личных обстоятельств, страхов и инстинкта выживания.

Безусловно, до настоящего времени исследователями была проведена глубокая работа по научному осмыслению антропологической стороны Гражданской войны [см., например: 2; 3; 5; 11; 13; 14; 15]: изучены персональные траектории, ментальные установки и повседневные практики участников конфликта. Однако проблематика воинской дисциплины [см., например: 4; 7] как индикатора морального состояния военнослужащих по-прежнему остаётся исследованной фрагментарно – особенно в отношении локальных формирований Белого движения. Между тем, именно в этих частях наиболее явно прослеживалась связь дисциплины с мотивацией и групповой психологией. Дисциплина в боевых частях отражала не столько соблюдение уставов, сколько уровень легитимности власти в глазах бойцов, их идентификацию с общим делом. Её ослабление говорило о кризисе смыслов и переходе к индивидуальным стратегиям выживания.

Эта проблема была особенно острой для формирований, созданных на востоке России, где она обострялась из-за совокупности факторов. Сложная география (горы, леса, реки) затрудняла централизованное управление и контроль, повышая значи-

мость неформальных лидеров и локальных практик поддержания порядка. Многообразие социокультурных групп вносило дополнительные различия в мотивацию и поведенческие стратегии бойцов. Высокая интенсивность боёв и нестабильность линии фронта способствовали деморализации, подрывая устойчивость групповых норм и ослабляя механизмы внутренней регуляции.

Таким образом, изучение дисциплины в отдельных частях, таких, как 12-я Уральская стрелковая дивизия, дает уникальную возможность понять антропологический облик «белого бойца» через призму повседневных практик, механизмов регуляции поведения и выживания.

Целью данного исследования является микроисторический анализ воинской дисциплины на примере 12-й Уральской стрелковой дивизии как ключевого индикатора морального состояния, мотивации и групповой психологии в условиях кризиса. Такой подход позволяет отказаться от широких обобщений и сосредоточиться на детальной реконструкции внутренней жизни конкретного соединения.

Научная новизна работы заключается в том, что она впервые детально на основе скрупулезного анализа неопубликованных материалов полковых судов реконструирует картину морального разложения в данном соединении. Отдельное исследование не может служить в качестве иллюстрации общероссийских тенденций, однако может способствовать раскрытию внутренних механизмов распада, универсальных для гражданских войн.

Материалы и методы

Для реализации поставленной цели исследование опирается на методологию, сочетающую подходы социальной истории, исторической антропологии и институционального анализа. В центре внимания находится качественное изучение материалов полковых судов, позволяющее реконструировать не только сами дисциплинарные практики, но и стоящие за ними мотивации, конфликты и поведенческие стратегии участников Белого движения.

Основным методом работы выступает микроисторический анализ, позволяющий через детальное рассмотрение конкретных судебных случаев раскрыть логику поступков рядовых бойцов и офицеров. Сравнительно-исторический метод применяется для выявления общих и особенных черт дисциплинарных практик в разных полках дивизии. Институциональный анализ используется для изучения организации и деятельности военно-судебных органов как инструмента формального регулирования поведения.

Источниковой основой исследования выступили неопубликованные архивные материалы из фонда 39629 «Штаб 12-й Уральской стрелковой дивизии», хранящегося в Российском государственном военном архиве (РГВА). Информация о дисциплинарных нарушениях и судебных процессах фрагментирована и рассредоточена по различным делам фонда, содержащим разрозненные протоколы заседаний, приговоры, материалы дознаний, рапорты командиров и переписку. Путем анализа и сопоставления этих разрозненных документов, удалось (с определенной долей реконструкции) собрать целостную картину дисциплинарной ситуации в соединении, выявив основные типы правонарушений и примеры реакции на них со стороны командования.

Важно отметить, что корпус изученных документов хронологически относится к периоду формирования и относительной стабильности дивизии с осени 1918 г. по весну 1919 г., когда тыловые и судебные институты ещё функционировали. Можно предположить, что в период катастрофического отступления лета-осени 1919 г., во время Сибирского Ледяного похода, система военного правосудия попросту не успевала и не могла фиксировать все дисциплинарные инциденты. Таким образом, представленная в исследовании картина, вероятно, является лишь «верхушкой айсберга»

и отражает ситуацию в более или менее управляемый период, тогда как подлинный масштаб разложения в частях дивизии остаётся скрытым от наблюдателя.

Результаты

Летом-осенью 1918 г. на занятых антибольшевистскими войсками территориях Урала началось спешное формирование воинских частей и соединений. Мобилизация, начавшаяся 25 августа 1918 г., затронула новобранцев 1898–1899 гг. рождения, которые включались в состав в Уральской кадровой (запасной) бригады [12, с. 26–31]. В результате последующих структурных преобразований указанная бригада 11 октября 1918 г. была переформирована в 1-ю и 2-ю Уральские кадровые дивизии. 7 декабря 1918 г., 2-я Уральская кадровая дивизия получила наименование 12-й Уральской стрелковой дивизии, в состав которой вошли полки, переименованные в 45-й Сибирский, 46-й Исетский, 47-й Тагильский и 48-й Туринский стрелковые полки. Командование соединением было возложено на полковника Р. К. Бангерского [12, с. 29].

После переброски на фронт в конце 1918 г. дивизия приняла участие в весеннем наступлении 1919 г., завершившемся неудачей, и последующем Сибирском Ледяному походе (зима 1919–1920 гг.). В Чите её остатки были реорганизованы в 12-й Уральский стрелковый полк, расформированный после оставления Забайкалья.

Параллельно с созданием и реорганизацией воинских частей в белых армиях шло активное восстановление других дореволюционных военных институтов. Так, в Сибирской армии и Русской армии А. В. Колчака в качестве образца строительства армейских судебных органов было решено взять дореволюционную систему, основанную на предвоенном опыте. При этом, как отмечают исследователи, с одной стороны, полковые и дивизионные суды обладали широкими полномочиями, что объясняется чрезвычайными условиями Гражданской войны. С другой – работа по предотвращению преступлений и соблюдению законности шла эпизодически и не отличалась последовательностью [6, с. 89]. Материалы полковых судов 12-й Уральской дивизии позволяют выделить несколько устойчивых групп правонарушений, каждая из которых раскрывает специфические аспекты морального разложения.

Преступления на почве алкоголизма, злоупотребление властью и саботаж

Уже в октябре 1918 г., (когда соединение находилось еще в тылу), в екатеринбургской чайной Красильникова разыгралась драма, характерная для атмосферы того времени. Подпрапорщик 6-го Уральского кадрового полка Г. Копалов, находясь в состоянии опьянения, вступил в конфликт со старшим унтер-офицером И. М. Шишиным. Поводом послужили не просто оскорбления, а публичное оспаривание мотивов службы: Копалов, апеллируя к своему фронтовому опыту, обвинил Шишина в стремлении избежать отправки на фронт путем записи в кадровый полк. Этот словесный спор быстро перерос в физическое противостояние и закончился нанесением Шишину легких ножевых ранений [9, л. 19–23]. Данный инцидент красноречиво свидетельствует, что даже на этапе формирования в частях нарастало напряжение между «фронтовиками» и теми, кого подозревали в желании отсидеться в тылу.

Еще более показателен случай, произошедший в марте 1919 г. с группой солдат 46-го Исетского полка во главе с квартирмейстером Удиловым. Будучи в состоянии алкогольного опьянения, они ворвались в дом деревенского старосты Шакира Гайдуллина в селе Казаяк-Кутуш. Действия солдат вышли за рамки бытового пьяного дебоша – они требовали от старосты ответа, на чьей он стороне – «у "народной армии" или у большевиков» [9, л. 107–110], а Удилов при этом назвал себя красным комиссаром. Один из солдат, А. Плаксин, произвел выстрел в старосту, однако промахнулся. Этот эпизод демонстрирует, как алкоголь стирал границы между своими и чужими, порождая абсурдные ситуации. Знаковым является и итог этого дела: не-

смотря на задержание, следствие против Удилова было вскоре прекращено. Главной причиной этого явилось ходатайство командира полка генерал-майора М. Е. Обухова, который ссылался на прежние заслуги обвиняемого [9, л. 1087 об.]. В записке, направленной командиру дивизии Р. К. Бангерскому, отмечалось: «Свой неблаговидный поступок Удилов совершил в нетрезвом виде, в чем он чистосердечно признался и с тех пор совершенно бросил пить (хотя имел к тому возможность). <...> Прошу предать это дело забвению» [10, л. 124, 124 об.].

Злоупотребление властью порой принимало крайние формы, когда военно-судебный аппарат использовался для сведения личных счетов. 8 октября 1918 г. в Кыштымском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии по приговору полевого суда был расстрелян доброволец Сибирской армии Лука Федорович Батятин. Поводом для столь сурового приговора послужил конфликт с прaporщиком Пузановым: Батятин ходатайствовал о возвращении седельной подушки, взятой этим офицером у местного жителя. В ответ Батятин был обвинен в неуважительном отношении к офицеру и спешно приговорен к смертной казни. Примечательно, что в качестве одного из членов полевого суда, вынесшего смертный приговор, выступал тот самый прaporщик Пузанов [10, л. 294–295], что свидетельствует о полном попрании норм законности и превращении суда в инструмент расправы.

В тот же период, до начала активных боевых действий, командование демонстрировало и обратную тенденцию – внимание к формальным процедурам и даже незначительным проступкам. Примером этому служит инициированное расследование обстоятельств позднего прибытия на службу врача 48-го Туринского стрелкового полка А. Н. Надеждинского [10, л. 339–340].

Это столкновение мелочной формальности с откровенным произволом в вопросах жизни и смерти демонстрирует противоречивость и отсутствие единых подходов к формально закрепленным правовым принципам.

Наиболее ярко связь пьянства с разложением командного состава видна в деле подпоручика Савельева, командира паркового дивизиона соединения. В начале февраля 1919 г., после ошибочного донесения о пропаже лошади и будучи в сильном алкогольном опьянении, он ворвался в избу (место расположения рядового состава), произвел выстрел из револьвера для устрашения, после чего лично избил солдат Верещагина и Метело/ева. Этого ему показалось мало, и он приказал «выписать» им по 25 розог, а затем, лишив верхней одежды, запереть в холодной бане. В материалах следствия скромно, но красноречиво отмечалось, что подпоручик Савельев «часто и очень много пил» [10, л. 22], а солдаты видели его трезвым крайне редко [10, л. 26]. Логическим завершением этого пути стало дезертирство: 19 марта 1919 г. Савельев оставил расположение своей части, прихватив 17 062 рубля казенных денег [10, л. 96].

Анализ этой группы правонарушений позволяет сделать вывод, что в условиях Гражданской войны алкоголь был не бытовой слабостью, а универсальным, хотя и деструктивным, механизмом психологической компенсации. Он усугублял конфликты, провоцировал насилие и подрывал субординацию. При этом пьяный произвол офицеров не только причинял прямой вред подчиненным, но и дискредитировал авторитет командного состава, подталкивая солдат к аналогичным формам асоциального поведения.

Дезертирство и уклонение от службы

Если преступления на почве алкоголизма демонстрировали внутреннее разложение, то дезертирство, также насчитывающее десятки случаев, было прямым индикатором кризиса легитимности белой власти и утраты смысла борьбы, знаменуя переход к индивидуальным стратегиям выживания. 20 января 1919 г., вскоре после передачи бронепоезда «Тагил» в ведение бригады под руководством машиниста Ко-

новалова, в котле паровоза была выявлена масштабная протечка 70–80 % теплообменных труб. Проведенное расследование исключило вероятность случайной поломки, указав на умышленный характер повреждений. Было установлено, что целью саботажа со стороны бригады являлась необходимость следования в город Златоуст, где располагалась профильная ремонтная база [10, л. 96]. К моменту возбуждения уголовного дела бригада скрылась и находилась в розыске [10, л. 102].

25 января 1919 г. на линии фронта у села Ново-Троицкого стрелок 7-й роты 45-го Сибирского стрелкового полка Иван Щелконогов возглавил группу солдат, которая с применением насилия похитила из расположения пулеметной команды два пулемета. Пулеметы были установлены на сани, за которыми и последовали дезертиры. Этот инцидент показывает, что солдаты думали не только о самом побеге, но и о ресурсах для дальнейшего выживания – пулеметы могли стать «вступительным билетом» на службу в Красной армии, или явиться основой для вооруженной банды. В районе Саткинского завода группа была задержана, а Щелконогов, признанный заслуженным, приговорен к расстрелу [9, л. 98–106].

Ярчайшим примером стал массовый самовольный уход с линии фронта 26 января 1919 г. 126 военнослужащих 45-го Сибирского полка. Примечательно, что последующее расследование установило: большинство дезертиров принадлежали к нестроевой роте. Этот нюанс красноречиво говорит о том, что кризис мотивации в первую очередь охватывал тех, чья связь с «общим делом» и фронтовым братством была наиболее слабой. Суд, рассматривавший дела 45 обвиняемых, оправдал 24 человека, что может указывать либо на вынужденный характер их участия в побеге, либо на попытку командования проявить умеренность. Однако в отношении остальных была применена исключительная мера наказания – расстрел [9, л. 52–60].

Одним из наиболее массовых стал инцидент, произошедший 1 мая 1919 г., когда стрелки 46-го Исетского пехотного полка отказались идти в атаку в районе деревни Кузьминовки. Важно, что причины бунта были не идеологическими, а сугубо бытовыми: солдаты ссылались на плохое питание и недостаток обмундирования. Офицерам удалось успокоить личный состав, однако ситуацию ухудшил старший унтер-офицер 8-й роты Григорий Климов. Его крик: «Раз заварили кашу, надо ее расхлебывать!» [10, л. 162] – и последующие призывы к убийству офицеров перевели пассивное недовольство в мятеж. В ходе вспыхнувших беспорядков был ранен командир 8-й роты поручик Шатунов.

Расследование, проведенное поручиком Замятниным, стало редким примером тщательности. Были собраны показания более 80 свидетелей, что позволило однозначно определить подстрекательскую роль Климова и установить, что выстрел в поручика Шатунова произвел либо стрелок И. Кокин, либо его сослуживец А. Латков [10, л. 141–155]. Однако к моменту завершения дознания оба они уже чисились как «перешедшие к противнику» [10, л. 166].

26 апреля 1919 г. за временное уклонение от участия в военных действиях был расстрелян стрелок 46-го стрелкового Исетского полка Андрей Стровятов [10, л. 132]. 20-летний уроженец Екатеринбургского уезда А. Сыровятов был призван в Белую армию 3 сентября 1918 г. В д. Шланы Стерлитамакского уезда указанный военнослужащий самовольно отлучился из своей роты и вернулся только на следующие сутки. Добровольно отправиться под арест Сыровятов не хотел и угрожал «разделяться» со своими командирами [10, л. 134].

Дезертирство не было уделом только нижних чинов. 13 декабря 1918 г. в отношении подпоручика 48-го Туринского стрелкового полка Дьяконова было инициировано служебное расследование в связи с его неявкой к месту прохождения службы.

В ходе дачи показаний Дьяконов пояснил, что после занятия Симбирска частями Белой армии он прибыл в Екатеринбург, где оказался в затруднительном ма-

териальном положении. Офицеру удалось получить поддержку со стороны своих знакомых, которые оказывали ему материальную помощь [9, л. 32–38]. Получив предписание о переводе в город Ирбит, Дьяконов заявил, что данный перевод его не устраивал. В результате он, воспользовавшись разрешением начальника разведывательного отделения Кононова, остался в Екатеринбурге в нарушение полученного приказа.

После повторного обращения командования 48-го Туринского полка с требованием направить Дьяконова в Ирбит, ему были выделены казенные средства на покрытие транспортных расходов. Несмотря на это, подпоручик в установленный срок к месту службы не прибыл, что и стало формальным основанием для проведения расследования [9, л. 32–38].

18 января 1919 г. прапорщик Протосеня при следовании из штаба 47-го Тагильского полка в расположение роты предпринял попытку перебежки к противнику, но был тяжело ранен своими же солдатами [10, л. 76].

Помимо тайного дезертирства, другой формой выражения недовольства служило прямое неподчинение приказам, что свидетельствовало о кризисе уже не только мотивации, но и управления.

Примером этому является инцидент, произошедший 30 марта 1919 г., когда командир батальона 47-го Тагильского стрелкового полка поручик Леченков, получив приказ атаковать вражеские позиции, заявил, что «батальон приказ исполнит, но за последствия не ручается, так как люди утомлены вечерним боем». При этом сам Леченков отметил, что он «нервно расстроен и руководить операцией хотя и будет, но за последствия не ручается» [10, л. 156].

22 июня два офицера 7-й роты 45-го Сибирского полка – подпоручик Столбун и прапорщик Рыжков получили приказ выселить местных жителей из хуторов и подготовить помещения для расположения войск. Однако местные жители отказывались оставлять свои дома, на что подпоручик Столбун замечал: «Хорошо давать приказания, но как их выполнять? У нас таких необдуманных приказаний очень много» [10, л. 204 об.]. Прапорщик Рыжков отмечал: «Мы повоевали и нам это надоело» [10, л. 204]. В материалах дознания также отмечалось, что прапорщик Рыжков ведет антигосударственные разговоры не только со своими коллегами-офицерами, но и со стрелками [10, л. 204].

Крайней формой уклонения от службы становилось членовредительство. 7 февраля 1919 г. в дивизионный перевязочный отряд был доставлен адъютант 12-го легкого артиллерийского дивизиона Степан Повцев. Врачами было определено, что Повцев получил слепое ранение в ногу, однако это было «саморанение» с целью уклонения от службы [9, л. 34].

Дезертирство и уклонение от службы, принимавшие самые разные формы – от саботажа и самовольных отлучек до открытого мятежа и членовредительства – были симптомом глубокого кризиса. Солдаты и офицеры выступали против войны, смысл которой для них был утрачен. Массовые побеги, особенно из нестроевых частей, и саботаж показывают, что связь с «общим делом» была разорвана. Кризис легитимности белой власти привел к тому, что на смену долгому и дисциплине пришли индивидуальные стратегии выживания, часто сопряженные с насилием и предательством.

Хищения и мародерство

В условиях разрухи и разложения тыла широкое распространение получили экономические преступления и мародерство, которые подрывали и без того шаткую дисциплину и окончательно отталкивали от белой власти местное население.

9 января 1919 г. военнослужащие 47-го Тагильского полка Василий Окунев и Дмитрий Щукин были задержаны по обвинению в хищении денежных средств в

размере пятисот рублей, а также вещевого и продовольственного имущества – суконных шаровар и двух с половиной фунтов сахара. Оба обвиняемых были этапированы в комендатуру города Златоуста, где содержались впредь до завершения предварительного следствия [10, л. 44].

В ночь с 3 на 4 февраля 1919 г. у солдата комендантской команды Ивана Шадрина, ночевавшего в вагоне офицерского собрания, были похищены деньги. Оказалось, что деньги похитил его коллега – солдат комендантской команды Дмитрий Пьянков, подбросивший кошелек во время поисков [9, л. 84]. 11 марта 1919 г. приказчик солдатской лавки 46-го стрелкового Исетского полка Всеволод Брусницын был взят под стражу за перепродажу товара, предназначенного для солдат [10, л. 112].

В конце марта 1919 г. за мародерство на поле боя к расстрелу были приговорены военнослужащие 12-й Уральской стрелковой дивизии Филипп Гладунин и Михаил Обоскалов. Приговор был приведен в исполнение в присутствии стрелков роты, в которой служили военнослужащие, а также двух представителей от каждой из роты полка [10, л. 121]. Третий фигурант дела – стрелок Иван Тельчин был осужден на каторжные работы [10, л. 131 об.].

В июне 1919 г. за насильственную реквизицию скота у граждан с. Алатырки был арестован зауряд-капитан Василий Евлампиевич Обухов [10, л. 193]. Первоначально данного офицера планировалось разжаловать в рядовые, однако уровень преступления требовал иных мер. Некоторое время Обухов содержался под арестом (совместно с рядом других офицеров, находящихся под следствием за иные преступления) – военные власти не могли выбрать для него меру наказания, что наглядно демонстрирует системный кризис военного правосудия: с одной стороны, тяжесть самоуправства и грабежа населения осознавалась, но с другой – существовала очевидная нерешительность в применении суровых санкций к офицерскому составу.

Хищения и мародерство, от мелких краж у сослуживцев до грабежей местного населения, стали индикатором тотального кризиса снабжения и морали. Публичные расстрелы мародеров, с одной стороны, показывают попытки командования бороться с разложением, но с другой – его выборочный и запоздалый характер. Нерешительность в наказании офицеров, виновных в самоуправстве, демонстрировала двойные стандарты и подрывала веру в справедливость, окончательно разлагая части изнутри.

Заключение

Проведенный микроисторический анализ позволяет утверждать, что кризис воинской дисциплины в 12-й Уральской стрелковой дивизии был проявлением глубокого антропологического сдвига. Рассмотренные правонарушения – алкоголизм, произвол, дезертирство, мародерство – не были разрозненными инцидентами, а составляли единый комплекс морального разложения, в котором пьяный произвол офицеров подрывал авторитет власти, что, в свою очередь, толкало солдат на дезертирство и грабежи как единственно доступные стратегии выживания.

На примере дивизии выявляется универсальная для гражданских войн модель распада. Ее движущим механизмом стала триада, включающая утрату легитимности власти, возникновение кризиса смысла и переход к индивидуальным и групповым стратегиям выживания, которые вступали в противоречие с уставными нормами и интересами армии. Попытки командования разорвать этот порочный круг исключительно репрессиями оказывались малопродуктивными, лишь углубляя пропасть между солдатами и офицерами и ускоряя внутренний распад.

Таким образом, ценность данного микроисследования заключается не только в реконструкции морального облика конкретного соединения Белого движения, но и в раскрытии фундаментальных механизмов, присущих гражданским конфликтам

как таковым. На примере 12-й Уральской дивизии мы видим, как в условиях тотального кризиса рушатся не только формальные институты, но и внутренние, моральные ограничители человеческого поведения. Армия, утратившая легитимность в глазах собственных солдат и смысл в их понимании, обречена на поражение, которое наступает задолго до последнего сражения. Это знание вносит вклад в более глубокое понимание природы гражданских войн, где конечный результат определяется не только военными успехами, но и состоянием «человеческого материала» и его веры в то дело, которое он вынужден защищать.

Список источников и литературы

1. Захарова Т. В. Офицерский состав Якутского гарнизона Сибирской армии А. В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2 (11). С. 25–30.
2. Морозова О. М. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 559 с.
3. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
4. Никитин А. А. Воинская дисциплина в вооруженных формированиях Советского государства и Белого движения на Юге России: ноябрь 1917–1920 г. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Никитин Александр Анатольевич. М., 2008. 264 с.
5. Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 94–102.
6. Пивоваров Ю. Ф., Григорьев О. В. «Красные» и «белые» военно-судебные органы в годы гражданской войны в России (1917–1922) // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6, № 12А. С. 86–95.
7. Постникова О. А. Борьба с нравственными изъянами в морально-психологическом состоянии белого офицерства в годы Гражданской войны на Юге России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 2-1. С. 114–118.
8. Почешков Н. А., Шхачемуков Р. М. Гражданская война в России (1917–1922 гг.): психологические аспекты // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 2. С. 24–27.
9. РГВА. Ф. 39629. Оп. 1. Д. 13.
10. РГВА. Ф. 39629. Оп. 1. Д. 24.
11. Семенов А. А. Повседневная жизнь населения России в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.). Армавир: Армавир. полиграфпредприятие, 2005. 170 с.
12. Симонов Д. Г. Кадровые (запасные) формирования белой Сибирской армии на Урале в 1918 году // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 26–31.
13. Скипина И. В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: ТюмГУ, 2003. 209 с.
14. Сорокин А. Н. Крестьянство и казачество Терской области в коллизиях Гражданской войны 1917–1920 гг.: историко-антропологический анализ // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3 (95). С. 147–153.
15. Федюк В. П. Российский обыватель в годы гражданской войны: социокультурные аспекты повседневности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 312–318.
16. Фоменцов В. В. Деятельность органов советской власти по укреплению воинской дисциплины в Красной Армии: 1918–1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Фоменцов Владимир Валентинович. Вольск, 2006. 243 с.

References

1. Zakharova, TV 2015, 'Ofitserskiy sostav Yakutskogo garnizona Sibirskoy armii A. V. Kolchaka (noyabr 1918 – dekabr 1919 gg.)' (Officers Siberian Yakut garrison A.V. Kolchak's army (November 1918 – December 1919)), *Severo-Vostochnyy Gumanitarnyy Vestnik* (North-Eastern Journal of Humanities), no. 2 (11), pp. 25–30. (In Russ.)
2. Morozova, OM 2012, *Antropologiya Grazhdanskoy voyny* (Anthropology of the Civil War), Izdatelstvo Yuzhnogo Nauchnogo Tsentr RAN publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
3. Narskiy, IV 2001, *Zhizn v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* (Life in Catastrophe. The Everyday Life of the Ural Population in 1917–1922), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
4. Nikitin, AA 2008, *Voinskaya distsiplina v vooruzhennykh formirovaniyah Sovetskogo gosudarstva i Belogo dvizheniya na Yuge Rossii: noyabr 1917–1920 g.* (Military discipline in the armed formations of the Soviet state and the White Movement in the South of Russia. November 1917–1920), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
5. Petin, DI, Stelmak, MM & Sushko, AV 2023, 'Zolotopogonniki' v sovetskoy Rossii: kollektivnyy sotsialnyy portret byvshikh belykh ofitserov v 1920-e gg. (na primere Omska)' ("Gold chasers" in Soviet Russia: A collective social portrait of former White officers in the 1920s (on the example of Omsk)), *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* (Tomsk State University Journal), no. 486, pp. 94–102. (In Russ.)
6. Pivovarov, YuF and Grigoryev, OV 2016, 'Krasnye' i 'belyye' voenno-sudebnye organy v gody grazhdanskoy voiny v Rossii (1917–1922)' ("Red" and "White" military courts during the Civil War in Russia (1917–1922)), *Voprosy Rossiyskogo i Mezhdunarodnogo Prava* (Matters of Russian and International Law), vol. 6, no. 12A, pp. 86–95. (In Russ.)
7. Postnikova, OA 2010, 'Borba s nравственными изъянами в морально-психологическом сопротивлении белого офицерства в годы Гражданской войны на Юге России' (Fight against drawbacks in the White Army morale during the Civil War in South Russia), *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentr Rossiiskoy Akademii Nauk* (Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), vol. 12, no. 2-1, pp. 114–118. (In Russ.)
8. Pocheshkhov, NA & Shkhachemukov, RM 2013, 'Grazhdanskaya voyna v Rossii (1917–1922 gg.): psichologicheskiye aspeky' (Civil War in Russia (1917–1922): Psychological aspects), *Vestnik Maykopskogo Gosudarstvennogo Tekhnologicheskogo Universiteta* (Bulletin of Maikop State Technological University), no. 2, pp. 24–27. (In Russ.)
9. Rossiiskiy gosudarstvennyy voennyy arkiv (RGVA) (Russian State Military Archive), fund 39629, inventory 1, file 13. (In Russ.)
10. Rossiiskiy gosudarstvennyy voennyy arkiv (RGVA) (Russian State Military Archive) fund 39629, inventory 1, file 24. (In Russ.)
11. Semenov, AA 2005, *Povednevaya zhizn naseleniya Rossii v gody Grazhdanskoy voiny (1917–1920 gg.)* (The everyday life of the population of Russia during the Civil War (1917–1920)), Armavirskoye Poligrafpredpriyatie publ, Armavir. (In Russ.)
12. Simonov, DG 2009, 'Kadrovyye (zapasnyye) formirovaniya beloy Sibirskoy armii na Urale v 1918 godu' (Reserve troops of the White Siberian Army at Ural region in 1918), *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istorya, Filologiya* (Vestnik NSU. Series: History and Philology), vol. 8, no. 1, pp. 26–31. (In Russ.)
13. Skipina, IV 2003, *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoy voyny na Urale: istoriografiya problemy* (The human experience in the conditions of the Civil War in the Urals. A historiography of the problem), Tyumenskiy gosudarstvenny universitet publ, Tyumen. (In Russ.)
14. Sorokin, AN 2022, 'Krestyanstvo i kazachestvo Terskoy oblasti v kolliziyakh Grazhdanskoy voyny 1917–1920 gg.: istoriko-antropologicheskiy analiz' (The peasantry and Cossacks of the Terek region in the collisions of the Civil War of 1917–1920: historical and anthropological analysis), *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* (Society: Philosophy, History, Culture), no. 3 (95), pp. 147–153. (In Russ.)
15. Fedyuk, VP 2015, 'Rossiiskiy obyvatel v gody grazhdanskoy voyny: sotsiokulturnyye aspekty povsednevnosti' (The Russian inhabitant during the Civil War: sociocultural aspects of everyday life), *Yaroslavskiy Pedagogicheskiy Vestnik* (Yaroslavl Pedagogical Bulletin), no. 3, pp. 312–318. (In Russ.)

-
16. Fomentsov, VV 2006, Deiatelnost organov sovetskoy vlasti po ukrepleniyu voinskoy distsipliny v Krasnoy Armii: 1918–1920 gg. (Activities of the Soviet authorities to strengthen military discipline in the Red Army: 1918–1920), abstract of PhD thesis, Samara State Pedagogical University, Volsk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.11.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 12.11.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025

Экономическая история

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 80–88.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 80–88.

Научная статья
УДК 94(47).066
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-80-88>

ПАШНЯ В ГОРОДЕ: ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЫЖИВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ СЕРЕДИНЫ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.)

Алексей Викторович
Белов^{1, 2}

¹ Институт Российской истории РАН

² Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Москва, Россия, belovavhist@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7877-4896>

Аннотация. Работа посвящена проблеме пашенного земледелия как части хозяйственной деятельности русского города Центрального региона страны. В том числе ее исторического центра, к которому относятся губернии Московская и Калужская. Городская сеть данных административных территорий выступает объектом настоящего исследования, хронологические границы которого охватывают период середины и второй половины XVIII столетия. Как в историографии, так и в общественном сознании прочно укоренилась мысль, что сельское хозяйство не является базовой формой городской экономики. Автор на основании впервые вводимых в научный оборот архивных документов показывает, насколько земледелие, выражющееся не в привычном для русского города садоводстве или огородничестве, а в хлеборобстве, занимало в жизни жителей городов и подгородных слобод не просто заметное, а обязательное место. Автор предпринимает попытку осветить основные формы и охарактеризовать главные центры данной формы хозяйственной деятельности. А также объяснить обусловленность этого промысла как устаревшими социальными и хозяйственными причинами, так и необходимостью решать жителями поселений остро стоящие перед ними насущные задачи. В основу исследования положен функционально-сетевой методологический подход, в основе которого характер города и круг его занятий определяется тем местом, которое город занимает в рамках городской сети, формирующей (и формируемой) устойчивым историческим регионом, превышающим своими рубежами полуформальные границы недавно созданных официальных административно-территориальных образований.

Ключевые слова: русский город, дореформенный город, XVIII в., городское хозяйство, пригород, слободы, посадские, сельское хозяйство, хлеборобство, земледелие.

Для цитирования: Белов А. В. Пашня в городе: особенности городского хозяйства и проблема экономического выживания (по материалам губерний Центральной России середины и второй половины XVIII в.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 80–88. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-80-88>

Сведения об авторе: А. В. Белов – старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории Российской академии наук, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; профессор кафедры философии и истории Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, 115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36.

Scientific Article

UDC 94(47).066

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-80-88>

ARABLE LAND IN THE CITY: FEATURES OF URBAN ECONOMY AND THE PROBLEM OF ECONOMIC SURVIVAL (A CASE STUDY OF THE CENTRAL RUSSIA PROVINCES IN THE MIDDLE AND SECOND HALF OF THE 18th CENTURY)

Aleksey V. Belov^{1, 2}

¹ Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences

² Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, belovavhist@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7877-4896>

Abstract. The article deals with the problem of arable farming as part of Russian cities economic activity in the Central region of the country, including the Moscow and Kaluga provinces belonging to the historical center. The urban network of these administrative territories is the object of this study, the chronological boundaries of which cover the period of the middle and second half of the 18th century. Both in historiography and in the public consciousness, the idea prevails that agriculture is not the basic form of urban economy. The author, based on archival documents introduced into scientific discourse for the first time, shows how agriculture, not in the form of gardening or horticulture which is customary for a Russian city, but in grain production, occupied not just a prominent, but an obligatory place in the urbanites' and suburbanites' lives. The author highlights the main types and characterizes the main centers of this economic activity form. The article also presents the following reasons for the development of this agricultural industry: outdated social and economic ones, as well as the need to solve urgent tasks. A functional-network methodological approach forms the basis of this study. According to it, the city character and the range of its residents' activities are determined by the place that the city occupies within the urban network that shapes (and is shaped by) a stable historical region that exceeds the semi-formal boundaries of recently established official administrative-territorial entities.

Keywords: Russian city, pre-reform city, 18th century, urban economy, suburb, sloboda, tradespeople, rural economy, grain production, agriculture.

For citation: Belov, AV 2025, 'Arable Land in the City: Features of Urban Economy and the Problem of Economic Survival (a Case Study of the Central Russia Provinces in the Middle and Second Half of the 18th Century)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 80–88, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-80-88> (in Russ.)

Information about the Author: Aleksey V. Belov – Doctor of Science (History), Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dm. Ulyanova Str., Moscow, 117292, Russia; Professor of the Department of Philosophy and History of the Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia.

Введение: природа города и ее трактовка

Природа города (как ее принято и понимать, и изучать) имеет в своей основе одно из главных утверждений, которое гласит – город не есть деревня. Более того – он признается ее принципиальным и полным антиподом [1, с. 4]. Данное отношение, надо признать, имеющее под собой, в том числе, и определенное реальное основание. В связи с этим оно порождает устойчивое отношение к признакам города, и его главной – производственной категории, в основе которой лежит вполне объективное и принципиальное отрицание за городом сельскохозяйственной деятельности. Ведь именно передовой город с его техническими мощностями, торговой активностью и концентрацией новых сложных или прогрессивных форм (например, внешней торговли в Средние века [19, с. 235–253]), а не отсталая (аграрная, часто консервативная и слабая) деревня, является передовой силой на пути общественного развития. В этой трактовке город выступает в противовес деревни как «вершина цивилизационного прогресса» [5, с. 450].

Мы не будем останавливаться на парадоксальных неточностях, стоящих, как правило, на границе этой историософской парадигмы (например, на приморских городах и рыбном промысле или древних полисах), а обратимся к базовому противоречию – сельскохозяйственному производству в городе, осуществляющему руками его (города) обывателей.

Очень часто из внимания выпадает то обстоятельство, что экономике российских городов даже второй половины XIX в. было присуще многое черт, противоречащих традиционному пониманию типа именно городского хозяйства. Такие из аграрных промыслов, активно практикуемых их жителями, как скотоводство и огородничество (особенно развитое) можно отнести к задачам внутреннего потребления. Другой вид деятельности – садоводство – можно трактовать как форму не столько экономического, сколько мировоззренческого начала, присущего русской религиозной культуре, с ее интерпретацией и тиражированием образа «райского» сада. И хотя данные утверждения пусть формально (но все-таки весьма условно), объясняют аграрные промыслы в контексте и городского пространства, и городского хозяйства, они не снимают такую проблему, как хлебопашество. Жители русского города периода Средневековья и Нового времени были землепашцами, и эта их хозяйственная деятельность, где-то шла параллельно торговле, а где-то даже полностью ее вытесняла. Активный и массовый хлеборобный промысел, среди жителей городских посадов и слобод имел широкое распространение по значительной части территории страны, играя заметную роль даже в пореформенное время, на что есть прямые указания современников.

«Среди необозримых, засеянных хлебом полей стоит уездный городок на речке, впадающей в Дон в его маловодных верховьях. В сухое время та речка совсем иссыкает, и горожане испытывают всякого рода невзгоды и лишения от недостатка в воде. Хоть при каждом почти доме выкопан колодезь, но колодезная вода жестка и для варки пищи непригодна. Городок бедный, крыт соломой, по окраинам и в подгородных слободах Казачьей да Солдатской не в редкость и черные курные избы без трубы, с одним дымоволоком (волоковое окно для выхода из избы дыма). Улицы прямы, широки, но от малого езду травой поросли. Тонут дома в зелени яблонных, вишневых и грушевых садов, а кругом города ни лесинки – степь, голая степь. В том городишке нет никаких промыслов. Опричь попов да чиновников, горожане пашут землю, а зимой ездят в извоз, только тем и кормятся. Торговля в городке грошовая, с выгодой одной водкой торгают. Ярмарок нет, базары плохие, непривычному худо живется в том городишке» [6, с. 191–192].

Данное «разоблачительное» определение принадлежит перу Павла Ивановича Мельникова-Печерского, который помимо своей литературной известности был большим знатоком русских городов и весяй, являясь чиновником Министерства внутренних дел. В том числе исполнял должность чиновника по особым поручениям при главе Нижегородской губернии. При этом данная чиновником-литератором характеристика города относится ко второй четверти XIX в. Она точно описывает положение дел в хозяйстве городских жителей России второй половины XVIII столетия, причем не только хорошо известного автору Нижегородского края.

Если мы обратимся к материалам экономической статистики середины XVIII столетия, освещющей положение дел со всем в другой, Пензенской губернией, то увидим, что часть населения городов Верхнего Ломова [3, с. 569] и Нижнего Ломова [3, с. 598] (преимущественно однодворцы) параллельно с практикуемой ими торговлей (в основном местной) «промышел имеют хлебопашеством». При этом верхнеломовские однодворцы «землю обрабатывают сами», не нанимая крестьян со стороны [3, с. 569].

Население другого уездного центра Пензенского наместничества – Мокшан также промышляло торговлей на своем рынке, перепродаюая преимущественно продукты, «получаемые из других мест». Но при этом они в первую очередь («большей частию») получали источники пропитания («довольствовались») с земель, на которых выращивали хлеб. Одновременно с этим мокшанцы старались, помимо собственных пахотных земель, расположенных в рамках городского выгона, нанимать участки у других владельцев [3, с. 593]. Кроме них в «подгородных» (т. е. непосредственно примыкавших к территории бывшего посада) слободах, где проживали пушкари и солдаты (всего 325 дворов), местные занимались уже исключительно пащней. При этом, как отмечали современники-статистики, были к этому делу «раритетельны» [3, с. 593–594] (т. е. весьма внимательны и умелы). Причем имеющуюся у них землю они «обрабатывают всю на себя» [3, с. 594].

Подобное положение дел было в других местах края: Городище [3, с. 579], Инсаре [3, с. 581], Керенске [3, с. 584] и т. д. Надо сказать, что от небольших уездных центров не отставали и губернские города. Так, например, жители Липецка успешно совмещали «торговлю разными товарами» (в том числе «некоторые рогатою скотиною») и тем же «хлебопашеством» [3, с. 684].

Можно высказать гипотезу, что ориентация на производство зерна была присуща лишь южным регионам Центральной России, и была связана с наличием здесь недоступных на севере богатых черноземных почв. Кроме того, можно предположить, что данная форма поддерживалась большим числом осевших на пространстве до того приграничного и опасного Дикого поля служилых людей, наполнявших гарнизоны молодых и небольших крепостей. Это так, но только отчасти. Хлеборобство в неменьшей степени было присуще городским жителям так называемых «коренных губерний» Центральной России с ее старыми городами и неплодородными землями (суглинками, супесями и торфяниками).

Материалы и методы

Исследование простроено на принципах функционально-сетевого подхода, в рамках которого город рассматривается не как отдельный, оторванный от общей картины объект, а как часть региона. По преимуществу более масштабного и исторически устойчивого, чем официальный административно-региональный. За счет этого представляется возможным оценить потенциал города как часть единой городской сети, которой присуще пространственное распределение функций и статусов.

Работа написана на широком круге архивных источников, комплексе экономических примечаний, созданных в рамках проведения Генерального межевания, охватывающего период середины и второй половины XVIII в.

Хлеборобство в западных и юго-западных городах «коренных губерний»

Для рубежа XVIII–XIX вв., как, впрочем, и для более поздних периодов истории России (не говоря уже о ее ранних этапах [2, с. 16]) даже для самых развитых и центральных регионов страны, сельскохозяйственное производство выступало неотъемлемым качеством как сугубо городского промысла, так и городского образа жизни. Причем речь шла не об окраинных городах и их административных «пригородах», а о коренных районах городского пространства. В том числе о «столичном городе» Москве, где действовали департаменты Сената и стоял Императорский театр, демонстрирующие ее исключительный административный статус. При этом в городе даже в первые годы XX столетия, огороды являлись заметным фоном жизни.

Естественно, не выступали исключением и города второго (губернские), и уже тем более третьего (уездные) эшелона пространственно-поселенческой структурной сети Центральной России. Вопрос о так называемом «аграрном городе» уже поднимался в исследованиях. Но речь в них шла по преимуществу о садовом, а также огородном промысле «третьего рода людей» – мещан [7, с. 453]. Мы же хотим обратить внимание на иной, еще более «святотатственный» (с первого традиционного взгляда), аспект базового городского производства – землепашество.

Выращивание хлеба городским населением западных губерний Центральной России (Московской и Калужской) не являлось даже для XIX столетия каким-то из ряда вон выходящим явлением. Скорее даже наоборот. Пашенные земли выступали здесь обязательной частью так названного городского выгона, официально утвержденного за городом в ходе реформы города Екатерины II, на основании § 3 изданной ей Жалованной грамоты 1785 г. [4, с. 359].

Согласно данным генерального межевания к началу XIX в. в уездных центрах Московской губернии имелись обширные пашенные участки: в Богородске – 190 дес. из 779 дес. всех владений выгона, т. е. ровно 25%! [11, л. 1-3; 12, л. 1-2 об.] В Бронницах эта величина составляла уже 677 дес. [13, л. 1-8], Верее – 89 дес. [14, л. 1-14] и т. д. Даже в без преувеличения промышленном Серпухове, предприятия которого снабжали парусиной флот не только России, но и Англии, «в градской окружной меже» значилось 605 дес. пашни (28 % от ее выгона) [18, л. 1–15]. В поселениях Калужской губернии эти цифры были не меньше, а нередко даже еще больше.

При этом коренное городское население в своей деятельности охотно совмещало разные виды промыслов. Так, например, в наиболее промышленном центре Калужского края – Боровске жители окраинных деревень (крестьяне) занимались только ремеслом, и делали это с исключительной ориентацией на городской рынок Боровска. При этом его собственные мещане (т. е. представители городской корпорации) «довольствовались хлебопашеством».

Жители подмосковного Никитска (как сообщает нам статистическое описание) «торгу не имеют, а промышляют хлебопашеством, извозом в Москву, в оной да-че ломкой с обделкою камня на месте, также жгут известь [и ее] отвозят на продажу» на рынки «первопрестольного» города [17, л. 1]. При этом даже купцы многих городов успешно пашут землю и сажают хлеб. Так, в Можайске имелась «незаселенная купеческая усадебная земля», которая «состоит вся в распашке 4 дес.», при этом она, как сообщает современник-статистик, «изрядно обрабатывается самими купцами». Для женщин этого города «полевые и огородные работы» также были основными. По сравнению с ними на второе место уходили типичные для прочих мест домашние рукоделия и торговля произведенным в зимние месяцы.

Кроме того, целый ряд городских поселений и их население вообще не занималось торговлей, предпочитая ему выращивание хлеба. Как сообщает источник,

«жители того города торгу не имеют, а промышляют хлебопашеством». В данном случае речь идет о городе Калужской земли Медыни и Московской – Бронницах.

Но особо масштабные земельные и пахотные владения находились в руках подгородных слобод, население которых сохраняло статус служилых людей: «прежде бывших служб стрельцов», «прежних служб беломестных казаков», «пашенная земля прежних служб пушкарей», «дача прежних служб стрельцов» «прежде бывших служб пушкарей».

Свою лепту в этот процесс вносили и церковные земельные владения, в том числе сохранившиеся по итогам секуляризации. По сути, каждый городской храм имел свои земельные наделы. Активно эксплуатировались луга, что, в общем-то, объясняется необходимостью обеспечивать транспорт, который в те годы был исключительно гужевой. Но имелись и участки пашни, которые священники городских храмов могли обрабатывать самостоительно, а также отдавать в наем своим же прихожанам. Так, например, в одном из описаний последней четверти XVIII в. мы можем прочесть: «Волоколамск... [земля] лежит возле церковной земли Воскресенского собору. К плодородию изрядная...лучше родится рожь и овес... Отдается в оброк в год по 5 рублей по 30 копеек волоколамскому купцу Василию Богатыреву, который и обрабатывает наемными людьми на себя» [16, л. 4 об.].

Одним из древних и торговых городов Московской губернии являлся Волоколамск. Издревле его жители были заняты в посреднической торговле между хлеборобными владимирскими опольями и богатым торговым, но нередко умирающим от голода Новгородом, не имевшим собственных житниц. По данным источников второй половины XVIII в.: «Жители ... города большей частию купцы и имеют торг не в одном только своем городе, но и в других городах, отправляют в Петербургскому порту от Галицкой пристани водой хлеб, пеньку, сало и лен, а другия шерстяными шелковыми, бумажными и мягкою рухлядью холстом и прочим мелочным и съестными припасами ...». При этом «купеческие и мещанские дети в Москве принимаются в сидельцы и обучаются разным мастерствам и рукоделиям» [15, л. 3 об.]. При этом жители подгородных слобод из «предместий того города», давно слившихся с Волоколамском, по данным тех же источников, «большая часть оных живут в бедности нанимая в уезде у разных владельцев землю пашут и сено косят и тем единственно свои промысел имеют» [16, л. 2].

Но и более древняя городская история, помноженная на нахождение поселения при важнейшей торговой артерии, не гарантирует сохранения городских форм хозяйства. Речь идет о славном городе Тарусе, которая истоками своими восходит еще к «земле вятичей», раннему государственному образованию, включенному позже в состав Черниговского княжества. К середине XVIII в. все местные жители «пропитание свое получали» преимущественно от хлебопашства [8, л. 3]. Ока, которая обогащала такие города, как Орел, Коломна, Рязань, и другие крупные рынки страны, хоть и была востребована тарусянами, но они не использовали ее маршрут для торговли. Жители города в основном нанимаются на корабли («нанимаются по стругам и баркам»), уходят на заработки в Серпухов [10, л. 3]. Некоторые «частию» (помимо основной деятельности) практиковали местную торговлю «по торжкам». Но основная масса жителей, как отмечал современник, занимались делом «касающимся вообще до крестьянства» [8, л. 3].

Для населения городов потенциал пахотной земли всегда имел важное место. При анализе данного обстоятельства оценка давалась, в том числе, землям старых (и не только) городских кладбищ. Применительно к ним указывалось, какой провиант может в случае использования принести городским жителям и эта остающаяся в их распоряжении пашня. «Город Боровск... В 4. 1. Кладбище Георгиевское. Пашни 1 дес. ... земля иловатая, хлеб родится посредственно. ... В. 7. 1. Кладбищи: Петропавлов-

ское. Пашни 1 дес. ... На суходоле, земля глинистая, хлеб рождается посредственно» [9, л. 119-121].

Выводы: противоречивость конечных оценок

В чем причина подобного положения дел – по сути исторического хозяйственного парадокса? В первую очередь в том, что парадокса здесь нет. Попытка наложить общую схему на конкретное развитие неизбежно дает ошибки, которые сперва списывают на неизбежную погрешность, а когда их число начинает зашкаливать – стараются просто не замечать. Общая магистральная дорога развития для всего человечества отсутствует. Причина несоответствия лежит совсем не в отставании или неполноценности. Ее обусловливают значительно больший и сложный ряд факторов, каждый из которых достоин особого анализа.

Что можно отнести к данным факторам?

Не в последнюю очередь то обстоятельство, что Российское государство середины XVIII в. даже в своей центральной части было непосредственно связано с рубежом фронтира. Близость границ и достижимость центральных земель страны, а также ограниченность ее защитных механизмов, вели к сохранению даже в центральной части государства принципа глубоко эшелонированной обороны. Эта система обороны основывалась на крепостях.

В связи с этим социальный состав населения (в первую очередь базирующегося в слободах «предмestий») часто носил характер военно-служилого населения. Изначально они были близки крестьянам, а не горожанам, тем более что оплатой за службу выступали земельные владения, которыми пушкари и казаки дорожили. Парадокс заключался в том, что к концу века разросшиеся посады городов часто слились с подгородными территориями, которые превратились в кварталы. Но сословная принадлежность давала себя знать и сохраняла, в меньшей или большей степени, обособленность. Особенно это было заметно на примере общин ямщиков.

Кроме того, необходимо учитывать проблему выживания, иными словами необходимость значительной части населения изыскивать средства для основной задачи – физического существования. И хлеб как основная форма продукта выступает здесь на первое место. Наличие своей земли давало возможность сразу и напрямую хотя бы отчасти, но уменьшить опасность никуда не уходящего голода. В связи с этим необходимо отметить, что выживание как фактор российской истории недооценен в научной практике. Его привлечение к оценке процессов национального исторического пути требует большего внимания и специальной разработки.

Список источников и литературы

1. Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов / пер. с фр. К. Т. Топуридзе, С. Н. Тагер ; вводная ст. и ред. В. В. Покшишевский. М.: Прогресс, 1967. 424 с.
2. Борисов Н. С. Возвышение Москвы. М.: Русский мир, 2011. 576 с.
3. Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Витебская, Вологодская, Воронежская, Казанская, Курская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Орловская, Пензенская, Псковская, Тамбовская, Харьковская губернии : продолжение / подгот. к изд. Д. А. Черненко, А. А. Голубинский, Д. А. Хитров. М.: Древлехранилище, 2022. 864 с.
4. Грамота на права и выгоды городам Российской империи (1785, 21 апреля) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ-1). Т. 22. № 16187. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 358–384.

5. Домников С. Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Але-тейя, 2022. 672 с.
6. Мельников П. И. Полное собрание сочинений Мельникова (Андрея Печерского) : в 8 т. Т. 6: На горах. М.: Правда, 1976. 479 с.
7. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 576 с.
8. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 16. Оп. 1. Д. 926.
9. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 454.
10. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 490.
11. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 743.
12. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 744.
13. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 745.
14. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 748.
15. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 752.
16. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 754.
17. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 779.
18. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 786.
19. Тихомиров М. Н. Древняя Москва, XII–XV вв. ; Средневековая Россия на международ- ных путях, XIV–XV вв. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. рабочий, 1992. 319 с.

References

1. Beaujeu-Garnier, J & Chabot, G 1967, *Ocherki po geografii gorodov* (Essays on the geography of cities), Progress publ, Moscow. (In Russ.)
2. Borisov, NS 2011, *Vozvusheniye Moskvy* (The Rise of Moscow), Russkiy mir publ, Moscow. (In Russ.)
3. Chernenko, DA, Golubinskiy AA & Hitrov, DA 2022, *Goroda Rossiyskoy imperii v materi- alakh Generalnogo mezhevaniya* (Cities of the Russian Empire in the materials of the General Land Survey), vol. 2, Drevlekhranilishche publ, Moscow. (In Russ.)
4. ‘Gramota na prava i vygody gorodam Rossiyskoy imperii (1785, 21 aprelya)’ (Certificate of Rights and benefits to the cities of the Russian Empire. 1785. 21 April) 1830, *Polnoye so- braniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 1-ye* (The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1), vol. 22, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sostvennoy Yego- Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii publ, St. Petersburg, pp. 358–384. (In Russ.)
5. Domnikov, SD 2022, *Mat-zemlyai Tsar-gorod. Rossiya kak traditsionnoye obshchestvo*. (Earth Mother and the Tsar City. Russia as a traditional society), Aleteyapubl, Moscow. (In Russ.)
6. Melnikov, PI 1976, ‘Na gorakh’ (On the Hills), *Polnoye sobraniye sochineniy Melnikova (An- dreya Pecherskogo v 8-mi tomakh* (The complete works by Melnikov (Andrey Pecherskiy) in 8 volumes), vol. 6, Pravda publ, Moscow. (In Russ.)
7. Milov, LV 1998, *Velikorusskiy pakhar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* (The Great Russian ploughman and the peculiarities of the Russian historical process), Rossppenpubl, Moscow. (In Russ.)
8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* (The Russian State Archive of Ancient Acts), fund 16, inventory1, file 926. (In Russ.)
9. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 454. (In Russ.)
10. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 490. (In Russ.)
11. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 743. (In Russ.)
12. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 744. (In Russ.)
13. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 745. (In Russ.)
14. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 748. (In Russ.)
15. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 752. (In Russ.)
16. *RGADA*, fund 1355, inventory1, file 754. (In Russ.)

17. RGADA, fund 1355, inventory1, file 779. (In Russ.)
18. RGADA, fund 1355, inventory1, file 786. (In Russ.)
19. Tikhomirov, MN 1992, *Drevnyaya Moskva XII–XV vv.* (Ancient Moscow of the 12th–15th centuries), Moskovskiy rabochiy publ., Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.11.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 08.11.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 89–103.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 89–103.

Научная статья

УДК 94(410)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-89-103>

«ЕДИНСТВЕННЫЙ ЯКОРЬ СПАСЕНИЯ»: ЗЕМСКОЕ КОНЦЕССИОННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ТАМБОВО-САРАТОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1860–1870-е ГГ.)

**Елена Николаевна
Морозова**

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
Саратов, Россия, morozovaen@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3436-151X>

Аннотация. Статья посвящена весьма редкому сюжету в истории железнодорожного строительства России: сооружению железной дороги Саратов – Тамбов Саратовским губернским и Кирсановским уездными земствами, заключившими концессионное соглашение с правительством. В публикации раскрываются особенности земской концессии, которая была заключена, в отличие от частных акционерных обществ, не с правительственной, а с высокой (5 %) земской гарантией. В исследовании характеризуется сложная ситуация с земскими ходатайствами в течение двух лет по поводу дарования концессии. Автор анализирует причины проведения указанной железнодорожной линии, которая должна была соединить хлебородный Поволжский регион с центром, способствуя развитию торгового земледелия. В числе важных причин называется стремление земских гласных увеличить конкурентоспособность Саратовской губернии, с которой успешно соперничали заволжские регионы. В работе рассматривается острая борьба между «гвельфами» (сторонниками) и «гибеллинами» (противниками) земской гарантии, которые видели гибельность уплаты огромных сумм населением губернии по дивидендным акциям вне зависимости от рентабельности железной дороги. Автор характеризует сложности, с которыми столкнулось Саратовское земство при сооружении железной дороги, выявляет его общие и особенные черты в условиях «железнодорожной революции» второй половины XIX в. В статье говорится о последствиях включения Саратовской губернии в железнодорожную сеть России.

Ключевые слова: Саратовская губерния, Тамбово-Саратовская железная дорога, земство, концессия, гарантия, дивидендные акции, облигации, «железнодорожная горячка», «гвельфы», «гибеллины».

Для цитирования: Морозова Е. Н. «Единственный якорь спасения»: земское концессионное строительство Тамбово-Саратовской железной дороги (1860–1870-е гг.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 89–103. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-89-103>

Сведения об авторе: Е. Н. Морозова – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Scientific Article

UDC 94(410)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-89-103>

'THE ONLY ANCHOR OF SALVATION': THE ZEMSTVO CONCESSION CONSTRUCTION OF THE TAMBOV-SARATOV RAILWAY (1860s-1870s)

Saratov State University

Elena N. Morozova

Saratov, Russia, morozovaen@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3436-151X>

Abstract. This article explores a rare case in the history of Russian railway construction: the construction of the Saratov-Tambov railway by the Saratov gubernia and Kirsanovskiy uyezd zemstvos, which entered into a concession agreement with the government. The author explores the specifics of the zemstvo concession, which, unlike private joint-stock companies, was concluded not with a government guarantee, but with a high (5%) zemstvo guarantee. The study describes the complex situation with zemstvo petitions over two years regarding the issuance of the concession. The author analyzes the reasons for constructing this railway line, connecting the grain-producing Volga region with the center, facilitating the development of commercial agriculture. Among the important reasons cited is the zemstvo councilors' desire to increase the competitiveness of the Saratov province, which successfully competed with the Trans-Volga regions. This work examines the bitter struggle between the Guelphs(supporters) and Ghibellines(opponents) of the zemstvo guaranteee, who saw the ruin of the province's population paying enormous sums for dividend shares, regardless of the railway profitability. The author characterizes the difficulties the Saratov Zemstvo faced during the railway construction, identifying its general and specific characteristics during the 'railway revolution' of the second half of the 19th century. The article outlines the consequences of the inclusion of the Saratov province in the Russian railway network.

Keywords: Saratov province, Tambov-Saratov railway, zemstvo, concession, guarantee, dividend shares, bonds, 'railway fever', Guelphs, Ghibellines.

For citation: Morozova, EN 2025, "The Only Anchor of Salvation": the Zemstvo Concession Construction of the Tambov-Saratov Railway (1860s-1870s)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 89-103, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-89-103> (in Russ.)

Information about the Author: Elena N. Morozova – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Russian History and Historiography, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia.

Введение

Поражение в Крымской войне стало триггером модернизационных процессов в России. Война продемонстрировала катастрофическое экономическое отставание империи от западных стран. Российская промышленная революция, начавшаяся в 1820-х гг., не могла завершиться без отмены крепостного права и создания развитой сети железных дорог, той «кровеносной системы», которая бы связала огромную территорию в единое целое. Протяженность российских железных дорог в начале 1850-х гг. составляла всего лишь 1,5 % от мировой железнодорожной сети [19, с. 92].

Александр II и часть высших сановников прекрасно понимали ту первоочередную роль, которую железные дороги играли в развитии экономики и обороноспособности страны. Однако реализация «железнодорожных» планов осложнялась рядом факторов: государственная казна была пуста, истощенная Крымской войной, несовершенством системы обложения, финансовым кризисом середины 1850-х гг. Вместе с тем необходим был определенный человеческий капитал – слой предпринимчивых людей, обладающих предпринимательскими способностями (стратегическим мышлением, умением создать синергетический эффект, принятием на себя рисков и др.) и серьезными денежными капиталами. Но их число было невелико в силу особенностей экономического и социокультурного развития России. О недостатке таких людей писал Д. И. Менделеев, изучавший перспективы развития отечественной экономики: «Причиной у нас малого развития промышленности должно считать отсутствие личной предпринимчивости», связанной «с необходимостью личного труда, риска и упорства» [13, с. 40]. Подобную точку зрения высказывал саратовский земский гласный Н. Н. Минх, ссылаясь на мнение одного из «железнодорожных королей» фон Дервиза, который считал главным препятствием расширения железнодорожной сети недостаток личной предпринимчивости [18, с. 28].

Для того чтобы привлечь инвестиции в железнодорожное строительство, в середине 1850-х гг. правительство, выступая в роли концедента, переходит к системе концессий с 5 % правительственный гарантшей: держатели акций получали дивиденды вне зависимости от реальной доходности железной дороги, пущенной в эксплуатацию. Ежегодно казна выплачивала по гарантиям 40 млн. руб. [3, с. 136]. В начале 1860-х гг. правительство меняет курс и переходит к практике частно-государственного партнерства. Особенностью российского железнодорожного строительства являлось участие в железнодорожных концессиях только что созданных органов местного самоуправления по Положению 1864 г. [5, с. 229].

Материалы и методы

Истории железных дорог в России посвящен огромный круг литературы (деволюционной, советской, современной), связанной как с общими проблемами создания железнодорожной сети России (А. А. Головачев [4], А. М. Соловьева [31] и др.), так и с особенностями регионального строительства. Многочисленность исследований в сфере истории железнодорожного транспорта позволяет говорить о возникновении «железнодорожного (транспортного) регионоведения» [19].

Существенный интерес представляют работы, посвященные концессионному строительству железных дорог, частно-государственному партнерству в этой сфере (Н. М. Стецюк, А. А. Ефимова [32], А. А. Голубев [5] В. В. Фортунатов [33]), истории создания провинциальных железнодорожных линий и их строителей (Р. Б. Кончаков [21], Н. О. Шашкова [35]). Однако история строительства Тамбово-Саратовской осталась вне внимания исследователей. Изучение этой проблемы представляет значительный интерес, ибо Тамбово-Саратовская железнодорожная линия была самой протяженной среди земских концессионных дорог и с самым высоким процентом земской гарантии.

Источники по указанной проблеме многообразны: опубликованная и неопубликованная земская документация (журналы заседаний Саратовского губернского земского собрания, отчеты и доклады земской управы); материалы по строительству Тамбово-Саратовской железной дороги, содержащиеся в изысканиях Саратовской Ученой Архивной Комиссии [18]; отчеты Рязано-Уральской железной дороги [29]; источники личного происхождения – воспоминания известного железнодорожного деятеля А. И. Дельвига [14], знаменитого правоведа, профессора Московского университета Б. Н. Чичерина [34], премьер-министра России, министра МПС С. Ю. Вите [3].

В работе использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и специальные (историзм, историко-компаративный, историко-типологический) методы исследования. Междисциплинарные подходы позволили изучить частный случай строительства Тамбово-Саратовской железной дороги в контексте особенностей «транспортной революции» в России.

Результаты

Первоначально идея «соединения Саратова – столицы Поволжья со столицей царей» возникла в 1840-х гг., она активно поддерживалась знаменитым историком Н. М. Костомаровым, жившим тогда в губернском центре. Саратовская интелигенция и ряд местных чиновников мечтали основать в Саратове общественный университет на средства местного населения. Железная дорога должна была стать «живым нервом», связующим «Поволжье с нашими интеллигентными центрами», и, прежде всего, с Московским университетом [18, с. 36; 24, с. 18]. Эту «неумирающую мысль мечтателей», по словам известного писателя Д. Л. Мордовцева, решило осуществить только что созданное в 1866 г. Саратовское земство, «для блага всего края, соединив Саратов с экономическими центрами» [24, с. 18–19].

Саратовские земские гласные, большинство которых в губернском земском собрании составляли крупные и крупнейшие землевладельцы, прекрасно понимали, что для губернии железная дорога, соединявшая Саратов с центральными регионами, составляла насущную потребность в целях интенсивного развития товарного земледелия.

Продукция сельского хозяйства, кустарного и промышленного производства нуждалась в обширных рынках сбыта, для чего необходима была соответствующая транспортная инфраструктура, которая в Саратовской губернии, как и во многих губерниях России, была крайне слабо развита. В летнее время основной транспортной артерией являлась Волга. В зимние месяцы по старинке использовался гужевой транспорт, рентабельность которого была чрезвычайно низкой: бесконечные обозы тянулись по «неудобопроездным» дорогам. Доставка хлеба из низовьев Волги в Англию гужом через Петербург занимал два года [35, с. 92]. Из Саратовской губернии экспортировались различные виды рыбы, красная икра, пшеница, мука-крупчатка. Только в Москву и Петербург вывозили товаров 47 наименований (свыше 8 млн. пудов) [9, л. 164–167]. Однако продукции, которая требовала реализации, в губернии было гораздо больше, и узость сбыта сельскохозяйственной продукции оказывала «отрицательное влияние на развитие собственного рынка» [23, с. 38].

Саратовское дворянство и купечество тревожил еще один фактор: слабая конкурентоспособность губернии. Особую угрозу они видели со стороны заволжских регионов, и, прежде всего, Самарской губернии, резко увеличивавших производство дешевого товарного хлеба.

В силу этих обстоятельств, земским гласным строительство железной дороги представлялось «единственным якорем спасения», который даст возможность сократить «время и цену перевозки», «усилить экспорт», «оживить хлебопашество, развернуть торговлю саратовским хлебом как внутри страны, так и за рубежом»,

оказать влияние на «развитие промышленности в большей части Приволжья» [11, л. 3].

Все эти доводы в защиту постройки железнодорожной линии от Саратова до Тамбова, которая бы соединила «столицу Поволжья» с торгово-промышленными центрами, были озвучены только что избранными земскими гласными на первых губернских земских собраниях (чрезвычайном и очередном) 1866 г. Н. Д. Давыдов (губернский предводитель дворянства, сын героя Отечественной войны 1812 г.), доказывал, что эта железная дорога необходима «для всего края», и будет «непоправимой ошибкой», если мы «дадим другим местностям преимущества, которые привлекут к себе торговлю» [10, л. 5].

Весомым аргументом в пользу строительства железной дороги стала «железнодорожная горячка», охватившая Россию в начале 1860-х гг. Земские гласные полагали, что их решение вписывается в рамки новой экономической политики правительства, которое в 1860-е гг. переходит от казенного строительства железных дорог к поощрению концессионного частного строительства при участии государства [15, с. 77]. Правительство создавало чрезвычайно выгодные условия акционерам железнодорожных компаний, гарантируя 4,5–5 % прибыль на вложенный ими капитал. Все риски правительство возлагало на себя. Владельцам акций правительство обещало твердый дивиденд не с момента ввода в эксплуатацию железнодорожной линии, а со дня организации акционерного общества [5, с. 228].

Дополнительными резонами в пользу соединения Саратова с Москвой через Тамбов стали неосуществленные и реализованные железнодорожные планы конца 1850 – начала 1860-х гг. В 1859 г. П. Г. фон Дервиз получил концессию на строительство железной дороги от Москвы до Саратова через Рязань и Моршанска с ветвью на Пензу. Однако железная дорога была доведена лишь до Рязани. В 1863 г. фон Дервиз ходатайствовал о постройке железнодорожной линии в Саратов через Козлов и Тамбов, но получил отказ, ибо заграничные акционеры требовали безусловной правительственный гаранции [29, с. 27–28]. Энергичный предприниматель обратился с новым ходатайством о проведении новой железной дороги (Рязань – Козлов), и, получив концессию, «с небывалой быстротой» ее построил. Движение по ней было открыто в сентябре 1866 г. [29, с. 29]. Высокая доходность Рязанско-Козловской железной дороги повысила интерес земских деятелей к железнодорожному строительству. Для Саратовского земства это было важным аргументом в пользу строительства железной дороги по направлению Саратов – Аткарск – Кирсанов – Тамбов – Козлов. Таким образом, Саратовская губерния была бы включена в железнодорожную сеть, соединявшую Среднее и Нижнее Поволжье с Москвой и Петербургом.

Рационально мыслящие земцы прекрасно осознавали, что строительство железной дороги протяженностью около 350 верст требовало многомиллионных затрат, а денег у новоиспеченного земства не было. В этих условиях существовала единственная возможная альтернатива: или получить концессию с правительственной гаранцией, или, по примеру других земств, в частности, Борисоглебского, заключить концессионное соглашение с гаранцией земства в 1–1,5 % [18, с. 28]. Надежда получить концессию с правительственной гаранцией была эфемерной. Правительство, оказывая всемерную финансовую поддержку частному строительству железнодорожных линий, крайне неохотно выдавало концессии земствам, сомневаясь в их финансовых возможностях.

Учитывая эти обстоятельства, Саратовское земство предложило стать участниками земской концессии г. Саратову, Тамбовскому губернскому и Кирсановскому уездному земствам. В последние были командированы губернские гласные (Н. Н. Минх и М. Н. Беклемишев). Тамбовское губернское земство отклонило проект, потому что предполагалось строительство собственной железнодорожной линии до

Козлова. Кирсановское уездное земство и г. Саратов поддержали предложение участвовать в железнодорожной гаранции. Саратовское городское общество пообещало безвозмездно передать городские земли под строительство железнодорожного полотна [18, с. 34].

Уверенность сторонников земской гаранции в возможности обеспечить акции постоянной дивидендной доходностью зиждалась на призрачной цифре в 8,1 % (таковой, по их мнению, будет прибыль будущей железной дороги). Для того чтобы убедить колеблющихся публику и правительство, Саратовская земская управа издавала специальные брошюры, где фигурировали гипотетические цифры возможного дохода Саратовско-Козловской железнодорожной линии [2, с. 3–12]. Б. Н. Чичерин, помещик и гласный Кирсановского земства, писал: «Волею или неволею, пришлось прибегнуть к земской гаранции. Мы были приперты к стене, и другого исхода не оставалось. Саратовская губерния, город Саратов и Кирсановский уезд вошли с ходатайством о разрешении им гарантировать дорогу» [32, с. 223].

Вопрос о земской гаранции разделил губернских гласных на «гвельфов» (противников) и «гibelлинов» (сторонников) земской концессии. Так иронически Д. Л. Мордовцев характеризовал борьбу в молодом Саратовском земстве вокруг вопроса о земской гаранции [24, с. 181, 185]. «Гибеллины» основывали свои взгляды на уверенности в рентабельности будущей железной дороги и многомиллионном объеме экспортимемых товаров.

Наиболее яркие «гвельфы» (гласные Царицынского, Камышинского уездов) считали, что они не получат никакой выгоды от этой железной дороги. Они доказывали гибельность этого проекта, который был «сродни обязательному самоповешению для всей губернии» [18, с. 34, 57–58; 24, с. 181]. Позицию гвельфов поддержал уполномоченный от удела Н. П. Москвин, который утверждал, что строительство железной дороги с помощью земской гаранции принесет населению лишь усиление налогового бремени.

Жаркие дебаты на губернских собраниях 1866 г. (чрезвычайное и очередное) закончились победой «гibelлинов», и большинство губернских земских гласных высказались за ходатайство перед правительством о даровании железнодорожной концессии с земской гарантией.

Железнодорожный комитет во главе с Н. Д. Давыдовым, созданный специально для подачи ходатайства на высочайшее имя, состоял из представителей губернской земской управы, четверых гласных (М. Н. Беклемишев, Д. Ю. Лупандин, А. И. Шахматов, Н. П. Инглези), депутатов от города Саратова (городской глава Ф. И. Никитин, И. И. Зейферт) [18, с. 36].

Члены Саратовского железнодорожного комитета, несмотря на бюрократические препоны, активно действовали в Петербурге. «Подарок судьбы» саратовские земцы увидели в ходатайстве Козловского и Тамбовского уездных земств о выдаче концессии на проведение линии Козлов – Тамбов, которую они получили в апреле 1867 г. Ее эксплуатация началась в декабре 1869 г. [4, с. 208–210]. Поэтому железнодорожная линия, предполагавшаяся по саратовскому проекту, сократилась почти на 70 верст.

Статистический отдел Русского географического общества признал правильным направление железнодорожной линии: Саратов – Аткарск – Тамбов [11, л. 1–3]. А. А. Головачев отмечал, что центральные ведомства лоббировали различные концессии: Комитет железных дорог поддержал саратовский проект, а Комитет министров выступал в защиту концессии Борисоглебского земства [4, с. 210–213]. Противником выдачи концессии Саратовскому земству выступил министр внутренних дел А. Е. Тимашев, который откровенно заявил, что «неудобно предоставлять в руки земства такого крупного и доходного предприятия» [11, л. 102]. Но его негативная

позиция, представленная в 12 тезисах, объяснялась его личными своекорыстными интересами: Тимашев активно лobbировал проведение Сызрано-Вяземской линии [4, с. 222]. Конфликт интересов очевиден и в позициях других представителей высшей бюрократии: М. Х. Рейтерн деятельно поддерживал строительство Грязе-Борисоглебской дороги с единственным условием: предоставлением «для казны акций на три миллиона» [34, с. 221], П. П. Мельников содействовал строительству нижневолжской Грязе-Царицынской линии [22, с.155].

Положение, в котором оказалось Саратовское земство, саркастически описывал Б. Н. Чичерин: «Только Тамбово-Саратовская железная дорога осталась в накладе. Не было высокопоставленного лица, которого бы интересы были замешаны; не было и ловкого дельца, который бы сумел обработать дело. Земские люди хлопотали, но взяток давать было не на что, и вопрос не двигался» [34, с. 222]. Ситуация осложнилась тем, что в это время появилось еще два концессионных предложения: Борисоглебского земства, планировавшего провести железную дорогу до Царицына, и оренбургского губернатора, желающего провести железную дорогу до Самары. Саратовское земство прилагало максимум усилий для того, чтобы перевесить чашу весов в свою пользу, и 18 марта 1867 г. Саратовский железнодорожный комитет получил официальный ответ от министров финансов и путей сообщения. В правительенной гарантии Саратовскому земству было категорически отказано, Тамбово-Саратовская железная дорога признавалась «самой полезной среди второстепенных», на которую «в свое время», после постройки первостепенных дорог, «будет обращено полное внимание правительства»; Саратовскому и Кирсановскому земству было разрешено провести изыскания, чтобы сделать заключение о выгодном направлении железнодорожной линии и «стоимости ее устройства» [4, с. 211]. Но вопрос о концессии решен не был.

Саратовский железнодорожный комитет возлагал все надежды на поддержку земского проекта Александром II. Д. Ю. Лупандину пришлось выехать за границу, где пребывал император. Получив ходатайство саратовских земцев, царь повелел рассмотреть вопрос о концессии в Комитете министров, который вынес положительное решение (13 голосов «за», 3 – «против»). Александр II, в целом поддержав ходатайство, все же в своей резолюции 6 июля 1868 г. начертал: «Нахожу полученное свидетельствование от земского комитета недостаточным и потому желаю, чтобы вопрос о гаранции был обсужден в экстренном губернском земском собрании» [4, с. 216–217].

Сомнения императора имели под собой серьезные основания. Противники земской концессии, имея сторонников в земских собраниях, стали собирать подписи в среде чиновников и дворян, протестовавших против долговой кабалы. Эти возражения были порождены рядом причин: во-первых, ряд уездов Саратовской губернии (Камышинский, Царицынский, Хвалынский, Вольский) был территориально удален от железнодорожной линии. Во-вторых, концессия даровалась Саратовскому земству на тяжелейших финансовых условиях «без правительенной гаранции» в целях «соединения низовьев Волги с сетью строящихся в России железных дорог» [11, л. 102–103]. По условиям концессионного договора Саратовское и Кирсановское земства должны были в течение 6 месяцев учредить акционерное общество с капиталом в 27,3 млн. руб., а в течение 3-х – внести залог в сумме 300 тыс. руб. Акционерное общество обязано было на свой страх и риск построить железную дорогу и снабдить ее подвижным составом. Предполагалось, что чистый доход с железной дороги пойдет на платежи по займам, на погашение процентов по акциям и облигациям. Эксплуатация дороги поручалась 5 директорам, в том числе двум от земства. Срок концессии устанавливался в 85 лет, и по ее окончании правительство могло получить железнодорожную линию бесплатно. По прошествии 20 лет правительство имело

право выкупить железную дорогу [18, с. 60–61]. Такое концессионное соглашение было стандартным, но главным кабальным пунктом здесь была 5 % земская гарантия (сравнимая с правительственной), самая высокая среди земских.

Вопросу о земской гарантии были посвящены губернские земские собрания 1868 г. (чрезвычайное и очередное). В результате жарких прений две трети (41 – «за», 21 – «против») земских гласных поддержали позицию «гвельфов», выраженную кн. В. А. Щербатовым, который подчеркивал, что мы должны «иметь ввиду одну лишь пользу kraю, не увлекаясь ни личными интересами, ни влиянием лиц, желающим падения нашей дороги для преуспеяния соседственных нам губерний» [16, с.32; 18, с. 57].

К земской гарантии привлекли 8 уездов (за исключением Царицынского и Кузнецкого) с разделением их на две категории (на основании близости к железной дороге): к первой категории отнесли Аткарский, Балашовский, Саратовский, Сердобский уезды с уплатой 6,33 коп. с десятины; ко второй – Вольский, Камышинский, Петровский, Хвалынский с уплатой 1,94 коп. с десятины. Способом взыскания земской гарантии стали формы и методы взимания земского сбора [18, с. 59]. Губернское земское собрание 2 декабря 1868 г. утвердило концессию и ходатайствовало об именовании будущей железной дороги «Александровской» [18, с. 61].

В 1869 г. было образовано «Акционерное общество земской Тамбово-Саратовской железной дороги». Во временное правление вошли крупные международные банковские дельцы (С. Гвейер, А. Грант), богатый саратовский купец В. Гудков и два директора от земства: Д. Лупандин – от Саратовского и Н. Болотовский – от Кирсановского (который впоследствии был заменен Б. Н. Чичериным). Капитал акционерного общества образовывался выпуском долевых и долговых ценных бумаг (акций на сумму 7,5 млн. руб. и облигаций на 20 млн. руб.) с выплатой 5 % дивидендов два раза в год (2 января и 2 июля).

Устав акционерной кампании сразу же поставил Саратовское земство в крайне невыгодное положение. Получив учредительные права, Саратовское земство должно было обеспечить «обществу абсолютную гарантию в 5 % чистого дохода на нарицательный акционерный капитал в 7,5 млн. руб. и 0,5 % на строительный капитал». Однако правительство настояло на 5 % дивидендной доходности на весь капитал, необходимый для строительства первого участка дороги от Тамбова до Кирсанова. Это была самая высокая дивидендная доходность акций для железных дорог с земской гарантией. В частности, для Грязе-Борисоглебской и Тамбово-Козловской она не превышала 2,5 % [7, л. 2]. Причину такой высокой гарантии для Саратовского земства озвучил министр внутренних дел: «Низкая гарантия не может иметь серьезного значения для привлечения капиталов» [28, л. 29–30].

Земские гласные согласились на столь высокий процент по дивидендным акциям, будучи уверены в рентабельности железной дороги, которая, по их подсчетам, будет приносить не менее 3 млн. руб. дохода ежегодно. Уверенность земцев зиждалась на толковании статьи Устава акционерного общества, по которой половина чистой прибыли должна предоставляться «в возмещение земству», если общая прибыль железной дороги превысит 6 % [12, с. 45–46].

Таким образом, Саратовское земство с самого начала попало в зону финансовых рисков. Все акционеры становились владельцами привилегированных акций и должны были получать 5-процентную гарантированную прибыль вне зависимости от доходности железной дороги.

Высокая гарантированная доходность акций Тамбово-Саратовской железной дороги привела к ажиотажу вокруг их продажи. 1860–1870-е гг. вошли в историю как период «биржевой» и «акционерной горячки», сопровождавшейся ожесточенной спекуляцией [30, с. 303]. Акционерами Тамбово-Саратовской железной дороги

стали представители аристократических кругов. Управляющий Государственным банком Е. И. Ламанский хотел ограничить подписку на акции Тамбово-Саратовской железной дороги только Петербургом. Лишь по протестам Д. Ю. Лупандина подписка на акции была открыта и в Саратове, где было продано свыше 9 тыс. акций на сумму более 1 млн. руб. Город Саратов получил 3 тыс. акций [18, с. 65].

Эта «акционерная вакханалия» привела к созданию организованной преступной группировки, занимающейся подделкой акций Тамбово-Саратовской железной дороги. Центр изготовления фальшивых акций находился в Брюсселе, а хранились они в России в библиотеке Медико-хирургической академии. Мошенники были разоблачены, поддельные акции найдены. Судебный процесс «О подделке акций Тамбово-Саратовской железной дороги», где прокурором выступал знаменитый российский юрист А. Ф. Кони, имел широкий общественный резонанс. Ходом этого уголовного дела интересовался шеф жандармов гр. П. А. Шувалов и сам Александр II [20, с. 89].

Выполняя концессионные обязательства, Саратовское земство первоначально обратилось с предложением реализовать планы по строительству железной дороги к фон Мекку, но тот отказался, видимо, занятый другими проектами, сулящими большую финансовую выгоду [18, с. 60–61]. А приглашение фирмы «Бр. Гладины и Ко» (братья Гладины, А. Лукашевич, фон Дезен) по-разному освещается в официальных земских и неофициальных источниках. В земской документации обращение к Гладиным рассматривается как единственно возможное, ибо они предложили самые выгодные условия. Однако документы, исходящие от других ведомств и лиц, свидетельствуют о том, что члены железнодорожного комитета начали переговоры с Гладиными еще до официального заключения концессии. Б. Н. Чичерин и А. А. Головачев утверждают, что приглашение этой компании было обусловлено меркантильными интересами некоторых земских деятелей. Головачев писал о «лукулловых пирах», которые закатывали Гладины накануне губернского земского собрания. Чичерин открыто обвинил Д. Ю. Лупандина и своего двоюродного брата Н. Бологовского в покупке дорогих имений на деньги, полученные нечестным путем [34, с. 225].

Исполнение контракта подрядчиками предусматривало строительство трех участков железной дороги: Кирсанов–Тамбов (110 верст); Тамбов–Аткарск (147 верст); Аткарск–Саратов (83 версты) [18, с. 60]. Строительство происходило с нарушением технических условий проекта, и качество работ ужасало земских гласных. Завышена была стоимость строительства одной версты железнодорожного полотна – свыше 81 тыс. руб. («баснословная» среди строящихся железных дорог); уклоны значительно превышали норму, что невыгодно отражалось на эксплуатации железной дороги [4, с. 224; 34, с. 224]. Правительственные комиссии принимали «убийственно дурные» железнодорожные линии, невзирая на протесты земских деятелей, ибо боялись недовольства акционеров.

Первый участок Тамбов–Умет был открыт для движения 9 августа 1870 г., второй до Аткарска – 14 января 1871 г., третий до Саратова – 4 июля 1871 г. [29, с. 37]. Капитальный ремонт потребовался железной дороге в 1874 г., через три года после ее открытия [7, л. 123].

Справедливости ради следует сказать, что в целом техническая сторона строительства железных дорог в России оставляла желать лучшего, ибо «дороги строились быстро, но были весьма низкого качества» [33, с. 224]. Об этом свидетельствуют частые железнодорожные катастрофы [3, с. 64–65; 14, с. 658].

Но более, чем низкое качество строительства, Саратовское земство беспокоила финансовая составляющая концессии. Рухнули все их надежды на прибыльность железной дороги. По отчетам правления железная дорога оказалась нерентабельной

вследствие высоких расходов на эксплуатацию (92 %), которая была в 2–3 раза выше, чем на других дорогах [27, л. 221].

А. М. Соловьева отмечала, что российская железнодорожная сеть была хронически убыточной [31, с. 294]. Между тем ряд железных дорог мог похвастаться высокой рентабельностью: Московско-Курская дорога приносила 3,7 млн. руб. ежегодного дохода (к началу 1890-х гг. общая сумма прибыли оценивалась в 32,9 млн. руб. [28, с. 221; 29, с. 42], высокую доходность имела и Рязано-Козловская железная дорога [29, с. 27–28].

Саратовские земцы были уверены, что сложившаяся ситуация – результат финансовых махинаций акционеров: количество грузов росло, а доходов не было. Гласные выяснили, что в 1879 г. Тамбово-Саратовская железная дорога дала чистой прибыли свыше 360 тыс. руб. Из этой суммы 60 тыс. руб. в соответствии с Уставом приходилось на долю земства, но оно не получило ни рубля [8, л. 1–3]. Все попытки земства раскрыть финансовые махинации акционеров закончились крахом. Акционеры признавали, что «им нет дела до земства и вообще до гарантировавшего учреждения, которое должно было предвидеть последствия риска принятия гарантии» [29, с. 37]. Земство превращалось в простого плательщика по чужим счетам.

Правительственные ревизионные комиссии, созданные по ходатайству Саратовского земства (1873, 1880 гг.) признали, что дела акционерного общества «ведутся крайне запутанно и недоступны никакой проверке», и вследствие этого нельзя «определить цифру действительных доходов и расходов» [27, л. 2, 4, 6, 11]. Однако комиссии признали абсолютное равнодушие и пренебрежение акционерного общества к интересам дороги [29, с. 37].

Финансовая пропасть углублялась в связи с действиями правительства, которое в 1869 г. скупило все облигации Тамбово-Саратовской железной дороги за 66 % их стоимости, выплатив акционерному обществу всего 1,1 млн. руб., пообещав вернуть оставшуюся сумму после того, как общество будет получать доход от эксплуатации железной дороги [4, с. 224]. Министр финансов М. Х. Рейтерн, как отмечают исследователи, стремился большую часть предназначенных к выпуску ценных бумаг оставлять за государством [19, с. 98]. А. А. Головачев считал, что эта сделка спасла земство и акционерное общество [4, с. 225]. Но в действительности акционерное общество и его правление использовали деньги в своих корыстных целях, а земство продолжало платить дивиденды по облигациям.

Проведя эту сделку, правительство получило выгоду в размере 2,5 млн. рублей. Но жалобы Саратовского земства остались без ответа. Причина была очевидна (о ней министр путей сообщения писал министру финансов): «Возбужденные земством вопросы могут иметь существенное влияние на размер гарантированного земством чистого дохода Тамбово-Саратовской железной дороги, из которого уплачивается правительству % по оставленным им за собой облигациям» [8, л. 13].

Размер железнодорожной ренты (земской гарантии) возрос с 260 тыс. руб. (1871 г.) до 430 тыс. руб. (1879 г.) [27, л. 221]. Сумма «железного подушного налога» к 1893 г. составила огромную по тем временам сумму – 4, 3 млн. руб. [8, л. 2–3]. Население губерний, кроме «железного подушного», платило государственные, земские и мирские сборы, что вело к росту недоимок. Сумма недоимок по земской гарантии к 1890 г. достигла почти 780 тыс. руб. [25, с. 183].

Понимая гибельность последствий для населения и экономики губернии, в 1872 г. Саратовское земство ходатайствует о передаче железной дороги в казну, или, в крайнем случае, уменьшении процента железнодорожной гарантии [17, с. 67]. В частности, Борисоглебскому земству министерство финансов уменьшило железнодорожный налог более чем в 10 раз (с 60 до 4 коп.) [34, с. 227].

Только 1 января 1883 г. Тамбово-Саратовская железная дорога перешла в казну. Но огосударствление железной дороги не сняло с земства налогового бремени: Саратовское и Кирсановское земства согласились выплачивать правительству ежегодную ренту (261 тыс. руб.) до 1956 г. (это срок окончания концессии). Но Саратовское городское общество поступило дальновиднее: поторговавшись с правительством, оно добилось уменьшения ренты на треть (с 71 тыс. до 51 тыс. руб.) и частичного освобождения города на пять лет от взноса суммы на содержание городской полиции [29, с. 39].

В 1891 г. произошло объединение Тамбово-Саратовской и Тамбово-Козловской линий (после огосударствления последней) и образование Козлово - Саратовской железной дороги. В свою очередь, в январе 1892 г. последняя была включена в новую крупную железнодорожную компанию «Общество Рязано-Уральской железной дороги»; Саратовское и Кирсановское земства освобождались от уплаты ренты [29, с. 48].

Заключение

Таким образом, эпопея со строительством Тамбово-Саратовской железной дороги подтвердила непреложную истину: модернизация экономики, в частности строительство железнодорожной сети, требует огромных инвестиций, которые часто рассчитаны на долгосрочную перспективу.

В Саратовской губернии, как и в других регионах, появилась особая «группа провинциалов» [21, с. 133], состоявшая из земских гласных, дворянства, богатого купечества, выступавших в качестве самостоятельной силы и инициировавших сооружение железной дороги, которая соединила бы «столицу Поволжья» с центральными регионами. Однако саратовские земцы, не обладая предпринимательскими способностями, не смогли просчитать все финансовые риски. Они не были знатоками технической стороны строительства железных дорог, и, не имея деловой хватки «железнодорожных королей», слабо представляли особенности функционирования рынка ценных бумаг, который только зарождался в России. Саратовское земство, не имевшее денежных средств, прибегло к заключению концессионного договора с правительством. Концессия как форма частно-государственного партнерства для Саратовского земства оказалось тяжелейшей ношей, ибо все выгоды от него имели акционеры и правительство.

Взятые земством непосильные финансовые обязательства, привели к накоплению огромных долгов, лежавших тяжелым грузом на населении восьми уездов губерний, плативших вместе с железнодорожной рентой другие виды налогов (государственных, земских, мирских). За заключение гарантии Саратовское земство осуждали Б. Б. Веселовский [1, с. 379–380], Д. Л. Мордовцев [24, с. 181], А. А. Головачев [4, с. 221]. Последний вообще был сторонником государственного строительства железных дорог в России и установления жесткого государственного контроля на всех его этапах.

Однако, несмотря на все сложности сооружения Тамбово-Саратовской железной дороги, ее значение, долгосрочные последствия для развития региона трудно переоценить. Участие Саратовского земства в ее строительстве объективно отвечало потребностям эволюции экономики губернии в условиях постреформенной модернизации, ибо главным и необходимым условием развития торгового земледелия являлся как рост внутреннего рынка, так и усиление его связей с другими регионами страны.

Экспорт сельскохозяйственной продукции возрос сразу после начала эксплуатации железной дороги: в 1871 г. только пшеницы вывезли свыше 6 млн. пудов, в том числе и в Западную Европу. За 10 лет (1866–1876) общая стоимость экспортируемых товаров увеличилась почти в девять раз: с 3 млн. до 26 млн. рублей. Свидетель-

ством развития торгового земледелия стало повышение в 2–3 раза стоимости земли [26, с. 11–12].

Железнодорожное строительство изменяло и социокультурный облик губернии: ускорились процессы урбанизации, появились новые социальные группы (железнодорожные рабочие и служащие). Строительство железнодорожной магистрали создавало определенное культурное поле, железнодорожные вокзалы (в Саратове, Аткарске, Ртищеве, Кирсанове) стали акторами повседневной жизни российской провинции.

Список источников и литературы

1. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. Т. 4. СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1911. 696 с.
2. Виды на денежные сборы по Саратовско-Козловской железной дороге. Саратов: Изд. Саратов. губ. управы, 1866. 38 с.
3. Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911 гг. М.: Мысль, 1991. 720 с.
4. Головачев А. А. История железнодорожного дела в России. СПб.: Тип. Р. Голике, 1881. 414 с.
5. Голубев А. А. Концессионирование в железнодорожном строительстве России (в середине XIX – начале XX в.) // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2011. № 4. С 228–234.
6. ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2122.
7. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2934.
8. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3224.
9. ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 30.
10. ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 70.
11. ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 79.
12. ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 189.
13. Гудашева Л. Е. Предпринимательство в России: проблемы и особенности // Современная конкуренция. 2013. № 2 (38). С. 39–45.
14. Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. М.: Виадук, 2014. 1216 с.
15. Дроздова Н. П. Государственно-частное партнерство в России при строительстве и эксплуатации железных дорог в XIX – начале XX в. // Вестник СПбГУ. Сер.: Менеджмент. 2015. Вып. 2. С. 76–123.
16. Журналы экстренного Саратовского губернского земского собрания ... 5, 6 и 7 августа 1868 года : Высочайше утвержденная 17 октября 1868 г. концессия на линию железной дороги от г. Тамбова до г. Саратова. Саратов: Тип. Саратов. губ. земской управы, 1869. [1], 33, 13 с.
17. Журналы чрезвычайного Саратовского губернского земского собрания 1872 г. Саратов: Тип. Губ. земской управы, 1872. 67 с.
18. К пятидесятилетию земских учреждений: к истории организации и первых шагов земства в Саратовской губернии. Саратов: Изд. Губ. Уч. Арх. Комиссии (Тип. Союза печ. Дела), 1914. 74 с.
19. Карпенкова Т. В. Роль железнодорожного строительства в модернизации России (1860-е - 1914 год) // Вестник Международного института экономики и права. 2014. №1 (14). С. 91–107.
20. Кони А. Ф. Избранное / сост. Г. М. и Л. Г. Мироновы. М.: Сов. Россия, 1989. 496 с.
21. Кончаков Р. Б. П. Г. Дервиз и «провинциалы» в деле строительства Рязано-Козловской железной дороги // Научные ведомости БелГУ (Via in tempore). Сер.: История. Политология. 2011. № 13 (108), вып. 19. С. 126–133.
22. Луночкин А. В. П. П. Мельников и строительство железной дороги к Нижней Волге // Власть. 2010. № 5. С. 153–155.
23. Ляховский В. М. Железнодорожные перевозки и развитие рынка (к истории Рязано-Козловской железной дороги, 1860–1870 гг.) // Вестник МГУ. Сер. 9: История. 1963. № 4. С. 34–68.

24. Мордовцев Д. Л. Десятилетие русского земства, 1864–1875. СПб.: тип. А. А. Краевского, 1877. 374 с.
25. Морозова Е. Н. Саратовское земство, 1866–1890. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 180 с.
26. Плеханов И. Что было сделано Саратовским земством в Саратовской губернии за 35 лет // Саратовская земская неделя. 1901. № 17-25. С. 9–27.
27. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1287. Оп. 25. Д. 660.
28. РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 612.
29. Рязано-Уральская железная дорога. СПб.: Типо-лит. Н. И. Евстафьева, 1913. 101 с.
30. Сенин А. С. Частные или казенные: 175 лет дискуссий о форме собственности и способах хозяйствования на железных дорогах России // Труды по россииеведению. 2013. № 1. С. 297–324.
31. Соловьев А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XX века. М.: Наука, 1975. 319 с.
32. Стецюк Н. М., Ефимова А. А. Роль корпораций и акционерного капитала в развитии железнодорожного транспорта в России (XIX в.) // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 12 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-korporatsiy-i-aktsionernogo-kapitala-v-razvitiy-zheleznodorozhnogo-transporta-v-rossii-xix-v/viewer> (дата обращения: 10.10.2025).
33. Фортунатов В. В. Финансирование железнодорожного строительства в дореволюционной России : значение исторического опыта в контексте современных споров // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2013. № 2. С. 222–227.
34. Чичерин Б. Н. Воспоминания : в 2 т. / примеч. С. В. Бахрушина. М.: изд-во им. Сабашниковых, 2010. 528 с.
35. Шашкова Н. О. Значение Московско-Курской железной дороги в развитии системы сообщений // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. № 4. С. 83–106.

References

1. Veselovskiy, BB 1911, *Istoriya zemstvo za 40 let* (40 Years of Zemstvo History), vol 4, izdatelstvo O. N. Popovoy publ, St. Petersburg. (In Russ.)
2. *Vidy na denezhnyye sbory po Saratovsko-Kozlovskoy zheleznoy doroge* (Views on Cash Fees for the Saratov-Kozlovskaya Railway) 1886, Izdatelstvo Saratovskoy gubernskoy upravy publ, Saratov. (In Russ.)
3. Witte, SYu 1991, *Izbrannyye vospominaniya. 1849–1911* (Selected Memoirs. 1849–1911), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
4. Golovachev, AA 1881, *Istoriya zheleznodorozhnogo dela v Rossii* (History of Railway Business in Russia), Tipografiya R. Golikepubl, St. Petersburg. (In Russ.)
5. Golubev, AA 2011, ‘Kontsessiонirovaniye v zheleznodorozhnom stroitelstve Rossii (v seredine XIX – nachale XX veka)’ (Concessioning in Russian Railway Construction (Middle of the 19th – Beginning of the 20th Centuries)), *Izvestiya Peterburgskogo universiteta putey soobshcheniya* (Proceedings of Petersburg Transport University), no. 4, pp. 228–234. (In Russ.)
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti* (GASO) (State Archive of the Saratov Region), fund 1, inventory 1, file 2122. (In Russ.)
7. GASO, fund 1, inventory 1, file 2934. (In Russ.)
8. GASO, fund 1, inventory 1, file 3224. (In Russ.)
9. GASO, fund 5, inventory 1, file 30. (In Russ.)
10. GASO, fund 5, inventory 1, file 70. (In Russ.)
11. GASO, fund 5, inventory 1, file 79. (In Russ.)
12. GASO, fund 5, inventory 1, file 189. (In Russ.)
13. Gudasheva, LYe 2013, ‘Predprinimatelstvo v Rossii: problem I osobennosti’ (Entrepreneurship in Russia: Problems and Peculiarities), *Sovremennaya konkurentsija* (Journal of Modern Competition), no. 2 (38), pp. 39–45. (In Russ.)
14. Delvig, AI 2014, *Polyeka russkoy zhizni* (Half a Century of Russian Life), Viadukpubl, Moscow. (In Russ.)

15. Drozdova NP 2015, ‘Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo v Rossii pri stroitelstve I ekspluatatsii zheleznykh dorog v XIX – nachale XX veka’ (Public Private Partnership in Russian Railways in the Nineteenth – early Twentieth century), *Vestnik S.-Peterburgskogo universiteta* (Vestnik of Saint Petersburg University. Management), no. 2, pp. 76–123. (In Russ.)
16. *Zhurnaly ekstrennogo Saratovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 5, 6 i 7 avgusta 1868 goda. Vysochaysheutverzhennaya 17 oktyabrya 1868 kontsessiya na liniyu-zheleznodorogi ot Tambova do g. Saratova* (Journal of the Saratov Provincial Zemstvo Emergency Assembly. The concession for the Railway line from Tambov to Saratov, approved by the Emperor on 17 October 1868) 1869, Tipografiya Saratovskoy Zemskoy upravy publ, Saratov. (In Russ.)
17. *Zhurnaly chrezvychaynogo Saratovskogo gubernskogo sobraniya* (Journal of the Saratov Provincial Zemstvo Emergency Assembly) 1872, Tipografiya gubernskoy zemskoy upravy publ, Saratov. (In Russ.)
18. ‘K pyatidesyatiliu zemskikh uchrezhdeniy. K istorii organizatsii i pervykh shagov zemstva v Saratovskoy gubernii’ (On the Fiftieth Anniversary of Zemstvo Institutions. On the History of the Organization and First Steps of the Zemstvo in Saratov Province) 1914, *Gub. Uch. Arkh. Komissiya* (Saratov Scientific Archive Board), Tipografiya Soyuzapechatnogo dela publ, Saratov. (In Russ.)
19. Karpenkova, TV 2014, ‘Rolzheleznodorozhnogostroitelstva v modernizatsii Rossii (1860–1914 g.)’ (The Role of Railway Construction in the Modernization of Russia (1860s–1914)), *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*, no. 1 (14), pp. 91–107. (In Russ.)
20. Koni, AF 1989, *Izbrannoye* (Selected Works), comp by G. M. Mironov, L. G. Mironov, Sovetskaya Rossiya publ, Moscow. (In Russ.)
21. Konchakov, RB 2011, ‘P. G. Dervizi “provintsialy” v dele stroitelstva Ryazano-Kozlovskoy zheleznoy dorogi’ (P.G. Derviz and “Provincials” in Building the Ryazano-Kozlovskaya Railway), Nauchnye vedomosti BelGU (Via in tempore). *Seriya Istorya. Politologiya* (Via in tempore. History and political science), no. 13 (108), issue 19, pp. 136–133. (In Russ.)
22. Lunochkin, AV 2010, ‘P. P. Melnikov i stroitelstvo zheleznoy dorogi k Nizhney Volge’ (P. P. Melnikov and the Construction of the Railway to the Lower Volga), *Vlast*, no. 5, pp. 153–155. (In Russ.)
23. Lyakhovsky, VM 1963, ‘Zheleznodorozhnye perevozki i razvitiye rynka (k istorii Ryazano-Kozlovskoy zheleznoy dorogi. 1860–1870 gody)’ (Railroad Transportation and Market Development (the History of the Ryazan-Kozlovskaya Railway. 1860–1870)), *Vestnik MGU Seriya 9. Istorya* (Lomonosov History Journal), no. 4. pp. 34–68. (In Russ.)
24. Mordovtsev, DL 1877, *Desyatiliye russkogo zemstva. 1864–1875* (The Decade of the Russian Zemstvo. 1864–1875), Tipografiya AA Kraevskogo publ, St. Petersburg. (In Russ.)
25. Morozova, YeN 1991, *Saratovskoye zemstvo. 1866–1890* (Saratov Zemstvo. 1866–1890), Izdatelstvo Saratovskogo universiteta publ, Saratov. (In Russ.)
26. Plekhanov, I 1901, ‘Chtoby losdelano Saratovskim zemstvom v Saratovskoy guberniia 35 let’ (What Was Accomplished by the Saratov Zemstvo in Saratov Province in 35 Years), *Saratovskaya zemskaya nedelya*, no. 17–25. pp. 9–27. (In Russ.)
27. *Rossiiskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* (Russian State Historical Archive), fund 1287, inventory 25, file 660. (In Russ.)
28. RGIA, fund 1287, inventory 25, file 612. (In Russ.)
29. *Ryazano-Ural'skaya zheleznaya doroga* (Ryazan-Ural Railway) 1913, Tipo-litografiya N. I. Yevstafyeva publ, St. Petersburg. (In Russ.)
30. Senin, AS 2013, ‘Chastnye ili kazennyye: 175 let diskussiy o forme sobstvennosti i sposobakh khozyaystvovaniya na zheleznykh dorogakh Rossii’ (Private or State-owned: 175 Years of Debate on the Form of Ownership and Management Methods on Russian Railways), *Trudy porossiyevedeniyu*, no. 1, pp. 297–324. (In Russ.)
31. Solovyova, AM 1975, *Zheleznodorozhnyy transport Rossii vo vtoroy polovine XX veka* (Railway transport of Russia in the 2nd half of the 20th Century), Naukapubl, Moscow. (In Russ.)
32. Stetsyuk, NM & Yefimova, AA 2016, ‘Rol korporatsiy i aktsionernogo kapitala v razvitiu zheleznodorozhnogo transporta v Rossii (XIX vek.)’ (The Role of Corporations and Capital of Shareholders in the Development of Railway Transport in Russia (19th century)), *Sovremen-*

- nyye issledovaniya sotsialnykh problem* (Modern Studies of Social Issues), no. 12 (68), viewed 10 October 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-korporatsiy-i-aktsionernogo-kapitala-v-razvitiu-zheleznodorozhnogo-transporta-v-rossii-xix-v/viewer> (In Russ.)
33. Fortunatov, VV 2013, 'Finansirovaniye zheleznodorozhnogo stroitelstva v dorevolyutsionnoy Rossii: znacheniye istoricheskogo opyta v kontekste sovremennykh sporov' (Financing the Railway Construction in Pre-revolutionary Russia: Significance of the Historical Experience in the Context of Present Day Disputes), *Izvestiya PGUPS* (Proceedings of Petersburg Transport University), no. 2, pp. 222–227. (In Russ.)
34. Chicherin, BN 2010, *Vospominaniya: v 2 t, primechaniya S.V. Bakhrushina* (Memories: in 2 volumes, notes by S.V. Bakhrushin), Sabashnikov publ, Moscow. (In Russ.)
35. Shashkova, NO 2016, 'Znacheniye Moskovsko-Kurskoy zheleznoy dorogi v razvitiu sistemy soobshcheniy' (The Significance of the Moscow-Kursk Railway in the Development of the Transportation System), *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* (ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice), pp. 83–106. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 31.10.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 31.10.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 104–119.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 104–119.

Научная статья

УДК 94(47).081+94(47).082

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-104-119>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

**Никита Алексеевич
Биленко**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, nikitabilenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4666-4553>

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния всероссийских экономических кризисов на развитие городской фабрично-заводской промышленности Тульской губернии второй половины XIX в. В работе сопоставляются периоды экономических кризисов и динамика изменения численности промышленных предприятий в городах провинции, сочетавшей в себе черты Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов Европейской части Российской империи. В основу исследования положены данные официальной государственной статистики о действовавших промышленных предприятиях фабричного и заводского типа, содержащиеся в опубликованных справочных изданиях (Обзорах Тульской губернии, Памятных книжках) и ряде архивных документов (Нарядах ведомостей к губернаторскому отчету Тульского губернского статистического комитета). Рассмотрение изменений динамики численности работавших промышленных предприятий было осуществлено по отдельным городам, сведенным в 4 группы. К первой группе отнесены города, располагавшиеся в северных нечерноземных уездах провинции; ко второй – города средней полосы провинции, размещенные в черноземных уездах, но с населением, которое преимущественно было занято отходом и кустарным промыслом; к третьей – города, располагавшиеся в уездах черноземной полосы с населением, преимущественно занятым сельскохозяйственным трудом. Отдельно в работе рассмотрено изменение динамики численности промышленных предприятий губернского центра – Тулы. По итогам сопоставления периодов экономических кризисов и изменений динамики численности фабричных и заводских предприятий городов Тульской губернии сделан вывод об их слабой корреляции. Было установлено, что колебания численности действовавших предприятий были связаны с локальными факторами или с общероссийскими (изменение налогового законодательства), но не связанными с проявлениями экономических кризисов.

Ключевые слова: экономическая история, экономические циклы, экономический кризис, город, промышленность, фабрика, завод, историческая статистика.

Для цитирования: Биленко Н. А. Экономические кризисы в России второй половины XIX в. и динамика развития городской промышленности в Тульской губернии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 104–119. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-104-119>

Сведения об авторе: Н. А. Биленко – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 94(47).081+94(47).082

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-104-119>

ECONOMIC CRISES IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY AND THE DYNAMICS OF URBAN INDUSTRY DEVELOPMENT IN TULA PROVINCE

Nikita A. Bilenko

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, nikitabilenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4666-4553>

Abstract. The article is devoted to the problem of the impact of the All-Russian economic crises on the development of the urban manufacturing industry in Tula province in the second half of the 19th century. The paper compares the periods of economic crises and the dynamics of changes in the number of industrial enterprises in the cities of the province, which combined the features of the Central Industrial and Central Agricultural regions of the European part of the Russian Empire. The research is based on the data of official state statistics on operating industrial enterprises of factory and factory type, contained in published reference publications (Reviews of the Tula province, Commemorative books) and a number of archival documents (Orders of the Gazette to the governor's report of the Tula Provincial Statistical Committee). Consideration of changes in the dynamics of the number of operating industrial enterprises was carried out for individual cities, grouped into 4 groups. The first group includes cities located in the northern non-chernozem counties of the province; the second group includes cities in the middle zone of the province, located in chernozem counties, but with a population that was mainly engaged in waste and handicrafts; the third group includes cities located in the counties of the chernozem strip with a population primarily engaged in agricultural labor. Separately, the paper considers the change in the dynamics of the number of industrial enterprises in the provincial center of Tula. Based on the results of a comparison of periods of economic crises and changes in the dynamics of the number of factory and factory enterprises in the cities of Tula province, it is concluded that their correlation is weak. It was found that fluctuations in the number of operating enterprises were related to local or national factors (changes in tax legislation), but not related to the manifestations of economic crises.

Keywords: economic history, economic cycles, economic crisis, city, industry, factory, historical statistics.

For citation: Bilenko, NA 2025, 'Economic Crises in Russia in the Second Half of the 19th Century and the Dynamics of Urban Industry Development in Tula Province', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 104–119, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-104-119> (in Russ.)

Information about the Author: Nikita A. Bilenko – PhD in History, Associate Professor of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

История торговых, финансовых и промышленных кризисов насчитывает уже несколько сотен лет. Первые из них возможно обнаружить в истории древнего мира, а на современном этапе развития человечества они встречаются все чаще. Каждый экономический кризис индивидуален, обладает собственными причинами, провоцировался уникальным событием. Кризисы касались отдельных стран, континентов или затрагивали весь мир. Одни кризисы приводили к распадам государств или провоцировали социальную нестабильность в обществах, другие – наоборот, способствовали созданию новых технологий или являлись причинами рождения более эффективных хозяйственных систем. Именно поэтому экономические кризисы стали объектом пристального внимания ученых. Сегодня экономисты, социологи и историки стараются как можно более точно установить причины, охарактеризовать проявления и выявить последствия экономических потрясений.

Российская империя не являлась исключением и также несколько раз сталкивалась с экономическими кризисами. Особенным периодом в этом плане для нее стала вторая половина XIX в. – период активной социально-экономической модернизации, осуществления промышленного переворота, создания капиталистического промышленного производства. Современники и историки-экономисты уже не раз обращали внимание на цикличность развития экономики России XIX в., которая проходила этапы оживления, роста, рецессии, спада, депрессии или застоя при сохранении общей тенденции экономического роста¹. Экономический подъем конца 1860 – начала 1870-х гг. сменился кризисным периодом 1872–1873 гг., за которым последовала длительная депрессия до 1877 г. Окончание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. определило кратковременный рост экономики до 1883 г., который сменился депрессией, длившейся до 1887 г. Рост промышленного производства 1888–1890 гг. был приостановлен в неурожайные 1891–1892 гг., за которыми последовало целое десятилетие непрерывного экономического развития [35, с. 19; 39, с. 78–79].

Изучая подобные колебания экономического развития России, когда период роста сменялся временем экономического спада, историки обращались к макроэкономическим показателям (внешнеторговому балансу, динамике средних цен по стране, объемам промышленного производства отдельных товарных групп в денежном выражении, эмиссии денежных знаков и т.д.). Но каким образом макроэкономические кризисы сказывались на развитии промышленного производства в отдельных местностях Российской империи? Логично предположить, что они сопровождались снижением объемов производства товаров, банкротством и закрытием частных промышленных предприятий. Но масштабы страны, хозяйственная специализация ее отдельных районов, многоукладность экономики делают актуальным рассмотрение проявлений экономических кризисов на региональном уровне.

Настоящая статья посвящена проблеме влияния торгово-промышленных и финансовых кризисов в России второй половины XIX в. на развитие городской фабрично-заводской промышленности Тульской губернии. Анализ материалов по данному региону неслучаен: Тульская губерния в границах второй половины XIX в. сочетала в себе черты Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого экономических районов Европейской России, а губернский центр – Тула, являлся одним из крупных и промышленно развитых городов империи того времени. В свою очередь, рассмотрение именно городской фабрично-заводской промышленности определяется с одной стороны – наличием источников базы, с другой – города (какими бы малыми они ни были) традиционно являлись местом концентрации ремесла, торговли и промышленного производства [32, с. 6]. К середине XIX в. в большинстве из них население прекратило систематические связи с сельским хозяйством

и в большей степени было вовлечено в торгово-рыночные отношения [11]. Представляется, что именно города – первые, кто сталкивался с влиянием торговых и промышленных кризисов.

Несомненно, производство товаров не ограничивалось только лишь фабрично-заводским производством. В уездных городах и губернском центре работало множество ремесленников самых разных специальностей, а в сельской местности трудилось большое количество кустарей, снабжавших товарами повседневного спроса город и деревню [36]. Но фабрично-заводскую промышленность² – результат промышленного переворота, с ее капиталистической основой следует считать наилучшим индикатором, позволяющим оценить влияние финансовых и торгово-промышленных кризисов на организацию и развитие частного промышленного производства.

Источниковая база и методология исследования

Установить влияние экономических кризисов в стране на промышленное производство в городах Тульской губернии возможно путем сопоставления периодов экономических потрясений и динамики развития промышленного производства. В свою очередь эта задача требует обнаружения в исторических источниках сопоставимых количественных показателей, способных отобразить качественное состояние производств.

Наиболее желаемым для историков показателем деятельности промышленных предприятий является объем выпуска продукции в денежном выражении. Однако эти данные в официальной государственной статистике ненадежны, а в распоряжении историков нет индекса цен в России XIX в., который необходим для сопоставления данных на большом временном промежутке. Поэтому в основу настоящего исследования положены официальные статистические данные о численности фабрик и заводов в городах Тульской губернии. Большинство сведений о количестве действовавших в провинции предприятий содержится в справочных изданиях – Обзорах губерний, являвшихся приложениями ко Всеподданейшим отчетам губернаторов. Часть данных для исследования взята из Памятных книжек и «нарядов ведомостей к губернаторскому отчету», которые, как и Обзоры рождались в недрах Тульского губернского статистического комитета.

Большинство частных фабричных заведений в городах Тульской губернии не являлись масштабными (имели от 5 до 20 наемных работников при простейшей механизации труда), и лишь небольшая их часть обладала паровыми двигателями [1, с. 96–98]. Иными словами, их нельзя причислить к предприятиям крупной индустрии. Подобные промышленные заведения могли по нескольку лет находиться в простое, не принося при этом непреодолимого убытка. В связи с этим, колебания численности частных промышленных предприятий по отдельным отраслям способны отобразить реакцию городской промышленности на кризисные явления общероссийского масштаба.

На основе официальных статистических данных была установлена динамика изменения численности фабрик и заводов в городах Тульской губернии во второй половине XIX в. [5, л. 47–50; 6, л. 9, 15, 23, 36, 38, 45, 75, 106, 122, 154, 165, 184–185, 215; 7, л. 76, 97, 159, 198, 226, 262, 287, 365, 424, 479, 506, 507; 12, с. 36–47; 13, с. 34–35; 14, с. 10–21; 15, с. 28–39; 16, с. 28–39; 17, с. 26–37; 18, с. 26–37; 19, с. 32–43; 20, Вед. 20; 21, Вед. 20; 22, Вед. 20, 23, Вед. 20; 24, Вед. 28; 25, Вед. 22; 26, Вед. 19; 27, Вед. 19; 28, с. 63–78; 29, с. 252–253; 30, с. 158–185; 31, с. 158–185]. Вся эта динамика по отдельным городам представлена в рисунках № 1–12.

Кризисы

В второй половине XIX в. Россия столкнулась с целым рядом экономических кризисов. Часть из них была связана с хозяйственным положением страны после не-

удачной Крымской войны, часть совпала с мировыми экономически потрясениями (после 1870 г.) [10, с. 143; 37, с. 414–446].

Кризис 1857 г.

Экономический кризис 1857 г. начался с череды банкротств в железнодорожном секторе экономики США, затем быстро охватил большинство стран Европы. На России кризис сказался несколько позднее – в 1858 г. Сократился ввоз капиталов, начал сокращаться объем производства легкой промышленности. На глубине кризиса оказались итоги Крымской войны и промышленный подъем 1854–1857 гг. сменился затяжной депрессией.

Кризис 1867 г.

Экономические проблемы в России второй половины XIX в. часто сопоставляются с мировым экономическим кризисом 1866 г. Во многом он был связан с Гражданской войной в США и дороговизной хлопка. Российская легкая промышленность, активно использовавшая ввозное сырье, остро отреагировала на дефицит хлопка-сырца. К хлопковому голоду добавились проблемы в развитии добывающей промышленности на фоне крестьянской реформы и освобождения посессионных работников. Проблемы в промышленном производстве осложнились неурожаями 1864 и 1865 гг., падением покупательной способности крестьянства – основного потребителя благ в стране.

Кризис 1873 г.

Экономический кризис 1872–1873 гг. стал одним из первых для России, который совпал с мировым. Однако в отличие от стран Европы кризис оказался для нее затяжным (на долгой экономической депрессии сказалась русско-турецкая война 1877–1878 гг.). Данный кризис вошел в историю как промышленный и был ознаменован сокращением объемов производства товаров практически во всех отраслях экономики империи.

Кризис 1882–1883 г.

Начало 1880-х гг. было ознаменовано кризисом перепроизводства в России. На фоне окончания войны с Турцией в стране активизировалось ремесленное, мануфактурное и промышленное производство. В 1881 и 1882 гг. на всероссийских ярмарках активно продавались и покупались товары за наличные деньги, что обеспечило большой приток капиталов в производственную сферу. Итогом стало затоваривание большинства рынков потребительских товаров.

Кризис 1890 г.

Экономический кризис 1890 г. также явился кризисом перепроизводства и начался в России изначально в сфере легкой промышленности. К примеру, с 1889 г. по 1892 г. цены на миткалль упали более, чем на 25 %. Ситуацию осложнил голод, разразившийся в 1891 г. в 29 губерниях Европейской России. Кризис перепроизводства 1890 г. совпал с мировым финансовым кризисом и продолжился в России до 1893 г. на фоне резкого падения покупательной способности населения страны.

Динамика промышленного развития

Экономические кризисы второй половины XIX в. по-разному проявляли себя в различных секторах экономики и по-разному развивались в различных странах и местностях. Учитывая то обстоятельство, что Тульская губерния сочетала в себе черты двух экономических районов (Промышленного и Земледельческого), имеет смысл рассмотреть динамику развития городской промышленности в периоды российских экономических кризисов по отдельным городам, сведенных в 4 группы. Первую группу составляют уездные города Тульской губернии, расположенные в нечерноземных местностях (Алексин, Кашира). Население этих городов и уездов в большей степени было занято отходничеством, тяготело к крупному торговому-промышленному центру страны – Москве. Вторую группу составляют города сред-

ней полосы провинции, размещенные на территории с черноземными землями, но население которых помимо земледелия было тесно связано с ремесленным и кустарным производством (Белёв, Одоев, Крапивна, Венёв). К третьей группе отнесены города, расположенные в черноземных уездах, где абсолютное большинство населения было занято земледельческим трудом [2]. Отдельно следует рассматривать динамику развития фабрично-заводской промышленности в губернском центре – наиболее развитом городе капиталистического типа [36, с. 33].

Охарактеризуем развитие промышленности в городах первой группы (нечерноземных уездов). Алексин на протяжении 35 лет (с 1863 по 1897 гг.) демонстрирует слабое промышленное развитие (Рис. 1). С 1863 г. по 1879 г. наблюдалось постепенное сокращение численности предприятий. К 1880 г. были закрыты все водочные и пиво-медоваренные заводы, лесопильный, салотопенные, 2 кожевенных завода. В итоге, с 1881 по 1897 гг. в городе с небольшими перерывами работало всего 3 предприятия фабрично-заводского типа: маслобойня, кожевенный и кирпичный заводы, общая численность рабочих на которых не превышала 10 человек.

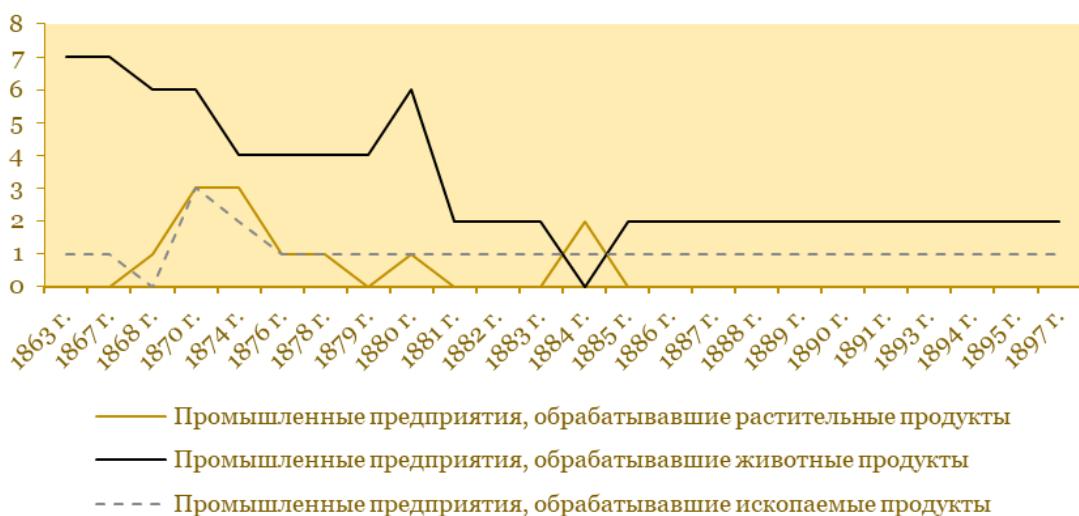

Рис. 1. Динамика развития фабрично-заводской промышленности в г. Алексин во второй половине XIX в.

Аналогична Алексину была ситуация в Кашире (Рис. 2). На протяжении второй половины XIX в. стабильно функционировали лишь 1 кожевенный завод (с перерывом с 1884 по 1888 гг.) и от 2 до 6 кирпичных. Только в 1890 г. вновь открылся уксусный завод.

Слабое развитие промышленности в городах первой группы, в первую очередь, было связано с близостью к Москве – крупному промышленному центру. Местные производители не выдерживали конкуренции со столичными предпринимателями, особенно после открытия в 1868 г. Московско-Курской железной дороги. В результате, в городах стабильно функционировало лишь кирпичное производство, так как суглинистые почвы содержали практически в неограниченном количестве сырье, пригодное для переработки.

В городах, отнесенных ко второй группе уездов (средней полосы Тульской губернии), промышленное производство развивалось интенсивнее. Наиболее развитым в промышленном отношении являлся г. Белёв (рис. 3). В общей сложности на протяжении второй половины XIX в. в городе существовало 24 отрасли производства в области обработки растительных, животных, ископаемых продуктов, а также

«смешанных» производств. В рассматриваемый период функционировали водочные и канатные заводы, крупорушки, маслобойни, салотопенные и мыловаренные предприятия. Анализируя динамику развития фабрично заводской промышленности, несложно заметить некоторую цикличность. К примеру, количество промышленных заведений, обрабатывавших растительные и животные продукты, с 1863 г. по 1876 г. постепенно сокращается, затем наблюдается кратковременный рост до 1879 г. В 1880 г. вновь упадок, который сменяется более продолжительным ростом до 1889 г. С 1890 г. и до конца столетия фиксируется устойчивый спад вплоть до исчезновения городской промышленности уже в начале XX в.

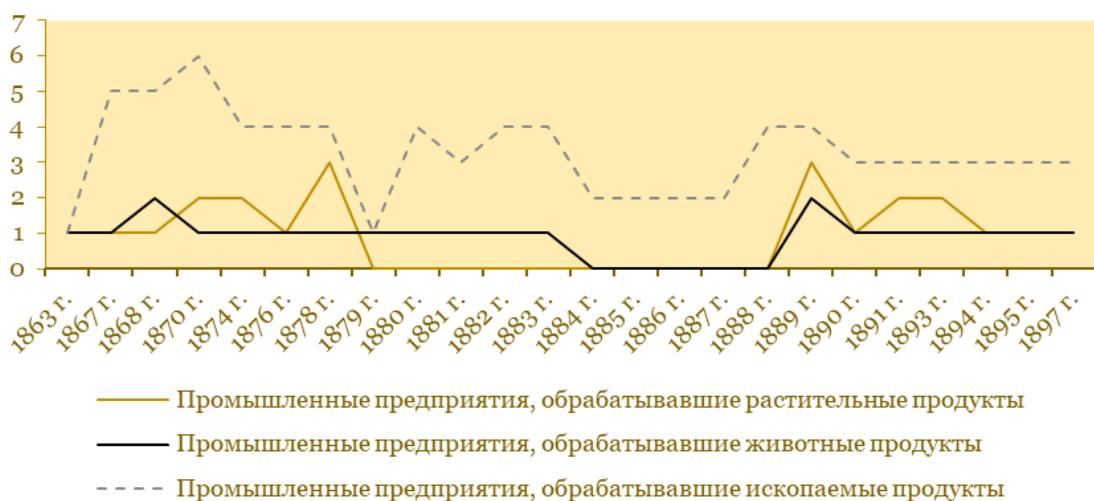

Рис. 2. Динамика развития фабрично-заводской промышленности в г. Кашира во второй половине XIX в.

Фабрично-заводская промышленность г. Одоева значительно уступала Белёвской. На протяжении 1860–1890-х гг. стablyно функционировали кожевенные и кирпичные производства, что похоже на развитие промышленности в городах Алексин и Кашира. Однако, анализируя сведения источников (рис. 4), возможно заметить отраслевую переориентацию промышленной специализации города. Если в 1870 – середине 1880 гг. в городе превалировали фабрично-заводские предприятия по обработке животных продуктов, то с 1885 г. до конца столетия большее их количество занято обработкой растительных продуктов.

Не уступала белевской фабрично-заводская промышленность Крапивны. В рассматриваемый период стablyно функционировали водочные и картофелепаточные заводы, маслобойные и кожевенные предприятия, кирпичные заводы (Рис. 5). С 1881 по 1889 гг. работала 1 солодовня, с 1863 по 1885 гг. – писчебумажная и бумагооберточная фабрика, с 1874 по 1889 гг. – фабрика деревянных шпилек и гвоздей. Однако к концу столетия общее количество предприятий в городе сокращается, на что в немалой степени повлияло строительство железных дорог.

Венёвская фабрично-заводская промышленность (рис. 6) была наименее развитой среди всех городов, отнесенных ко второй группе уездов и отличалась неравномерностью функционирования предприятий на протяжении рассматриваемого периода. На протяжении второй половины XIX в. с перерывами работали 2 водочных завода и 2 маслобойни. В 1876 г. закрывается салотопенный завод. Однако ближе к концу столетия появляются новые предприятия – винокуренный завод, мукоильная мельница и 2 крупорушки.

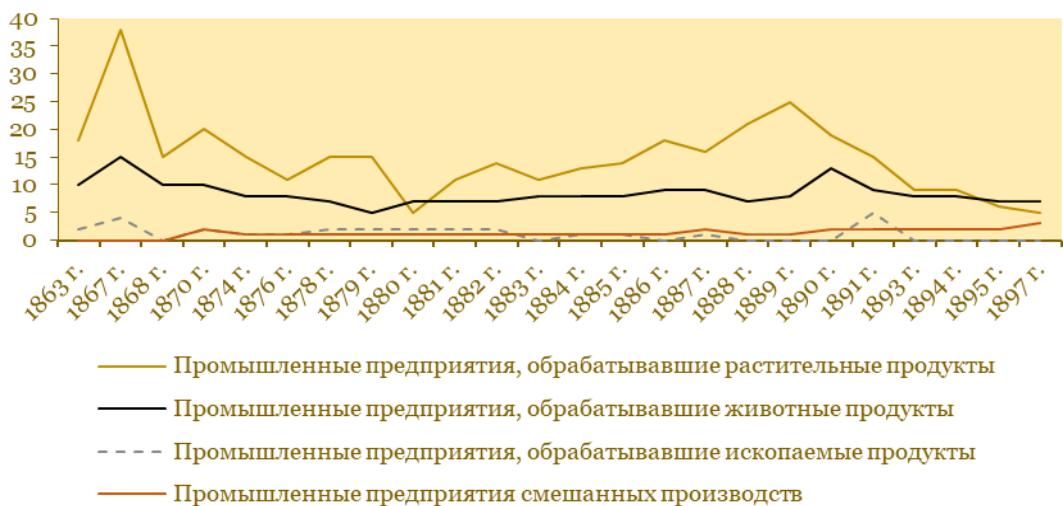

Рис. 3. Динамика развития фабрично-заводской промышленности в г. Белёв во второй половине XIX в.

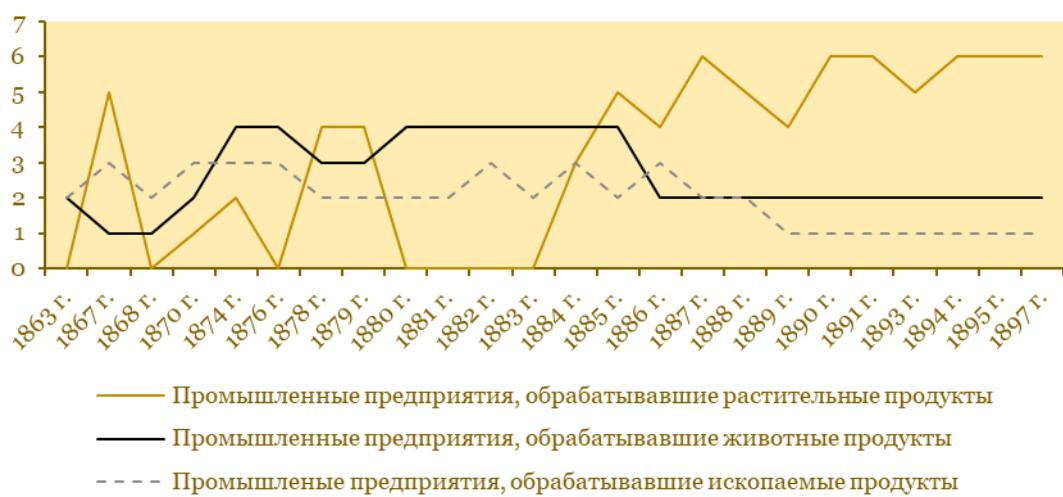

Рис. 4. Динамика развития фабрично-заводской промышленности в г. Одоев во второй половине XIX в.

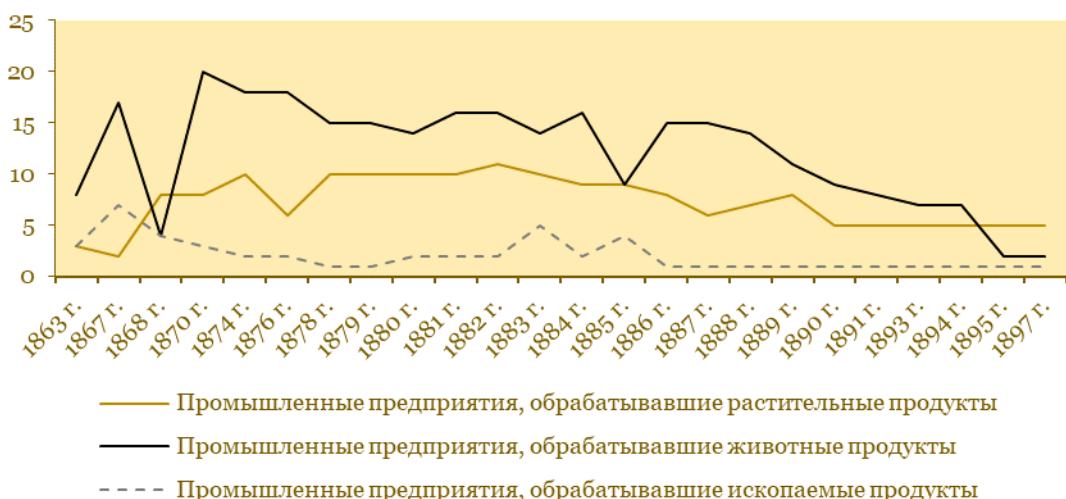

Рис. 5. Динамика развития фабрично-заводской промышленности в г. Крапивна во второй половине XIX в.

Рис. 6. Динамика развития фабрично-заводской промышленности в г. Венёв во второй половине XIX в.

Общей особенностью фабрично-заводской промышленности второй половины XIX в. в городах средней полосы Тульской губернии является более выраженная цикличность развития по сравнению с городами Алексин и Кашира. При рассмотрении динамики численности предприятий в городах Белёв, Одоев, Крапивна, Венёв отчетливо видны периоды роста, спада, стагнации. Кроме того, в городах средней полосы имелся больший спектр отраслей промышленного производства, а сами фабрично-заводские предприятия были крупнее.

Промышленность в уездных городах, отнесенных к третьей группе, не отличалась однородностью и равномерностью развития. Наименее существенной она была в городах Чернь и Новосиль. С 1870 по 1876 гг. в Черни работали 2 кирпичных завода, один из которых просуществовал до 1885 г. В 1870–1874 гг. действовало 2 солодовенных завода, из которых только один функционировал до 1886 г. Семь лет (в 1874–1880 гг.) работал водочный завод. Короткий период с 1881 по 1883 гг. действовал лаковый завод. Лишь в 1887 г. в городе была создана фабрика по производству сельскохозяйственных машин, закрывшаяся в 1895 г. К концу XIX в. фабрично-заводская промышленность Черни все больше впадала в стагнацию (рис. 7), пока вовсе не исчезла в начале XX в.

Новосильская промышленность на фоне чернской выглядела немного солиднее (рис. 8). На протяжении более чем 20 лет (с 1863 г. по 1883 г.) в городе с перерывами действовали 2–3 салотопенных и 1–2 кирпичных завода, с 1876 по 1897 гг. – 1–2 кожевенных. В 1870–1883 гг. работало до 4 крупорушек. Только с начала 1890-х гг.

Наиболее развитой промышленностью среди всех уездных городов черноземной полосы губернии была в Ефремове (рис. 9), которая изначально формировалась с ориентацией на обработку продуктов сельского хозяйства. На протяжении всего рассматриваемого периода с небольшими перерывами здесь работало от 2 до 6 кирпичных заводов, от 1 до 3 мыловаренных и кожевенных. В 1874–1895 г. в городе действовали маслобойни. Со второй половины 1880-х гг. возникали новые производства: в 1888 г. – 4 мукомольных предприятия с общим числом рабочих до 97 человек, в 1889 г. – 2 табачные фабрики, одна из которых закрылась в 1895 г. В статистике зафиксированы попытки организации производств бумаги, чугуна и воска.

Рис. 7. Динамика развития фабрично-заводской промышленности в г. Чернь во второй половине XIX в.

Рис. 8. Динамика развития фабрично-заводской промышленности в г. Новосиль во второй половине XIX в.

Рис. 9. Динамика развития фабрично-заводской промышленности в г. Ефремов во второй половине XIX в.

Фабрично-заводская промышленность в г. Богородицк была в большей степени ориентирована на обработку ископаемых и растительных продуктов (рис. 10). Во второй половине XIX в. в Богородицке насчитывалось до 14 кирпичных заводов. С 1863 по 1881 с перерывами действовали 1–2 пивоваренных предприятия, с 1870 г. по 1893 г. – водочный завод. В 1863–1884 гг. работал 1 кожевенный и 1 салотопенный заводы, а с 1881 по 1897 гг. – солодовенный.

Епифанская промышленность практически всецело была ориентирована на переработку продуктов сельского хозяйства (рис. 11). С 1863 г. по 1890 г. работала 1 маслобойня и 1 кожевенный завод. В 1863–1885 гг. действовали по 1–2 свечносальных, свечновосковых и мыловаренных предприятий.

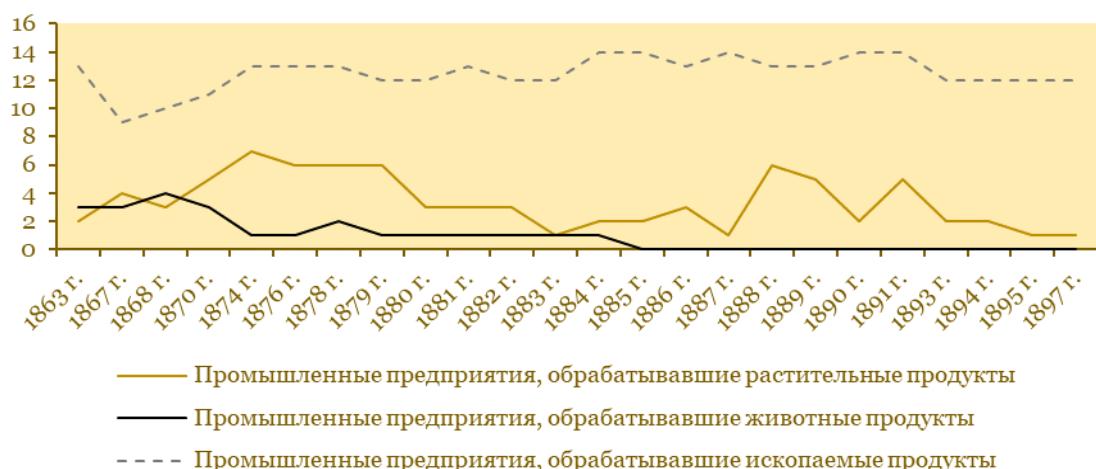

Рис. 10. Динамика развития фабрично-заводской промышленности в г. Богородицк во второй половине XIX в.

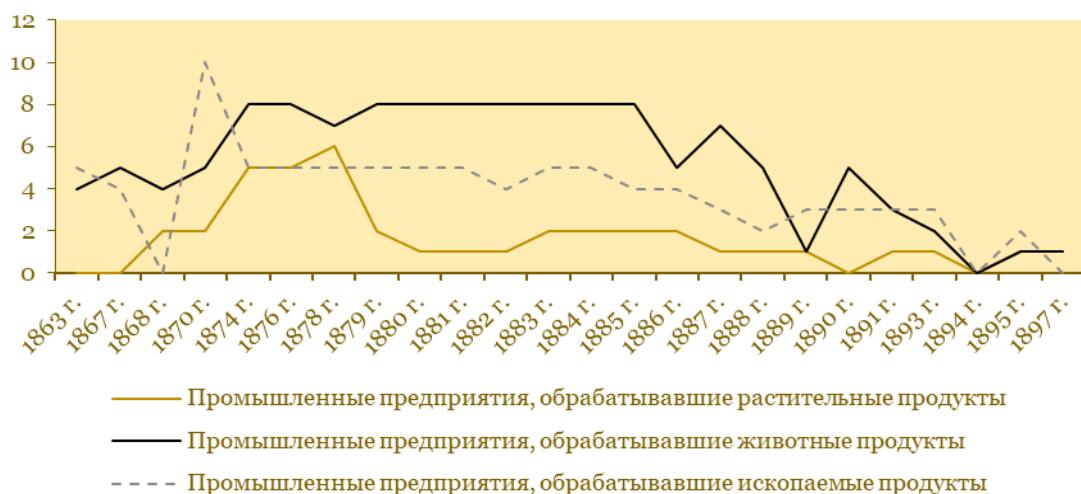

Рис. 11. Динамика развития фабрично-заводской промышленности в г. Епифань во второй половине XIX в.

Таким образом, в населенных пунктах, расположенных в удалении от крупных торговых путей и железных дорог (в Черни и Новосили) промышленность на протяжении всего рассматриваемого периода, была развита чрезвычайно слабо и представлена единичными предприятиями. В то же время, в городах, расположенных вблизи крупных транспортных артерий (Богородицк), либо недалеко от центров оптовой торговли сельхозпродукцией (Ефремов, расположенный недалеко от Ельца)

динамика развития фабрично-заводского производства была сопоставима с городами средней полосы Тульской губернии.

Наиболее развитым в промышленном отношении был губернский город Тула (рис. 12). Количество фабрично- заводских предприятий здесь исчислялось десятками. В различные периоды с 1862 по 1897 гг. в губернском центре существовало до 39 отраслей производств. Часть предприятий, в первую очередь, обрабатывавшие растительные и животные продукты, были похожи на уездные: малого размера с небольшим числом рабочих. Однако существовали и крупные предприятия, такие как песочно-сахарные и рафинадные заводы с общим числом рабочих более 400 или 3 кожевенных предприятия, на которых трудилось в совокупности в 1884 г. 886 человек. Ряд предприятий отдельных отраслей в рассматриваемый период действовал в городе стабильно. К числу таковых относились салотопенные, мыловаренные, кожевенные, самоварные, слесарные, чугуноплавильные и чугунолитейные. Однако существовали фабрики и заводы, которые работали определенный период времени или с перерывами, останавливая производство, а затем вновь возобновляя его. К примеру, с 1878 г. по 1886 г. функционировал 1 лесопильный завод, в 1863–1876 гг. – 2–4 лаковых завода, а в 1880–1884 гг. лишь 1. С 1863 г. по 1876 г. работала 1 табачная фабрика, с 1884 г. по 1889 г. – 1 воскобойный завод, с 1876 г. по 1893 г. – 1 овчинное заведение, с 1882 г.

Таким образом, фабрично- заводская промышленность всех уездных городов, несмотря на локальные особенности, обусловленные географическим положением населенных пунктов, не отличалась разнообразием. Практически во всех городах присутствовало кожевенное, кирпичное, салотопенное, свечносальное, воскобойное и свечновосковое производство. Подобная отраслевая однотипность во всех уездных городах говорит об ориентации предприятий на удовлетворение, в первую очередь, местного спроса – непосредственно города и близлежащих селений.

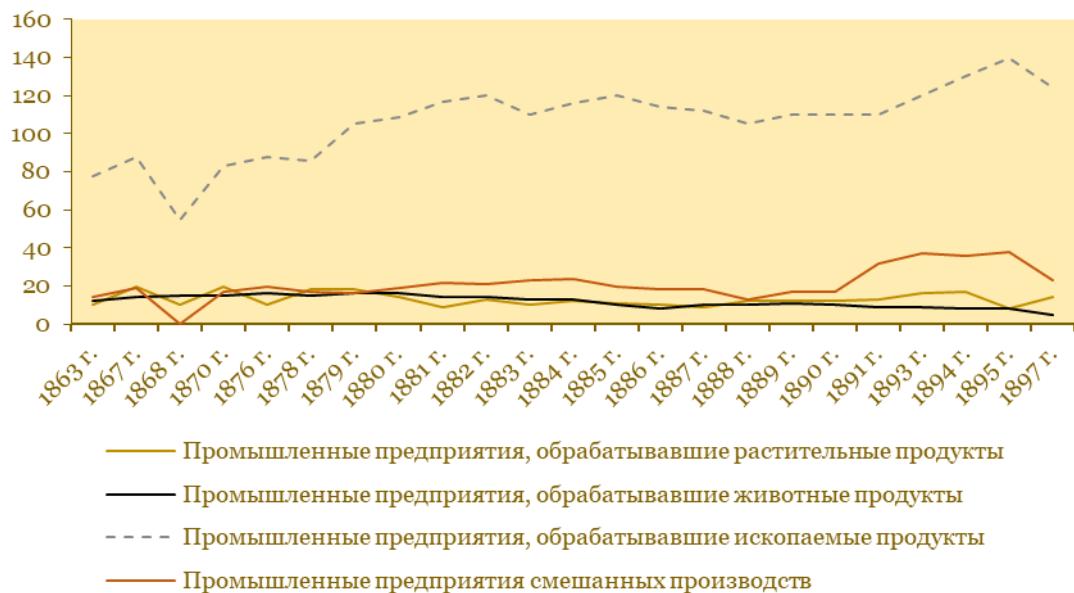

Рис. 12. Динамика развития фабрично- заводской промышленности в г. Тула во второй половине XIX в.

Заключение

Сопоставление периодов экономических кризисов в России и динамики численности действовавших частных промышленных предприятий в городах Тульской губернии во второй половине XIX в. выявили корреляцию на двух этапах: конец 1870-х гг. и начало 1890-х гг. Снижение количества действовавших городских фаб-

рик и заводов в эти периоды совпадает с этапами общероссийских хозяйственных кризисов. В большинстве городов снижение численности работающих фабрик и заводов произошло 1884–1887 гг., что совпадает не с периодом экономического кризиса (на уровне всей страны историки в этот период фиксируют депрессию), а с моментом введения новой системы налогообложения. Во всех иных случаях, независимо от расположения городов (в нечерноземных или черноземных уездах) фиксируется слабая зависимость динамики изменения численности промышленных предприятий от экономических кризисов.

Несинхронное изменение численности работающих предприятий фабрично-заводского типа в городах Тульской губернии, разнонаправленные тенденции по отдельным отраслям экономики заставляют рассматривать их не в качестве циклов, а обращаться к нейтральному термину – колебания экономического роста.

Примечания

1. Здесь идет речь об экономическом среднесрочном цикле деловой активности (7–11 лет).

2. По замечанию историка-экономиста В. Витчевского, вплоть до начала XX в. в делопроизводственной документации и официальной государственной статистике понятия «фабрика», « завод» и «ма-нуфактура» использовались как равнозначные, что было характерно еще для первой половины XIX в. Русское торгово-промышленное законодательство не содержало точного определения понятий, но для целей налогообложения во второй половине XIX в. устанавливался ключевой внешний признак – «фабриками» и « заводами» признавались предприятия, на которых использовались машины с механическими и паровыми двигателями или трудилось более 16 наемных рабочих [3, с. 121–122]. Данный критерий, положенный в основу классификации промышленных заведений, не всегда находил последовательное применение на практике. Зачастую в разряд фабрик и заводов зачислялись «карликовые» предприятия с 1–10 наемными рабочими и обладавшими простыми механическими приборами. Также очевидно, что предприятия, отнесенные в 1860-е гг. в официальной государственной статистике к фабрикам и заводам, отличались от аналогичных заведений 1890-х гг. Данное обстоятельство учтено в настоящем исследовании. В диаграммах не исчислены мельницы, крупорушки и маслобойни, так как большинство из них (но, к сожалению, точно неизвестная часть) являлось кустарными предприятиями, включенными в список фабрик и заводов уездными исправниками, видимо, с целью «улучшения показателей». До 1885 г. в административной статистике Тульской губернии сведения о них фрагментарны, либо вовсе отсутствуют по ряду уездов. Еще одной частной проблемой в изучении фабрично-заводского производства является отсутствие среди историков единого мнения о различиях между русскими «фабриками» и « заводами». П. Г. Рындзюнский, рассматривая промышленность г. Саратова за 1830 г., приводит представления современников о главных различиях между «фабриками» и « заводами»: «на “фабриках” 1) меньше здания и они “в одном с хозяевами жилье”, 2) изделия легкие и тонкие (к “фабрикам” отнесены все текстильные производства), 3) число рабочих гораздо меньше, 4) работают круглый год, а на заводах часто этого нельзя делать» [34, с. 272]. Однако данное описание свойственно первой половине XIX в., и оно применимо к настоящему исследованию, только если допустить отсутствие технического и технологического перевооружения предприятий, что было бы ошибочно. В связи с этим, фабрики и заводы в статистических рядах и диаграммах работы учитываются совместно.

Список источников и литературы

1. Биленко Н. А. Деловая активность предпринимателей Тульской губернии второй половины XIX в. (по данным статистического учета фискально-административной документации) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2023. Вып. 3 (15). С. 93–100. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-93-100>.
2. Биленко Н. А. Историко-географическая характеристика Тульской губернии второй половины XIX в. (к проблеме функционирования местного товарного рынка) // Университет XXI века: научное измерение: Материалы науч. конф. науч.-пед. работников, аспирантов и магистрантов ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2018. С. 422–433.

3. Витчевский В. Торговля, таможенная и промышленная политика России от Петра Великого до настоящего времени / В. Витчевский, пер. с нем. А. В. Брауде под ред. Ю. Д. Филиппова. М.; Челябинск: Социум, 2017. 426 с.
4. Гринин Л. Е. Экономические кризисы XIX в. // Историческая психология и социология истории. 2023. Т. 17. № 2. С. 36–69.
5. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Ф. 52. Оп. 1. Д. 128.
6. ГУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 243.
7. ГУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 406.
8. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени: в 2 т. Т. 1: 1700–1870 / пер. с англ. Ю. Каптуревского под ред. Т. Дробышевской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 464 с.
9. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени: в 2 т. Т. 2: 1870 – наши дни / пер. с англ. Н. Эндельмана; под ред. Т. Дробышевской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 624 с.
10. Мигулин П. П. Экономический рост Русского государства за 300 лет. М., 2012. 255 с.
11. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.
12. Обзор Тульской губернии за 1878 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1879. 79 с.
13. Обзор Тульской губернии за 1879 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1880. 129 с.
14. Обзор Тульской губернии за 1880 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1881. 93 с.
15. Обзор Тульской губернии за 1881 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1882. 85 с.
16. Обзор Тульской губернии за 1882 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1883. 70 с.
17. Обзор Тульской губернии за 1883 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1884. 64 с.
18. Обзор Тульской губернии за 1884 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1886. 75 с.
19. Обзор Тульской губернии за 1885 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1887. 73 с.
20. Обзор Тульской губернии за 1888 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1889. 79 с.
21. Обзор Тульской губернии за 1889 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1890. 80 с.
22. Обзор Тульской губернии за 1890 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1891. 90 с.
23. Обзор Тульской губернии за 1891 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1892. 92 с.
24. Обзор Тульской губернии за 1893 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1894. 119 с.
25. Обзор Тульской губернии за 1894 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1895. 124 с.
26. Обзор Тульской губернии за 1895 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1896. 196 с.
27. Обзор Тульской губернии за 1897 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1898. 120 с.
28. Памятная книжка Тульской губернии на 1864 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1864. 357 с.
29. Памятная книжка Тульской губернии на 1868 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1868. 362 с.
30. Памятная книжка Тульской губернии на 1872 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1872. 477 с.
31. Памятная книжка Тульской губернии на 1876 год. Тула: Тип. Губ. правления, 1876. 439 с.
32. Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории: краткий очерк экономической истории России. М.: Либроком, 2017. 88 с.
33. Рудченко И. Я. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с приложением материалов по торгово-промышленной статистике. СПб.: Тип. В. Кришбайма, 1893. 462 с.
34. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 559 с.
35. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. 796 с.
36. Симонова Е. В. Города Тульской губернии во второй половине XIX века: население и экономика. Тула: [Б.и.], 2002. 151 с.
37. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966. 514 с.

38. Терещенко А. А. Промышленность городов российской провинции во второй половине XIX – начала XX века (на примере Курской губернии) // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: V Междунар. науч. конференция. Белгород, 23–24 янв. 2009 г.: сб. науч. тр. / отв. ред. И. Т. Шатохин. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. С. 78–82.
39. Хадонов Е. Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861–1904 гг.). М.: Юапс, 1997. 240 с.

References

1. Bilenko, NA 2023, ‘Business Activity of Entrepreneurs Tula Province of the second half of the XIX Century (According to Statistical Data Fiscal and Administrative Documentation)’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 93–100, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-93-100> (in Russ.)
2. Bilenko, NA 2018, ‘Istoriko-geograficheskaya kharakteristika Tul'skoy gubernii vtoroy poloviny XIX v. (k probleme funktsionirovaniya mestnogo tovarnogo rynka)’ (Historical and geographical characteristics of the Tula province in the second half of the 19th century (on functioning of the local commodity market)), *Universitet XXI veka: nauchnoye izmereniye: Materialy nauch. konf. nauch.-ped. rabotnikov, aspirantov i magistrantov TGPU im. L. N. Tolstogo*. Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo publ, Tula, pp. 422–433. (in Russ.)
3. Vitchevsky, V 2017, ‘*Torgovlya, tamozhennaya i promyshlennaya politika Rossii ot Petra Velikogo do nastro-yashchego vremeni*’ (Trade, Customs, and Industrial Policy in Russia from Peter the Great to the Present), Society Publ, Moscow. (In Russ.)
4. Grinin, LE 2023, ‘Ehkonomicheskie krizisy XIX v.’ (Economic Crises of the 19th Century), *Istoricheskaya psikhologiya i sociologiya istorii* (Historical Psychology and Sociology of History), vol. 2, pp. 36–69. (In Russ.)
5. Gosudarstvennoye uchrezhdeniye «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GU GATO) (State Institution “State Archives of Tula Oblast”), fund 52, inventory 1, file 128. (In Russ.)
6. GU GATO (SATO), fund 118, inventory 1, file 243. (In Russ.)
7. GU GATO (SATO), fund 118, inventory 1, file 406. (In Russ.)
8. Broadberry, S. & O'Rourke, 2010 KH (ed.), *The Cambridge Economic History of Modern Europe*, vol. 1, Cambridge University Press Publ. Cambridge.
9. Broadberry, S. & O'Rourke, 2010 KH (ed.), *The Cambridge Economic History of Modern Europe*, vol. 2, Cambridge University Press Publ. Cambridge.
10. Migulin, PP 2012, ‘Ehkonomicheskij rost Russkogo gosudarstva za 300 let’ (Economic Growth of the Russian State over 300 Years), Moscow. (In Russ.)
11. Mironov, BN 1990, ‘*Russkij gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, social'noe i ehko-nomiceskoe razvitiye*’ (The Russian City in the 1740s–1860s: Demographic, Social, and Economic Development), Nauka Publ, Moscow. (In Russ.)
12. ‘Obzor Tul'skoy gubernii za 1878 god’ (Review of Tula province in 1878) 1879, Tula. (In Russ)
13. ‘Obzor Tul'skoy gubernii za 1879 god’ (Review of Tula province in 1879) 1880, Tula. (In Russ)
14. ‘Obzor Tul'skoy gubernii za 1880 god’ (Review of Tula province in 1880) 1881, Tula. (In Russ)
15. ‘Obzor Tul'skoy gubernii za 1881 god’ (Review of Tula province in 1881) 1882, Tula. (In Russ)
16. ‘Obzor Tul'skoy gubernii za 1882 god’ (Review of Tula province in 1882) 1883, Tula. (In Russ)
17. ‘Obzor Tul'skoy gubernii za 1883 god’ (Review of Tula province in 1883) 1884, Tula. (In Russ)
18. ‘Obzor Tul'skoy gubernii za 1884 god’ (Review of Tula province in 1884) 1886, Tula. (In Russ)

19. '*Obzor Tul'skoy gubernii za 1885 god'* (Review of Tula province in 1885) 1887, Tula. (In Russ)
20. '*Obzor Tul'skoy gubernii za 1888 god'* (Review of Tula province in 1888) 1889, Tula. (In Russ)
21. '*Obzor Tul'skoy gubernii za 1889 god'* (Review of Tula province in 1889) 1890, Tula. (In Russ)
22. '*Obzor Tul'skoy gubernii za 1890 god'* (Review of Tula province in 1890) 1891, Tula. (In Russ)
23. '*Obzor Tul'skoy gubernii za 1891 god'* (Review of Tula province in 1891) 1892, Tula. (In Russ)
24. '*Obzor Tul'skoy gubernii za 1893 god'* (Review of Tula province in 1893) 1894, Tula. (In Russ)
25. '*Obzor Tul'skoy gubernii za 1894 god'* (Review of Tula province in 1894) 1895, Tula. (In Russ)
26. '*Obzor Tul'skoy gubernii za 1895 god'* (Review of Tula province in 1895) 1896, Tula. (In Russ)
27. '*Obzor Tul'skoy gubernii za 1897 god'* (Review of Tula province in 1897) 1898, Tula. (In Russ)
28. '*Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii na 1864 god'* (Memorial book of the Tula province for 1864) 1864, Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ, Tula. (In Russ)
29. '*Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii na 1868 god'* (Memorial book of the Tula province for 1868) 1868, Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ, Tula. (In Russ)
30. '*Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii na 1872 god'* (Memorial book of the Tula province for 1872) 1872, Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ, Tula. (In Russ)
31. '*Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii na 1876 god'* (Memorial book of the Tula province for 1876) 1876, Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ, Tula. (In Russ)
32. Rozhkov, NA 2017, '*Gorod i derevnya v russkoj istorii: kratkij ocherk ekonomicheskoy istorii Rossii*' (City and Village in Russian History: A Brief Outline of Russia's Economic History), Librokom Publ, Moscow. (In Russ.)
33. Rudchenko, IYa 1893, '*Istoricheskiy ocherk oblozheniya torgovli i promyslov v Rossii, s prilozheniyem materialov po torgovo-promyshlennoy statistike*' (Historical outline of the taxation of trade and crafts in Russia, with the application of materials on trade and industrial statistics), Tipografiya V. Krishbauma Publ, Saint Petersburg. (In Russ)
34. Ryndzyunskij, PG 1958, '*Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoj Rossii*' (Urban Citizenship in Pre-Reform Russia), USSR Academy of Sciences Publ, Moscow. (In Russ.)
35. Ryazanov, VT 1998, '*Ehkonomicheskoe razvitiye Rossii. Reformy i rossijskoe khozyajstvo v XIX–XX vv.*' (Economic Development of Russia. Reforms and the Russian Economy in the 19th and 20th Centuries), Nauka Publ, Moscow. (In Russ.)
36. Simonova, EV 2002, '*Goroda Tul'skoy gubernii vo vtoroj polovine XIX veka: naselenie i ekonomika*' (Cities of the Tula Province in the Second Half of the 19th Century: Population and Economy), Tula. (In Russ.)
37. Strumilin, SG 1966, '*Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii i SSSR*' (Essays on the Economic History of Russia and the USSR), Nauka Publ, Moscow. (In Russ)
38. Tereshchenko, AA 2009, '*Promyshlennost' gorodov rossijskoy provintsii vo vtoroy polovine XIX – nachala XX veka (na primere Kurskoy gubernii)*' (Industry of the cities of the Russian province in the second half of the 19th – early 20th century (on the example of the Kursk province)) in IT Shatokhin (ed.) *Yug Rossii i Ukraina v proshлом i nastoyashchem: istoriya, ekonomika, kul'tura*, 23–24 January 2009, Belgorod, Izdatelstvo BelGU Publ, Belgorod, pp. 78–82. (In Russ)
39. Hadonov, EE 1997, '*Ocherki iz istorii finansovo-ekonomicheskoy politiki poreformennoj Rossii (1861–1904 gg.)*' (Essays on the History of Financial and Economic Policy in Post-Reform Russia (1861–1904)), Moscow. (In Russ.)

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 120–131.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 120–131.

Научная статья

УДК 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-120-131>

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ СЕМИ БОГАТЫРЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРНЫХ МАНСИ

**Светлана Алексеевна
Попова**

Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
rusina-popova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0675-2743>

Аннотация. История народа манси исчисляется тысячелетиями и связана со сложными процессами генезиса и постоянных межкультурных контактов. Несмотря на то что в последние десятилетия территория Северного Урала и Западной Сибири активно исследуется в археологическом отношении, продолжают оставаться дискуссионными вопросы об определении времени сложения угорской общности, локализации её восточных границ, а также субстратной основы, давшей начало формированию мансиjsкого социума. В этой связи представляется перспективным привлечение в качестве историко-этнографического источника мансиjsких мифов и преданий, рассказывающих о разных этапах этногенеза. В настоящей статье посредством анализа передвижений мифологических персонажей в образе Семи богатырей с верховьев Лозьвы рассматриваются миграционные процессы, приведшие к формированию северной этнографической группы манси. Перемещение мифологических богатырей с предгорий Урала (верховья р. Северная Сосьва) приводило к постепенному заселению ими территории Приобья – низовий Северной Сосьвы (усть-сосьвинские манси), части Ляпина (сыгвинские манси). Мифы показывают, что, в отличие от первоначального заселения этой территории, исход с Северного Урала происходил не большими, а малыми разнородными коллективами людей. В качестве дополнения к историко-этнографическим исследованиям нами анализируются сюжеты мифов и преданий, проливающие свет на миграции населения. На мифологическом, лингвистическом и этнографическом материале рассматриваются вопросы освоения переселенцами сакрального пространства на новых территориях. Новизна исследования состоит в попытке рассмотрения сложения локальных групп северных манси на основе миграций, отраженных в мифологии, которые были обусловлены определенными историческими событиями.

Ключевые слова: манси, миграции, мифы, предания, Урал, мёукв, богатыри, духи-предки, духи-покровители.

Для цитирования: Попова С. А. Мифологические перемещения Семи богатырей как отражение процесса формирования северных манси // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 120–131. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-120-131>

Сведения об авторе: С. А. Попова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории и этнологии, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 628011, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А.

Scientific Article

UDC 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-120-131>

THE MYTHOLOGICAL MOVEMENTS OF THE SEVEN BOGATYRS AS REFLECTION OF THE FORMATION PROCESS OF THE NORTHERN MANSI PEOPLE

Svetlana A. Popova

Ob-Ugric Institute of Applied
Researches and Development
Khanty-Mansiysk, Russia
rusina-popova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0675-2743>

Abstract. The history of the Mansi people goes back thousands of years and includes complex processes of genesis and intercultural contacts. Despite the fact that the archaeological research of the Ural and Western Siberia regions is actively ongoing, the issues of determining the time of the formation of the Ugric community and the localization of its eastern borders, as well as the substrate that gave rise to the formation of the Mansi society, remain controversial. In this regard, it seems promising to use Mansi myths and legends as a historical and ethnographic source to reveal the individual stages of ethnogenesis. In the article, by analyzing the movement of mythological characters in the form of the Seven Bogatyrs from the upper reaches of the Lozva River, the author examines the problem of migration processes and the identification of the Northern ethnographic group of the Mansi people. Their movement from the foothills of the Urals (the upper reaches of the Severnaya Sosva River) and the gradual settlement of the Ob region: the lower reaches of the Severnaya Sosva River (the Ust-Sosva Mansi people), parts of the Lyapin River (Sygva Mansi people), which shows a mythological descent from the Northern Urals, but unlike the original settlement, not by large, but by fragmented human groups. In addition to historical and ethnographic research, the author analyzes myths and legends that shed light on these migrations. Also based on mythological, linguistic, and ethnographic material the study considers the issues of the settlers' arrangement of the sacred space in the new territories. The novelty of the research lies in the attempt to determine the actual formation of the local groups of the Northern Mansi based on mythological migrations, which establish certain historical events and have influenced their further ethno-cultural development.

Keywords: mansi people, migrations, myths, legends, Ural, *mējkv*, bogatyrs, ancestral spirits, patron spirits.

For citation: Popova, SA 2025, 'The Mythological Movements of the Seven Bogatyrs as Reflection of the Formation Process of the Northern Mansi People', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 120–131, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-120-131> (in Russ.)

Information about the Author: Svetlana A. Popova – PhD in Historical Sciences, Leading Researcher, Research Department of History and Ethnology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, 14A, Mira Str., Khanty-Mansiysk, 628011, Russia.

Введение

Наше исследование посвящено северной этнографической группе манси. Их язык относится к северной группе диалектов мансийского языка, в котором различаются диалектные говоры, распространённые по верхнему, среднему и нижнему (устье) течению р. Северная Сосьва, а также в верховьях р. Лозьва (верхнелозгинский диалект). К этой группе относится и население по р. Ляпин – левого притока Северной Сосьвы (имеет другие местные названия – Сыгва и Сакв-я). Манси по р. Ляпин являются носителями сыгвинского диалекта. Данная статья связана с актуальной проблемой этнической истории северных манси: а именно – с определением времени и характера освоения их предками некогда нового для них пространства.

З. П. Соколова в своём исследовании по обским уграм (ханты и манси), сделала вывод, что манси пришли на указанные выше территории с Западного и Южного Урала. Время массовой миграции она датировала XVII–XVIII вв., допуская и более ранний, но незначительный, переток населения в XIII–XIV столетиях [27, табл. 5; 29, с. 96–97]. Её историко-этнографические исследования мы можем дополнить сюжетами мифов и преданий, которые, возможно, приведут к пониманию миграционных процессов в Северном Зауралье. А. Ф. Косарев писал: «К числу древнейших и, с точки зрения современного человека, наиболее архаичных относятся мифы о перво-предках и временах творения, когда герои-предки создавали мир, устанавливали нормы и способы человеческой жизнедеятельности» [9, с. 17]. Однако можно ли искаать в таких мифах зёрна рационального знания о прошлом?

Обратимся к мифологическим источникам. Начнём с событий, когда предки манси «сходили» (мигрировали) с предгорий Урала в его низменную восточную часть. В этот период население Урала в мифах представляется как *йиспорат мāхум* ‘древнего времени народ’ сплотившийся в один (о других в мифах не говорится) большой союз *Тōрум щир* (*cipr*) от слов *Тōрум* ‘бог, небо, верх’ и *щир* (*cipr*) – послелог «по», букв. ‘[живущие] по-божески’, то есть по подобию бога или подобно богу живут высоко, вверху. Ранее мы отмечали, что в сознании народа эта его часть представлялась «верхними, небесными», отличными от «земных» обитателей Сосьвы и Ляпина [21, с. 91].

Из всех мифологических персонажей объединения *Тōрум щир* выделяются *мēңкв’ы* (*силум мēңкв султмил* ‘силачей мēңкв’ов группа / племя’) и *ўтици* (*силум ўтици султмил* ‘силачей ўтици группа / племя’), люди-великаны – племена древних охотников, шедшие вслед за стадами дикого оленя и лося. Они имели посохи из лиственницы, из этого дерева строили свои дома. Эти великаны оставили память о времени проживания на Урале в многочисленных горных оронимах [12, с. 237; 21, с. 89–97, 93; 24, с. 129; 26, с. 57]. Применительно к более позднему времени они выступают как воины в блестящих / сверкающих кольчугах. Их социальная организация – большие братские семьи, которые в XVII–XVIII вв. «играли большую роль в производстве и освоении угодий» [29, с. 352]. Эти братья-богатыри символизировали *por māхум* ‘народ por’ (одно из предположительно фратриальных названий в брачной системе манси) и могли представляться *мēңкв’ами*. Последние предстают в мифах как первые люди, неудачно изготовленные Верховным богом, превратившиеся в горных и лесных сверхъестественных существ.

Из анализа неопубликованных материалов П. Е. Шешкина следует, что «большие человеческие коллективы “бывших уральцев” по мере “схода” с Урала, распадались на мелкие (мань-си – П.П.) семейные, родовые коллективы, чтобы иметь возможность использования промысловых ресурсов для обеспечения жизни. Они начали заселять благоприятные для охотничьего и рыболовного промыслов таёжные берега озёр, проток, маленьких речек преимущественно в верховьях крупных

горных рек Лозьвы и Сев. Сосьвы»¹. В ходе расселения начала складываться брачно-регулирующая система – разделение на фратрии *пор* и *мощь*. С ней же связано начало формирования верхнелозьвинской и верхнесосьвинской диалектной групп северных манси.

Материалы и методы

В качестве источников при написании статьи привлекались материалы из работ отечественных археологов и этнографов. Образование отдельных групп манси, а также их этнические связи привлекали внимание многих исследователей: В. Н. Чернецова [36; 37; 38], З. П. Соколовой [25; 26; 28; 29], Е. Г. Фёдоровой [30; 31; 32; 34], Е. П. Мартыновой [11], Н. Л. Гондатти [6], Е. А. Пивневой [17], А. В. Головнёва [5], Е. В. Переваловой [15; 16], И. Н. Гемуева, А. М. Сагалаева [3], И. Н. Гемуева, А. В. Балуло [4]. Отдельно назовём изыскания учёных манси: Е. И. Ромбандеевой [23], Р. К. Бардиной [1; 2], В. С. Ивановой [7], С. А. Поповой [20; 21; 22]. В статье использованы публикации обско-угорского фольклора [13; 14], а также полевые материалы автора [1993–2018 гг.].

Методы, примененные автором, являются универсальными для такого рода исследований – системный анализ этнических и историко-культурных процессов. В качестве доказательной базы применялся метод сопоставления данных разных дисциплин: этнографии, фольклористики, языкоизучания.

Результаты

Время массового переселения народов, фигурирующих в мифах, с Северного Урала, а также заселение ими таёжно-болотистой части и низовий северных рек в их устье (Северное Приобье) описывается в фольклоре и в ранних письменных источниках. Научная значимость таких сведений высоко оценивается специалистами [13, с. 33]. В них отражается процесс освоения современной территории проживания северных манси и сложения диалектных групп – сосьвинско-ляпинской и нижнесосьвинской (их часто называют усть-сосьвинские или обские манси) [22, с. 741].

Примером может служить рассказ о странствиях мифологической группы Семи богатырей-братьев с верховьев уральской р. Лозьва на р. Большая Обь, а затем по рекам Северная Сосьва и Ляпин / Сыгва до небольшой болотисто-лесной протоки *Сбрахт*, где они поселились окончательно. Место их проживания стало святилищем, находящемся в устье священного *Хулюм'* (место нерестилища ценной для манси рыбы – язя). Путь следования богатырей отмечен оставленными ими «топонимическими следами», а их поступки находят отражение в мансиjsких мифах, преданиях и драматических сценах на Медвежьих игрищах.

В мировоззренческих представлениях самих манси процесс продвижения Семи богатырей символизирует великое переселение предков. Число семь для манси является сакральным, оно используется для подчеркивания святости, наличия большого числа воинов (не семь, а целое войско) или предметов. В исследованных нами мифах и преданиях говорится и о других ратных походах Семи братьев воинов-богатырей, также двигавшихся с верховьев к устьям уральских рек. Богатыри, о которых пойдёт речь в нашей статье, имеют несколько разных названий:

по рекам: *Луссум талях сāт őтыр* ‘Верховья Лозьвы Семь богатырей’; *Я талях акиянуv* ‘Верховья реки наши деды /дяди’; *Я талях сāт őтыр* ‘Верховья реки Семь богатырей’; *Я талях мāхум* ‘Верховья реки народ’; *Пүиң акиянуv* ‘Берега [вдали, букв. с дальнего] наши деды/дяди’; *Пүиң мāхум* ‘Берега [дальнего] народ’; *Сбрахт акиянуv* ‘Сбрахта наши деды /дяди’; *Сбрахт сāт őтыр* ‘Сбрахта Семь богатырей’; *Ялтың Хүлюм-сунт сāт őтыр* ‘Священного устья Хулюма Семь богатырей’ (букв. устья язёвого нерестилища);

по отцу их называют: *Сярысьныл кётым сāт őтыр* ‘С моря, посланные Семь богатырей’; *Вит ўсныл квা�лум мāхум* ‘[из] водного городища вышедший народ’. Их

отец – *Лұссум вит ялтың әтыр* ‘Лозьвинской воды святой богатырь’, *Вит ялтың путы гойка* ‘Воды святой дух-мужчина’ обитал на притоке реки Лозьва [23, с. 80];

по наличию воинской атрибутики: *Керың алпил сәт әтыр* ‘Железные тела [имеющие] Семь богатырей’ (т. е. в кольчугах), *Сыраит* ‘Сабельники’, т. е. с саблями [23, с. 75];

по пройденному ими пути о них говорят: «объехавшие шесть рек, объехавшие семь рек» [14, с. 315]. «Это было, когда Земля установилась. Людей ещё не было в те времена. Эти менгквы были с Неба в море спущены. Из моря они пешком вышли, вверх по Оби и Сосьве поднимались» [3, с. 72].

В разных вариантах мифов братья-богатыри то были спущены с неба, то вышли из воды, чтобы сделать остров. Е. Г. Фёдорова писала: «Возможно, в этих сюжетах мифов заложена идея о возникновении мира (среды обитания), и в данном случае важно то, что в представлениях северных манси этот процесс увязывается с пришлым населением» [33, с. 222]. В варианте мифа, услышанного нами от жителя Ломбовожа, говорится, что люди видели, как по реке *Хулюм* плывёт большой корабль с воинами и останавливается на её середине, где в форме большой лодки образуется остров. Этот остров существует и поныне в окрестностях Ломбовожа. Он является священным, поскольку на нём обитает дух-предок *Хулюм аки* ‘Язёвой реки (нерестилища) дядя/дед’ (о нём речь пойдёт ниже).

Выйдя с р. Лозьва, переселенцы, очевидно, двигались по р. Северная Сосьва, где низовье, выше протоки Лапорская, можно выйти на Малую Обь, а затем и на Большую Обь. На пути к низовьям реки Северная Сосьва, в её среднем течении, они, проявив хитрость, сумели обмануть богатыря, духа-предка среднесосьвинской группы манси, одного из сыновей Верховного бога – *Тәгт котиль әйк'у* ‘Середины Сосьвы богатырь-хранитель’. Он был сильный, храбрый и ловкий воин (одет в кольчугу, вооружён саблями, имеет лук со стрелами). Будучи мудрым охранителем вверенной ему территории, врагов не пропускал ни вверх, ни вниз по реке. Напротив своего городка (в двадцати километрах ниже поселения *Сортың-я*), он перегородил реку запором (плотиной) из камней, и никто без его ведома не мог проехать по реке. Сломать каменную плотину оказалось под силу богатырям с верховьев Лозьвы благодаря уловке. Они дошли до преграды, ушли под воду и появились на её поверхности ниже каменного перекрытия, и таким образом дали людям возможность плавать по реке. От разрушенного запора остался каменистый перекат, проезжая его, надо обязательно опустить в воду серебряную монету или семь связанных в узел лоскутов (полосок) ткани, т. к. вода в этом месте считается священной со всеми вытекающими требованиями к таким местам (по факту здесь находится рыбное нерестилище). Этого обычая манси придерживаются до сих пор [23, с. 52–53].

Следующая остановка Семи богатырей с верховья Лозьвы – это территория нижнесосьвинской (усть-сосьвинской или обской) группы северных манси, в частности, поселение Вежакары ‘Священный город’ (*Вежа-кар* (зыр.), *Ялтың ўс* (манс.), *Емың вож* (хант.) с этим же переводом) на Большой Оби.

О том, что в этом поселении проводились периодические (календарные) праздники *Яныг үйкө* ‘Главные танцы’ или *Пупыг үйкө* ‘Духов [богов] танцы’, напомнившие В. Н. Чернецову медвежий праздник, известно с его слов [8, с. 186; 35, с. 38]. Наиболее существенным отличием периодических от спорадических обрядов по случаю добычи медведя В. Н. Чернецов считал заключительную сцену с *мәңкөв'ами*, которая так и называется «Танец семи *мәңкөв'*ов». Согласно сюжету присутствующим на празднике испуганно сообщают, что *мәңкөв'*ы показались за рекой, они уже на реке, поднимаются на берег. Они якобы идут покарать людей за их дурные поступки, нарушения табу и т.д. В доме начинают искать и находят виновных во всеобщих грехах. Это две перепачканные кровью деревянные фигурки, изображаю-

щие мужчину и женщину. *Мēңквы* ударами палиц распахивают дверь, врываются в дом. На головах у них надеты высокие маски со свисающими конскими хвостами, за которыми спрятаны лица представляющих их артистов. Присутствующие на представлении люди, выдают им окровавленные фигурки. *Мēңквы* забирают их и уходят за Обь, где в кедровом лесу находится святилище с сакральной постройкой (манс. *ўра*), перед которой они кланяются, ударом палицы сокрушают принесённые жертвы и, ставши в круг, исполняют свой танец. После окончания действий *мēңквы* снимают маски, укладывают их и палицы в амбар.

В одном из предыдущих исследований, посвященных мансийским календарным праздникам, нами сделан вывод о том, что в описанном выше сюжете *мēңквы* выступают в роли судей, избавляющих людей от грехов [18, с. 115]. Можно говорить о том, что с приходом *мēңков* начинают функционировать правовые нормы. В мансийском фольклоре роль судьи – одна из функций медведя. Так, в качестве доказательства невиновности подозреваемый даёт клятву на одной из частей тела медведя (клык, лапа, шкура и т. д) со словами: «Если я виновен, то пусть меня разорвёт медведь». В Вежакарах он считается первопредком. В одной из песен, исполняемых на Медвежьем празднике, говорится о том, что медведь спущен отцом с Верхнего мира, затем он (медведь) идёт в лес и добывает сам себя. Вернувшись в поселение, он просит собрать народ и играть Медвежий праздник, на котором даёт наказ о его семилетнем цикле (семь лет подряд проводить, а затем делать семилетний перерыв) [18, с. 109–115].

История путешествия Семи богатырей-братьев имеет своё продолжение. Выйдя с Большой Оби по протокам на Малую Обь, они приобретают статус духов-покровителей. Е. И. Ромбандеева описала, как их представляют на Медвежьем празднике: «Весной, во время отстрела диких уток один обской мужчина поехал на охоту, но охота не удалась, уток не было. Смотрит, по весеннему половодью большая коряга плывёт. Присмотрелся, это большая лодка плывёт. В лодке семь богатырей гребут. Мужчина испугался, но старший из братьев сказал: если ты признаешь нас своими покровителями, мы тебя не тронем. Охотник согласился, на берег из своей лодочки выпрыгнул, дерево срубил, изображения семи братьев-богатырей (манс. *ула*) сделал, а работу сопровождал пением, где их восхвалял, причём на хантыйском языке» [23, с. 124]. Эта традиция сохраняется, например, на мансийском Медвежьем празднике в Хошлоге, где некоторые песни исполняются на хантыйском языке. Считается, что мужчина-охотник, вырубивший скульптуры Семи богатырей, в будущем обретает удачу в промысле.

Далее богатыри двинулись по течению протоки Вайсово, добрались до Северной Сосьвы, поднялись (против течения) до устья Полевой Богулки, где она впадает в Северную Сосьву. Увидели «[подходящий] высокий мыс с редким лесом (Хāль ўс (манс.) *Сумыт вож* (хант.) ‘Берёзовый город’), решили там переночевать. На этом мысу они хотели обосноваться: «устроить город, устроить деревню. Где они сидели, где они жили, семь своих посохов из лиственницы поставили. От этих посохов лиственничная роща выросла. То место у манси священным стало. С мыса хорошо, далеко видно рыбную реку *Tāgt* [Сосьва], им мысль пришла последовать по ней» [14, с. 315].

Остановились в среднем течении Северной Сосьвы по р. Палья, немного выше поселения *Хохаң* на плёсе *Хохаң воль* (Сухой или пересыхающий плёс). В этом месте река широкая, но непроходимая для больших лодок и судов, имеется только один узкий участок, где они могут пройти; рядом с ним и поселились богатыри (целое войско). Н. Л. Гондатти, будучи в экспедиции к манси, записал часть мифа, где речь идёт о Семи богатырях, промышлявших разбоем и грабежом проезжающих мимо лодок, с которыми, в конце концов, справились воины богатыря *Tāgt* котиль

байк'и [6, с. 37–38]. После поражения богатыри с верховья Лозьвы вынуждены были уйти дальше на р. Сыгва / Ляпин. На том месте, где они жили, оставили изображения (деревянные статуи) семерых мужчин в чёрных одеждах. Они представляют духов-покровителей этих мест, их символ – птица ворон. Перед изображениями делали жертвоприношения [23, с. 60]. Уходили они не с пустыми руками, а, применив очередную хитрость, прихватили с собой младшую дочь Тагт котиль байк'и в жёны для своего младшего брата, хоть отец её и берёг в крепости под большим секретом от посторонних: содержал в доме без огня, без воды.

Далее их путешествие продолжилось по р. Сакв-я (Сыгва / Ляпин) – эти Семь богатырей [по реке] до деревни Мувынтек (ныне не существующей) и добрались. Имеется ряд преданий, где говорится, что в далёком прошлом в этом поселении одинокие муж и жена нашли в сухом лиственничном пне мальчика, назвали его Лиственница. Вырос он, женился и от него пошёл род, который заполнил это поселение: «деревня Мувынтек так и образовалась, так и появилась» [14, с. 305–317]. В преданиях также есть «весть», что в это же поселение пришли (приплыли) Семь богатырей из Лозьвы (*Луссумныл ёхтум маҳум*), и что один из их символов – дерево лиственница. Шли они не куда-нибудь, а к своим родственникам, некогда ушедшем с родных мест и осевшим в Мувынтеке. О первом переселении народа с верховьев рек можно узнать из мифов «О Великом Потопе» (манс. Ялпың сякв). Поэтому богатырей-братьев здесь приняли, и они как воины не раз сумели защитить от врагов себя и окружающих, по этой причине впоследствии эти богатыри были признаны духами-покровителями поселения. И до сих пор им поклоняются их потомки, живущие по р. Сакв-я, Хошлогские манси» [14, с. 319; 23, с. 44]. (Почему Хошлогские? В 40-е годы прошлого века всё население Мувынтека было переселено в Хошлог, и деревня опустела).

В продолжение рассказа Е. И. Ромбандеевой о представлении Семи богатырей на Медвежьем празднике: до 1937 г. в поселении Хошлог во время Медвежьего праздника исполнялись сценки-танцы *Я талях сāт бтыр* ‘Семь богатырей с верховья реки’. «Здесь их представляли дважды. Первый раз в призывной песне, где идёт пересказ о походе Семи братьев-богатырей «по семи рекам, по шести рекам». О пройденном ими пути: передвигаются на лыжах, тащат нарты (следовательно, действие происходит зимой). Потом плывут в лодке по Оби, где в сезон половодья состоялась их встреча с охотником на уток, и где они получили статус духов-покровителей (разлив реки, значит, весна). Далее они уже одеты в рубахи, головы накрыты платками и завязаны так, как это делают мансийские мужчины, защищаясь от солнечных лучей и комаров (значит, уже лето). Восхваляется их сила – «сильные воины, осилили все препятствия, не нашлось сильнее их людей». Перечисляются подвиги, отмечаются места дислокации и оставленные пометки. После окончания призывной песни исполняется само представление. «Семь богатырей с верховья реки» уже в образе семи воинов с саблями в руках (манс. сыралтот слова сабля). Их наряд необычен и совсем не походит на мансийскую одежду: шёлковые халаты, островерхие шапки с меховой опушкой и семью лоскутками на макушке. Шапки низко сдвинуты, вокруг шеи – шёлковая ткань-косынка, которая прикрывает часть лица. Музыкант исполняет мелодию на традиционном музыкальном инструменте (манс. сāнквылтап). Под эту мелодию они проходят в танце семь кругов, меняя позы и стучая саблями друг об друга» [23, с. 124–126].

Известно, что во время танца через ритмическое повторение движений исполнитель входит в особое экстатическое состояние и находится в контакте с миром духов. Ритмически организованные телодвижения оказывают сильное влияние на подсознание, а затем и на сознание. По устному свидетельству Е. И. Ромбандеевой, её отец – один из исполнителей танца «Семи богатырей с верховьев реки Лозьва» на

Медвежьем празднике 1937 г. – рассказывал ей о своих ощущениях. Он ощущал некое «парение» над полом и незримое присутствии восьмого танцора, который якобы «вёл» всех остальных.

В Мувентесе богатыри совершили несколько подвигов, защищая народ от посягательств врагов, приходивших с той (западной) стороны Урала. Но пришло время, и жители поселения отправили их на Сорахт в устье священного Хулюма. Прямо из Мувентеса свернули на Малый Кемпаж. И по Кемпажу поднялись туда, где сейчас живут. Как шли, так и река пошла: р. Малый Кемпаж – это и есть их дорога [14, с. 315; 3, с. 80].

Место же почитания богатырей по предковой памяти, находится на р. Лозьва. Жители рек Северная Сосьва и Ляпин ездили туда на коллективные обряды и возили с собой в «гости» изображения своих духов-предков (манс. *най-ôтыр'ы*), воспринимающиеся людьми как *акиянув-âкванув* ‘наши дедушки-бабушки’.

Протока Сорахт соединяет реки Ляпин и Кемпаж, в устье которого на р. Лобынка находится поселение Ломбовож (манс. *Лопың ўс*). Название протоки вошло в состав имени одного из сыновей устроителя Медвежьего праздника *Полум Тöрум'a* – *Ур Мис хума* ‘Горных [возвышенностей] мужчины-Мис’, который после переселения на Сохрат стал именоваться *Сорахт талях ôйка* ‘Вершины Сорахта мужчина / хозяин’. В мифе он имел «большой дом», его стены были из надставленных стволов лиственниц. В таких домах жили и *мёңкв'ы*, имеющие связь с медведем. В доме мужчины Вершины Сорахта у одной из стен сидят в ряд семь медведей, а перед ними сам хозяин. Он следит за порядком на периодических медвежьих празднествах и выступает исполнителем наказаний для нарушителей запретов, в частности, запрета смотреть танец «Семи *мёңкв'*ов с Сорахта» и слушать призывную песню «Сорахта семь богатырей» [13, с. 544, comment. 6]. Есть сведения о древнем городке сверхъестественных существ *утчи* на р. Кемпаж (около Сорахта).

Многим исследователям культуры манси известно, что в прошлом на Сорахте в канун летнего периодического Медвежьего праздника (манс. *Тöрев ўйкв*) проводились соревнования на лодках (гонки на лодках) между мужчинами разных поселений. Гонки проходили и перед обрядовыми мероприятиями на главном святилище *Тöрум кан* [3, с. 85–87; 18, с. 63–64]. Этим подчёркивалась значимость места, где обосновались пришедшие с верховья Лозьвы Семь богатырей. Обязательное поселение мест обитания предков на лодках регламентировано традицией. В данном случае почитание выражалось и выражается в поклонении священным местам так называемым *ялпың ўс* ‘священный город [предков]’, где изначально сакральная нагрузка лексемы *ўс* семантически восходит к мансиjsкому *ўсыл* ‘смерть (погибель)’.

Таким образом, наше исследование показывает мифологическое путешествие Семи богатырей с верховья Лозьвы и расселение их в низовьях уральских рек. Эта «история» не противоречит данным других исследователей. Предание освещает исторические процессы освоения народом манси новых территорий и складывания сосьвинско-ляпинской диалектной группы. На материалах мифов и преданий, существующих до настоящего времени в традиции, в том числе аккумулированных в посвящённых медведю (о медведе) песнях, исполняемых в дни Медвежьего праздника, которые «в полной мере можно отнести к категории мифов» [см.: 10]. Мы показали возможность реконструкции некоторых важных аспектов ранней этнической истории северных манси. Полученные результаты органично дополняют и оживляют выводы З. П. Соколовой [27]. Наше исследование подтверждает, что мифы и предания являются ценным этнографическим источником.

Примечания

1. Шешкин П. Е. Тетради 1-4 // ХМФ – № 1143 /1-4 рукописи.

Список источников и литературы

1. *Бардина Р. К.* Обские и нижнесосьвинские манси: этносоциальная история в конце XVIII – начале XXI века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 150 с.
2. *Бардина Р. К.* Угорское население нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 291 с.
3. *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М.* Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
4. *Гемуев И. Н., Бауло А. В.* Святыни манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 240 с.
5. *Головнёв А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
6. *Гондатти Н. Л.* Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: тип. Е. Г. Потапова, 1888. 91 с.
7. *Иванова В. С.* Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века) : монография. 2-е изд., дораб. СПб.: Алмаз-Граф, 2014. 285 с.
8. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. 284 с.
9. *Косарев А. Ф.* Философия мифа: мифология и её эвристическая значимость : учеб. пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 304 с.
10. *Люцедарская А. А.* Медвежьи песни как феномен культуры сибирских угров // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири : [сб. ст.]. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. С. 78–83.
11. *Мартынова Е. П.* «Разных земель люди», «разных городков люди»: этногенетические процессы в Северном Приобье по материалам этнографических исследований // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое : [доклады междунар. науч. конф., г. Ханты-Мансийск, 29–30 октября 2012 г.]. Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2012. С. 34–50.
12. *Матвеев А. К.* Материалы по мансиjsкой топонимии и горной части Северного Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та, 2011. 260 с.
13. Мифы, сказки, предания хантов и манси / сост. Н. В. Лукина. М.: Наука, 1990. 568 с.
14. Мифы, предания сказки манси (вогулов) / сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с.
15. *Перевалова Е. В.* Вежакарский культовый комплекс (трансформация традиций и перспективы сохранения) // Этнокультурное наследие народов России: к юбилею д-ра ист. наук, проф. З. П. Соколовой : [сб. ст.]. М.: Август Борг, 2010. С. 141–151.
16. *Перевалова Е. В.* Мифологизированные связи-пути локальных культур (обские угры) // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 88–91.
17. *Пивнева Е. А.* Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М.: ИЭА РАН, 1999. 306 с.
18. *Попова С. А.* Мансиjsкие календарные праздники и обряды. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. 138 с.
19. *Попова С. А.* Роль периодического медвежьего праздника *Яныг йикв* в формировании социума северных манси // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 89–100.
20. *Попова С. А.* Миграции манси и фольклорные мотивы: к проблеме фольклора как исторического источника (на примере северной группы манси) // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 101–114.
21. *Попова С. А.* Древнее население Северного Урала по мифам северных манси // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18). С. 89–97.
22. *Попова С. А.* От Урала до Оби: героический путь вождя-богатыря *Намыңбатыр'a* // Вестник угроведения. 2018. № 4. С. 741–754.
23. *Ромбандеева Е. И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Северный дом : Сев.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 208 с.
24. *Слинкина Т. Д.* Мансиjsкие оронимы Урала. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2011. - 480 с.

25. Соколова З. П. О сложении этнографических и территориальных групп угров // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока : (тезисы докл. Всесоюз. конф.). Новосибирск, 1973. С. 123–132.
26. Соколова З. П. К происхождению современных манси // Советская этнография. 1979. № 6. С. 46–58.
27. Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 8–47.
28. Соколова З. П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири (XIX – начало XX в.) : [сб. ст.]. Новосибирск: Наука, 1987. С. 118–143.
29. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
30. Фёдорова Е. Г. Обские угры: этнокультурная ситуация в период с XI–XVI вв. // Сибирь: Древние этносы и их культуры : [сб. ст.]. СПб.: МАЭ РАН, 1996. С. 6–38.
31. Фёдорова Е. Г. Обские угры: вехи этнической истории // Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории). СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 5–68.
32. Фёдорова Е. Г. Территориальные группы северных манси: современная ситуация // CIFU IX [Congressus nonus internationalis Fennno-Ugristarum, Tartu 7.–13.8.2000 = Международный конгресс финно-угроведов, 7–13 августа 2000 г., Тарту]. Тарту, 2000. С. 126.
33. Фёдорова Е. Г. Ломбовож: к возможному прошлому // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. ст. Томск ; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2002. Ч. 1. С. 216–226.
34. Фёдорова Е. Г., Перевалова Е. В. Этнографический очерк // Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург: Сократ, 2008. С. 431–470.
35. Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. № 2. С. 20–41.
36. Чернецов В. Н. Очерк этногенеза обских угров // Краткие сообщения института истории материальной культуры (КСИИМК). 1941. Вып. 9. С. 18–28.
37. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1953. № 35. С. 7–17.
38. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Чернецов Валерий Николаевич. М., 1970. 63 с.

References

1. Bardina, RK 2009, *Obskiye i nizhnesosvinskiye mansi: etnosotsialnaya istoriya v kontse XVIII – nachale XXI veka* (Ob and Lower Sosvin Mansi: Ethnosocial History in the Late 18th – Early 21st Century), Izdatelstvo SO RAN publ, Novosibirsk. (In Russ.)
2. Bardina, RK 2011, *Ugorskoye naseleniye nizhnesosvinskogo Priobya (XVIII–XXI veka)* (Ugric population of the Lower Sosvinsk Ob region (18th–21st centuries)), Izdatelstvo SO RAN publ, Novosibirsk. (In Russ.)
3. Gemuyev, IN & Sagalayev, AM 1986, *Religiya naroda mansi. Kultovyye mesta (XIX – nachalo XX v.)* (Religion of the Mansi People. Cult Places (19th – Early 20th Century)), Nauka publ., Novosibirsk. (In Russ.)
4. Gemuyev, IN & Baulo, AV 1999, *Svyatilishcha mansi verkhovyev Severnoy Sosvy* (Mansi sanctuaries of the upper reaches of the Northern Sosva), Izdatelstvo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN publ., Novosibirsk. (In Russ.)
5. Golovnev, AV 1995, *Govoryashchiye kultury: traditsii samodiytsev i ugrov* (Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians), Uralskoye otdeleniye Rossiyskoy Akademii nauk publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
6. Gondatti, NL 1888, *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri* (Traces of paganism among the natives of North-Western Siberia), Moscow. (In Russ.)

7. Ivanova, VS 2010, *Lokalnyye osobennosti v obryadnosti severnykh mansi (konets XIX – nachalo XXI veka)* (Local features in the rituals of the northern Mansi (late 19th – early 21st centuries)), IIC YSU, Khanty-Mansiysk. (In Russ.)
8. *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* (Sources on the ethnography of Western Siberia) 1987, Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ, Tomsk. (In Russ.)
9. Kosarev, AF 2000, *Filosofiya mifa: mifologiya i yeyo evristicheskaya znachimost* (Philosophy of Myth: Mythology and Its Heuristic Significance), PER SE publ, Moscow, Universitetskaya kniga publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Lyutsedarskaya, AA 2000, ‘Medvezhyi pesni kak fenomen kultury sibirskikh ugrov’ (Bear songs as a cultural phenomenon of the Siberian Ugrians), *Narody Sibiri: istoriyaikultura. Medved v drevnikh i sovremennykh kulturakh Sibiri* (Peoples of Siberia: History and Culture. Bear in Ancient and Modern Cultures of Siberia), Izdatelstvo IAET SO RAN publ, Novosibirsk, pp. 78–83. (In Russ.)
11. Martynova, EP 2012, ‘Raznykh zemel lyudi’, ‘raznykh gorodkov lyudi’: etnogeneticheskiye protsessy v Severnom Priobye po materialam etnograficheskikh issledovaniy’ (“People of different lands”, “people of different towns”: ethnogenetic processes in the Northern Ob region based on ethnographic research), *Sibirskiye ugly v ozherelye subarkticheskikh kultur: ob-shcheye I nepovtorimoye* (Siberian Ugrians in a Necklace of Subarctic Cultures: Common and Unique), Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ, Khanty-Mansiysk, Tomsk, pp. 34–50. (In Russ.)
12. Matveyev, AK 2011, *Materialy po mansiyskoy toponimii I gornoj chasti Severnogo Urala* (Materials on Mansi toponymy and the mountainous part of the Northern Urals), Izdatelstvo Uralskogo In-ta publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
13. *Mify, skazki, predaniya khantov I mansi* (Myths, Tales, and Legends of the Khanty and Mansi), comp. by N. V. Lukina, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
14. *Mify, predaniya skazki mansi (vogulov)* (Myths, legends, and tales of the Mansi (Voguls)), comp. by Ye. I. Rombandeyeva, Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
15. Perevalova, EV 2010, ‘Vezhakarskiy kultovyy kompleks (transformatsiya traditsiy i perspektivy sokhraneniya)’ (Vezhakarsky cult complex (transformation of traditions and prospects for preservation)), *Etnokulturnoye naslediye narodov Rossii: k yubileyu doktora istoricheskikh nauk, professora Z. P. Sokolovoy* (Ethnocultural Heritage of the Peoples of Russia: on the Anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Z. P. Sokolova), OOO “Avgust Borg” publ, Moscow, pp. 141–151. (In Russ.)
16. Perevalova, EV 2012, ‘Mifologizirovannyye svyazi-puti lokalnykh kultur (obskiye ugly)’ (Mythologized connections and paths of local cultures (Ob Ugrians)), *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural Historical Journal), no. 2 (35), pp. 88–91. (In Russ.)
17. Pivneva, EA 1999, *Mansi: populyatsionnaya struktura, etnodemograficheskiye protsessy (XVIII–XX vv.)* (Mansi: population structure, ethnodemographic processes (18th–20th centuries)), IEA RAN publ, Moscow. (In Russ.)
18. Popova, SA 2008, *Mansiyskiye kalendarnyye prazdniki i obryady* (Mansi calendar holidays and rituals), Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ, Tomsk. (In Russ.)
19. Popova, SA 2015, ‘Rol periodicheskogo medvezhyego prazdnika Yanygyikv v formirovaniy sotsiuma severnykh mansi’ (The role of periodic dear festival Janyg jiku in the formation of the Northern Mansi society), *Vestnik ugrovedeniya* (Bulletin of Ugric Studies), no. 1 (20), pp. 89–100. (In Russ.)
20. Popova, SA 2016, ‘Migratsii mansi i folklornyye motivy: k problem folklore kak istoricheskogo istochnika (na primere severnoy gruppy mansi)’ (Migrations of the Mansi and folklore motifs: to the problem of the Mansi folklore as a historical source (on example of the Northern group of the Mansi)), *Vestnik ugrovedeniya* (Bulletin of Ugric Studies), no. 4 (27), pp. 101–114. (In Russ.)
21. Popova, SA 2017, ‘Drevneye naseleniye Severnogo Urala po mifam severnykh mansi’ (The ancient population of the Northern Urals according to the myths of the northern Mansi), *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh I antropologicheskikh issledovaniy* (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology), no. 4 (18), pp. 89–97. (In Russ.)
22. Popova, SA 2018, ‘Ot Urala do Obi: geroicheskiy put vozhdya-bogatyrya Namyñotyra’ (From the Urals to the Ob: the heroic path of the leader bogatyr Namyn Otyr (to the issue of migra-

- tions and the formation of the Sosva-Lyapin group of the Mansi people)), *Vestnik ugrovedeniya* (Bulletin of Ugric Studies), no. 4. pp. 741–754. (In Russ.)
23. Rombandeyeva, EI 1993, *Istoriya naroda mansi (vogulov) I yego duchovnaya kultura (po dannym folklora i obryadov)* (History of the Mansi (Vogul) People and Their Spiritual Culture (Based on Folklore and Rituals)), AIK “Severnnyy dom” i Severo-Sibirskoye knizhnnoye izdatelstvo publ, Surgut. (In Russ.)
24. Slinkina, TD 2011, *Mansiyskiye oronimy Urala* (Mansi oronyms of the Urals), Izdatelskiy dom “Novosti Yugry”, Khanty-Mansiysk. (In Russ.)
25. Sokolova, ZP 1973, ‘O slozhenii etnograficheskikh i territorialnykh grupp ugrov’ (About the formation of ethnographic and territorial groups of the Ugrians), *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dalnego Vostoka (tezisy dokladov Vsesoyuznoy konferentsii)*(Problems of ethnogenesis of the peoples of Siberia and the Far East (theses of the reports of the All-Union Conference)), Novosibirsk, pp. 123–132. (In Russ.)
26. Sokolova, ZP 1979, ‘K proiskhozhdeniyu sovremennyykh mansi’ (On the origin of modern Mansi), *SE*, no. 6, pp. 46–58. (In Russ.)
27. Sokolova, ZP 1982, *Obskiye ugrы (khanty i mansi)* (Ob Ugrians (Khanty and Mansi)), *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* (Ethnic History of the Peoples of the North), Nauka publ, Moscow, pp. 8–47. (In Russ.)
28. Sokolova, ZP 1987, ‘K proiskhozhdeniyu obskikh ugrov i ikh fratriy (po dannym folklora)’ (On the origin of the Ob Ugrians and their phratries (according to folklore)), *Traditsionnyye verovaniya i byt narodov Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* (Traditional Beliefs and Everyday Life of the Peoples of Siberia (19th – Early 20th Centuries)), Nauka publ., Novosibirsk, pp. 118–143. (In Russ.)
29. Sokolova, ZP 2009, *Khanty imansi: vzglyad iz XXI v.* (Khanty and Mansi: a view from the 21st century), Nauka publ., Moscow. (In Russ.)
30. Fedorova, EG 1996, ‘Obskiye ugrы: etnokulturnaya situatsiya v period s XI–XVI vv.’ (Ob Ugrians: ethnocultural situation in the period from the 11th to the 16th centuries), *Sibir: Drevniye etnosy i ikh kultury* (Siberia: Ancient Ethnoses and Their Cultures), MAE RAS publ, St. Petersburg, pp. 6–38. (In Russ.)
31. Fedorova, EG 1999, ‘Obskiye ugrы: vekhi etnicheskoy istorii (Ob Ugrians: Milestones in Ethnic History), *Narody Sibiri v sostave gosudarstva Rossiiyskogo (ocherki etnicheskoy istorii)* (The peoples of Siberia as part of the Russian state (essays on ethnic history)), St. Petersburg, pp. 5–68. (In Russ.)
32. Fedorova, EG 2000, ‘Territorialnyye gruppy severnykh mansi: sovremennaya situatsiya’ (Territorial groups of the Northern Mansi: current situation), *IXCIFU*, Tartu, p. 126. (In Russ.)
33. Fedorova, EG 2002, ‘Lombovozh: k vozmozhnomu proshlomu’ (Lombovozh: towards a possible past), *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshloga. Sbornik statey* (Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the Mirror of the Past. Collection of articles), Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ, Tomsk, Khanty-Mansiysk, part 1, pp. 216–226. (In Russ.)
34. Fedorova, EG & Perevalova, EV 2008, Etnograficheskiy ocherk (Ethnographic essay), *Berezovo (Ocherki istorii s drevnosti do nashikh dney)* (Berezovo (Essays on history from antiquity to the present day)), ID “Sokrat” publ, Yekaterinburg, pp. 431–470. (In Russ.)
35. Chernetsov, VN 1939, ‘Fratrialnoye ustroystvo obsko-ugorskogo obshchestva’ (Fratrial structure of the Ob-Yugorsk society), *SE*, no. 2, pp. 20–41. (In Russ.)
36. Chernetsov, VN 1941, ‘Ocherk etnogeneza obskikh ugrov’ (Essay on the ethnogenesis of the Ob Ugrians), *KSIIMK*, no. 9, pp. 18–28. (In Russ.)
37. Chernetsov, VN 1953, ‘Drevnyaya istoriya Nizhnego Priobya’ (Ancient history of the Lower Priobya), *MIA*, no. 35, pp. 7–17. (In Russ.)
38. Chernetsov, VN 1970, *Naskalnyye izobrazheniya Urala* (Rock images of the Urals), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 132–145.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 132–145.

Научная статья
УДК 94(47)+394
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-132-145>

НАРОДНЫЕ ПРЕДРАССУДКИ И СУЕВЕРИЯ НА СТРАНИЦАХ «ТУЛЬСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» В 1862–1918 ГГ.

**Мария Олеговна
Сафонова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, mashasafronova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0626-8860>

Аннотация. В статье рассматриваются публикации фольклорно-этнографического характера в церковном периодическом издании Тульской губернии «Тульские епархиальные ведомости» в 1860–1910-х гг. В качестве источника исследования были взяты статьи священников, выпускников и преподавателей Тульской духовной семинарии и др. авторов, посвященные конкретно проблемам крестьянских воззрений, суеверий, народной обрядности и т. д. Автором сделан вывод о том, что наибольшую публикационную активность в контексте изучения народной бытовой культуры тульские авторы (приходские священники) проявили в 1860–1880-е гг. Характер публикаций в большинстве случаев отвечал основной позиции редакции: описание обычая, преданий и суеверий и их обличение ради искоренения (с точки зрения современного знания и христианской догматики). Несмотря на логичность такого подхода в рамках религиозного характера издания, все же среди общего массива опубликованных работ встречаются статьи, не имеющие ярко негативного отношения к народным предрассудкам и суевериям. Также автор делает вывод, что количество опубликованных очерков и статей, а также художественно-документальных повествований невелико, учитывая долгий период издания «Тульских епархиальных ведомостей». Большинство публикаций носят обзорный характер, узкоспециальных статей встречается крайне мало – они в большей степени событийны. Тем не менее опубликованные в тульском церковном издании статьи местных авторов являются материалом, который необходимо использовать при изучении традиционной культуры крестьянского населения Тульской губернии в XIX – начале XX в., поскольку этот материал был собран фактически в результате включенного наблюдения, в основном священнослужителями.

Ключевые слова: крестьянство, предрассудки, суеверия, Тульская губерния, «Тульские епархиальные ведомости», фольклор.

Для цитирования: Сафонова М. О. Народные предрассудки и суеверия на страницах «Тульских епархиальных ведомостей» в 1862–1918 гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 132–145. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-132-145>

Сведения об авторе: М. О. Сафонова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article
UDC 94(47)+394
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-132-145>

FOLK PREJUDICES AND SUPERSTITIONS ON THE PAGES OF THE TULA DIOCESAN GAZETTE IN 1862-1918

Mariya O. Safronova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, mashasafroanova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0626-8860>

Abstract. The article discusses folklore and ethnographic publications in the Tula province's ecclesiastical periodical, the Tula Diocesan Gazette, in the 1860s–1910s. The research source included articles by priests, graduates, and teachers of the Tula Theological Seminary, as well as other authors, specifically devoted to the problems of peasant beliefs, superstitions, folk rituals, etc. The author concludes that Tula authors (parish priests) showed the greatest publishing activity in the 1860–1880s in the context of studying folk culture. In most cases, the nature of publications corresponded to the main position of the editorial board: describing customs, traditions and superstitions and exposing them for the sake of eradication (from the point of view of modern knowledge and Christian dogma). Despite the logic of this approach within the framework of the religious nature of the publication, nevertheless, among the general array of published works there are articles that do not have a clearly negative attitude to popular prejudices and superstitions. The author also concludes that the number of published essays and articles, as well as fiction and documentary narratives, is quite small, given the long period of publication of the Tula Diocesan Gazette. Most of the publications are of an overview nature, and there are very few highly specialized articles. Nevertheless, the articles published in the Tula church publication by local authors are essential material for studying the traditional culture of the peasant population of the Tula province in the 19th and early 20th centuries, since they were the result of collecting material by clergy using the method of participant observation.

Keywords: peasantry, prejudices, superstitions, Tula province, Tula diocesan gazette, folklore.

For citation: Safronova, MO 2025, 'Folk Prejudices and Superstitions on the Pages of the Tula Diocesan Gazette in 1862–1918', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 132–145, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-132-145> (in Russ.)

Information about the Author: Mariya O. Safronova – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Фольклорно-этнографические публикации в дореволюционной религиозной периодике до сих пор остаются недостаточно изученными. Огромный пласт этнографических заметок и очерков в последние годы все больше привлекает внимание исследователей. При этом наследие в первую очередь сельских пастырей наряду с материалами Российского географического общества, Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, работами отдельных исследователей фольклора и народной культуры создают живую, яркую картину жизни русских крестьян второй половины XIX – начала XX в.

Исследованиями фольклорно-этнографических материалов церковной периодики занимаются филологи, этнологи и социальные антропологи, а также историки культуры. К настоящему моменту в научный оборот возвращены материалы, которые публиковали пастыри Калужской, Ярославской, Смоленской, Оренбургской, Олонецкой, Пензенской, Архангельской и ряда других епархий (А. Н. Розов, О. Н. Болгова, С. В. Фёдорова и др. [20–23; 8; 35]). Заслугой А. Н. Розова является не просто обзор изданных в церковной периодике очерков, статей, заметок, а публикация подробнейших аннотированных тематико-библиографических указателей этнографических и фольклорных материалов разных дореволюционных церковных изданий (местных епархиальных и общероссийских).

Тульское местное издание – «Тульские епархиальные ведомости» (далее – ТЕВ) – активно цитируемый в среде региональных историков и филологов источник. Имена некоторых тульских авторов из ТЕВ появляются на страницах библиографического пятитомного издания «Русские фольклористы» [24]. Однако этнокультурные и фольклорные материалы, публиковавшиеся в 1862–1918 гг. на страницах ТЕВ, до сих пор не были предметом отдельного изучения. Забегая вперед, нужно отметить, что фольклорный материал ТЕВ не столь обширен. Он явно уступает ряду других изданий. Например, «Олонецким епархиальным ведомостям», в которых было опубликовано порядка 100 статей этнографического характера за 20 лет: с 1898 по 1918 гг. [35, с. 7] В Тульской губернии этнографические статьи в ТЕВ явно уступали статьям о церковной истории, расколе и богословским очеркам.

Материалы и методы

В 1860-х гг. в губерниях России начали выходить местные периодические издания религиозного характера. Первый номер «Тульских епархиальных ведомостей» был издан в 1862 г. До 1905 г. издание выходило дважды в месяц, в 1905–1917 гг. – четыре раза, а в 1918 гг. – снова два.

Кроме официальной части, в которой предусматривалась публикация распоряжений, указов, объявлений Святейшего Синода, известий по Тульской епархии, публиковались так называемые «прибавления» – неофициальная часть ТЕВ. В этой части, предназначеннной в первую очередь для приходских священников, публиковались выдержки из церковных сочинений, статей из других религиозных журналов, исторические очерки, посвященные не только «церковной археологии», но и местной истории, обязательным элементом были публикации о расколе и суевериях. Уже в первом номере ТЕВ в январе 1862 г. редакция журнала обратилась к сельским священникам с тем, чтобы попытаться оградить народ от пагубного влияния «педагогов-знахарей» из «отставных солдат, разорившихся мещан и выгнанных со службы подъячих» [2, с. 50]. В этом номере прозвучал призыв к приходским пастырям взять на себя ответственность за народное образование. Для того чтобы бороться с суевериями и иным невежеством – в лучших традициях поговорки «предупрежден, значит вооружен» – редакция ТЕВ обратилась с просьбой присыпать информацию о том, какие суеверия господствуют в той или иной местности. Изначально задача определялась как составление свода суеверий и фактически транслирование опыта

по борьбе с ними в разных приходах (как священниками, так и другими инстанциями) [2, с. 53]. Для примера автор, публиковавшийся под инициалами «А. А.» (вероятно, первый редактор ТЕВ – архимандрит Андрей), привел несколько случаев из Симбирской губернии, где крестьяне ловили односельчанина, обернувшегося в свинью, или совершали обряд опахивания при падеже скота, защищаясь от Коровьей смерти.

Задача «ослабления народных предрассудков и суеверий, также дурных пословиц, оправдывающих нравственное безобразие» была поставлена в журнале «Дух Христианина», который часто цитировался на страницах ТЕВ. Вообще круг задач, определенный редакцией этого журнала, требовал особого внимания сельского пастыря. Кроме суеверий это были и проблемы пьянства, использования бранных слов, вопросы воспитания детей, отношения мужчины к женщине.

В данной статье мы будем придерживаться хронологического принципа обзора фольклорно-этнографических материалов, которые выходили на страницах ТЕВ и касались народных верований, обрядов, ритуалов. Выделение тематических кластеров материалов осложняется тем, что чаще всего авторы публиковали обзорные статьи, в которых фрагментарно и мозаично излагалась информация об обрядах, суеверных представлениях о разного рода нечистой силе, старинных преданиях и т. д.

Результаты

Авторы активно отозвались на призыв публиковать свои наблюдения о народной жизни, поверьях и способах борьбы с крестьянским иррационализмом, мистицизмом, суевериями, языческими пережитками. Часть авторов скрывала свои имена, публикуясь под инициалами и сокращениями – «А. А.», «А. П.», «Н. З.» и т.д. Самыми активными авторами фольклорно-этнографических материалов стали приходские священники из сельской местности, а также губернского центра, включая служащих в Тульской духовной семинарии. При этом между ними все же существовала определенная разница. Приходской сельский священник оказывался на стыке двух миров, что определяло некую двойственность его позиции: он был частью не только мира религиозного каноничного, но и крестьянского суеверного. Именно к этой категории священнослужителей, в первую очередь, звучал призыв изучать и описывать фольклорный материал. Конечно, в материалах, которые имели вид проповедей, мы не увидим эту разницу. Но в обзорных статьях о разных суевериях, приметах, обрядах звучало не только обличение от проповедника, но и уггадывался включенный интерес.

Период наибольшего интереса к народному фольклору среди авторов ТЕВ приходится на 1860–1880-е гг. Хотя интерес к простому народу заметно начал расти с середины 1830-х гг., на 1860-е гг. приходится всплеск местной активности в изучении культуры и быта простонародья. Это вторило и литературным тенденциям, и развитию общественно-политического движения, и, конечно, научным достижениям. Издания трудов по теории мифа Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева и, конечно же, словаря В. И. Даля подготовили почву для работ местных авторов в разных губерниях Российской империи.

Возвращаясь к ТЕВ, нужно отметить, что в рубрике «Заметки» в № 3 (1863 г.) автор «А. А.» (архимандрит Андрей) определил, по сути, программу для приходских священников по изучению и борьбе с суевериям и предрассудками¹: «...а) священнику непременно нужно знать, какие в его пастве господствуют суеверия и предрассудки и б) хорошоенько вникнуть в те основания, на каких опираются они, чем пытаются и какие от них проис текают последствия, гибельные для веры, нравственности и внешнего благосостояния; потом в) тщательно отделивши истинные и верные мысли, скрывающиеся и иска женные в народных поверьях, их основательно и подробно раскрыть и утвердить в уме прихожан, а относительно

привнесенных неосновательных добавлений к сим истинам, сделанных народною фантазиею; г) нужно уметь священнику прямо и убедительно для прихожан, показать, как эти суеверные добавления противны тем началам веры и нравственности, какие ими беспрекословно принимаются, и как вредны для них. А д) затем непременно нужно осязательно показать неосновательность начал, на коих опираются эти искаженные мнения. А для этого объяснить им из физических законов, как какое-либо явление объясняется просто, без участия колдовства и порчи и нечистой силы. Это значит опять внести доступный для крестьянина свет знания и веры в явления обыденной его жизни и окружающей его природы, чтобы везде он благоговейно зрел действующий Божий Промысел и напрасно не пугался призраков своего воображения. С такими сведениями священнику можно и должно постепенно преследовать все предрассудки и суеверия, какие есть в его пастве и в домашних беседах и в церковных поучениях» [1, с. 195–196]. Суеверия, поверья трактовались как гибельные для веры и, как следствие, нравственности крестьян. Они шли вразрез с православной религиозностью и подлежали искоренению со стороны приходского священника, который был обязан растолковывать «заблудшим душам» своей паствы все жизненные явления без инфернальной, мистически-колдовской составляющей – с точки зрения естественного знания и богословской доктрины. Таким образом, позиция церковного издания была строгой и доктринальной – публикации приходских священников и других авторов должны были носить яркий обличительный оттенок.

В такой манере была написана опубликованная в 1864 г. в № 14 и № 15 первая обстоятельная фольклорно-этнографическая статья тульского священника Георгия Ивановича Панова «Суеверия и поверья в религиозно-нравственном отношении» [17]. В самом начале работы автор определил предмет своего очерка как «темные представления» народа и предложил своеобразную классификацию предрассудков: происходящих от «необразованных умов», стремящихся объяснить непонятные явления с точки зрения сверхъестественных сил; неправильное толкование христианского вероучения и понимания обрядности; а также сохранившиеся дохристианские, языческие пережитки. Автор описал народные представления о природных астрономических явлениях (гроза, месяц, кометы и т.д.), языческие элементы обрядов жизненного цикла и календарных праздников, также упоминал захарские и гадательные практики. Г. И. Панов также впервые на страницах ТЕВ поднял вопрос о поклонении тульских крестьян священным камням – известным в губернии Баше и Башихе, находящихся в Одоевском уезде. При этом несмотря на то, что народные предания связывали наименования камней – «Баш» и «Башиха» с татарами, Панов видел в названии священных камней искажение от слов *бог* и *божиха*.

Особо интересна мысль автора о том, что действия злых духов нужно связывать в первую очередь с воображением самого крестьянина, подстегиваемого обстановкой темноты, одиночества, тишины и т.д. Но при этом все же сводить любое явление исключительно к человеческой фантазии нельзя. Поскольку полное отрицание противоречило учению церкви о существовании злонамеренных духов. Такая двойственность была характерна для многих публикаций авторов ТЕВ. Позиция авторов разнилась: от признания злых духов как существующих, но не могущих навредить без божественного попущения, до обличения веры в нечистую силу как исключительный плод фантазии суеверных крестьян.

В том же 1864 г. был опубликован цикл заметок под общим названием «Из дневника приходского священника» (№ 21–24) автора А. П. Две части цикла вышли под общим названием «Моя борьба с народными предрассудками и непохвальными обычаями» [5]. Еще в первой публикации цикла автор определил свою позицию так: «...Прежде, чем быть учителем народа, надобно заслужить от него любовь и без-

условное доверие... чем настойчивее будешь учить и убеждать, тем больше встретишь сопротивления и совершенно отдалишь народ» [4, с. 452–453]. В последней части он продолжил: «Неуважительный отзыв о том, что народ чтит как святыню, может вызвать сильный ропот со стороны народа. ... Надобно только толково разъяснять народу, что честуемая ими вещь не заслуживает почитания» [5, № 24, с. 578]. Именно поэтому основной концепцией очерка стало изложение увещевательных бесед, в которых можно почертнуть сведения о том, что священник называет народными предрассудками, основанными на неправильности понимания прихожанами сути вероучения и «придумывании своих правил» в отношении канонической обрядности, церковных праздников, почитания святых и проч. Среди таких бесед мы в том числе находим еще одно упоминание о поклонении Башу и Башихе, широко распространенном среди крестьян Тульской губернии.

В течение десятилетий вышло несколько статей, которые представляли собой такие же обличительные обзоры народных суеверий и предрассудков в духе Г. И. Панова. Такой была статья автора Н. З. «О суевериях и предрассудках, вредных для нравственности народа» [16]. Автор традиционно останавливался на народном искажении библейских преданий, церковных обрядов и праздников, учения о душе, обличал крестьянский фатализм, излишнюю веру в судьбу, из которой проис текают приметы, гадательные практики и суеверные предосторожности. Как и автор А. П., Н. З. возмущался образом священника в народном представлении, существованием негативных примет, в которых фигурирует церковнослужитель. Однако в статье речь шла не о народной культуре крестьян Тульской губернии, а о губернии «В.». Исходя из упоминаний уездов в примечаниях, это был материал, собранный на Вологодчине.

Интерес представляют серии очерков К. М-ова «Из бесед с деревенскими начетчиками» (1871 г.) [14] и «Народный взгляд на болезни и способы их лечения» (1872 г.) [15]. Первый цикл автор посвятил находкам «отреченной» литературы – в первую очередь раскольнических рукописей, которые бытовали в К-ом уезде (Крапивенском или Каширском). В контексте народных представлений нас интересует то, что автор приводит своеобразные народно-религиозные сюжеты из этих тетрадок, появившиеся в результате слияния переводных апокрифов с народными преданиями. Второй очерк – обстоятельное описание способов народного врачевания в условиях недостатка профессиональной медицинской помощи. Появление материалов о «народном здравии» в 1870-е гг. на страницах ТЕВ коррелирует с развитием земской медицины в сельской местности. Таким образом, предполагалось, что сельские пастыри помогут земским врачам преодолеть сомнение и подозрительность крестьян в отношении профессиональной медицины. Поэтому в свою очередь отношение автора к народной медицине определенно отрицательно: «В разнообразнейших случаях заболевания наш простой народ страдает гораздо более от своих собственных представлений о болезнях, поддерживаемых преданиями той далекой старины, когда взгляд на вещи и явления природы был омрачен самым грубым суеверием» [15, № 1, с. 9]. К. М-ов указывает, что в народном представлении сама смерть – это нечистая сила, тождественная с демонами, дьяволом, а болезни – ее помощницы, которые трактуются также. Поэтому автор не просто описал суеверия, составив определенный свод народных воззрений, но и попытался объяснить истоки таких представлений, чтобы в определенной степени его аудитория – сельские священники – могла способствовать рационализации подхода к болезням. Очерк остался незаконченным. Последняя часть вышла в № 14 с припиской «продолжение будет», но в последующих номерах ТЕВ данная работа К. М-овым более не публиковалась. Собственное понимание истоков народных воззрений К. М-ов черпал в труде А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу».

Начало 1870-х гг. стало еще более богато на публикации, посвященные народным представлениям, суевериям, предрассудкам, приметам и т.д. В № 12 (1872 г.) была опубликована заметка «Суеверия, поверья и приметы» автора А. И., который, как и его предшественники, называл «громадную массу суеверий» «одним из самых горьких плодов первобытного невежества нашего простого народа» [3, с. 422]. Автор говорил о скучных сведениях о быте простого народа, поступающих от священников, потому что этого материала было так много в ежедневных мелочах, что он становился будто невидим: «*Никто ближе духовенства не стоит к суевериям народа: они у нас всегда на глазах; мы видим их чуть ли не на каждом шагу. Казалось бы, кто лучше нас, приходских священников, мог бы собрать и разобрать весь этот, для нас при том же очень важный, материал. Но мы так присмотрелись к нему, так привыкли, прижились к воздуху, пропитанному суевериями, что почти и не замечаем, что дышим этим воздухом.*» [3, с. 422]. Далее автор призывал собирать этот материал, даже самые мелкие детали, приводя в пример фрагментарные сведения, записанные семинаристом в Чулковской слободе г. Тулы: заговоры, поверья, названия праздников народного календаря –Арина-рассадница, Евдокия-плюющих, Лукерья-комарница и т.д.

Ответом на призыв стал объемный очерк «Суеверия, поверья, приметы, заговоры, лечения и гадания» Ар. Пятницкого, опубликованный в нескольких номерах ТЕВ [19]. Автор приводит своеобразную классификацию народных суеверий, поверий и примет по цели: отвратить зло, привлечь добро и узнать будущее; и по характеру: религиозные и семейно-бытовые. Религиозные суеверия связаны со святыми (покровители / помощники), иконами, церковными праздниками, которые традиционно олицетворялись у русского народа, а также с церковными таинствами, обрядами и требоисправлениями: крещение, покаяние, елеосвящение, погребение. Кроме того, автор выделяет так называемые «частные религиозные суеверия», носящие положительный и отрицательный характер. Из положительных он выделил веру в чудодейственную силу источников и родников, традицию ношения ладанок («ладонок») вместе с крестом, веру в силу первого пасхального яйца, обычай крестить рот после зевания и т.д. К отрицательным частным суевериям автор отнес веру в немилость Божию и «худое предзнаменование». По сути, у Ар. Пятницкого речь также шла о крестьянском фатализме. К семейно-бытовым суевериям автор относил веру в злых и добрых духов, в определенные качества и свойства частей тела («человек с головы до ног в приметах»), а также в сверхъестественное влияние и воздействие других людей, животных, явлений природы на жизнь и участь человека: дружба и неприязнь, богатство и бедность, счастье и несчастье, здоровье и болезнь, смерть. Автор привел материал заговоров, которые использовались в крестьянской среде, рецепты народного врачевания и способы гаданий – «всегдашних» и «временных» (событийных, праздничных). В биографической справке в словаре «Русские фольклористы» Т. Г. Иванова назвала очерк Ар. Пятницкого нехарактерным для епархиальных ведомостей, не содержащим христианского обличия [24, т. 4, с. 117]. Действительно, очерк – это большой массив структурированного фактологического материала. В заключении Пятницкий говорил о том, что «*когда-нибудь мы еще раз вернемся к тому же предмету, но затем, чтобы определить, как должно к нему относиться*» (№ 7–8, с. 271). Однако единожды – в преамбуле – автор высказал присущее для подобных публикаций в ТЕВ негативное отношение к народным суевериям.

С 1880-х гг. обзорных статей, посвященных суевериям, в ТЕВ выходило не так много. Можно выделить работу В. Благовещенского «Русские народные обычаи, предания и поверья, записанные в Тульской губернии» (1881 г.) [7], в которой автор описывает свадебные и крестильные обычаи крестьян Тульского, Крапивенского и

Веневского уезда, приводит сведения об интересной традиции Горской выставки невест в Туле ежегодно 16 августа, а также сообщает интереснейшие народные предания оружейников и мещан о волшебнике Демиде, порожденные богатством промышленников Демидовых. Еще одна небольшая заметка была опубликована в 1906 г. «Лихорадки и их лечение народными средствами. Из этнографии Тульского края» В. Яворского [36]. Это была публикация доклада, посвященного народному целительству, с заседания Тульской Палаты Древностей. В 1908 г. вышла небольшая статья священника А. Матвеева «Православный русский пастырь и народные суеверия», в которой лишний раз утверждалась мысль о необходимости искоренения всех суеверий [12].

Что касается узкотематических работ, посвященных каким-либо отдельным обрядам, поверьям, приметам или преданиям – их выходило в ТЕВ не так много. В 1863 г. в 12-м выпуске ТЕВ появилась серия публикаций, посвященная обряду опахивания, проводившегося при эпизоотиях в Ефремовском уезде: «обличительное слово» священника Иоанна Пискарева (с. Благодать) [18], «слово» священника М. Мерцалова (г. Ефремов, Преображенская церковь) [13] и заметка о данном обряде И. Ивановского – священника с. Никольского-на-Птани [10]. Первые два текста были примерами проповедей для прихожан, а заметка И. Ивановского – первый пример подробнейшего описания по сути языческого обряда на страницах ТЕВ.

В 1865 г., автор, подписавшийся как «сельский священник», опубликовал статью «О спиритизме» [25]. В этом очерке, по сути, говорится и о спиритуализме, но в России оба этих религиозно-философских течения известны под общим названием «спиритизм». Хотя сам очерк не содержит конкретных указаний на распространение спиритизма или спиритуализма в Тульской губернии и носит, скорее, характер богословской критики, автор все же акцентирует внимание на огромной увлеченности в России общением с таинственным миром духов, живших когда-то во плоти, посредством медиумов. Естественно, спиритизм как религиозная философия не укладывается в рамки «народных предрассудков и суеверий». Но при этом интересно упоминание, что «новейшая и модная религиозная доктрина» образованного общества также нашла отклик в массах простого народа. Причем не явно, но в рассуждениях автора можно найти причину такой популярности – указание на догмат спиритизма: «... Всеобщее верование в домовых, леших, русалок и проч. и проч., не есть бред расстроенного воображения, а есть вывод из действительных фактов, только не совсем правильно объясненных. Неправильность здесь состоит в том, что сии действия приписываются существам другого мира, тогда как они суть действия отшедших душ, родных нам по природе и принимающих в нашей судьбе живое участие» [25, № 21, с. 333]. Сам же автор называет это опорой спиритов на религиозно-умственное невежество.

В № 15 от 1873 г. был опубликован интересный рассказ сельского учителя Тр. «Мнимая колдуны» с комментарием редакции, поданным инициалом И. [26]. Учитель рассказывал о крестьянке Алексинского уезда Авдотье, которая после смерти свекрови – известной в деревне повивальной бабки – уверяла, что умершая ходит домой по ночам. Поскольку такой сюжет достаточно типичен для крестьянской среды Тульской губернии, связь тоже была классической: «неравнодушные» односельчане объявили покойную колдуньей и забили осиновый кол в ее могилу. Сама же Авдотья, по словам автора, в итоге своих суеверных страхов сошла с ума. В комментарии редакции сквозило сожаление, что автор не описал позицию приходского священника по отношению к этим событиям, и было высказано традиционное для редакции ТЕВ предположение, что «может, как слишком обычное явление в жизни простонародья, дело это не обратило на себя его особенного внимания» [26, с. 84].

В 1876 г. священник П. Кутепов опубликовал статью, посвященную народному празднику, – «Масляница у простого народа» с призывом к правительству уничтожить этот праздник, начиная с городов [11], поскольку крестьяне были бы за это только благодарны. Учитывая «живучесть» масленичных традиций до нашего времени, можно сказать, что мнение П. Кутепова было явно необоснованным.

Одной из последних, посвященных суевериям публикаций была статья И. Баженова «Народное поверье о високосном году и преп. Кассияне Римлянине» (1916 г.) [6]. Автор поднял вопрос о несправедливых тревогах и страхах в народной среде, связанных с високосным годом, считающимся «годиной всевозможных бед и напастей». Стоит отметить, что различные предания населения Тульской губернии звучат на страницах публикаций, посвященных истории приходов и церквей епархии, а также исторических очерков, публиковавшихся Н. И. Троицким, создателем Тульской Палаты Древностей, и другими. Однако специальным предметом публикаций они не становились.

Особняком среди всех фольклорно-этнографических материалов ТЕВ стоят опубликованные в 1870–1880-х гг. художественно-документальные очерки Ф. Тихвинского – преподавателя Тульской духовной семинарии. Первый его очерк «Обитатели лесов» (1876 г.) был посвящен расколу, но с 1877 г. почти все очерки и повести Тихвинского на страницах ТЕВ посвящены народной культуре, воззрениям и суевериям. Такой стала работа «Во время скотского падежа» (1877–1878 гг.) [27], основанная на крестьянских представлениях об иррациональных причинах эпизоотий, различных приметах, вере в порчи и т.д. Рассказ «Порченая» (1878 г.) [33] посвящен женщине Марье, на которую была наведена порча, из-за чего крестьянка стала вести себя, как кликуша. Не менее интересен очерк «Ночь на Ивана Купалы»² (1879 г.) [31], в котором автор говорит об иерархии деревенских врачевателей, вере в чудодейственную силу трав, о традиции искать клады в Купальскую ночь, заговорах. Названная автором былою публикация «Мертвые кости» (1880 г.) [29] – художественное произведение о деревне Бахмуровой (возможно, Владимирская губерния), крестьяне которой связали все свои несчастья с археологическими раскопками 1850-х гг. и найденными в ходе их захоронениями. Автор создает картинку суеверного бытowego мировосприятия, порождающего иррациональные химеры. В 1881–1882 гг. автор публикует серии рассказов «Народные тревоги», «Заклятый дом», «Спорыня» [30; 28; 34].

Отдельного внимания заслуживает публикация Ф. Тихвинского «Очерки из жизни простонародья» (1883–1884 гг.) [32], написанная по мотивам глубокой веры народа в силу колдунов. «Очерки» выходили отдельным приложением к ТЕВ и вызвали острую критику в «Церковном вестнике». Священник Н. Дроздов обвинил Ф. Тихвинского не только в монотонности изложения, но и в том, что автор «уверовал в бабью сказку» [9, с. 757]. Конечно, такая критика со стороны священников вполне понятна. Во всех своих очерках Ф. Тихвинский обходился без нравоучений и излишних рассуждений о правильности или неправильности происходящего. У него нет ярких увещеваний и обличений. Автор создал художественный образ на основе наблюдений за реальной жизнью тульского простонародья и, вероятно, на основе изучения фольклорного материала других губерний.

Заключение

Несмотря на то что в течение 1860–1880-х гг. на страницах ТЕВ появилось большое число заметок и очерков, посвященных народным верованиям, суевериям, культурно-бытовым элементам, к концу XIX в. произошел спад интереса к фиксации деревенского фольклора. Следствием было резкое уменьшение публикаций, посвященной этой тематике, вплоть до закрытия издания. В фокусе внимания продолжала находиться народная нравственность. При этом задача изучения и описания

народных воззрений и суеверий уходит на второй план перед задачей деятельного просвещения и искоренения невежества. Именно поэтому публикации 1890–1910-х гг. либо просто констатируют наличие суеверий в рамках общего призыва искоренять их, либо фрагментарно появляются в контексте историко-краеведческих работ.

Примечания

1. Текст дается в адаптированном под современные нормы языка виде.
2. У автора рассказ назван «На Ивана Купалы», а не привычно – «Ивана Купалу».

Список источников и литературы

1. А. А. Заметки // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 3. Прибавления. С. 181–200 (195–196).
2. А. А. Заметки и выписки из журналов о народных школах // Тульские епархиальные ведомости. 1862. № 1. Прибавление. С. 49–53.
3. А. И. Суеверия, поверья и приметы // Тульские епархиальные ведомости. 1872. № 12. Прибавления. С. 422–427.
4. А. П. Из дневника приходского священника // Тульские епархиальные ведомости. 1864. № 21. Прибавления. С. 443–453.
5. А. П. Моя борьба с народными предрассудками и непохвальными обычаями // Тульские епархиальные ведомости. 1864. № 23. Прибавления. С. 522–535; № 24. Прибавления. С. 573–580.
6. Баженов И. Народное поверье о високосном году и преп. Кассиане Римлянине // Тульские епархиальные ведомости. 1916. № 1/2. Прибавления. С. 8–13.
7. Благовещенский В. Русские народные обычаи, предания и поверья, записанные в Тульской губернии // Тульские епархиальные ведомости. 1881. № 1. Прибавления. С. 12–21.
8. Болгова О. Н. Фольклорно-этнографические материалы на страницах «Архангельских епархиальных ведомостей» (1885–1900) // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 61–65.
9. Дроздов Н. Для чего пишутся иногда книжки (Нечто о "Колдунах" г. Тихвинского) // Церковный вестник. 1890. № 46 (15 нояб.). С. 755–757.
10. Ивановский И. Об опахивании – в Ефремовском уезде // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 12. Прибавления. С. 723–725.
11. Кутепов П. Масляница у простого народа // Тульские епархиальные ведомости. 1876. № 5. Прибавления. С. 213–218.
12. Матвеев А. Православный русский пастырь и народные суеверия // Тульские епархиальные ведомости. 1908. № 4. Прибавления. С. 81–84.
13. Мерцалов М. Другое слово по тому же случаю // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 12. Прибавления. С. 717–722.
14. М-ов К. Из бесед с деревенскими начетчиками // Тульские епархиальные ведомости. 1871. № 12. Прибавления. С. 390–402; № 14. Прибавления. С. 58–67; № 17. Прибавления. С. 180–199.
15. М-ов К. Народный взгляд на болезни и способы их лечения // Тульские епархиальные ведомости. 1872. № 1. Прибавления. С. 8–17; № 2. Прибавления. С. 44–51; № 3. Прибавления. С. 85–96; № 8. Прибавления. С. 276–282; № 14. Прибавления. С. 45–52.
16. Н. З. О суевериях и предрассудках, вредных для нравственности народа // Тульские епархиальные ведомости. 1866. № 15. Прибавления. С. 81–91; № 16. Прибавления. С. 131–144; № 18. Прибавления. С. 221–230.
17. Панов Г. И. Суеверия и поверья в религиозно-нравственном отношении // Тульские епархиальные ведомости. 1864. № 14. Прибавления. С. 70–92; № 15. Прибавления. С. 120–129.
18. Пискарев И. Слово обличительное по случаю опахивания скота во время скотской чумы // Тульские епархиальные ведомости. 1863. № 12. Прибавления. С. 715–717.

19. Пятницкий Ар. Суеверия, поверья, приметы, заговоры, лечения и гадания // Тульские епархиальные ведомости. 1872. № 21. Прибавления. С. 262–269; № 22. Прибавления. С. 293–302; № 23. Прибавления. С. 326–336; 1873. № 2. Прибавления. С. 47–54; № 6. Прибавления. С. 223–229; № 7–8. Прибавления. С. 263–271.
20. Розов А. Н. О собирателях фольклорно-этнографических сведений (по материалам Оренбургских епархиальных ведомостей) // Традиционная культура. 2021. Т. 22, № 3. С. 136–148.
21. Розов А. Н. Фольклор и этнография на страницах журнала «Смоленские епархиальные ведомости» // Восточнославянская традиционная культура в научном наследии В. Н. Добровольского : Всерос. науч.-практ. конф. Смоленск: Свиток, 2011. С. 67–73.
22. Розов А. Н. Этнографические и фольклорные материалы на страницах журнала «Пензенские губернские ведомости». Неофиц. часть // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 33. С. 381–425.
23. Розов А. Н. Этнографические и фольклорные материалы на страницах журнала «Руководство для сельских пастырей» (1860–1917): аннотированный тематико-библиографический указатель // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 31. С. 334–400.
24. Русские фольклористы : биобиблиографический словарь XVIII–XIX вв. : в 5 т. / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [под ред. Т. Г. Ивановой]. СПб.: Дм. Буланин, 2016–2020.
25. Сельский священник. О спиритизме // Тульские епархиальные ведомости. 1865. № 16. Прибавления. С. 149–161; № 17. Прибавления. С. 181–195; № 18. Прибавления. С. 231–245; № 19. Прибавления. С. 265–273; № 20. Прибавления. С. 296–310; № 21. Прибавления. С. 332–342; № 22. Прибавления. С. 372–379; № 23. Прибавления. С. 414–429.
26. Сельский учитель Тр. Мнимая колдунья // Тульские епархиальные ведомости. 1873. № 15. Прибавления. С. 80–86.
27. Тихвинский Ф. Во время скотского падежа // Тульские епархиальные ведомости. 1877. № 17. Прибавления. С. 183–193; № 20. Прибавления. С. 308–317; № 23. Прибавления. С. 420–428; 1878. № 2. Прибавления. С. 52–60.
28. Тихвинский Ф. Заклятый дом // Тульские епархиальные ведомости. 1882. № 3. Прибавления. С. 86–98; № 4. Прибавления. С. 136–142; № 5. Прибавления. С. 162–170.
29. Тихвинский Ф. Мертвые кости // Тульские епархиальные ведомости. 1880. № 18. Прибавления. С. 149–155; № 19. Прибавления. С. 185–192; № 20. Прибавления. С. 233–241; № 21. Прибавления. С. 270–277.
30. Тихвинский Ф. Народные тревоги // Тульские епархиальные ведомости. 1881. № 13. Прибавления. С. 13–25; № 14. Прибавления. С. 63–69; № 16. Прибавления. С. 123–136; № 18. Прибавления. С. 181–189.
31. Тихвинский Ф. Ночь на Ивана Купалы // Тульские епархиальные ведомости. 1879. № 20. Прибавления. С. 191–206; № 22. Прибавления. С. 281–292; № 23. Прибавления. С. 320–325; № 24. Прибавления. С. 343–348.
32. Тихвинский Ф. Очерки из жизни простонародья // Тульские епархиальные ведомости. Приложение. 1883. С. 1–48; 1884. С. 49–98.
33. Тихвинский Ф. Порченая // Тульские епархиальные ведомости. 1878. № 19. Прибавления. С. 198–205; № 21. Прибавления. С. 263–268; № 22. Прибавления. С. 288–292.
34. Тихвинский Ф. Спорынья // Тульские епархиальные ведомости. 1882. № 12. Прибавления. С. 363–374; № 13. Прибавления. С. 13–22; № 15. Прибавления. С. 83–91.
35. Федорова С. В. Фольклорно-этнографические материалы на страницах олонецких газет XIX – начала XX в // Живая старина. 2010. № 1. С. 6–9.
36. Яворский В. Лихорадки и их лечение народными средствами. Из этнографии Тульского края // Тульские епархиальные ведомости. 1906. № 22. Прибавления. С. 407–413.

References

1. AA 1863, ‘Zametki’ (Notes), *Tul'skiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 3, pp. 181–200. (In Russ.)

2. AA 1862, ‘Zametki i vypiski iz zhurnalov o narodnykh shkolakh’ (Notes and extracts from journals on public schools), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 1, pp. 49–53. (In Russ.)
3. AI 1872, ‘Sueveriya, pover'ya i primety’ (Superstitions, beliefs and omens), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 12, pp. 422–427. (In Russ.)
4. AP 1864, ‘Iz dnevnika prikhodskogo svyashchennika’ (From the diary of a parish priest), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 21, pp. 443–453. (In Russ.)
5. AP 1864, ‘Moya borba s narodnymi predrassudkami i nepokhvalnymi obychayami’ (My struggle against national prejudices and praiseworthy customs), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 23, pp. 522–535, no. 24, pp. 573–580. (In Russ.)
6. Bazhenov, I 1916, ‘Narodnoye poverye o visokosnom gode i prep. Kassiyane Rimlyanine’ (Folk belief about leap year and Reverend Roman Cassians), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 1/2, pp. 8–13. (In Russ.)
7. Blagoveshchenskiy, V 1881, ‘Russkiye narodnyye obychai, predaniya i poverya, zapisannyye v Tulskoy gubernii’ (Russian folk customs, traditions and beliefs recorded in the Tula province), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 1, pp. 12–21. (In Russ.)
8. Bolgova, ON 2010, ‘Folkloro-etnograficheskiye materialy na stranitsakh “Arkhangelskikh yeparkhialnykh vedomostey” (1885–1900)’ (Folklore and ethnographic materials on the pages of “The Arkhangelsk Diocese Bulletin” (1885–1900)), *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* (Vestnik of Pomor University. Series “Humanitarian and Social Sciences”), no. 3, pp. 61–65. (In Russ.)
9. Drozdov, N 1890, ‘Dlya chego pishutsya inogda knizhki (Nechto o “Koldunakh” g. Tikhvinskogo)’ (Why books are sometimes written (Something about the “Sorcerers” of Tikhvin-sky)), *Tserkovnyy vestnik* (Church Bulletin), no. 46, pp. 755–757. (In Russ.)
10. Ivanovskiy I 1863, ‘Ob opakhivanii – v Yefremovskom uyezde’ (About Plowing – in Efremov District), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 12, pp. 723–725. (In Russ.)
11. Kutepov, P 1876, ‘Maslyanitsa u prostago naroda’ (Maslenitsa among the common people), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 5, pp. 213–218. (In Russ.)
12. Matveyev, A 1908, ‘Pravoslavnyy russkiy pastyr i narodnyye suyeveriya’ (The Orthodox Russian pastor and folk superstitions), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 4, pp. 81–84. (In Russ.)
13. Mertsalov, M 1863, ‘Drugoye slovo po tomu zhe sluchayu’ (Another word for the same case), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 12, pp. 717–722. (In Russ.)
14. M-ov, K 1871, ‘Iz besed s derevenskimi nachetchikami’ (From conversations with village scribes), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 12, pp. 390–402; no. 14, pp. 58–67, no. 17, pp. 180–199. (In Russ.)
15. M-ov, K 1872, ‘Narodnyy vzglyad na bolezni i sposoby ikh lecheniya’ (The traditional view on diseases and their treatment), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 1, pp. 8–17, no. 2, pp. 44–51, no. 3, pp. 85–96, no. 8, 276–282, 14, pp. 45–52. (In Russ.)
16. NZ 1866, ‘O suyeveriyakh i predrassudkakh, vrednykh dlya nравственности народа’ (On superstitions and prejudices harmful to the morality of the people), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 15, pp. 81–91, no. 16, pp. 131–144, no. 18, pp. 221–230. (In Russ.)
17. Panov, GI 1864, ‘Suyeveriya i poverya v religiozno-nravstvennom otnoshenii’ (Superstitions and beliefs in religious and moral terms), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 14, pp. 70–92, no. 15, pp. 120–129. (In Russ.)
18. Piskarev, I 1863, ‘Slovo oblichitelnoye po sluchayu opakhivaniya skota vo vremya skotskoy chumy’ (The Condemnation word on the occasion of plowing of cattle during the plague of cattle), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 12, pp. 715–717 (In Russ.)
19. Pyatnitskiy, Ar 1872–1873, ‘Suyeveriya, poverya, primety, zagovory, lecheniya i gadaniya’ (Superstitions, beliefs and omens, conspiracies, cures and fortune-telling), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 21, pp. 262–269, no. 22, pp. 293–302, no. 23, pp. 326–336, no. 2, pp. 47–54, no. 6, pp. 223–229, no. 7–8, pp. 263–271. (In Russ.)

20. Rozov, AN 2021, ‘O sobiratelyakh folkloro-etnograficheskikh svedeniy (po materialam Orenburgskikh yeparkhial'nykh vedomostey)’ (On collectors of folklore and ethnographic information (based on the materials of the Orenburg Diocesan Gazette)), *Traditsionnaya kultura* (Traditional Culture), vol. 22, no. 3, pp. 136–148. (In Russ.)
21. Rozov, AN 2011, ‘Folklor i etnografiya na stranitsakh zhurnala Smolenskiye yeparkhialnyye vedomosti’ (Folklore and ethnography on the pages of the Smolenskiye Diocesan Gazette journal), *Vostochnoslavyanskaya traditsionnaya kultura v nauchnom nasledii V.N. Dobrovolskogo. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* (All-Russian Scientific and Practical Conference), Smolensk, pp. 67–73. (In Russ.)
22. Rozov, AN 2007, ‘Etnograficheskiye i folklornyye materialy na stranitsakh zhurnala Penzenskiye gubernskiye vedomosti. Neofits. Chast’’ (Ethnographic and folklore materials on the pages of the Penza Provincial Gazette magazine. Unofficial part), *Russkiy folklor. Materialy i issledovaniya* (Russian Folklore. Materials and Research), St. Petersburg, vol. 33, pp. 381–425. (In Russ.)
23. Rozov, AN 2001, ‘Etnograficheskiye i folklornyye materialy na stranitsakh zhurnala Rukovodstvo dlya selskikh pastyrey (1860–1917). Annotirovanny tematiko-bibliograficheskiy ukazatel’’ (Ethnographic and folklore materials on the pages of the journal Guide for rural pastors (1860–1917). An annotated thematic and bibliographic index), *Russkiy folklor. Materialy i issledovaniya* (Russian Folklore. Materials and Research), St. Petersburg, vol. 31, pp. 334–400. (In Russ.)
24. Ivanova, TG (ed.) 2016–2020, *Russkiye folkloristy: biobibliograficheskiy slovar XVIII–XIX vv.: v 5 tomakh* (Russian folklorists. A biobibliographical dictionary of the 18th–19th centuries. In 5 volumes), Dmitriy Bulanin publ, St. Petersburg. (In Russ.)
25. ‘Selskiy svyashchennik. O spiritizme’ (Village priest. About spiritism)1865, *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 16, pp. 149–161, no. 17, pp. 181–195, no. 18, pp. 231–245, no. 19, pp. 265–273, no. 20, pp. 296–310, no. 21, pp. 332–342, no. 22, pp. 372–379, no. 23, pp. 414–429. (In Russ.)
26. ‘Selskiy uchitel Tr. Mnimaya koldunya’ (The Village Teacher, Tr. The imaginary Witch) 1873, *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 15, add., pp. 80–86. (In Russ.)
27. Tikhvinskiy, F 1877–1878, ‘Vo vremya skotskogo padezha’ (During the cattle plague), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 17, add., pp. 183–193, no. 20, pp. 308–317, no. 23, pp. 420–428, no. 2, pp. 52–60. (In Russ.)
28. Tikhvinskiy, F 1882, ‘Zaklyatyy dom’ (The Accursed House), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 3, pp. 86–98, no. 4, pp. 136–142, no. 5, pp. 162–170. (In Russ.)
29. Tikhvinskiy, F 1880, ‘Mertvyye kosti’ (Dead bones), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 18, pp. 149–155, no. 19, pp. 185–192, no. 20, pp. 233–241, no. 21, pp. 270–277. (In Russ.)
30. Tikhvinskiy, F 1881, ‘Narodnyye trevogi’ (National worries), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 13, pp. 13–25, no. 14, pp. 63–69, no. 16, pp. 123–136, no. 18, pp. 181–189. (In Russ.)
31. Tikhvinskiy, F 1879, ‘Noch na Ivana Kupaly’ (Midsummer Night), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 20, pp. 191–206, no. 22, pp. 281–292, no. 23, pp. 320–325, no. 24, pp. 343–348. (In Russ.)
32. Tikhvinskiy, F 1883–1884, ‘Ocherki iz zhizni prostonaroda’ (Essays from the life of the common people), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti. Prilozheniye* (Tula Diocesan Gazette. Supplement), pp. 1–48, pp. 49–98. (In Russ.)
33. Tikhvinskiy, F 1878, ‘Porchenaya’ (Damaged), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 19, pp. 198–205, no. 21, pp. 263–268, no. 22, pp. 288–292. (In Russ.)
34. Tikhvinskiy, F 1882, ‘Sporynya’ (Ergot), *Tulskiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 12, pp. 363–374, no. 13, pp. 13–22, no. 15, pp. 83–91. (In Russ.)
35. Fedorova, SV 2010, ‘Folkloro-etnograficheskiye materialy na stranitsakh olonetskikh gazet XIX – nachala XX v’’ (Folklore and ethnographic materials on the pages of Olonets newspapers of the 19th-early 20th centuries), *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 6–9. (In Russ.)

36. Yavorskiy, V 1906, ‘Likhорадки и их лечение народными средствами. Из этнографии Тульского края’ (Fevers and their treatment with folk remedies. From the ethnography of the Tula region), *Tul'skiye eparkhialnyye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 22, pp. 407–413. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.11.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 26.11.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025

Научная статья

УДК 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-146-157>

РУТУЛЬСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ТРАДИЦИИ В ИНОЭТНИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ

**Елена Петровна
Мартынова¹**

**Айнур Анверовна
Джафарова²**

¹ Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Москва, Россия

^{1, 2} Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия

¹ ep_martynova@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

² ainura.dzhafarova.02@mail.ru

Аннотация. В фокусе внимания авторов – рутульская диаспора, сформировавшаяся в Тульской области на рубеже ХХ–XXI вв. из мигрантов, переселившихся из Дагестана и Северного Азербайджана. Статья написана на основе полевых материалов, собранных преимущественно в дер. Медвежка Чернского района одним из авторов. При сборе информации применялись традиционные методы: наблюдение и опрос с применением элементов автоэтнографии. Авторы исследовали вопросы социальной и этнокультурной адаптации рутульцев в регионе: чем руководствовались переселенцы, выбирая новое место жительства; изменилась ли структура их социальных связей; какие традиции воспроизводятся и сохраняются, а какие утрачиваются на новом месте жительства? Выявлено, что ключевым фактором, влиявшим на переселения рутульцев в Тульскую область, было наличие родственников, знакомых, имевших работу и жилье. Малочисленная группа кавказских переселенцев, успешно освоив многие компоненты урбанизированной российской культуры, не стремится полностью отказываться от собственного языка и культуры, сохраняет самобытные ценности. На новом месте жительства значительно изменилась материальная составляющая рутульской культуры и повседневный быт. В наибольшей степени это относится к жилищу и одежде. Большую устойчивость проявила культура питания, особенно празднично-обрядовая пища и пищевые табу, играющие роль этнического маркера. Функционирование рутульских семейных обрядов, приверженность исламу поддерживают в диаспоре традиционные ценности, сплачивают, помогают сохранять этническую идентичность, не позволяют раствориться в иноэтнической среде. Институты брака и семьи также являются существенными факторами сохранения этнической самобытности рутульцев. Приведенные в статье материалы подчеркивают важность дарообмена в культуре рутульцев, что способствует поддержанию связей между родственниками, друзьями и земляками.

Ключевые слова: рутульцы, мигранты, иноэтническая среда, Тульская область, этнокультурная самобытность, этнические маркеры.

Для цитирования: Мартынова Е. П., Джадарова А. А. Рутульские переселенцы в Тульской области: культурно-бытовые традиции в иноэтническом окружении // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 146–157. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-146-157>

Сведения об авторах: Е. П. Мартынова – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125; ведущий научный сотрудник распределенного научного Центра межнациональных и религиозных проблем, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А;

А. А. Джадарова – студент факультета истории и права, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-146-157>

RUTULIAN MIGRANTS IN THE TULA REGION: CULTURAL AND EVERYDAY TRADITIONS IN A NON-ETHNIC ENVIRONMENT

Elena P. Martynova ¹

Ainur A. Jafarova ²

¹ Institute of Ethnology and Anthropology
named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS
Moscow, Russia
^{1, 2} Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia
¹ ep_martynova@mail.ru
¹ <https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>
² ainura.dzhafarova.02@mail.ru

Abstract. The authors focus on the Rutulian diaspora, which was formed in the Tula region at the turn of the 20th–21st centuries by migrants from Dagestan and Northern Azerbaijan. The basis for the article is field materials collected by one of the authors mainly in the village Medvezhka, Chernsky district using the following traditional methods: observation and questioning using elements of autoethnography. The authors investigate the issues of social and ethnocultural adaptation of Rutulians in the region: the motives of migrants when choosing a new place of residence; the structure of their social ties; traditions preserved and reproduced in the new place of residence; lost traditions. The study reveals that the key factor influencing the resettlement of Rutulians to the Tula region was the presence of relatives, acquaintances who had jobs and housing. A small group of Caucasian migrants, having successfully mastered many components of the urbanized Russian culture, does not seek to completely abandon their own language and culture, and preserves their original values. In the new place of residence, the material component of Rutul culture and everyday life have changed significantly. This is especially true for housing and clothing. Food culture has shown great resilience, especially festive and ceremonial food and food taboos, which play the role of an ethnic marker. The functioning of Rutulian family rituals and adherence to Islam supports traditional values in the Diaspora, unites them, helps preserve ethnic identity, and prevents them from dissolving into a non-ethnic environment. The institutions of marriage and family are also essential factors in preserving the ethnic identity of Rutulians. The materials presented in the article emphasize the importance of gift exchange in the culture of Rutulians, which contributes to maintaining ties between relatives, friends and fellow countrymen.

Keywords: Rutulians, migrants, non-ethnic environment, Tula region, ethnocultural identity, ethnic markers.

For citation: Martynova, EP & Jafarova, AA 2025, 'Rutulian Migrants in the Tula Region: Cultural and Everyday Traditions in a Non-Ethnic Environment', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 146–157, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-146-157> (in Russ.)

Information about the Authors: Elena P. Martynova – Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia; Senior Researcher of the Distributed Scientific Center for Interethnic and Religious Problems, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS, 32A, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russia.

Ainur A. Jafarova – Student of the Department of History and Law, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Тульская область, как и многие другие регионы Центральной России, до начала 1990-х гг. населялась преимущественно русскими, их доля в этнической структуре населения превышала 95 %. В годы перестройки и постсоветский период в регионе начала увеличиваться доля представителей нерусского населения. Самый массовый приток пришелся на трудные 1990-е гг., когда в область в основном приезжали выходцы с Кавказа. Этнический и конфессиональный состав жителей Тульской области стал разнообразнее за счет армян, грузин, азербайджанцев, народов Дагестана (лезгин, аварцев, даргинцев и др.). В связи с этим интерес вызывают вопросы социальной и этнокультурной адаптации переселенцев в регионе. Чем руководствуются переселенцы, выбирая новое место жительства? Меняются ли структура социальных связей мигрантов? Какие традиции воспроизводятся и сохраняются, а какие утрачиваются на новом месте жительства?

Нужно иметь в виду, что Тульская область – не единственный регион России, принимающий мигрантов на постоянное место жительство. Характерным явлением постсоветского времени стало широкое дисперсное расселение иммигрантов как в городах, так и в селах. Переселения с Северного Кавказа и Закавказья носили неорганизованный характер, причинами послужили распад СССР, межнациональные конфликты, социально-экономический кризис. Люди ехали в разные регионы России в поисках работы, ради более высокого заработка и улучшения уровня жизни. Самый массовый миграционный приток пришелся на трансграничные регионы: Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую область, а также Москву и Санкт-Петербург. Там сформировались довольно многочисленные этнические диаспоры выходцев с Кавказа, которые стали предметом научных исследований со стороны представителей разных наук: социологов, политологов, этнологов, историков. Появилось много публикаций об адаптации и интеграции кавказских диаспор в России, а также об их этнокультурных особенностях [2; 3; 7; 8; 12; 13; 14; 16; 17]. В центре внимания специалистов оказались армянская, азербайджанская и грузинская диаспоры как наиболее многочисленные.

В фокусе нашего исследования находятся рутульцы (рутулы) – один из малочисленных народов республики Дагестан, численность которых по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. составляла 34 тыс. чел.¹ Их язык относится к лезгинской группе северокавказской языковой семьи. Традиционный ареал расселения включал юго-запад Дагестана и Северный Азербайджан. Точная численность рутульцев в Азербайджане неизвестна, оценочно определяется на начало XXI в. в 17 000 чел. [1, с. 8]. Многие рутулы были двуязычны, говорили на родном (рутульском) и азербайджанском языках [15, с. 128]. Этнографических описаний рутульцев Дагестана не так много [5; 6; 9; 10], а азербайджанских – и того меньше [1].

Первые рутульцы приехали в Тульскую область в конце 1980-х гг., самый большой миграционный прилив пришелся на 1990–2000-е гг., затем он продолжался более медленными темпами. Динамику численности рутульцев в регионе отражают данные Всероссийских переписей населения: 1989 г. – 54 чел., 2002 г. – 150 чел. 2010 г. – 345 чел., 2020 г. – 378 чел.² В Тульской области рутульцы поселились в разных районах, наиболее крупные диаспоры образовались в Чернском районе и Туле: 120 и 80 чел. соответственно по данным переписи 2010 г. [11, с. 21, 34]. Более половины переселившихся рутульцев эмигрировали из Азербайджана. Некоторые наши информанты говорили, что в ходе переписной компании 2020 г. записывались как азербайджанцы, поскольку переехали в область из этой страны.

Основным источником для написания статьи послужили полевые материалы, собранные преимущественно в дер. Медвежка Чернского района Тульской области А. А. Джрафовой. Было опрошено 40 человек из разных возрастных групп. При

сборе информации применялись традиционные методы: наблюдение и опрос. Поскольку А. А. Джадарова является рутулькой по национальности, можно говорить о применении элементов автоэтнографии, в силу чего определенный акцент был сделан на субъективном опыте исследователя.

Кейс дер. Медвежка: переселение и социальные связи

В настоящее время (2025 г.) в дер. Медвежка Чернского района Тульской области проживает около 30 рутульских семей. Кроме них, здесь живут русские, составляющие более половины населения, и одна семья чеченцев. Среди русского населения преобладают люди среднего возраста, много пенсионеров, дети которых уехали из деревни. В рутульских семьях много детей, хотя молодежь после окончания школы также стремится уехать на учебу в Тулу, реже – в Орёл.

По словам информантов, более двух третей рутульских семей переехали в дер. Медвежка из Шекинского и Кахского районов Азербайджана – селений Шор-су, Даш-юз, Гёйбулах. Остальные раньше проживали в Дагестане и других регионах РФ (Оренбургская, Рязанская, Калужская области). Переезд начался на рубеже 1980–1990-х гг., пик пришелся на начало 2000-х, затем существенно замедлился, хотя не прекратился до настоящего времени.

В ходе опроса мы задавали вопрос о причинах переезда в Тульскую область. Более половины отметили, что главным фактором были социально-экономические проблемы на прежнем месте жительства: безработица, низкая заработка плата, плохие условия жизни. Другой весомой причиной переезда из Азербайджана был конфликт в Нагорном Карабахе, вызвавший большую волну миграций. Рутульцы опасались, что его эскалация усугубит и без того тяжелое экономическое положение. Многие респонденты упоминали распад СССР как фактор, поставивший проблему «разделенного народа», т. к. рутульцы оказались в разных государствах.

Когда с информантами заходил разговор о выборе для переезда Тульской области, они указывали на ее расположение в центре России, недалеко от Москвы. Многие добавили к этому, что приняли решение о переезде по совету родственников, которые уехали раньше. Типичные ответы: «Мой брат позвал меня в Тулу, сказал, что есть работа и возможности. В нашей деревне было тяжело найти работу»; «Здесь уже жили мои родственники, поэтому не было такого, что поехали в никуда». Некоторые респонденты говорили, что, еще проживая в Азербайджане, они по несколько раз приезжали в Тульскую область в гости или на заработки. Когда поняли, что тут живут лучше, решились на окончательный переезд. Многие наши собеседники отметили, что в обустройстве на новом месте их поддерживали родственники и знакомые, оказывая помощь в трудоустройстве, поиске или строительстве жилья, а также в оформлении документов. Ответы информантов свидетельствуют о том, что люди не ехали «в неизвестность». Ключевым фактором, повлиявшим на относительно массовое переселение в Тульскую область (и конкретно в Медвежку), было проживание там родственников, знакомых, односельчан, имевших работу и жилье. Земляческие, дружеские и родственные связи повлияли на расселение рутульцев в Медвежке: они построили дома рядом друг с другом. Это обстоятельство ускорило психологическую адаптацию на новом месте, снизив социальные издержки и риски, связанные с переселением. Пример Медвежки подтверждает наблюдение исследователей закавказских мигрантов в Мордовии, что «люди направляются не только туда, где существуют относительно благоприятные условия для трудоустройства или решения жилищной проблемы, но и где уже поселились соотечественники» [13, с. 93].

Большинство рутульцев в Медвежке – люди среднего и молодого возраста, переехавшие с семьями, не имеют высшего образования. На прежнем месте жительства, в Азербайджане, около 40 % опрошенных мужчин работали в строительстве, треть были безработными, около 10 % занимались сельским хозяйством, остальные

были разнорабочими. Большая часть женщин были домохозяйками и занимались ведением подсобного хозяйства. Работающие женщины были трудоустроены на сельхозпредприятиях по выращиванию и сбору винограда, яблок, табака, ухаживали за лошадьми и коровами. Основные качественные показатели рутулов в Тульской области (половозрастной состав, образовательный уровень, семейный статус) коррелируют с общероссийскими данными о миграционном притоке из Закавказья. После переезда в Медвежку многие рутульцы не изменили сферу деятельности: почти половина респондентов отметили, что продолжают работу в строительной сфере. Те, кто получил образование, начали работать в торговле, образовании, медицине, на транспорте, в органах внутренних дел.

Рутульцы Тульской области разговаривают на борчинском диалекте рутульского языка. В ходе опроса почти все сказали, что в кругу семьи и родственников общаются на родном языке, обучают ему детей и считают это необходимым. Помимо рутульского, в повседневной речи используется азербайджанский и русский языки. Азербайджанским языком владеют люди старше 40 лет. Нередко в разговорной речи они смешивают его с рутульским. В школе рутульские дети разговаривают на русском языке, но могут использовать и родной, чтобы передать какую-то личную информацию. Заметно, что старшие владеют русским хуже молодежи. Приходилось наблюдать, как представители старшего поколения ругают молодых за разговор не на родном языке, за то, что вставляют в речь русские слова.

В 2024 г. по инициативе общественной организации Тульской области «Конгресс кавказо-албанских народов» (руководитель Р. Максимов) были изданы учебники по рутульскому языку (борчинский диалект) для 1–4-х классов. Презентация проходила в августе в Дагестане в с. Новый Борчз. Публикация учебных пособий вызвала одобрение со стороны всех рутульцев. У некоторых азбука на рутульском (*алифба*) стала настольной книгой, что свидетельствует о заинтересованности в сохранении языка среди молодежи. Наши информанты отмечали, что родной язык выступает средством связи между поколениями, способствует сплоченности, позволяет сохранить самобытность и уникальность народа.

Рутульцы часто отмечают большую роль родственных связей в системе традиционных ценностей. Принадлежность к роду (*нясель*) играет важную роль в социальной идентификации. Встречая незнакомого человека, прежде всего, интересуются, чей он родственник: "*Xу алды нясильдикла идя/ридя?*" / «Ты к какому роду относишься?». Родовое имя может совпадать с фамилией, иногда ее немного видоизменяют, добавляя или убирая суффиксы, окончания. Обычно название роду дают представители других групп по различным признакам: роду деятельности, случившейся забавной ситуации или героическому поступку, характеру и темпераменту представителей рода. По традиции большим авторитетом в кругу сородичей пользуются семьи со старицами, их часто навещают, обязательно приглашают на все праздничные и похоронные обряды. Если какая-то семья раздает милостыню (*саадака*), то семья с пожилыми членами получает ее в первую очередь.

Рутульцы всячески поддерживают сородичей, приходят на помощь, если одна из семей испытывает финансовые трудности, помогают строить дом, а также в организации свадьбы, похорон и т.п. В Медвежке сохраняется традиция обеспечения родственников мясом. Обычно эта функция возлагается на одну из семей рода. Старший мужчина из этой семьи собирает информацию о желающих приобрести продукт, покупает животное или приобретает теленка для выращивания. Такое животное забивают по нормам ислама, затем делят мясо среди заказчиков.

Кейс дер. Медвежка: рутульские традиции

Рутульские переселенцы в Медвежке живут в частных домах, не имеющих этнического колорита. Их либо купили, либо построили заново. Информанты говори-

ли, что первое время приходилось жить в старом доме на купленном участке, пока строили новое жилье по своему вкусу. Отмечали также приверженность традиции строить большие многокомнатные дома, чтобы в них могла разместиться гости, которые довольно часто приезжают по случаю свадеб, юбилеев или еще каких-либо значимых событий.

Отметим, что традиционный рутульский костюм исчез из повседневного бытования еще на прежних местах жительства – в Азербайджане и Дагестане, существенно трансформировавшись в сторону общеевропейских форм. Рутульцы в Медвежке носят общепринятую одежду. Только представители старшего поколения, чаще всего пожилые женщины, сохраняют некоторые традиционные установки и этические нормы в отношении одежды, в частности носят головные платки. В платках также ходят помолвленные и недавно вышедшие замуж девушки, что считается проявлением уважения к старшим родственникам, а также служит символом изменения семейного положения.

Будучи мусульманами, рутульцы следуют предписаниям ислама в отношении одежды. Считается недопустимым обнажать какие-либо части тела, мужчины не носят шорты, обтягивающие джинсы, а женщины не надевают короткие юбки, майки. При разговоре об одежде информанты говорили о том, что считается «неприличным», «некрасивым» и наоборот – «правильным», исходя из традиционных эстетических и этических установок. Так, положительно оценивается обладание и ношение рутулками большого количества украшений: браслетов, цепочек, кулонов, кольца, которые обычно дарятся стороной мужа на свадьбу. По числу драгоценных украшений судят об обеспеченности семьи.

Пищевые привычки рутульцев оказались более устойчивыми и сохраняются на новом месте жительства. Основной пищей рутульцев, как и других народов Дагестана, были мясные и молочные продукты, а также мучные изделия. Информанты говорили, что сохраняют принципы питания после переселения в Тульскую область, поскольку есть возможность покупать или выращивать всё необходимое для приготовления блюд. Традиционная кухня в значительной степени поддерживается и за счет обычая гостеприимства. Рутульцы часто ходят в гости, навещают или приглашают к себе старшую родню. Во время таких визитов на столе обязательно должны быть традиционные блюда. Рецепты рутульской кухни передаются из поколения в поколение. Считается, что со временем замужество девушки должны уметь готовить рутульские блюда. Поскольку большинство браков являются эндогамными, проникновение извне каких-то иных, а тем более экзотических блюд минимизировано. Отметим, что некоторые блюда рутульской кухни являются заимствованными, чаще всего от иных кавказских народов, однако они близки к пищевым предпочтениям рутульцев. Информанты высоко оценивают свою традиционную кухню, они считают свои блюда вкусными, питательными, сытными и не хотят отказываться от них.

Рутульцы как мусульмане не употребляют в пищу свинину и алкоголь. Считается, что мясо должно быть «халль», т.е. соответствовать религиозным канонам ислама. Для рутульцев в Тульской области характерно сохранение традиционных мясных и сладких блюд. В повседневном, а особенно в праздничном варианте кухня играет роль этнического маркера, сохраняя и манифестируя этническую идентичность рутульцев в инокультурном окружении.

Рутульцы Тульской области отмечают мусульманские суннитские праздники в соответствии с лунным календарем. Единственная в области мечеть расположена в Туле, которую посещают мусульмане из разных населенных пунктов. В мечети оказываются услуги по проведению религиозных обрядов имя наречения, бракосочетания, похорон и др. Рутульцы чаще всего посещают мечеть для совершения праздничных молитв во время праздников Курбан Байрам и Ураза Байрам. В священный

для мусульман месяц Рамадан большинство «держат Уразу» – постятся в дневное время суток.

Ежегодно весной рутульцы отмечают имеющий языческие корни праздник *Навруз-байрам*, который спралывается в день весеннего равноденствия и считается праздником наступления весны. У него есть рутульское название *Эр*. За несколько недель до праздника рутульцы проращивают семена пшеницы, а ближе к *Эр* пророщенную траву обвязывают красной лентой. В день праздника дети наряжаются, гуляют по деревне, стучатся в двери, закидывая в дом шапку, а сами прячутся. Хозяева наполняют шапку сладостями. Дети могут забрать шапку только после того, как хозяева закроют дверь, поскольку считается, что личность гостя должна оставаться неизвестной. Рутульцы верят, если человек, нашедший шапку под своей дверью, проигнорирует и не даст угощений, с ним произойдет беда. Вечером разжигают в деревне костер и по очереди прыгают через огонь для того, чтобы очиститься от болезней и грехов. Информанты говорили, что празднование Навруза наполнено весельем, приход весны связывается с радостью, изобилием.

В целом праздники, как считают рутульцы, способствуют укреплению веры, сближают рутульцев между собой, что они считают очень важным в иноэтничном окружении. В праздничные дни стремятся помочь друг другу, нуждающимся делают подарки, навещают пожилых людей, восстанавливают прерванные отношения с родственниками и соседями. Большинство информаторов отметили, что больше отмечают религиозные праздники, чем светские. Несколько человек особо сказали о празднике Курбан Байрам, поскольку он ориентирован на благотворительность, помочь нуждающимся и милосердие.

Самым главным семейным праздником рутульцы считают свадьбу, которую сопровождает цикл традиционных обрядов и обычаев. Браки между близкими родственниками в этнической группе запрещены. Рутульцы предпочитают выдавать дочерей за представителей своей национальности, считают браки с «чужими» ненадежными. Большинство браков заключается через сватовство. В роли сватов выступают старшие иуважаемые члены семьи, которые приносят подарки, среди них обязательно должен быть платок и конфеты. После получения согласия родственники жениха кладут на стол некоторую сумму денег. После этого девушка и парень считались помолвленными. Все вопросы, связанные с приданым, обсуждается во время сватовства.

В Медвежке принято играть две свадьбы: первая – со стороны невесты, а вторая – со стороны жениха (может проводиться через несколько дней или неделю). На свадьбе невесты присутствуют ее родственники и несколько человек из близких со стороны жениха, а на второй – наоборот, больше родственников жениха. Число гостей на свадьбе составляет 200–250 человек. Свадьбу могут играть в банкетном зале, в таком случае родители невесты или жениха организовывают транспорт для всех гостей. Часто свадьбы проводят во дворе дома, такая свадьба называется сельской традиционной. Когда свадьба проходит во дворе, односельчане помогают в организации торжества. В Медвежке на общие деньги для проведения свадеб приобрели шатры, столы и стулья, посуду. Всё это хранится у одного из жителей, а пользоваться могут все.

Гости, приходящие на свадьбу, дарят деньги. Их передают одному из мужчин, который сидит за специальным столом с чемоданом, тетрадью и ручкой. Гости по очереди отдают ему деньги и записывают свое имя, фамилию и сумму, которую положили в чемодан. Потом эта тетрадь хранится для того, чтобы, когда в будущем члены семьи пойдут на другую свадьбу, посмотреть, сколько денег подарили им, чтобы подарить такую же сумму или большую, но ни в коем случае не меньшую. После первой свадьбы невесту отвозят домой к родителям.

Спустя несколько дней проводится свадьба со стороны жениха. Он со своими родственниками приезжает за невестой. В этот день обязательным атрибутом ее одежды является красный пояс, украшенный камнями и узорами. Красный пояс символизирует чистоту и непорочность девушки. На голову она надевает красный платок, который должен скрывать лицо, что олицетворяет скромность. Когда молодые выходят из дома, то две сестры или подружки невесты держат в руках следующие вещи: одна несет зеркало, повернутое к молодым, а другая – горящую керосиновую лампу. Обычай означает, что невеста забирает из дома свой очаг, а зеркало необходимо для того, чтобы молодые видели только свой облик. Когда молодые садятся в машину, и автомобиль начинает движение, одна из родственниц обливает машину из ведра сладкой водой. Этот обычай символизирует пожелание молодым удачи в их будущей семейной жизни.

Рутульцы считают обязательным проведение обряда религиозного бракосочетания – *никах*. Его могут проводить за день до свадьбы со стороны жениха или в день свадьбы в соответствии с Шариатом, в пятницу или в субботу утром. Муллу могут пригласить домой или же молодые с двумя мужчинами-свидетелями отправляются в мечеть. После этого брак регистрируют в ЗАГСе. Затем молодожены едут домой к жениху, где их встречает мать жениха. Молодоженов забрасывают конфетами, а перед входом в дом невеста должна на счастье разбить тарелку каблуком. Мать жениха кормит молодых из своих рук домашним хлебом с медом, чтобы их жизнь и уста были сладкими. После этого обряда все отправляются на торжество. Под конец праздника жених и его два свидетеля, один из которых женатый, а другой нет, встают в ряд, присутствующие женщины накидывают на них шарфы или платки, а мужчины кладут в карман деньги.

На следующий день после свадьбы родственники жениха приходят в гости для того, чтобы выпить чай, налитый невестой. Гостей встречают накрытым столом с большим количеством сладостей, после того, как гости отпивают чай, они кладут в кружку деньги в качестве благодарности невесте, сумма может быть разной.

Как видно из приведенного описания, рутульцы придают большое значение ритуалам одаривания. В свадебных обменах подарками принимают участие не только родственники, но и односельчане, которых затем нужно будет обязательно отдать в соответствии с принципом реципрокности. Безусловно, свадебные дары способствуют укреплению отношений между стороной жениха и невесты. Через такие символические действия рутульцы поддерживают родственные и земляческие связи, что, безусловно, способствует социальной интеграции членов этнической группы, а также подчеркивает связь индивидов с системой социальных отношений и ценностей [4, с. 343].

После свадьбы одаривания продолжается при рождении детей. Каждый ребенок получает подарки, когда бабушка по материнской линии со своими родственниками и соседями относит новорожденному внуку подарки в виде игрушек, одежды, обуви. Часто вместо подарков приносят деньги родителям ребенка, чтобы они сами купили то, что нужно. Вместе с подарками гости приносят гостинцы: конфеты, пирожные, печенья, выпечку. Бабушка новорожденного по отцовской линии должна накормить гостей сладкой домашней халвой с лепешками. Семьи, у которых имеется финансовая возможность, в честь рождения ребенка приносят в дар барабашка и раздают милостыню (*саадака*) соседям, родственникам и всем нуждающимся. Сохраняется традиция дарения люльки, согласно которой родители мамы с близкими родственниками приходят в гости с большим количеством угощений и подарков для малыша: дарят коляску, люльку, манеж, одежду, игрушки, памперсы. Для гостей накрывают стол и после застолья показывают подарки присутствующим, они расцениваются как приданое малыша.

Похоронный обряд у рутульцев проходит по мусульманским религиозным канонам. Весть о смерти одного из членов этнической группы быстро разносится среди рутульцев, так как сообщать о смерти мусульманина людям, с которыми он был знаком, предписано Сунной. Организацией похорон занимаются близкие родственники, друзья и знакомые оказывают активную помощь. В тот же день, когда окружающие узнают печальную весть, все приезжают в дом к умершему. Мужчины выражают соболезнования мужчинам дома, а женщины – родственницам. Управляет похоронами, читает молитвы и Коран мулла, которого приглашают из мечети. Помощь мулле оказывает кто-то из старших родственников, который знаком с обрядом. Громко плакать и кричать запрещено исламом. Информанты говорили: «Женщины могут плакать, рыдать, но мужчины скорбят сдержаннее и плачут не на людях». В знак траура дома не включают телевизор, не слушают музыку, не обсуждают какие-либо другие вопросы. Близкие родственники и гости одеваются в одежду черного цвета, женщины обязательно покрывают голову черным платком. Близкие родственницы носят траур в течение года, траур по молодым или детям длится дольше.

Рутульцев в Тульской области хоронят на участках, выделенных Администрацией г. Тула для мусульман. На похоронах и поминках большую поддержку и помощь оказывают родственники и соседи. Поминание умершего устраивают на 3-й, 7-й, 40-й, 52-й день после смерти и через год. На поминках пришедших угощают поминальной пищей, вспоминают и оплакивают умершего, мулла или кто-то из старших читает молитвы.

Собранные нами материалы показывают, что на важные семейные события (свадьба, рождение ребенка, похороны) собираются родственники и близкие люди, приезжают даже из других регионов. Институты брака, семьи и родство считаются среди рутульцев важнейшими ценностями.

Заключение

Материалы, собранные нами в дер. Медвежка, показывают, что малочисленная группа кавказских переселенцев-рутульцев, успешно освоив многие компоненты урбанизированной российской культуры, не стремится полностью отказываться от собственного языка и культуры, сохраняет самобытные ценности. На новом месте жительства значительно изменилась материальная составляющая рутульской культуры и повседневный быт под влиянием иноэтнического окружения, проживания в иных природно-климатических условиях. В наибольшей степени это относится к таким элементам культуры, как жилище и одежда. Большую устойчивость проявила культура питания, особенно празднично-обрядовая пища и пищевые табу, играющие роль этнического маркера.

Функционирование рутульских семейных обрядов, приверженность исламу не только поддерживают в диаспоре традиционные ценности, но и сплачивают, помогают сохранять этническую идентичность, не позволяют раствориться в иноэтнической среде. Институты брака и семьи также являются существенными факторами сохранения этнической самобытности рутульцев. Приведенные в статье материалы подчеркивают важность дарообмена в культуре рутульцев. Дарение способствует поддержанию связей между родственниками и односельчанами, а также отражает ценности, существующие в этнической группе: уважение, щедрость, способность оказать помощь в различных ситуациях и поддержать друг друга. К тому же, дарообмен подчеркивает значимость жизненных этапов человека и способствует укреплению культурных традиций народа.

Примечания

1. Рутульцы: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Рутульцы>

2. Национальный состав населения Тульской области // РУВИКИ. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Население_Тульской_области.
3. Borchinskiy_djamaat // ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/wall-74700907_5072?ysclid=mj8m07s9oz353187242. Дата публикации: 06.03.2024; Бондарь О. Культурное наследие: дагестанские диаспоры России провели конференцию // Аргументы и факты Тула. 2025. 31 марта. URL: <https://tula.aif.ru/society/kulturnoe-nasledie-dagestanskie-diapsory-rossii-proveli-konferenciyu?ysclid=mj8mncwe5h850163243>.

Список источников и литературы

1. Алексеев М. Е., Казенин К. И., Сулейманов М. Дагестанские народы Азербайджана: политика, история, культура. М.: Европа, 2006. 113 с.
2. Арутюнян Ю. В. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // Социологические исследования. 2001. № 12. С. 5–22.
3. Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации. Формирование и управление (Северо-Кавказский регион). Ростов н/Д ; Пятигорск: СКАГС, 2002. 628 с.
4. Борисова О. А., Романова А. А. Ритуализация дарения как процесс социального конструирования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, вып. 3. С. 338–344.
5. Булатова А. Г. Рутульцы // Народы Дагестана / отв. ред. С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 416–434.
6. Ихилов М. М. Народности лезгинской группы: этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала: Дагестан. филиал АН СССР, 1967. 369 с.
7. Корякин К. В. Проблемы адаптации и интеграции армян-мигрантов в Краснодарском крае // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 62–72.
8. Кузнецов И. М. Особенности интеграции мигрантов из республик Северного Кавказа в локальных принимающих средах // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4. С. 51–63.
9. Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем // Кавказский этнографический сборник. Вып. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 115 с.
10. Мусаев Г. М. Рутулы (XIX – начало XX в.). Махачкала: Юпитер, 1997. 282 с.
11. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Тульской области / Федер. службы гос. статистики; Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Тул. обл. Тула, 2013. 317 с.
12. Никонова Л. И., Шевцова А. А. Мигранты из Закавказья в Мордовии: культура и языки в иноэтническом окружении // Этнодиалоги: альманах. 2010. № 2 (32). С. 148–162.
13. Никонова Л. И., Шевцова А. А. Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия / ред. В. А. Юрченков, Л. И. Никонова. Саранск: НИИ гуманитар. наук Республ. Мордовия, 2011. 224 с.
14. Савва М. В. Новые диаспоры Краснодарского края (права, интересы, динамика, интеграция и восприятие местным сообществом). Краснодар: КубГУ, 2006. 252 с.
15. Сергеева Г. А. Межэтнические связи народов Дагестана во второй половине XIX–XX в. (этноязыковые аспекты) // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1989. С. 89–136.
16. Титова Т. А. Этнические меньшинства в Татарстане: статус, идентичность, культура. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. 254 с.
17. Юнусов А. С. Азербайджанцы в России: смена имиджа и социальных ролей // Диаспоры. 2003. № 3. С. 293–315.

References

1. Alekseyev, ME, Kazenin, KI &Suleymanov, M 2006, *Dagestanskiye narody Azerbaydzhana: politika, istoriya, kultura* (Dagestani peoples of Azerbaijan: politics, history, culture), Yevropa publ, Moscow. (In Russ.)

2. Aruponyan, YV 2001, 'Armyane v Moskve (po rezultatam sravnitel'nogo issledovaniya)' (Armenians in Moscow (based on the results of a comparative study). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* (Sociological Studies) no. 12. pp. 5–22. (In Russ.)
3. Astvatsaturova, MA 2002, *Diaspora v Rossiyskoy Federatsii. Formirovaniye i upravleniye (Severo-Kavkazskiy region)* (Diasporas in the Russian Federation. Formation and management (North Caucasus region), Severo-Kavkazskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby publ, Rostov-on-Don. 628 p. (In Russ.)
4. Borisova, OA & Romanova, AA 2023, 'Ritualizatsiya dareniya kak protsess sotsialnogo konstruirovaniya' (Ritualization of gift-giving as a process of social construction), *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* (Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations.), vol. 7, no. 3, pp. 338–344. (In Russ.).
5. Bulatova, AG 2002, *Rutultsy, Narody Dagestana* (Rutulians, Peoples of Dagestan), ed. S. A. Arutyunov, A. I. Osmanov, G. A. Sergeyeva, Nauka publ. Moscow, pp. 416–434. (In Russ.)
6. Ikhilov, MM 1967, *Narodnosti lezginskoy gruppy: etnograficheskoye issledovaniye proshlogo i nastoyashchego lezgin, tabasarantsev, rutulov, tsakhurov, agulov* (Ethnic groups of the Lezgi group: an ethnographic study of the past and present of Lezgins, Tabassarans, Rutuls, Tsakhurs, Aguls), Dagestanskiy filial Akademii nauk SSSR publ, Makhachkala. (In Russ.)
7. Koryakin, KV 2006, 'Problemy adaptatsii i integratsii armenian-migrantov v Krasnodarskom kraye' (Problems of Adaptation and Integration of Armenian Migrants in the Krasnodar Region), *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1. pp. 62–72. (In Russ.)
8. Kuznetsov, IM 2018, 'Osobennosti integratsii migrantov iz respublik Severnogo Kavkaza v lokal'nykh prinimatel'stvennykh chikhsredakh' (Particularities of Integration of the Migrants of the North Caucasus Republics in Local Host Environments), *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* (Sociological Science and Social Practice), vol. 6, no. 4, pp. 51–63. (In Russ.)
9. Lavrov, LI 1962, 'Rutultsy v proshлом i nastoyashchem' (Rutulians in the past and present), *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* (Caucasian ethnographic collection), vol. 3, AS USSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
10. Musayev, GM 1997, *Rutuly (XIX – nachalo XX v.* (The Rutuls (19th – early 20th century), AOZT "Yupiter" publ, Makhachkala. (In Russ.)
11. *Natsionalnyy sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo naseleniya Tul'skoy oblasti. Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g* (National composition and language proficiency, citizenship of the population of the Tula region. Results of the All-Russian population Census of 2010) 2013, vol. 4, Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Tul'skoy oblasti publ, Tula. (In Russ.)
12. Nikanova, LI 2010, 'Migranti iz Zakavkaz'ya v Mordovii: kulturaiazyk v inoetnicheskomokruchenii' (Migrants from Transcaucasia in Mordovia: culture and language in a non-ethnic environment), *Etnodialogi*, no 2 (32), pp. 148–162. (In Russ.)
13. Nikanova, LI, Shevtsova, AA 2011, *Traditsionnaya kultura armenyan v polikulturalnom prostranstve Respubliki Mordoviya* (Traditional Armenian culture in the multicultural space of the Republic of Mordovia), ed. V A. Yurchenkova, L. I. Nikanova, NII gumanitar. nauk Respub. Mordoviya publ, Saransk. (In Russ.)
14. Savva, MV 2006, *Novyye diasporы Krasnodarskogo kraya (prava, interesy, dinamika, integratsiya i vospriyatiye mestnym soobshchestvom)* (New diasporas of the Krasnodar Territory (rights, interests, dynamics, integration and perception by the local community), KuBGU publ, Krasnodar. (In Russ.)
15. Sergeyeva, GA 1989, 'Mezhetnicheskiye svyazi narodov Dagestana vo vtoroy polovine XIX–XX v. (etnojazykovyye aspekty)', (Interethnic relations of the peoples of Dagestan in the second half of the 19th–20th centuries (ethno-linguistic aspects), *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* (Caucasian ethnographic collection), Izdatelstvo Akademii nauk SSSR publ, Moscow, pp. 89–136. (In Russ.)
16. Titova, TA 2007, *Etnicheskiye menshinstva v Tatarstane: status, identichnost, kultura* (Ethnic minorities in Tatarstan: status, identity, culture), Izdatelstvo Kazanskogo universiteta publ, Kazan. (In Russ.)

-
17. Yunusov, AS 2003, 'Azerbaydzhantsy v Rossii: smena imidzha i sotsialnykh roley' (Azerbaijanis in Russia: changing their image and social roles), *Diaspora* (Diasporas), Moscow, no 3. pp. 293–315. (In Russ.)

Вклад авторов:

Мартынова Е. П. – идея, обработка материала, интерпретация результатов, написание текста статьи.

Джафарова А. А. – сбор и обработка материала.

Contribution of the authors:

Elena P. Martynova – idea, processing of the material, interpretation of the results, writing of the text of the article.

Ainur A. Jafarova – collecting the material, processing the material.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025

Одобрена после рецензирования: 12.12.2025

Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 21.11.2025

Approved after reviewing: 12.12.2025

Accepted for publication: 12.12.2025

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 158–168.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 158–168.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-158-168>

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ <ПРОСТРАНСТВО – ОБЪЕКТ> В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

**Надежда Михайловна
Вишнякова**

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия, nadinvishnyakova@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0003-3408-0395>

Аннотация. Исследуются функции и специфика применения метафорической модели <пространство – объект> в современной русской поэзии. Материалом для анализа послужили опубликованные в литературных журналах поэтические произведения авторов, жизнь и / или творчество которых связаны с регионами Южного, Сибирского федеральных округов, новыми регионами России. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления способов метафорической презентации пространства посредством предметного и растительного кодов, что является значимым для понимания русской языковой картины мира и ее отражения в художественном тексте. В центре внимания находится перенос признаков двух конкретных сфер – места и потенциально локализуемого объекта. На основе исследовательской базы (324 иносказательные единицы, изъятые из контекстов современных русских поэтических произведений 2020–2025 гг.) выделены и охарактеризованы основные приемы для конструирования метафор по данной модели: артефактные (инструментализация, гастрономизация, текстилизация), натурфактные (вегетатизация) и гибридные (лапидаризация и металлизация). Установлено, что в процессе метафоризации часто происходит актуализация различных материальных признаков (форма, цвет, изменение состояния, функция), которые позволяют авторам выражать в том числе и непространственные идеи посредством культурных / ментальных кодов и субъективных ассоциаций, заложенных в таких конструкциях. Выявлено, что такого типа выражения создаются с целью достижения визуальной образности, акцентуации пространственно-временных изменений и усиления символического потенциала, оказания эмоционального воздействия на читателя и вовлечения его в активное соз创чество. Делается вывод об умеренной продуктивности модели и о ее роли в расширении интерпретационных возможностей художественного текста.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, метафора, пространственная метафора, метафорическая модель, артефактная метафора, натурфактная метафора.

Для цитирования: Вишнякова Н. М. Метафорическая модель <пространство – объект> в современном русском поэтическом тексте // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 158–168. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-158-168>

Сведения об авторе: Н. М. Вишнякова – аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, 400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, проспект Университетский, д. 100.

© Вишнякова Н. М., 2025

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-158-168>

THE <SPACE – OBJECT> METAPHORICAL MODEL IN MODERN RUSSIAN POETIC TEXTS

Volgograd State University

Nadezhda M. Vishnyakova

Volgograd, Russia, nadinvishnyakova@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0003-3408-0395>

Abstract. This study examines the functions and specific applications of the metaphorical model <space – object> in contemporary Russian poetry. The analysis was based on the poetic works published in literary journals by authors whose lives and/or works are associated with the regions of the Southern, Siberian Federal districts, and the new regions of Russia. The relevance of this work is determined by the need to identify methods for the metaphorical representation of space through object and plant-based codes, what is significant for understanding the Russian linguistic world picture and its reflection in the literary text. The focus is on the transfer of attributes between two specific domains – one of location and one of a potentially localizable object. Based on the research corpus (324 figurative units extracted from contexts in modern Russian poetic works of 2020–2025), the primary techniques for constructing metaphors according to this model have been identified and characterized: artifact-related (instrumentalization, gastronomization, textilization), nature-fact-related (vegetatization), and hybrid (lapidarization and metalization). The study establishes that the process of metaphorization often involves the actualization of various material attributes (form, color, change of state, function), which enable authors to express non-spatial ideas as well, through cultural/mental codes and subjective associations embedded in such constructions. It is revealed that such expressions are created to achieve visual imagery, accentuate spatio-temporal changes, and provide symbolic potential, have an emotional impact on the reader and involve him in active co-creation. The conclusion is drawn about the moderate productivity of this model and its role in expanding the interpretive possibilities of a literary text.

Keywords: russian linguistic picture of the world, metaphor, spatial metaphor, metaphorical model, artifact metaphor, nature-based metaphor.

For citation: Vishnyakova, NM 2025, 'The <Space – Object> Metaphorical Model in Modern Russian Poetic Texts', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 158–168, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-158-168> (in Russ.)

Information about the Author: Nadezhda M. Vishnyakova – Postgraduate Student of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, 100, Prosp. Universitetsky, Volgograd, 400062, Russia.

Введение

Когнитивно-дискурсивный анализ метафорической модели <пространство – объект> дает возможность выявить системные закономерности репрезентации онтологических концептов с помощью признаков материальных объектов.

Ряд исследователей на различном материале анализировали переносы признаков объектов действительности (вещей, растений, материалов и т. д.) на другие области (государственная система, человек, технологии). А. П. Чудинов в рамках разграничения по сферам – источникам такого типа выделяет фитоморфные и артефактные метафоры. Ученый сосредоточивается на концептах «дом» и «механизм», составляющих артефактные метафоры [14, с. 154], вне его исследовательского внимания остаются понятийные сферы «одежда», «инструменты», «компьютерная техника» и т. д. В нашем исследовании точкой отсчета для разграничения пространственных зон и объектов, а также отнесения их к той или иной категории принимается локализация человека. Так, по нашему мнению, дом будет иметь отношение не к артефактам, а к зонам, поскольку субъект имеет возможность находиться в пределах данного сооружения и передвигаться по нему. В свою очередь, А. Н. Баранов по сигнifikативным дескрипторам (= областям источников) выделяет метафорические модели механизма, флоры и объекта-предмета [3]. Л. В. Балашова отдельно рассматривает принципы метафорической номинации в рамках предметной лексики [2, с. 70–76].

Артефактные / предметные / вещественные метафоры, как правило, изучаются в контексте антропоморфных сближений (см., например: [6; 10; 13; и др.]). Наряду с этим могут затрагиваться вопросы сложности осмысления процесса конструирования выражений такого типа в рамках предметного пространства, когда происходит соединение метафоры и метонимии [8, с. 572; 16].

Материалом исследования послужили содержащие метафоры модели <пространство – объект> контексты, извлеченные из современных поэтических текстов авторов, местом рождения / проживания и публикации работ которых являются территории ЮФО, СФО или новых регионов РФ (журналы «День и ночь», «Отчий край», «Бийский вестник», «Южный маяк», «Сибирские огни», «Белая скала» «Азъ-Арт», «Вещь», «Российский колокол» и др.).

Цель работы – изучение функций и специфики применения метафорической модели <пространство – объект> в современной русской поэзии. Для ее реализации были решены следующие задачи: определить способы метафорической репрезентации пространства посредством предметного и растительного кодов; вычленить и описать основные приемы для конструирования метафор по анализируемой модели: артефактные (инструментализация, гастрономизация, текстилизация), натуралистичные (вегетатизация) и гибридные (лапидаризация и металлизация); установить мотивы, которыми руководствуются авторы при создании таких метафор; выявить потенциал модели в современной русской поэзии.

Исследование было проведено в соответствии с принципами когнитивной лингвистики. В работе применяются семантический и контекстуальный анализ языкового материала, а также моделирование метафорических преобразований для выявления механизмов взаимодействия концептуальных сфер «пространство» и «объект».

Новизна работы заключается в том, что рассматриваются две конкретные грамматически неодушевленные области цели и источника иносказательного выражения, в то время как предметный метафорический код, как правило, изучается в аспекте его переноса на абстрактные или антропоморфные понятийные сферы (например, корень зла, мировоззренческий стержень, шелковое сердце). В статье

предлагается системный взгляд на метафорическую модель <пространство – объект> с вычленением ее подвидов, функций и особенностей применения.

Результаты и обсуждение

В рамках нашего исследования представляется целесообразным деление метафор по области источника – объекту / предмету – на артефактные (гастрономия, текстиль, инструменты и приборы), натурфактные (растения и их части) и гибридные (лапидаризация и металлизация).

Процесс уподобления пространственных зон объектам в целом примечателен тем, что конкретный предмет, признаки которого накладываются на пространство, не всегда очевиден. Нередко присваиваемое свойство может характеризовать ряд из объектов. Например, в контексте *Небо набухает облаками* (Коломейцева А. Гроза на даче // Отчий край. 2021. № 4) воздушное уподобляется некоему предмету, способному увеличиваться в объеме, что, в свою очередь, служит созданию образа тяжести и наполненности водой. При этом с точки зрения сочетаемости с глаголом *набухать* могут вступать в синтаксические связи: наименования (или производные от них) природных объектов и органических веществ (почки деревьев, зерна, плоды), частей тела и биологических тканей (раны, вены, живот), пищевых продуктов и материалов (крупы, дрожжевое тесто, сухофрукты). Метафора же использует предельно обобщенное значение языковой единицы (увеличение в размере) с коннотацией близости к изменению ситуации и установкой автора на передачу преддождевого состояния природы.

Присваиваемые признаки неконкретизированных предметов действительности, как правило, подчеркивают пространственно-временные изменения: *Солнце оплавилось / и растворилось / в сонной воде...* (Колесникова Г. Д. *** // Бийский вестник. 2024. № 2) – важен не определенный металлический сплав, а отражение закатного солнца в движущейся воде; *Упавшее за сопку солнышко / Опять достану, без обмана* (Еремин Н. *** // День и ночь. 2023. № 2) – имеет значение не падение как таковое легкого / тяжелого предмета, а актуализация смены времени суток; *Под расколотым небом ужаса* (К. Денисенко «Оживай, возрождайся, вспыхивай» // Крылья. 2024. № 19) – нет акцента на твердом деформированном предмете, констатируется изменение в воздушной сфере с негативной коннотацией; и т. д. Как мы видим, пространство в таких метафорах выражено более явно, чем предмет, признак которого эксплуатируется автором для создания тропа.

Это связано с тем, что при неопределенной артефактизации автор оперирует не только визуально-параметрическим сходством, сколько акциональным – изменением пространства, выраженным глаголами, характеризующими действия или состояния,ственные предметам, при этом сами предметы не называются: *расколоть, набрякнуть, оплавиться, треснуть, раскиснуть* и т. д.

Посредством конструирования таких языковых сочетаний автор достигает одновременно нескольких целей:

- расширения интерпретационных возможностей (*земля набухла...* как тесто? как губка? как большое место на теле?);
- акцента на состоянии (важен сам факт изменения);
- обеспечения символического потенциала (неопределенность позволяет признаку стать универсальным знаком для описания абстрактных явлений наряду с пространственными).

Таким образом, в процессе метафоризации указанного типа предметные признаки присваиваются пространственными объектами точечно. Вместе с тем и без детализации этого достаточно для достижения образности.

Далее перейдем к характеристике конкретных случаев овеществления пространства.

Наиболее часто используемым приемом является **инструментализация**. Под этим термином в контексте нашего исследования подразумевается процесс метафорического преобразования пространственного объекта в инструмент, прибор и / или предмет быта.

Построение высказывания происходит, как правило, путем сравнения (связь выразителей областей источника и цели союзами *как, будто, словно*) или прямого отождествления пространственной цели и инструмента-источника. Так, для данного варианта метафорической модели характерно использование конкретных номинаций двух понятийных сфер, входящих в состав конструкции. Контекст может усиливать пространственно-предметное сходство, например: *Луна горела медленно, как круглая свеча* (Каftанов А. Ювелир // Южный маяк. 2022. № 6). Глагол горела здесь обеспечивает общность функции – освещение, наречие *медленно* – характера процесса, а эпитет *круглая* – визуально-параметрическую – по форме.

Областью источника при инструментализации может стать любой созданный руками человека для реализации определенных целей предмет, поэтому используется бытовая и техническая лексика. Несмотря на функциональную репрезентативность данных артефактов, авторы при инициации такого типа уподоблений чаще прибегают к актуализации сходства по форме и цвету. Так, планеты, солнце и луна нередко ассоциируются с круглыми предметами (*диск, монета, перстень, грош, медаль, пуговица, мандолина, юла, пятак* и др.), реки – с длинными (*плеть, сабля, нож* и др.). Активность таких тождеств объясняется тем, что они упрощают восприятие. Функциональное подобие так же конкретно, узнаемо и при этом разнообразно. Небесные тела нередко описываются в терминах приборов освещения с целью ориентационного приближения к человеку (*выключить солнце, солнечная люстра, солнце – прожектор, луна – ночник, звезды – свечи* и т. д.), водные объекты – как предметы с отражающими свойствами (*море – зеркало, зерцало залива, свинцовое зеркало пруда* и др.), жилища – как менее габаритные вместилища для актуализации тесноты помещения (*квартиры – короба; живу я, как в чемодане*), пространственные объекты любой из зон – как источник знаний (*степь – зеленая книга, ли-стать небосвод, моря синий фолиант*).

Не поддающиеся типизации индивидуально-авторские сближения выстраиваются путем комбинации образов, где сходство очевидно, но требует от реципиента дополнительных усилий – мысленного воссоздания и соединения двух сопоставляемых ситуаций в их полноте, например: *Смотришь, как на востоке спичечный луч рассвета / чиркает о сырье коробки крыши* (Амади. *** // Южный маяк. 2022. № 3). Метафора конструируется на сцеплении сразу трех моделей <жилище – спичечный коробок>, <солнечный луч – спичка>, <испарения – дым>. Между тем с точки зрения отношения высказывания к действительности происходит только констатация солнечного воздействия на крышу после дождя.

Анализ материала позволяет прийти к выводу, что наибольшим метафорическим потенциалом обладают инструменты и приборы, которые имеют яркие визуальные характеристики, обладают четкой функциональностью, связаны с повседневным опытом.

Область источника, представленная растениями или их частями, может называться исследователями фитоморфным или вегетативным кодом. В частности, О. М. Холомеенко и А. И. Туник, на материале современной художественной литературы изучая метафоры корней, ветвей, цветов и плодов, злаков и травы, приходят к выводу, что ассоциативные связи при создании таких конструкций у разных авторов сходны [12]. Кроме того, в некоторых случаях такие метафоры прямо классифицируются как флористические [4] или вегетативные [11, с. 338–346]. **Вегетатизацию** мы определяем как процесс метафорического переноса, при котором

пространственный объект (небесное тело, сооружение и т. д.) уподобляется растению или его части. Посредством этого возможно акцентирование конкретных свойств локации – динамики (*дома прорастают*), формы и цвета (*луна – долька апельсина, небо – голубика*), количества (*звезды – гроздь цветов*), функции (*солнце жглось, как лук*).

Конструирование метафор может происходить на основе прямого тождества или наделения пространства атрибутом или действием, присущим растительным организмам. Контекст нередко усиливает и дополняет сходства: *Вы не видели, как в грохоте взрыва / Небо лопается темным арбузом* (Артюхович Ю. *** // Отчий край. 2020. № 1); *Месяц в небе застыл, с края будто оплавлен, / Чем-то очень похож на гнилой апельсин* (Воробьева И. Свет далекой звезды // Белая скала. 2025. № 1 (30)).

Для выражений такого типа характерна эксплуатация глагольной лексики роста (*растут, вырастают, прорастают* и др.), атрибутивных терминов жизненного цикла (*спелый, перезревший, гнилой* и др.), прямых наименований растений и их частей (*цветок, поросль, колосок* и др.), в том числе плодов (*яблоки, груши* и др.). Особенно часто встречаются сравнения с фруктами и овощами, имеющими конкретные визуальные признаки формы и цвета, например: *луна – лимонная долька, солнце – инжир* и т. д.

Исключения составляют метафоры с неочевидными сопоставлениями: *Вот тебе тычин-трава, перекати-район* (Мамаенко А. Путь сказочника // Южный маяк. 2021. № 2) – административная единица, проявленная в динамике, как растение, маркирование изменений в пространстве; *По сомнительным кольцам проверь этот мир на спил* (Першина К. *** // Российский колокол. 2024. № 2) – продолжительность существования окружающего мира. В конструкции объединены как минимум три концептуальные сферы: дендрохронология (наука о датировании событий по годичным кольцам деревьев), онтология (фундаментальные принципы бытия) и верификация (процесс подтверждения подлинности данных). Такие случаи демонстрируют сочетаемостный потенциал языковых единиц, входящих в состав вегетативно-пространственных конструкций. Это говорит о гибкости способа метафоризации, при котором слова из разных понятийных сфер приобретают не свойственные им семы, что расширяет смысловые границы каждой из единиц.

Прагматические установки авторов, как правило, в той или иной степени включают поэтическую эстетизацию действительности / намерение создать эффектный образ, особенно в случаях, где целью высказывания является объект небесной сферы. Так, сближениями, например, *луна – распахнутый пион, мелиссоевые облака, спелая звезда*, достигается цель эмоционального воздействия благодаря нестандартному объединению вегетативного земного и пространственного космического языковых кодов.

Иногда путем объединения объектов земного и растительного миров автор выражает абстрактные идеи: мироздания – *Хоть проросло из ёрнышка-Земли...* (Раевский А. Дерево вечности // Бийский вестник. 2020. № 3); возрождения – *Пусть на белой земле распустится / Мир, который в боях померк* (Денисенко К. Мир, который в боях померк // Родная Кубань. 2024. № 4); запускания – *Стены домов деревенских / В горькую землю врастают* (Мамаева Л. *** // Южный маяк. 2021. № 4). Это обеспечивает связь природных процессов с глобальными вопросами о месте планеты во Вселенной, о ее будущем. Важную роль здесь играет и направление роста. В соответствии с архетипично-оценочной оппозицией «верх / низ» в нашем сознании конструируются представления о «хорошем / плохом».

Таким образом, мы можем заключить, что именно небесные тела по форме и цвету часто ассоциируются с плодами: *солнце – тыква, звезды – яблоки, луна –*

апельсин. Помимо этого, ввиду восприятия человеком звезд и планет как мелких элементов в большом пространстве они могут отождествляться с зерновыми и семенами: *звездное пшено, месяц – созревший колосок*. Одновременно с этим актуализируется связь микро- и макрокосма. В свою очередь, у цветов и деревьев нет метафорической привязки к конкретным пространственным объектам. Это объясняется тем, что у первых потенциал – в эстетике и хрупкости (*земля – цветок, грозы цветов из звезд, гамак чайной розы*), а у вторых – в претерпеваемых изменениях в соответствии со степенью устойчивости и противодействия внешним силам: *Как на ветру гулящий вяз, / Зашла сегодня вся Россия* (Максаев А. Старый окоп // Отчий край. 2020. № 1).

Метафоры, в которых к области источника относятся пищевые продукты или готовые блюда, обозначаются как вкусовые, гастрономические или пищевые. Особенно активно изучаются антропоморфные переносы такого типа. Так, А. С. Бойчук устанавливает тесную связь гастрономических номинаций в таких высказываниях с природой человека, культурой и искусством [5, с. 78]. О. В. Авраменко и Е. А. Юрина утверждают репрезентативность образов хлебобулочных изделий для описания внешнего вида человека, когнитивных и эмоциональных особенностей, отношения говорящего к объектам и явлениям [1, с. 12]. Кроме того, в 2015 году был издан «Словарь русской пищевой метафоры», в котором такие метафоры впервые получили комплексное лексикографическое описание [9], принципы и приемы последнего были представлены отдельно [15]. **Гастрономизация** представляет собой процесс метафорического переноса, при котором пространственные объекты приводятся к продуктам питания или готовым блюдам. Реализация такого способа трансматериализации становится возможной посредством визуально-параметрических или онтологических сходств: формы и цвета (*лунный блин, Марс – драже, солнце – каравай*), в том числе как результата временных изменений (*располневшая луна; надкушенная луна*), текстуры (*каша бездорожья, облако – сахарная вата*).

Наиболее часто используемая гастрономическая лексика в качестве области источника – наименования хлебобулочных изделий (*сдоба, рогалик, каравай, блин*) или их частей (*краюха хлеба, мякиши, ломтик*), поскольку стоящие за ними объекты обладают универсальной формой (круг, полукруг, сфера), что делает их удобными для использования в качестве области источника для метафор небесных тел. Кроме того, в материале репрезентативны термины сладостей (*драже, карамель, вата*), поскольку у этих продуктов узнаваемые визуальные и тактильные характеристики.

Уникальные пространственно-пищевые метафоры построены на вкусовых ассоциациях, например: *соленое солнце, соленая Москва, несъедобное пюре неба, несладкая русская вата*.

Помимо акцентуации формы, цвета и состояния пространства, авторские установки могут быть связанными с намерением как создания визуального контраста взаимно расположенных пространственных объектов в терминах готовых блюд или продуктов: *Рыбные кости берез болтаются / В прозрачном бульоне неба* (Абатурова О. Апельсины // Вещь. 2023. № 28), так и подчеркивания гармонии: *И течет по звездной каше / Золотое молоко* (Федорищева Ю. Чудо // Сибирский Парнас. 2025. № 1); *В них как мед облака* (Заславская Е. *** // Крылья. 2024. № 19).

Текстилизация дефинируется нами как отождествление пространственного объекта (например, неба, дороги, моря) с предметами текстиля, одежды или материалами. Как правило, происходит иллюзия тактильной рецепции образов, становящихся более близкими для читателя. Отдельные исследования таких конструкций малочисленны. Р. Д. Керимов включает текстильные концептуальные метафоры в

более широкий круг артефактных [7, с. 97], в рамках последних они, как правило, и изучаются.

Процесс метафоризации обеспечивается поиском общих признаков между тканью и пространственным объектом. Например, небо нередко отождествляется с покрывалом, а листва / трава – с ковром в том числе из-за ориентации (небо и покрывало опционально расположены над человеком, а листва и трава – под ногами человека). Частотны визуально-параметрические уподобления (облака – вата, облака шелк, парча рощи и т. д.), онтологические (распорот небосвод, клочья облаков, помятый небосклон, неба порванная ткань и т. д.). Редки случаи акциональных сближений: ...И зайд-вест, трепеща, / **распускает морскую пряжу** (Ратников Д. *** // Дон. 2020. № 4–6); **Ветхую крышу прошила** насквозь / жгучим дремучим побегом крапива... (Коврижных В. Старая кузница // Алтай. 2020. № 2)

В качестве области источника авторами используется субстантивная лексика ткани (*шелк, бархат, парча*), предметов одежды (*рубаха, шарф, вуаль, юбка*) и глагольная, эксплицирующая действия, характерные для работы с материалом (*пропшивать, распарывать, расстилать*).

Такие тождества могут включать сакральную или ритуальную нагрузку, когда наделенный конкретной функцией предмет одежды приравнивается к пространству. Так, в примере *И море было – как Божья риза* (Мережковская-Лоза С. Сегодня море... // Белая скала. 2024. № 26) не только утверждается блеск моря, но и маркируется его символическое восприятие. В то же время в метафорах – Ты выбирайша **гроб на вырост**, / А я хочу купить кимчи (Третьякова А. Ты мне звонишь // Российский колокол. 2022. № 3–4); заказывать **гроб на вырост** (Мамаенко А. Выбор // Южный маяк. 2021. № 2) – ироническая связь между одеждой для живого человека и вместилищем для умершего строится на идее будущего использования.

Другой необычный пример, в котором соседствуют созидательные и разрушаительные элементы, – *Окоп снарядами прошит* (Мурзина Н. *** // Российский колокол. 2023. № 3–4) – демонстрирует введение глагольной лексики соединения в военный контекст, в котором происходит языковая игра на контрасте конструктивной работы над созданием целостного изделия и деструктивной силы снарядов, что построено и на визуально-параметрическом сходстве отверстий от иглы и от снаряда.

Немногочисленную группу составляют уподобления пространства камню или металлу. Это становится возможным посредством приемов **лапидаризации** и **металлизации**, что в контексте нашего исследования означает процесс метафорического переноса, при котором топос (например, небо, море, город) ассоциируется с природным камнем, минералом, кристаллом, металлом. Для таких конструкций характерно использование субстантивной лексики, обозначающей драгоценные и полудрагоценные камни (*бриллиант, малахит, лазурит, янтарь, жемчуг, гранит, мрамор, слюда*), металлы и сплавы (*сталь, серебро, золото*). Широко используются глаголы и прилагательные, описывающие свойства материалов (*серебриться, блестеть, каленый*). Как правило, это служит целям поэтической эстетизации и сакрализации пространства. При этом в метафорах могут акцентироваться его состояния, например: время суток (*под вечер море – темный лазурит, небосвод жемчугом засияет, с восходом светлеет небесная сталь*), цикличность (*солнце – камень Сизифа*), ценность (*бриллиант России, черное золото*).

Заключение

В рамках статьи был рассмотрен механизм метафоризации по модели <пространство – объект>, благодаря чему получены следующие выводы. 1. Артефактные метафоры такого типа создаются посредством инструментализации, текстуализации и гастрономизации, натуралистичные – вегетатизации, гибридные – лапидаризации и

металлизации (поскольку это может быть уподобление природному или же обработанному человеком камню или металлу). Они обладают характерным набором языковых средств (лексика, связанная с предметами быта, тканями, едой, камнями, растениями и т. д.) и прагматическими установками (например, визуализация, символизация, эмоциональное воздействие). 2. Это служит для образной характеристики пространственного объекта посредством наложения на него предметного признака (форма, цвет, область применения), а также для акцентуации динамики и временных изменений. 3. Авторы изученных метафор часто обращаются к не соотнесенным с конкретным предметом физическим признакам (деформация, fazовое изменение, увеличение объема). Это дает им возможность усиливать символический потенциал образа и вовлекать читателя в активное сотворчество.

Список источников и литературы

1. Авраменко О. В., Юрина Е. А. Метафорическое функционирование образов хлебобулочных изделий в русском и английском языках // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 5–15. URL: <https://doi.org/10.17223/15617793/456/1> (дата обращения: 28.11.2025).
2. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Яз. слав. культуры, 2014. 496 с.
3. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Яз. слав. культуры, 2014. 632 с.
4. Биджиева А. А. Когнитивные аспекты исследования флористической метафоры (на материале поэтических произведений первой половины XIX века) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 98. С. 122–125.
5. Бойчук А. С. Гастрономическая метафора в современном русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 60. С. 75–79.
6. Зуева Т. А. Человек сквозь призму артефактной метафоры в русской идиоматике // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 102–109.
7. Керимов Р. Д. Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 96–107.
8. Мурясов Р. З., Самигуллина А. С. К вопросу о предметной сущности метафоры, или еще раз о «метафорическом круге» // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25, № 3. С. 572–576.
9. Словарь русской пищевой метафоры: в 3 т. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровко [и др.]; ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2015. 428 с.
10. Токарева А. Л. «Paura liquida»: вещественные и предметные метафоры страха в современной итальянской литературе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 111–117.
11. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 527 с.
12. Холомеенко О. М., Туник А. И. Фитоморфный культурный код: средства представления в текстах современной художественной литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2023. № 3. С. 70–81. URL: <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2023-3-70-81> (дата обращения: 28.11.2025).
13. Цинковская Ю. В. Антропоцентрические и предметные метафоры в современной русской прозе // Гуманитарный вектор. 2010. № 2 (22). С. 155–158.
14. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
15. Юрина Е. А., Балдова А. В. Русская пищевая метафора как объект идеографической лексикографии // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 81–104. URL: <https://doi.org/10.17223/22274200/31/5> (дата обращения: 28.11.2025).
16. Muryasov R. Z., Samigullina A. S., Dmitrieva D. Y. On Metaphoricity Grades or “Metaphorical Circle” Theory // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 6 (42). URL: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.12>. Publication date: 09.06.2023.

References

1. Avramenko, OV & Yurina, EA 2020, ‘Metaforicheskoye funktsionirovaniye obrazov khlebobulochnykh izdeliy v russkom i angliyskom yazykakh’ (Metaphorical Functioning of Images of Bakery Products in Russian and English), *Tomsk State University Journal*, no. 456, pp. 5–15, <https://doi.org/10.17223/15617793/456/1> (In Russ.)
2. Balashova, LV 2014, *Russkaya metafora: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* (Russian Metaphor: Past, Present, Future), Yazyki slavyanskoy kultury publ., Moscow. (In Russ.)
3. Baranov, AN 2014, *Deskriptornaya teoriya metafory* (The Descriptor Theory of Metaphor), Yazyki slavyanskoy kultury publ., Moscow. (In Russ.)
4. Bidzhiyeva, AA 2009, ‘Kognitivnyye aspekty issledovaniya floristicheskoy metafory (na materiale poeticheskikh proizvedeniy pervoy poloviny XIX veka)’ (Cognitive Aspects of the Study of Floristic Metaphor (Based on the Poetic Works of the First Half of the 19th Century)), *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 98, pp. 122–125. (In Russ.)
5. Boychuk, AS 2011, ‘Gastronomiceskaya metafora v sovremenном russkom yazyke’ (Gastronomic Metaphor in Modern Russian), *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*, no. 60, pp. 75–79. (In Russ.)
6. Zuyeva, TA 2016, ‘Chelovek skvoz’ prizmu artefaktnoy metafory v russkoj idiomatike’ (Man Through the Prism of Artifact Metaphor in Russian Idiomatics), *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity*, no. 2, pp. 102–109. (In Russ.)
7. Kerimov, RD 2007, ‘Tekstil’nyye kontseptual’nyye metafory v politicheskem diskurse FRG’ (Textile Conceptual Metaphors in the Political Discourse of the Federal Republic of Germany), *Politicheskaya Linguistika*, no. 3 (23), pp. 96–107. (In Russ.)
8. Muryasov, RZ & Samigullina, AS 2020, ‘K voprosu o predmetnoy sushchnosti metafory, ili yesche raz o «metaforicheskem kruge»’ (On the Question of the Objective Essence of Metaphor, or Once Again About the “Metaphorical Circle”), *Bashkir University Herald*, vol. 25, no. 3, pp. 572–576, <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2020.3.17> (In Russ.)
9. Yurina, EA (ed.) 2015, ‘Slovar russkoy pishchevoy metafory. V 3 t. T. 1. Blyuda i produkty pitaniya’ (Dictionary of Russian Food Metaphor. In 3 vols. Vol. 1. Dishes and Food Products), Tomsk State University publ., Tomsk. (In Russ.)
10. Tokareva, AL 2023, ‘«Paura liquida»: veshchestvennyye i predmetnyye metafory strakha v sovremennoy ital’yanskoy literature’ (“Paura liquida”: Substantial and Object Metaphors of Fear in Modern Italian Literature), *MSLU Bulletin. Humanities*, no. 12 (880), pp. 111–117. (In Russ.)
11. Tolstaya, SM 2008, *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavianskoy perspektive* (The Word Space. Lexical Semantics in a Common Slavic Perspective), Indrik publ., Moscow. (In Russ.)
12. Kholomenko, OM & Tunik, AI 2023, ‘Fitomorfnyy kul’turnyy kod: sredstva predstavleniya v tekstakh sovremennoy khudozhestvennoy literatury’ (Phytomorphous Cultural Code: Means of Representation in the Texts of Modern Fiction), *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, no. 3, pp. 70–81, <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2023-3-70-81> (In Russ.)
13. Tsinkovskaya, YV 2010, ‘Antropotsentrichnyye i predmetnyye metafory v sovremennoy russkoj proze’ (Anthropocentric and Object Metaphors in Modern Russian Prose), *Humanitarian Vector*, no. 2 (22), pp. 155–158. (In Russ.)
14. Chudinov, AP 2001, *Rossiya v metaforicheskem zerkale: Kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* (Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)), Ural State Pedagogical University publ., Yekaterinburg. (In Russ.)
15. Yurina, EA & Baldova, AV 2024, ‘Russkaya pishchevaya metafora kak ob’ekt ideograficheskoy leksikografii’ (Russian Food Metaphor as an Object of Ideographic Lexicography), *Voprosy leksikografii*, no. 31, pp. 81–104, <https://doi.org/10.17223/22274200/31/5> (In Russ.)

16. Muryasov, RZ, Samigullina, AS & Dmitrieva, DY 2023, ‘On Metaphoricity Grades or “Metaphorical Circle” Theory’, *Russian Linguistic Bulletin*, no. 6 (42), <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.12>.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 03.12.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 169–177.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 169–177.

Научная статья

УДК 81.373

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-169-177>

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ «УВЕРЕННОСТЬ» В МЕСТНОЙ ПРЕССЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**Нелли Александровна
Красовская**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, nelli.krasovskaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

Аннотация. Предлагаемая статья рассматривает одну из ключевых идеологем периода начала Великой Отечественной войны – идеологему «уверенность». Именно в это время идеологема «уверенность» получает свое развитие и активно вербализуется в средствах массовой информации. Автор статьи останавливается на том, что понимается под идеологемами, какие условные группы и разновидности идеологем выделяются исследователями, к какой из этих групп можно было бы отнести идеологему «уверенность».

По мнению автора, идеологема «уверенность» начала формироваться в массовом сознании советских людей еще в довоенный период. Однако новый виток своей представленности в средствах массовой информации она получает именно в период начала Великой Отечественной войны, так как журналистика должна была поднимать боевой дух народа, усиливать патриотический настрой, воздействовать не только на разум, но и на чувства читателей.

Материалом для анализа послужили заголовки статей и заметок, выбранные из номеров местной газеты «Белёвская правда», выходивших в свет в течение первого военного месяца. По мнению автора статьи, местная (районная) пресса дает основание утверждать, что средствами репрезентации указанной идеологемы становятся как лексические единицы, так и грамматические формы. Семантика единения, устремленности в будущее, семантика противопоставленной оценки (наше хорошее, их плохое), а также грамматические формы глаголов, выражают императив, указывающих на совместное действие, использование притяжательных, личных, определительных местоимений, повторение определенных лексических единиц способствует вербализации на страницах районных газет идеологемы «уверенность».

Ключевые слова: местные газеты, идеологема, уверенность, Великая Отечественная война, лексемы, грамматические формы глаголов, императив.

Для цитирования: Красовская Н. А. Вербализация идеологемы «уверенность» в местной прессе начала Великой Отечественной войны // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 169–177. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-169-177>

Сведения об авторе: Н. А. Красовская – доктор филологических наук, доцент, директор института русского языка как иностранного, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 81.373

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-169-177>

VERBALIZATION OF THE IDEOLOGEME ‘CONFIDENCE’ IN THE LOCAL PRESS AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Nelly A. Krasovskaya

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, nelli.krasovskaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

Abstract. This article examines one of the key ideologemes of the early Great Patriotic War – the ideologeme ‘confidence’. It was during this period that the ideologeme ‘confidence’ developed and was actively verbalized in the media. The author of the article discusses the definition of ideologeme, the conventional groups, and the varieties of ideologemes identified by researchers and makes attempts to classify the ideologeme ‘confidence’ into one of these groups.

According to the author, the ideologeme ‘confidence’ began to form in the mass consciousness of Soviet people in the pre-war period. However, it was precisely during the beginning of the Great Patriotic War that it reappeared in the media, as the task of journalism was to raise the nation’s morale, enhance patriotic sentiment, and influence both the minds and emotions of readers.

The material for the analysis was the headlines of articles and notes selected from issues of the local newspaper “Belyovskaya Pravda”, published during the first month of the war. According to the author of the article, the local (district) press provides grounds for asserting that both lexical units and grammatical forms serve as means of representing this ideologeme. The semantics of unity, aspiration to the future, the semantics of contrasting evaluations (ours is good, and theirs is bad), as well as grammatical forms of verbs expressing imperatives, indicating joint action, the use of possessive, personal, and definitive pronouns, repetition of certain lexical units contribute to the verbalization of the ideologeme ‘confidence’ on the pages of district newspapers.

Keywords: local newspapers, ideologeme, confidence, Great Patriotic War, lexemes, grammatical forms of verbs, imperative.

For citation: Krasovskaya, NA 2025, ‘Verbalization of the Ideologeme ‘Confidence’ in the Local Press at the Beginning of the Great Patriotic War’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 169–177, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-169-177> (in Russ.)

Information about the Author: Nelly A. Krasovskaya – Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Director of the Institute of Russian as a Foreign Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Обращение к районным газетам 40-х годов XX в. дает много информации для наблюдений разного рода: над языком и стилем, над отражением бытовых особенностей того времени, над событиями военного периода. Обращение к языку районной прессы позволяет говорить о разнообразных явлениях, которые мы можем отнести к «духу времени», а именно к тому, что чаще всего определяют как идеологию.

По нашим наблюдениям, идеологическая составляющая пронизывает целый ряд публикаций районных газет военного времени и является доминирующей по количеству смыслов, которые ее выражают.

Актуальность обращения к материалам газет 40-х годов XX в. связана с целым рядом причин. Во-первых, как мы указали выше, средства массовой информации 40-х годов прошлого столетия формировали идеологические настроения и были сами их рупором, что, безусловно, отражает общую картину социальной жизни того времени. Во-вторых, при обращении к материалам прессы военного времени приходит понимание глубинных процессов в оценке и анализе победы советского народа в Великой Отечественной войне. В-третьих, местные СМИ 40-х годов XX в. позволяют рассмотреть языковые возможности формирования и выражения определенных идеологем.

Помимо этого, на наш взгляд, обращение к исследованию именно идеологемы «уверенность» закономерно, так как само понимание уверенной победы в войнеировалось у советских людей еще в довоенный период.

Идеология советского времени проявляется как открытым способом, то есть непосредственно через лексико-фразеологические единицы, которые отражают особенности советского строя, советской морали, так и завуалированно: через описание состояния дел, созданные и отраженные образы, метафоры.

Материалы и методы

На протяжении ряда лет мы обращаемся к изучению районной прессы. Нас интересуют как стилистические особенности в подаче материала, так и языковые, и содержательные. Мы писали об использовании слов в переносном употреблении, об особенностях составления авторских подписей, о структуре заголовков районных газет военного периода [9; 10; 11]. При этом нами часто фиксировались языковые обороты, которые отражали социальные настроения, эмоции.

К пониманию идеологем неоднократно обращались лингвисты. Можно проследить историю рассмотрения этого вопроса, которая уходит корнями в эпоху советского строя, затем актуализируется в связи с вопросами смены политического строя в России, формированием новой системы ценностей и новой совокупности взглядов. Надо отметить, что и в наши дни ряд идеологем не перестает интересовать исследователей.

В данном случае предметом нашего рассмотрения стала идеологема «уверенность». Надо отметить, что в условиях начала Великой Отечественной войны (кстати говоря, можно указать, что материалы исследуемых нами газет свидетельствуют о том, что в период военных действий слово «великая» не употреблялось для называния идущей войны, в материалах газет встречается наименование «отечественная война»), безусловно, задачей партии и правительства было поддержать на высоком уровне уверенность у советских людей в безусловной победе над фашизмом.

Для формирования определенных направлений идеологии много делала и делает журналистика. Об этом в докторской диссертации пишет Д. Л. Стровский: «Журналистика советского времени... стала хранителем и выразителем упрочившихся ... духовных и политических приоритетов. Все это позволило стать самой журналистике не только эмоционально близкой потребностям массовой аудитории, но и в определенной степени генерировать ее идеи и настроения...» [15, с. 9]. Автор также

подчеркивает, что журналистика непосредственным образом связана с исторической реальностью. Именно журналистика и транслирует многочисленные идеи, являющиеся важными для социума.

Идеологемы неоднократно становились центром внимания разных исследователей. О том, что в языкоzнании имеется несколько подходов к пониманию идеологем, пишет А. Ч. Рыжкович. Ученый указывает на то, что есть когнитивный и функционально-коммуникативный подходы в понимании идеологем [14, с. 65]. Когнитивный подход связан с пониманием ментального концепта, т. к. идеологема – это «многоуровневый концепт». При функционально-коммуникативном подходе важно понять, как именно через язык выражаются политические установки, которые значимы для социума: «...идеологемы актуализируют в речи определенные политico-идеологические ценности» [14, с. 65]. В. М. Амиров и Д. С. Колчин утверждают, что «существует большое количество научных подходов к термину “идеологема”, но в основе всех их – соотнесенность с идеологией» [2, с. 20].

В диссертационном исследовании С. А. Журавлева находим следующее: «Идеологема – конкретная цельная единица синкетической лингво-семиотической природы; это знаковое образование идеологического метауровня; это дискурсивная единица, значимость которой определяется метаконтекстуально» [6, с. 7]. Далее исследователь предлагает свою классификацию идеологем, построенную на основе разнообразных историко-функциональных признаков: «1) общие (или диахронические) идеологемы – такие единицы, значимость которых является универсальной, т. е. их внешнее и внутреннее содержание будет ценностно актуализовано на любой стадии социально-политического развития общества (Бог, власть, держава, народ, партия, революция, свобода и т. д.)... 2) частные (синхронические) идеологемы – такие единицы, значимость которых будет иметь место только в пределах аксиосферы конкретной эпохи (император, комиссар, самиздат, самодержавие, славянофильство, сменовеховство, советский и т. д.). ...3) описательные идеологемы – вспомогательные дискурсивные единицы, которые, как правило, несут в себе логическую оценку и используются как средство предикации ... в пропагандистском разъяснении роли других идеологем (буржуазный, консервативный, контрреволюционный, мелкобуржуазный, меньшевистский, оппортунистический, реакционный и т. д.)» [6, с. 10–11].

Надо подчеркнуть, что и другие лингвисты неоднократно останавливались на анализе идеологем советского периода. Например, И. Н. Агейкина рассматривает идеологему «нация» в публицистике советского периода, Г. Ч. Гусейнов изучает советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов и дает достаточно подробное описание разных идеологем в исторической ретроспективе [1; 5].

Результаты

Для рассмотрения идеологемы «уверенность» мы обратились к номерам районной газеты «Белёвская правда» [3], вышедшим в период с 23 июня 1941 г. по 22 июля 1941 г., нами было, таким образом, рассмотрено 23 номера. Газета в этот период выходила довольно часто, о чем и свидетельствует такое большое количество номеров, изданных в течение месяца.

Выбор именно этой районной газеты обусловлен личным интересом, связанным с тем, что на протяжении ряда лет мы занимаемся изучением материалов этого издания. Белёвский район Тульской области находится на ее юго-западе, имеет сложную и интересную историю. Некоторые населенные пункты указанного района вплоть до 1943 года были оккупированы.

Следует также сказать о том, что районная газета в этом случае – хороший источник для наблюдения. Она непосредственным образом репрезентирует идеи и установки центральной власти и центральной печати (хотя понятно, что масштаб одного района одной области несравним с масштабами всей страны, то есть аудито-

рия, на которую рассчитаны вербальные средства, заметно отличается от аудитории центральной прессы), а вот способы репрезентации идеологемы могут совпадать.

Отметим, что мы обращаемся к анализу заголовков, потому что, на наш взгляд, именно заголовки статей, заметок, общие заголовки рубрик играли ключевую роль в выражении того или иного мнения, той или иной позиции. Надо отметить, что нами было проанализировано 113 заголовков, выбранных методом сплошной выборки из указанных номеров.

В результате анализа мы пришли к следующим выводам.

Семантика уверенности напрямую связывается с семантикой сплочения, о чем свидетельствуют как лексические единицы, так и грамматические формы. В частности, нами были отмечены такие примеры заголовков, как *Теснее сплотимся вокруг большевистской партии* (23 июня 1941 (№ 98)), *Наш народ спложен* (6 июля 1941 (№ 107)). Наличие в указанных заголовках семантики сплочения подчеркивается формами глагола *сплотить – сплотиться*.

Идея сплочения реализуется также в особых формах глаголов 1 лица мн. ч., которые употребляются в будущем времени, но эта форма близка по выражаемому значению форме совместного действия в повелительном наклонении: *Нанесем сокрушительный удар по фашистским псам* (23 июня 1941 (№ 98)), *В ответ на бандитское нападение улучшим свою работу* (24 июня 1941 (№ 99)), *Защитим советскую родину* (25 июня 1941 (№ 100)), *Обеспечим победу Красной армии* (25 июня 1941 (№ 100)), *Защитим свои священные границы* (25 июня 1941 (№ 100)), *Уничтожим фашистских псов* (3 июля 1941 (№ 104)), *На удар ответим тройным ударом* (3 июля 1941 (№ 104)). Таких примеров очень много. Формы множественного числа 1 лица глаголов свидетельствуют о необходимости осуществления совместного действия. Будущее время в данном случае воспринимается как действие предполагаемое, то есть, видимо, форма 1 лица мн. ч. будущего времени используется для выражения ирреального повелительного наклонения.

Семантика единения также формируется за счет использования местоимений *все, всё, наш, мы: Наш ответ: смерть врагам! Наш лозунг: победа! Трудящиеся района отдадут все свои силы на защиту Родины!* (3 июля 1941 (№ 104)), *Победа будет за нами* (24 июня 1941 (№ 99)), *Защита страны – наше кровное дело* (1 июля 1941 (№ 102)), *Все – для фронта! Все силы – на защиту отечества, на разгром и уничтожение врага!* (5 июля 1941 (№ 106)), *Все в ряды народного ополчения!* (16 июля 1941 (№ 115)). Эти местоимения позволяют осознать происходящие события как очень близкие, свои, наши.

Помимо вербализации семантики единения, в выражении идеологемы «уверенность» присутствует вербализация оценки. Оценка осознается как дуальная, противоположная. С одной стороны, дается положительная оценка действиям и устремлениям советских людей, советской власти, Красной армии, с другой стороны, дается отрицательная оценка врагу. Причем в выражении оценки присутствует как лексика, которая выражает оценку непосредственно, так и лексика, которая выражает оценку опосредованно, например, через метафору, переосмысление образов животных или хтонических существ: *Нанесем сокрушительный удар по фашистским псам. Обнаглевший враг будет уничтожен. Мужество и отвага советских людей* (23 июня 1941 (№ 98)), *В ответ на бандитское нападение улучшим свою работу. Фашистские разбойники жестоко поплатятся* (24 июня 1941 (№ 99)), *Ответ озверельым фашистам. Защитим свои священные границы* (25 июня 1941 (№ 100)), *Клеймим позором фашистских бандитов* (30 июня 1941 (№ 101)), *Защита страны – наше кровное дело* (1 июля 1941 (№ 102)), *Будем работать самоотверженно* (2 июля 1941 (№ 103)), *Красная армия – родное детище советского народа. Отличная стрельба*

зенитчиков. Стalinские соколы (2 июля 1941 г. (№ 103)), *Уничтожим фашистских псов. Проучить зарвавшихся разбойников* (3 июля 1941 (№ 104)).

Одним из способов выражения уверенности является семантика требования, настоятельного призыва, которая выражается в использовании глаголов в форме повелительного наклонения: *Проучить зарвавшихся разбойников* (инфinitив в значении повелительного наклонения) (3 июля 1941 г. (№ 104)), *Работайте на оборону, товарищи!* (6 июля 1941 (№ 107)), *Бить врага до полного его уничтожения* (инфinitив в значении повелительного наклонения) (13 июля 1941 (№ 113)), *Беспощадно бить врага. Крепите тыл* (18 июля 1941 (№ 117)).

Формированию семантики уверенности способствуют и обращения, которые создают ощущение живого диалога и становятся непосредственными призывами к той или иной части социума: *Работайте на оборону, товарищи!* (6 июля 1941 (№ 107)), *Работники сельского хозяйства! Быстрее мобилизуем все силы для победы над фашизмом* (10 июля 1941 (№ 110)), *Колхозницы, на трактор и комбайн!* (13 июля 1941 (№ 113)), *Вперед, товарищи, за родину, за нашу счастливую жизнь!* (22 июля 1941 (№ 120)).

Важным фактором в вербализации идеологемы «уверенность» становится лозунговость самих заголовков (это могут быть неполные предложения, восклицательные, построенные по модели синтаксического параллелизма): *Все – для фронта! Все силы – на защиту отечества, на разгром и уничтожение врага!* (5 июля 1941 (№ 106)), *Все в ряды народного ополчения!* (16 июля 1941 (№ 115)), *Честно и самоотверженно работай на своем посту – этим ты помогаешь Красной армии! Вперед, товарищи, за родину, за нашу счастливую жизнь! Агитацию – на службу отечественной войне!* (22 июля 1941 (№ 120)).

Выражение уверенности формируется за счет повторения определенных лексических единиц и конструкций с ними. Особенно часто используются слова *победа, враг, разбит, советская родина, Красная армия, будет: Победа будет за нами* (24 июня 1941 (№ 99)), *Враг будет разбит. Обеспечим победу Красной армии. Победа будет за нами. Защитим советскую родину. С чувством советского патриотизма. Обеспечим победу Красной армии* (25 июня 1941 (№ 100)), *Наш ответ: смерть врагам! Наш лозунг: победа!* (3 июля 1941 (№ 104)), *Самоотверженным трудом будем ковать победу над врагом* (8 июля 1941 (№ 1018)), *Коварный враг будет разгромлен!* (9 июля 1941 (№ 109)), *Дадим своей Родине все необходимое. Поможем Красной армии разгромить врага. До конца разгромим фашизм* (11 июля 1941 (№ 111)).

Дискуссия

Л. Р. Закирова, анализируя концепт «уверенность» в русском и английском языках, пишет о том, что уверенность – это индивидуальное чувство: «В концептуальном пространстве УВЕРЕННОСТЬ ... ядро составляет слово-репрезентант уверенность, к ядерным элементам относятся убежденность, вера, доверие, ближе к ядру расположены решительность и твердость...» [7, с. 13].

Однако материалы газет военного периода показывают, что, видимо, в это сложное для страны время необходимо было сформировать коллективную уверенность, уверенность в победе над врагом. Интересно отметить, что, согласно такому подходу, идеологема «уверенность» из первого классификационного разряда, который предложил С. А. Журавлев, может переходить во второй или даже в третий.

Однако такое тяжелое потрясение, как начало большой войны, требует особых морально-нравственных усилий. Материалы газет свидетельствовали о том, что через самое непродолжительное время после начала агрессии стало понятно, что победа, даже если она произойдет в ближайшее время, будет не из легких. Например, газета постоянно публикует сводку военных действий, из которой ясно, что война

развернулась на огромной территории и что больших успехов наступательного характера у Красной армии нет. Именно поэтому уверенность необходимо было поддерживать и развивать. Таким образом, идеологема «уверенность» из общих, универсальных (по классификации С. А. Журавлева) переходит в группу идеологем, которые важны именно в данную эпоху, то есть в эпоху происходящей войны, при этом указанная идеологема из индивидуальной превращается в коллективную.

В понимании идеологемы мы также согласны с Т. В. Романовой, которая указывает на то, что «идеологемы как ценностно мотивированные знаковые образования являются формой воплощения концептуальной идеи, ценности, концептуальной сущности...» [13, с. 6].

На наш взгляд, идеологема «уверенность» отражает систему таких ценностей, как вера в правое дело, вера в свободу, патриотизм и патриотический дух. Надо заметить, что анализ научных источников дает основания говорить о том, что ученые видят корни формирования уверенности еще в довоенный период, во второй половине 30-х годов XX в., когда формировалась убежденность в том, что война неизбежна и что завершится победой: «Уверенность советских граждан в неизбежности войны базировалась на сформированном пропагандой представлении о том, что ярую ненависть капиталистических государств к Советскому Союзу вызывают его неоспоримые успехи на путях строительства нового общества» [8, с. 116].

Идеологемы получают вербализацию различными языковыми средствами. Так, о вербализации идеологемы «национальная идея» Гуань Цзюньбо пишет следующее: «Идеологема “национальная идея” – это сложное ментальное образование, которое вербализуется в языке в виде лексико-семантического макрополя, в котором в концентрированном виде отражаются духовный облик, историческая миссия и культурная самобытность государства и общества» [4, с. 11]. О вербализации идеологем пишет и Н. А. Купина, которая, рассматривая идеологему, отмечает, что это единица, которая имеет обязательную вербализацию [12, с. 46].

Репрезентационные средства идеологемы «уверенность», по нашему мнению, находятся на разных языковых уровнях.

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что с самых первых дней Великой Отечественной войны в местной прессе формируется идеологема «уверенность». По нашему мнению, данная идеологема представляет собой совокупность нескольких семантических блоков, которые выражаются как лексическими, так и грамматическими средствами. Например, к таким семантическим объединениям можно отнести сплочение, советское хорошее – фашистское плохое, будущее. Конкретными средствами вербализации являются повторяющиеся лексические единицы, использование оценочной лексики, местоимений определительных, личных, притяжательных, глаголов в форме 1 лица мн. числа, глаголов в повелительном наклонении и в инфинитиве (для выражения императива), лозунговых конструкций.

По нашим наблюдениям, в первый месяц войны идеологема «уверенность» развивалась в условиях реального положения дел на фронтах. Сама основа уверенности в близкой войне и быстрой победе были заложены еще в довоенный период достаточно убедительно, однако в период начала войны это идеологема должна была охватить массовое, коллективное сознание и стать ведущим фактором в подъеме патриотизма.

Список источников и литературы

1. Агейкина И. Н. Идеологема "нация" в советской публицистике 1917-1953-х гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Агейкина Ирина Николаевна. М., 2010. 309 с.

2. Амиров В. М., Колчин Д. С. Функционирование идеологемы «постсоветское пространство» в российских политических медиатекстах: ностальгия и прагматика // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 2 (48). С. 18–24.
3. Белёвская правда. 1941. 23 июня (№ 98 (2046)). Электрон. копия печ. изд. URL: https://data.tularlic.ru/newspaper/Belevskaya_pravda/1941/384/ (дата обращения: 15.10.2025). Доступ на сайте Тульский край. Исторический портал.
4. Гуань Цзюньбо. Идеологема «национальная идея» в русской православной проповеди (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5 / Цзюньбо Гуань. СПб., 2023. 183 с.
5. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х гг.: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Гусейнов Гасан Чингизович. М., 2002. 503 с.
6. Журавлев С. А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Журавлев Сергей Александрович. Казань, 2004. 23 с.
7. Закирова Л. Р. Языковая презентация концепта confidence/уверенность в английском и русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.20.20 / Закирова Луиза Рифгатовна. Казань, 2008. 150 с.
8. Ковалёва Н. Н. Основные идеологемы советской пропаганды предвоенного времени // Вторая мировая война и послевоенное устройство мира: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию победы стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, Брест, 27–28 сентября 2010 г. Брест: БрГТУ, 2010. С. 115–119. Электрон. версия печ. публ. URL: <https://rep.bstu.by/handle/data/36488?show=full> (дата обращения: 10.11.2025). Доступ на сайте Репозиторий Брестского гос. техн. ун-та.
9. Красовская Н. А. Авторские подписи как явление антропонимики (на материале региональных газет военного времени) // Ономастика Поволжья: материалы XXII Междунар. конф. (Саратов, 26–29 сентября 2024 г.). Саратов: Изд-во Саратов. гос. мед. уни-та им. В. И. Разумовского, 2024. С. 109–113.
10. Красовская Н. А. Лексика, вышедшая из употребления, как факт знакомства с историей России (на материале региональных газет 40-х гг. ХХ в.) // От слова к дискурсу: материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 15–17 мая 2025 г.). Минск: Изд-во Минского гос. лингвистич. ун-та, 2025. С. 225–227.
11. Красовская Н. А. Региональная пресса военной поры: тематическое разнообразие // Текст в системе обучения русскому языку и литературе: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Евразийский национальный университет, Нур-Султан, 15 июня 2021 г). Екатеринбург: Урал. гос. горн. ун-т, 2021. С. 169–174.
12. Купина Н. А. Идеологема «иностранный агент»: три дня в июле 2012 года // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 43–48.
13. Романова Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: монография. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. 120 с.
14. Рыжкович А. Ч. Идеологема советская эпоха в текстах СМИ: семантические и синтаксические особенности // Гуманитарные науки. Филологические науки. 2025. № 2 (74). С. 65–68.
15. Стровский Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода (1917–1985 гг.): автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 10.01.10 / Стровский Дмитрий Леонидович. Екатеринбург, 2001. 43 с.

References

1. Ageykina, IN 2010, Ideologema “natsiya” v sovetskoy publitsistike 1917- 1953-kh gg (The Ideologem ‘Nation’ in Soviet Journalism of 1917-1953), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
2. Amirov, VM & Kolchin, DS 2023, ‘Funktzionirovaniye ideologemy «postsovetskoye prostранstvo» v rossiyskikh politicheskikh mediatekstakh: nostalgiya i pragmatika’ (The Functioning of the Ideologem “Post-Soviet Space” in Russian Political Media Texts: Nostalgia and Pragmatics), Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya, no. 2 (48), pp. 18–24. (In Russ.)

3. ‘Belyovskaya Pravda’, *Geroy gazetnoy polosy* (Hero of the Newspaper Strip), viewed 15 October 2025, https://data.tularlic.ru/newspaper/Belevskaya_pravda/1941/?_gl=1 (In Russ.)
4. Guan, J 2023, Ideologema “natsionalnaya ideya” v russkoy pravoslavnoy propovedi (lingvokulturologicheskiy aspekt) (The Ideologem ‘National Idea’ in Russian Orthodox Sermons (Linguacultural Aspect)), PhD thesis, St. Petersburg. (In Russ.)
5. Guseynov, GCh 2002, Sovetskiye deologemy v russkom diskurse 1990-kh gg. (Soviet Ideologemes in Russian Discourse of the 1990s), doctoral thesis (abstract), Moscow. (In Russ.)
6. Zhuravlev, SA 2004, Ideologemy i ikh aktualizatsiya v russkom leksikograficheskem diskurse (Ideologemes and Their Actualization in Russian Lexicographical Discourse), PhD thesis, Kazan. (In Russ.)
7. Zakirova, LR 2008, Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta confidence / uverennost v angliyskom i russkom yazykovom soznanii (Linguistic representation of the concept of confidence in English and Russian linguistic consciousness), PhD thesis, Kazan. (In Russ.)
8. Kovaleva NN, ‘Osnovnyye ideologemy sovetskoy propagandy predvoyennogo vremeni’ (Main ideologemes of pre-war Soviet propaganda), *Brestskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet* (Brest State Technical University), viewed 10 November 2025, <https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/36581/115-119.pdf?sequence=1&isAllowed=y> pp. 115–119. (In Russ.)
9. Krasovskaya, NA 2024, ‘Avtorskiye podpisi kak yavleniye antroponimiki (na material regionalnykh gazet voyennogo vremeni)’ (Author’s signatures as a phenomenon of anthroponymy (based on regional wartime newspapers)), *Onomastika Povolzhya: materialy XXII Mezdunarodnoy konferentsii* (22nd International scientific conference “Onomastics of the Volga region”), Saratov, Saratov State Medical University, 26–29 September 2024, Izd-vo Saratovskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta im. V. I. Razumovskogo publ, Saratov, pp. 109–113. (In Russ.)
10. Krasovskaya, NA 2025, ‘Leksika, vyshedshaya iz upotrebleniya, kak fakt znakomstva s istoriyey Rossii (na material regionalnykh gazet 40-kh gg. XX v.)’ (Vocabulary that has gone out of use as a fact of acquaintance with the history of Russia (based on the material of regional newspapers of the 1940s)), *Ot slova k diskursu: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (From word to discourse: materials of the International scientific conference), Minsk, Minsk State Linguistic University, 15–17 May 2025, Izd-vo Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta publ, Minsk, pp. 225–227. (In Russ.)
11. Krasovskaya, NA 2021, ‘Regionalnaya pressa voyennoy pory: tematicheskoye raznoobrazhiye’ (Regional Press during the Wartime: Thematic Diversity), *Tekst v sisteme obucheniya russkomu yazyku i literature: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Text in the System of Teaching Russian Language and Literature. Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference), Nur-Sultan, Eurasian National University, 15 June 2021, Uralskiy gosudarstvennyy gornyy universitet publ, Yekaterinburg, pp. 169–174. (In Russ.)
12. Kupina, NA 2012, ‘Ideologema “inostranny agent”: tri dnya v iyule 2012 goda’ (Ideologem: “foreign agent”: 3 days in July 2012), *Politicheskaya linguistika* (Political Linguistics), no. 3 (41), pp. 43–48. (In Russ.)
13. Romanova, TV 2019, *Ideologemy I aksiologemy russkogo yazykovogo soznaniya kak otrazheniye constant i dinamiki natsionalnoy mentalnosti* (Ideologemes and Axiologemes of Russian Linguistic Consciousness as a Reflection of the Constants and Dynamics of National Mentality), DEKOM publ, Nizhny Novgorod. (In Russ.)
14. Ryzhkovich, ACh 2025, ‘Ideologema sovetskaya epoka v tekstakh SMI: semanticheskiye i sintaksicheskiye osobennosti’ (Ideologeme Soviet era in media texts: semantic and syntactic features), *Gumanitarnyye nauki. Filologicheskiye nauki* (Humanities.Philological sciences), no. 2 (74), pp. 65–68. (In Russ.)
15. Strovsky, DL 2001, Otechestvennyye politicheskiye traditsii v zhurnalistike sovetskogo perioda (1917–1985 gg.) (Domestic political traditions in journalism of the Soviet period (1917–1985)), doctoral thesis (abstract), Yekaterinburg. (In Russ.)

Научная статья

УДК 811.11-112

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-178-186>

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: РОЛЬ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТНОСТИ В ПОСТРОЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ КОНСТРУКЦИЙ С ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

**Дмитрий Александрович
Разоренов¹**

**Никита Александрович
Ишекенов²**

^{1, 2} Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия

¹ dmitry.razoryonov@tolstovsky.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0000-1545-8987>

² nikitaishekenov@gmail.com

² <https://orcid.org/0009-0009-2600-197X>

Аннотация. Данная работа посвящена анализу сочетаемости английских существительных в притяжательной форме и выявлению факторов, определяющих её употребление в современном английском языке. Притяжательный падеж представляет собой единственную сохранившуюся падежную форму в английском языке, что обуславливает особую значимость его изучения для понимания исторической эволюции грамматической системы. Переход английского языка от флексивного к аналитическому типу стимулировал трансформацию притяжательной формы, однако она сохранила функциональную жизнеспособность и продолжает активно использоваться наряду с аналитическими конструкциями с предлогом «of». Центральным механизмом, определяющим употребление притяжательной формы, выступает потенциал субъектности существительного. На основе анализа выделены четыре категории существительных по степени реализации субъективного потенциала: существительные с высоким потенциалом, обозначающие физических лиц и их действия; существительные со средним потенциалом, обозначающие животных и организаций; существительные с низким потенциалом, обозначающие неодушевленные предметы и абстрактные понятия; существительные с минимальным потенциалом, использование притяжательной формы с которыми крайне ограничено. В ходе работы выявлено, что притяжательная форма реализует разнообразные семантические отношения: принадлежность, авторство, агентивность, причастность к событиям и партитивность. Полученные результаты позволяют объяснить как регулярные закономерности в использовании притяжательной формы, так и исключения из общих правил, встречающиеся в реальном языковом материале. Данная работа базируется на корпусном анализе аутентичных текстов современного английского языка, что обеспечивает репрезентативность выводов. Выявленные закономерности сочетаемости существительных с притяжательным маркером демонстрируют взаимосвязь между морфологическими свойствами лексемы и её синтаксическим поведением. Полученные данные имеют значение для лингвистической теории, лексикографии и практики преподавания английского языка как иностранного.

Ключевые слова: притяжательный падеж, потенциал субъектности, субъектные существительные, флексивный тип языка, аналитический строй, партитивность, агентивность, морфологическая система, языковая эволюция, падежная система.

Для цитирования: Разоренов Д. А., Ишекенов Н. А. Притяжательный падеж английского языка: роль категории субъектности в построении и употреблении конструкций с притяжательным падежом // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 178–186. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-178-186>

Сведения об авторах: Д. А. Разоренов – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Н. А. Ишекенов – ассистент кафедры английской филологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

© Разоренов Д. А., Ишекенов Н. А., 2025

Scientific Article

UDC 811.11-112

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-178-186>

ENGLISH POSSESSIVE CASE: THE ROLE OF THE SUBJECTIVITY CATEGORY IN THE CONSTRUCTION AND USE OF POSSESSIVE CASE CONSTRUCTIONS

^{1, 2} Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Dmitriy A. Razorenov¹

Tula, Russia

¹ dmitry.razoryonov@tolstovsky.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0000-1545-8987>

² nikitaishekenov@gmail.com

² <https://orcid.org/0009-0009-2600-197X>

Abstract This work analyses the compatibility of English nouns in the possessive form and the identification of factors determining its use in modern English. The possessive case is the only preserved case form in the English language, which makes its study particularly important for understanding the historical evolution of the grammatical system. The transition of the English language from the inflectional to the analytical type stimulated the transformation of the possessive form, but it retained its functional viability and continues to be actively used along with analytical constructions with the preposition 'of'. The central mechanism determining the use of the possessive form is the potential of subjectivity of the noun. Based on the analysis, the authors identify four categories of nouns according to the degree of implementation of subjective potential: nouns with high potential, denoting individuals and their actions; nouns with medium potential, denoting animals and organizations; nouns with low potential, denoting inanimate objects and abstract concepts; nouns with minimal potential, the use of the possessive form with which is extremely limited. In the course of the work, the authors reveal that the possessive form implements a variety of semantic relationships: affiliation, authorship, agentiveness, involvement in events and partiality. The results obtained make it possible to explain both the regular patterns in the use of the possessive form and the exceptions to the general rules found in real language material. The corpus analysis of authentic texts of modern English ensures the representativeness of the conclusions in this study. The revealed patterns of the compatibility of nouns with a possessive marker demonstrate the relationship between the morphological properties of the lexeme and its syntactic behavior. The data obtained have implications for linguistic theory, lexicography, and the practice of teaching English as a foreign language.

Keywords: possessive case, subjectivity potential, subject nouns, inflectional type of language, analytical structure, partitivity, agentivity, morphological system, linguistic evolution, case system.

For citation: Razorenov, DA & Ishekenov, NA 2025, 'English Possessive Case: the Role of the Subjectivity Category in the Construction and Use of Possessive Case Constructions', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 178–186, [http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-178-186](https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-178-186) (in Russ.)

Information about the Authors: *Dmitriy A. Razorenov* – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Nikita A. Ishekenov – Teaching Assistant of the Department of English Philology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу сочетаемости английских существительных в рамках притяжательной формы, традиционно именуемой родительным падежом, и выявлению многоуровневых факторов, влияющих на использование данного грамматического явления в современном английском языке. Несмотря на то что для традиционных английских грамматик притяжательная форма представляется относительно прозрачной и хорошо описанной категорией, более углубленные лингвистические исследования последних десятилетий выявляют существование сложных и нередко противоречивых ситуаций, которые вызывают значительные трудности как у профессиональных лингвистов, так и у практиков языка. Актуальность данного анализа определяется необходимостью систематизации знаний о механизмах функционирования притяжательной формы и уточнения критериев её употребления в различных контекстах.

Центральное значение для понимания грамматической системы английского языка имеет тот факт, что притяжательный падеж представляет собой единственную сохранившуюся падежную форму в современном английском языке. Данное обстоятельство делает исследование притяжательной формы особенно значимым, поскольку оно позволяет пролить свет на вопрос о том, почему именно эта морфологическая категория уцелела и продолжает функционировать в рамках исторического перехода языка от флексивного типа к аналитическому [2, с. 5]. Ответ на этот вопрос требует обращения к историческим процессам языковой эволюции и анализа социолингвистических факторов, определивших судьбу падежной системы английского языка.

Результаты

Переход английского языка к аналитическому строю стимулировал глубокие изменения в системе языковых средств выражения грамматических отношений, которые оказали существенное влияние на эволюцию и трансформацию притяжательной формы. Данный переход обусловил постепенное снижение роли флексий как основного способа выражения грамматических значений и одновременное расширение использования аналитических конструкций, в частности конструкций с предлогом «of», которые охватывают различные группы существительных в зависимости от их потенциала субъектности и семантических характеристик [14, с. 259]. Однако притяжательная форма, несмотря на общую тенденцию к аналитизации, сохранила свою жизнеспособность и продолжает активно использоваться в современном английском языке, что свидетельствует о её функциональной значимости и глубокой укоренённости в языковой системе [9, с. 104].

В ходе исторического развития английского языка притяжательная форма демонстрировала значительную вариативность в своём позиционировании относительно определяемого существительного [5, с. 50]. Исторические источники показывают, что притяжательная форма могла как предшествовать определяемому существительному, так и следовать за ним в составе словосочетания, отражая различные этапы грамматикализации этого явления. Однако анализ современных языковых тенденций свидетельствует о чётко выраженной тенденции к увеличению частотности использования притяжательной формы и расширению её функциональной сферы, особенно в контексте одушевленных существительных, обозначающих человека и относящихся к категории субъектных групп. Данная тенденция находится в прямой зависимости от потенциала субъектности, заложенного в семантической структуре конкретного существительного и определяющего его способность выступать в качестве активного агента или носителя признака [1].

Анализ функционирования притяжательной формы в современном английском языке позволяет выделить и классифицировать множество ситуаций, в кото-

рых реализуется данная грамматическая категория [15, с. 85–87]. Первую группу составляют конструкции, выражающие принадлежность предмета лицу, что демонстрируется примерами типа «Father's room», «the neocons' century», где притяжательная форма указывает на отношение владения или принадлежности. Вторую группу образуют конструкции, обозначающие создание предмета лицом, как в примерах «Keats' works», где притяжательная форма указывает на авторство или производство [15, с. 91]. Третью группу представляют конструкции, выражающие выполнение действия лицом, например, «Actor's career», «Obama's destruction», где притяжательная форма связана с агентивностью и активностью субъекта. Четвёртую группу составляют конструкции, обозначающие происшествие или событие, связанное с лицом, как в примерах «person's death», «buyer's failure», где притяжательная форма указывает на причастность субъекта к событию [13, с. 121].

Особое место в системе притяжательных конструкций занимает явление парасубъектных существительных, то есть таких лексических единиц, которые обозначают живых существ или явления с активным потенциалом действия. К этой категории относятся животные, государственные учреждения, организации и другие сущности, обладающие определённой степенью агентивности. Парасубъектные существительные демонстрируют способность к использованию притяжательной формы, хотя и с определёнными ограничениями, что отражает их промежуточное положение между полностью субъектными и условно-субъектными существительными.

Проведённое исследование позволяет выделить несколько качественно различных групп существительных в зависимости от степени реализуемости их субъективного потенциала и способности выступать в качестве носителей притяжательного отношения [8, с. 49]. Первую категорию образуют субъектные существительные, которые обозначают предметы, непосредственно связанные с конкретным лицом, включая предметы, созданные человеком или принадлежащие ему. Примеры типа «Father's room», «Keats' works» демонстрируют высокую степень субъектности, поскольку притяжательная форма в этих случаях выражает ясное и однозначное отношение между субъектом и объектом.

Вторую категорию составляют парасубъектные существительные, которые обозначают живых существ или активные объекты, обладающие определённой степенью агентивности. В эту группу входят названия животных, стран, организаций и учреждений. Примеры типа «dog's photograph», «Germany's industry» демонстрируют, что притяжательная форма может использоваться с существительными, обозначающими нечеловеческие, но активные сущности, хотя частотность и условия такого использования отличаются от субъектных существительных [10, с. 3].

Третью категорию образуют условно-субъектные существительные, характеризующиеся минимальным потенциалом субъектности. К этой группе относятся существительные, обозначающие время, расстояние, пространственные и временные характеристики. Примеры типа «tomorrow's meeting», «at a mile's distance» показывают, что притяжательная форма в этих случаях указывает не на личность или активность субъекта, а на системные или измерительные свойства, на временные или пространственные параметры [6, с. 12]. Использование притяжательной формы с условно-субъектными существительными представляет собой результат метафорического расширения первоначального значения притяжательной конструкции.

Работа подчёркивает, что уровень субъектности существительного выступает в качестве ключевого фактора, определяющего как возможность, так и частотность употребления притяжательной формы. Данный фактор приобретает особую значимость при анализе неодушевлённых существительных и сложных номинативных

групп, где граница между допустимым и недопустимым использованием притяжательной формы становится менее чёткой и требует более тонкого анализа.

Проведённое исследование выявляет, что в основе функционирования притяжательного падежа в английском языке лежит комплексный системный фактор, определяющий как возможность, так и условия употребления этой грамматической категории. Данный фактор связан с потенциалом субъектности, заложенным в семантической структуре существительного и определяющим его способность выступать в качестве активного агента, носителя признака или участника действия [7, с. 173]. Потенциал субъектности представляет собой многоуровневую характеристику, которая зависит от онтологического статуса обозначаемого существительным объекта, его способности к самостоятельному действию и его роли в системе языковых отношений.

На основании анализа функционирования притяжательной формы в различных контекстах существительные могут быть классифицированы в зависимости от степени реализации их субъективного потенциала и способности выступать в качестве носителей притяжательного отношения [10, с. 4]. Данная классификация отражает иерархическую организацию лексических единиц по их способности к использованию притяжательной формы и демонстрирует, что грамматическое поведение существительного находится в прямой зависимости от его семантических характеристик.

Первую и наиболее значимую группу образуют существительные с высоким потенциалом субъектности, которые обозначают физические лица, их действия, деятельность и результаты этой деятельности. В эту категорию входят существительные, обозначающие конкретных людей, профессии, социальные роли и виды деятельности, связанные с человеческой активностью. Примеры типа «man's decision», «teacher's explanation», «writer's style» демонстрируют, что притяжательная форма используется с максимальной частотностью и без каких-либо ограничений при обозначении отношений, в которых участвуют люди [4, с. 154–159]. Высокий потенциал субъектности обусловлен тем, что люди обладают способностью к самостоятельному действию, принятию решений, созданию предметов и явлений, а также способностью быть носителями различных признаков и характеристик.

Семантическое содержание существительных с высоким потенциалом субъектности охватывает широкий спектр значений, включая обозначение конкретных индивидов, групп людей, их профессиональной деятельности, творческих произведений и результатов интеллектуального труда. Притяжательная форма в этих случаях выражает разнообразные типы отношений, начиная от простого отношения владения и заканчивая сложными отношениями авторства, агентивности и причастности к событиям. Универсальность использования притяжательной формы с существительными высокого потенциала субъектности свидетельствует о том, что данная грамматическая категория в первую очередь предназначена для выражения отношений, в которых участвуют активные, сознательные агенты.

Вторую группу составляют существительные со средним потенциалом субъектности, которые обозначают живых существ, не являющихся людьми, а также организации, учреждения и другие коллективные сущности, обладающие определённой степенью агентивности. К этой категории относятся названия животных, птиц, насекомых, а также названия государств, компаний, учреждений и организаций. Примеры типа «dog's tail», «cat's behaviour», «Germany's policy», «company's strategy» показывают, что притяжательная форма может использоваться с существительными, обозначающими нечеловеческие, но активные сущности. Однако частотность и условия использования притяжательной формы с существительными

среднего потенциала субъектности отличаются от её использования с существительными высокого потенциала.

Существительные, обозначающие животных, демонстрируют способность к использованию притяжательной формы в тех случаях, когда речь идёт о частях тела животного, его поведении или его отношениях с другими существами. Однако такое использование ограничено определёнными семантическими контекстами и не является столь универсальным, как в случае с существительными, обозначающими людей. Существительные, обозначающие организации и учреждения, демонстрируют более высокую способность к использованию притяжательной формы, поскольку эти сущности обладают определённой степенью юридической и социальной агентивности, позволяющей им выступать в качестве субъектов действия и носителей признаков.

Третью группу образуют существительные с низким потенциалом субъектности, которые обозначают неодушевленные предметы, абстрактные понятия, временные и пространственные характеристики. К этой категории относятся существительные, обозначающие физические объекты, явления природы, временные периоды, расстояния и другие измеримые характеристики. Примеры типа «table's leg», «book's page», «tomorrow's meeting», «mile's distance» демонстрируют, что притяжательная форма может использоваться и с существительными низкого потенциала субъектности, однако такое использование подчиняется строгим семантическим и синтаксическим ограничениям.

Использование притяжательной формы с существительными низкого потенциала субъектности часто связано с метафорическим расширением первоначального значения притяжательной конструкции. В случае с существительными, обозначающими части предметов, притяжательная форма выражает отношение партитивности, то есть отношение части к целому. В случае с существительными, обозначающими временные характеристики, притяжательная форма выражает временное соотношение или указывает на то, что событие или явление связано с определённым временным периодом. Такое использование притяжательной формы представляет собой результат аналогии и расширения первоначального значения этой грамматической категории на новые семантические области.

Четвёртую группу составляют существительные с минимальным потенциалом субъектности, использование притяжательной формы с которыми либо невозможно, либо крайне ограничено и маргинально. К этой категории относятся существительные, обозначающие абстрактные понятия, качества, состояния и другие явления, которые не обладают никакой степенью агентивности или активности. Примеры типа «beauty's essence», «sadness's origin» демонстрируют, что использование притяжательной формы с такими существительными возможно только в специальных контекстах, часто в поэтическом или риторическом языке, где нарушение обычных грамматических норм служит определённым стилистическим целям.

Заключение

Анализ показывает, что потенциал субъектности существительного выступает в качестве основного фактора, определяющего как возможность использования притяжательной формы, так и частотность её употребления в различных контекстах. Данный фактор взаимодействует с другими лингвистическими и экстралингвистическими факторами, включая синтаксический контекст, стилистические особенности текста и коммуникативные цели говорящего. Понимание механизмов функционирования потенциала субъектности позволяет объяснить, как регулярные закономерности в использовании притяжательной формы, так и исключения из общих правил, которые встречаются в реальном языковом материале.

Список источников и литературы

1. Английское притяжательное // Альфапедия: Свободная Российская Энциклопедия : [сайт]. URL: https://alphapedia.ru/w/English_posessive (дата обращения: 14.11.2025).
2. Ахмедова З. М. Выражение концепта принадлежности в английском языке формой абсолютного родительного падежа и его эквиваленты в азербайджанском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 53–61.
3. Багиян А. Ю. Лингвистическое моделирование профессиональной идентичности: системный анализ когнитивно-дискурсивной матрицы: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8 / Багиян Александр Юрьевич. Ставрополь, 2025. 443 с.
4. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.
5. Безбородова М. В. Социальная принадлежность как фактор изменения в системе британского произносительного стандарта // Культура и цивилизация. 2016. № 6. С. 48–54.
6. Германова Н. Н. На подступах к типологической классификации языков: Г. Жирар, Н. Бозе, А. Смит // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4 (833). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/na-podstupah-k-tipologicheskoy-klassifikatsii-yazykov-g-zhirar-n-boze-a-smi> (дата обращения: 16.11.2025).
7. Иванова Т. А. О содержании категории притяжательности // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История, язык, литература. 1975. Вып. 2, № 8. С. 171–174.
8. Костромин А. Б., Горбатенко О. Г. Притяжательный падеж и категория субъектности английских существительных // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 1. С. 47–52.
9. Малахова В. Л. Притяжательные номинации как средство упорядочивания pragmasемантической системы английского дискурса // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 8 (15). URL: <https://research-journal.org/archive/8-15-2013-august/possessive-nominations-as-a-means-of-structuring-pragmatic-and-semantic-systemity-of-english-discourse> (дата обращения: 10.11.2025).
10. Пономаренко Е. В. О принципах синергетического исследования речевой деятельности // Вопросы филологии. 2007. № 1. С. 14–23.
11. Рустамов И. Х. Средства выражения принадлежности в разно-системных языках (на материале современного английского, русского и азербайджанского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Рустамов Исмет Ханыш оглы. Баку, 1984. 184 с.
12. Селиверстова О. Н. Контраxтивная синтаксическая семантика: опыт описания. М.: УРСС, 2004. 152 с.
13. Таджибова Р. Р. Семантическая деривация в русском и английском языках: сопоставительный аспект // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. № 1. С. 116–124.
14. Федотова Ю. Б. Влияние социально-языковых факторов на изменения в стандартных произносительных нормах английского языка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2, № 2-1. С. 257–261.
15. Шарафутдинова Р. Т. Функционирование изафетных конструкций в татарском языке и соответствующих генитивных конструкций в английском языке (на материале средств массовой информации): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8 / Шарафутдинова Рузия Талгатовна. Казань, 2024. 170 с.

References

1. ‘Angliyskoye prityazhatelnoye’ (English possessive), *Alphapedia*, viewed 14 November 2025, https://alphapedia.ru/w/English_posessive (In Russ.)

2. Akhmedova, ZM 2017, 'Vyrazheniye kontsepta prinadlezhnosti v angliyskom yazyke formoy absolyutnogo roditelnogo padezha i yego ekvivalenty v azerbaydzhanskem yazyke' (The expression of possession concept in English by means of the absolute form of the genitive case and its equivalents in the Azerbaijani language), *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki* (Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities), no. 2, viewed 17 November 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-kontsepta-prinadlezhnosti-v-angliyskom-yazyke-formoy-absolyutnogo-roditelnogo-padezha-i-ego-ekvivalenty-v-azerbaydzhanskem-1> (In Russ.)
3. Bagiyan, AYu 2025, Lingvisticheskoye modelirovaniye professionalnoy identichnosti: sistemnyy analiz kognitivnodiskursivnoy matritsy (Linguistic modeling of professional identity: a systematic analysis of the cognitive-discursive matrix), PhD thesis, Pyatigorsk State University, Stavropol. (In Russ.)
4. Bondarko, AV 1996, *Teoriya funktsional'noy grammatiki: lokativnost, bytiynost, possessivnost, obuslovlennost* (Theory of functional grammar: locativity, beingness, possessiveness, conditionality), Nauka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
5. Bezborodova, MV 2016, 'Sotsialnaya prinadlezhnost kak faktor izmeneniya v sisteme britanskogo proiznositel'nogo standarta' (Social background as a factor of changes within the system of standard British English), *Kultura i tsivilizatsiya* (Culture and Civilization), no. 6, pp. 48–54. (In Russ.)
6. Germanova, NN 2020, 'Na podstupakh k tipologicheskoy klassifikatsii yazykov: g. Zhirar, N. Boze, A. Smit' (Approaching typological classification of languages: G. Girard, N. Beauzée, A. Smith), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* (Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities), no. 4 (833), viewed 16 November 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/na-podstupah-k-tipologicheskoy-klassifikatsii-yazykov-g-zhirar-n-boze-a-smit> (In Russ.)
7. Ivanova, TA 1975, 'O soderzhanii kategorii prityazhatelnosti' (On the content of the category of possessiveness), *Vestnik LU. Istorija, yazyk, literature*, vol. 2, no. 8, pp. 171–174. (In Russ.)
8. Kostromin, AB & Gorbatenko, OG 2015, 'Prityazhatelnyy padezh i kategoriya subyektnosti angliyskikh sushchestvitelykh' (Possessive case and category of subjectivity of English nouns), *Vestnik RUDN, seriya Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* (Bulletin of People's Friendship University of Russia. Series Russian and foreign languages. Methods of its teaching), no. 1, pp. 47–52. (In Russ.)
9. Malakhova, VL 2013, 'Prityazhatelnye nominatsii kak sredstvo uporyadochivaniya pragmato-semanticeskoy sistemy angliyskogo diskursa' (Possessive nominations as a means of structuring pragmatic and semantic systemity of English discourse), *MNIZH* (International Research Journal), no. 8–2 (15), viewed 10 November 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/prityazhatelnye-nominatsii-kak-sredstvo-uporyadochivaniya-pragmato-semanticeskoy-sistemy-angliyskogo-diskursa> (In Russ.)
10. Ponomarenko, EV 2007, 'O printsipakh sinergeticheskogo issledovaniya rechevoy deyatelnosti' (On the principles of synergetic research of speech activity), *Voprosy filologii* (Journal of philology), no. 1, pp. 14–23. (In Russ.)
11. Rustamov, IKh 1984, Sredstva vyrazheniya prinadlezhnosti v razno-sistemnykh yazykakh (na materiale sovremennoy angliyskogo, russkogo i azerbaydzhanskogo yazykov) (Means of expressing belonging in languages of different systems (based on the material of modern English, Russian and Azerbaijani languages), PhD thesis, Azerbaijan Pedagogical Institute of Foreign Languages named after the 50th anniversary of the USSR, Baku. (In Russ.)
12. Seliverstova, ON 2004, 'Kontrastivnaya sintaksicheskaya semantika. Opyt opisaniya' (Contrastive syntactic semantics. Experience of description), *Trudy po semantike* (Semantics writings), Moscow. (In Russ.)
13. Tadzhibova, RR 2015, 'Semanticeskaya depivatsiya v russkom i angliyskom yazykakh: sopostavitelnyy aspekt' (Semantic derivation in Russian and English: a comparative aspect), *VESTNIK Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* (Pushkin Leningrad State University Journal), no. 1, pp. 116–124. (In Russ.)
14. Fedotova, YuB 2016, 'Vliyaniye sotsialno-yazykovykh faktorov na izmeneniya v standartnykh proiznositelnykh normakh angliyskogo yazyka' (The influence of social and linguistic factors

- on changes in standart pronunciation norms of the English language), *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki* (Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences), no. 2-1, viewed 15 November 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-yazykovykh-faktorov-na-izmeneniya-v-standartnyh-proiznositelnyh-normah-angliyskogo-yazyka> (In Russ.)
15. Sharafutdinova, RT 2024, Funktsionirovaniye izafetnykh konstruktsiy v tatarskom yazyke i sootvetstvuyushchikh genitivnykh konstruktsiy v angliyskom yazyke (na materiale sredstv massovoy informatsii) (The functioning of isafete constructions in the Tatar language and the corresponding genitive constructions in English (based on the material of the mass media)), PhD thesis, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan. (In Russ.)

Вклад авторов:

Разоренов Д. А. – выбор темы, написание статьи, научное редактирование текста.
Ишекенов Н. А. – идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи.

Contribution of the authors:

Dmitriy A. Razorenov – choosing a topic, writing an article, scientific text edition.

Nikita A. Ishekenov – idea, collection of material, processing of material, writing an article.

Статья поступила в редакцию: 20.11.2025

Одобрена после рецензирования: 12.12.2025

Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 20.11.2025

Approved after reviewing: 12.12.2025

Accepted for publication: 12.12.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 187–197.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 187–197.

Научная статья
УДК 81'44
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-187-197>

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

**Татьяна Владимировна
Сафонова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, safonova76@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8871-2069>

Аннотация. В статье рассматриваются основные способы актуализации культурного контекста в рекламном дискурсе. Материалом для исследования послужила серия рекламных роликов «А вот был бы тогда ВТБ!». В ходе исследования была выдвинута следующая гипотеза: обращение к эталонам, образам и сюжетам культуры в современном рекламном дискурсе становится одной из ведущих стратегий, поскольку позволяет решить сразу ряд важных задач: интеграцию с общим культурным пространством, моделирование общественного сознания за счет использования общепризнанных идей, усиление имиджа компании и более убедительное продвижение ее товара и услуги на рынке. Актуализация культурного контекста в дискурсе рекламы осуществляется различными способами: в нашем случае это прямое цитирование литературного источника, пересказ сюжета или одной из сюжетных линий, визуализация ключевых образов, эпизодов и пр. При этом наиболее значимыми становятся приемы трансформации литературной основы, ее переосмысление с учетом коммерческой задачи – ведущей в данном случае становится стратегия редукционизма, основанная на упрощении ситуации. Поставленная в исследовании цель определила необходимость освещения ряда дополнительных вопросов: в статье рассматриваются проблемы соотношения понятий «текст» и «дискурс», «медиатекст» и «медиадискурс», выделяются сущностные характеристики дискурса рекламы, обосновывается выбор методов дискурсивного анализа. Весьма значимым для проведенного исследования стало понятие «контекст». В практике анализа дискурса данный термин все чаще приобретает широкое осмысление, предполагающее необходимость учитывать ряд внешних параметров, обусловливающих специфику «текста в действии»: особенность участников коммуникации, места, времени, обстановки, а также глобальные маркеры (национальные, политические, культурные и пр.).

Ключевые слова: культурный контекст, медиадискурс, рекламный дискурс, языковые средства.

Для цитирования: Сафонова Т. В. К вопросу о способах актуализации культурного контекста в рекламном дискурсе // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 187–197. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-187-197>

Сведения об авторе: Т. В. Сафонова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 81'44

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-187-197>

ON THE ISSUE OF WAYS TO ACTUALIZE CULTURAL CONTEXT IN ADVERTISING DISCOURSE

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, safonova76@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8871-2069>

Abstract. The article examines the main ways of actualizing the cultural context in advertising discourse. The material for the study was a series of commercials called "If only VTB existed back then!" The study hypothesized that referring to cultural standards, images, and narratives in modern advertising discourse has become a leading strategy, as it allows for the simultaneous solution of several important tasks: integration with the general cultural space, modeling public consciousness through the use of universally recognized ideas, enhancing the company's image, and promoting its products and services more effectively in the market. There are various ways to actualize cultural context in advertising discourse. In this case, it is a direct quotation from a literary source, plot or one of its plotlines retelling, visualization of key images, episodes, etc. At the same time, it is worth noting the important role of transformations of the literary base, as well as its reinterpretation taking into account the commercial task. In the analyzed case, reductionism based on simplification of the situation becomes the leading strategy. The goal set in the study determined the need to cover a number of additional issues: considering the correlation of the text and discourse concepts, media text and media discourse, highlighting the essential characteristics of advertising discourse, and justifying the choice of discourse analysis methods. The context has become very important concept for this study. In the discourse analysis practice, this term is increasingly being used in a broad sense, which implies the need to take into account a number of external parameters that determine the 'text in action' specifics: the communicants' characteristics, place, time, and setting, as well as global markers (national, political, cultural, etc.).

Keywords: cultural context, media discourse, advertising discourse, and linguistic means.

For citation: Safonova, TV 2025, 'On the Issue of Ways to Actualize Cultural Context in Advertising Discourse', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 187–197, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-187-197> (in Russ.)

Information about the Author: Tatiana V. Safonova – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Данное исследование проводится в рамках относительно нового для отечественного языкознания направления – медиалингвистики, возникновение которого обусловлено спецификой функционирования языка в условиях интенсивно развивающихся и в силу этого все более усиливающих свое влияние на все сферы жизнедеятельности общества средств массовой информации. Впервые термин был употреблен в статье Дж. Корнера «The Scope of Media Linguistics», здесь же получили освещение основные задачи новой ветви лингвистических исследований. Используемый термин «медиалингвистика» отражает интерактивный характер данной отрасли знаний: «Предметом этой новой дисциплины стало изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации» [6, с. 9].

Несмотря на положение относительно молодой науки, она уже дает ответы на многие вопросы, касающиеся языка массмедиа. Вместе с тем ряд важных для нашего исследования понятий требует уточнения. В первую очередь, это соотношение базовых для медиалингвистики категорий: текст и дискурс, медиатекст и медиадискурс.

Статус активно и давно употребляемого термина не избавил тем не менее понятие «текст» от некоторых разнотечений. Остановимся на ряде наиболее известных его определений: «Текст (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность <...>; в языкознании текст – последовательность вербальных (словесных) знаков. Правильность построения верbalного текста, который может быть устным и письменным, связана с соответствие требованию «текстуальности» – внешней связности, внутренней осмыслинности, возможности своевременного восприятия, осуществления необходимых условий коммуникации» [15]. Ср. также: «Текст – произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовок) и ряда особых единиц (сверхфразовых единиц), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [3, с. 18].

В отличие от текста, в интерпретации которого исследователи обращают больше внимания на его вербальную составляющую, дискурс предполагает непосредственное участие паралингвистических и невербальных компонентов. Таким образом, можно говорить об отношениях включенности понятий: текст как более узкая категория является частью дискурса, а медиатекст – «дискретной единицей по отношению к медиадискурсу» [5, с.15]. В настоящий момент продолжают разрабатываться фундаментальные вопросы теории медиадискурса, связанные с уточнением самого понятия, выявлением его сущностных характеристик, структуры, методологии исследования, а также появляются труды, касающиеся ряда частных аспектов (Т. Г. Добросклонская, Л. В. Ермакова, М. В. Коновалова, Е. А. Кожемякин, И. В. Анненкова, Л. Р. Дускаева, А. В. Олянич, Е. Ю. Ильинова и др.).

Современное медиапространство – сложная многоуровневая система, ее составляющие разнообразны и отличаются своей спецификой. Данное свойство массмедиа предполагает необходимость решения еще одного важного вопроса, связанного с выделением жанров медиадискурса, все многообразие которых ученые склонны систематизировать в рамках типов медиадискурса: 1) по коммуникативным функциям: публицистический, рекламный, PR-дискурс; 2) по каналам реализации: теледискурс, радиодискурс и компьютерный дискурс [9,12].

Среди существующих в научной литературе определений рекламного дискурса отметим предложенное Д. С. Скнаревым: реклама – это «разновидность маркетинго-

вой коммуникации, для создания которой привлекаются различные визуально-вербальные, аудиальные и иные средства, что дает основание рассматривать ее как особым образом организованный дискурс, использующий специфический арсенал рекламы, языковых средств, приемов и маркетинговых текстовых единиц (в зависимости от поставленных перед ней задач), предназначенных для формирования системы образов рекламного дискурса, а также для наиболее эффективного достижения стратегических (имидж бренда, повышение осведомленности целевой аудитории о продукте и сохранении лояльного к нему отношения с ее стороны) и тактических (продажа товара) маркетинговых целей» [10, с. 22–23]. В свою очередь, в зависимости от цели, лежащей в основе того или иного рекламного продукта, речь может идти о социальной, политической или коммерческой рекламе.

Предмет нашего исследования предполагает также необходимость рассмотрения еще одного важного понятия – «контекст». Дело в том, что долгое время в оппозиции текст – дискурс релевантным признаком их различия считалось определение последнего через формулу «текст + ситуация» [11, с. 139]. На сегодняшний день предпочтение отдается термину «контекст». Согласно широкому подходу, контекст дискурса может быть представлен набором окружностей: «малый круг» – «это сугубо речевое обрамление дискурса», затем следует круг коммуникантов, далее – время и пространство, еще более широкий круг представляет общественные институты, и наконец – все общество «со своей историей становления и функциями» [11, с. 140]. В практике анализа конкретного дискурса, как правило, сложно учесть все составляющие его контекста. Однако такое широкое интерпретационное поле позволяет исследователю выделить интересующую его в данный момент часть контекстуальной информации. Такой широкий подход позволяет исследователям выделить следующие типы контекста: локальный – определяется временем, местом, обстановкой осуществляющей коммуникации, индивидуальными особенностями ее участников, их социальными ролями; глобальный – специфика дискурса обусловлена национальными, этническими, политическими, идеологическими, культурными установками, действующими в данном обществе.

Материалы и методы

Основная цель исследования заключалась в характеристике способов трансформации культурного контекста, используемого в дискурсе рекламы. Поставленная цель определила эмпирическую базу работы – конкретный рекламный продукт коммерческой направленности в интернет- и телефонном формате. При анализе материала учитывались следующие его свойства: 1) сочетание убеждающих и манипулятивных приемов в организации дискурса; 2) отсутствие конкретной связи с реципиентом – он «присутствует гипотетически»; 3) использование собственных вербальных и невербальных средств передачи информации; 4) лаконичность формы в сочетании с максимальной информативностью; 5) модульность (рекламный материал воспроизводится блоками); 6) яркость и броскость рекламного текста любого формата; 7) креолизованность [8, с. 325–326].

Поставленной целью и спецификой изучаемого материала объясняется выбор методов исследования с опорой на практику дискурсивного анализа. Дискурс-анализ здесь понимается как «интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности» [7, с. 15]. Методологию дискурсивного анализа в свою очередь составляют методы социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и прочее. Дискурс-анализ направлен на изучение устной и письменной форм коммуникации в реальных условиях. Большое внимание при этом уделяется социальной и когнитивной составляющим процесса общения.

Таким образом, приемы дискурс-анализа позволяют рассмотреть рекламный продукт как сложное, многоуровневое семиотическое единство вербальных и невербальных компонентов. На микроуровне представляется возможным проанализировать характер участия языковых единиц, визуальных и аудиальных средств в реализации смысла и прагматики рекламного дискурса. На макроуровне – используемые с этой целью авторские стратегии воздействия на получателя информации и его потенциальный интерпретационный отклик.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования были подтверждены следующие положения.

1. Культурный контекст нередко становится необходимой базой для создания и функционирования дискурса коммерческой рекламы. Его присутствие может носить как явный, так и скрытый характер.

2. Использование традиционных образов, символов, идей культуры способствует интеграции современного рекламного дискурса в сложившееся культурное пространство в качестве ее неотъемлемой составляющей.

3. Современный рекламный дискурс, в том числе и коммерческая реклама, стремится моделировать общественное сознание, порождая необходимые ему смыслы. С этой целью эталоны культуры могут трансформироваться, что способствует созданию нового культурного поля, отражающего тренды современного общества.

4. Посредством актуализации культурного контекста создается легко узнаваемый, но в то же время оригинальный образ того или иного рекламируемого продукта, что должно вызывать эмпатию у потенциального потребителя, формировать доверие и в целом увеличивать конкурентоспособность рекламируемого товара или услуги.

5. Актуализация культурного контекста, а также его трансформация осуществляется в дискурсе коммерческой рекламы с помощью средств языка и знаков других семиотических систем, участвующих в организации определенного типа дискурса.

Обсуждения

Показательным примером обращения к символам культуры является, на наш взгляд, серия рекламных роликов «ВТБ – это классика». В слогане, послужившем и собственно названием всего рекламного модуля, обыгрывается значение слова классика, под которым принятом понимать общепризнанные образцовыми произведениями литературы и культуры в целом. В широком смысле слово употребляется применительно к какому-либо эталонному явлению. Таким образом, прагматическая установка авторов данной рекламной серии заключается в создании положительного, проверенного временем, образцового имиджа банка. Кроме того, и саму рекламу можно рассматривать в качестве попытки заявить о себе как о классике отечественной рекламы, а значит, стать частью отечественной культуры. Данные задачи определили и концепцию рекламной серии: в основе каждой серии – сюжет хорошо известного аудитории произведения русской классической литературы. На момент подготовки работы это «Пиковая дама» и «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Мертвые души» и «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Бесприданница» А. Н. Островского, «Обломов» И. А. Гончарова, «Муму» И. С. Тургенева, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Вишневый сад» А. П. Чехова, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова.

Следует отметить, что рекламная серия ориентирована на широкую аудиторию, потенциально заинтересованную в том или ином банковском продукте и гипотетически малоосведомленную в вопросах литературоведения, поэтому в данной серии рекламы весьма свободно трансформируются идеи авторов литературных

произведений. По сути, в русле господствующей на сегодняшний момент парадигмы постмодерна создатели рекламы выстраивают свой диалог с классикой, характер которого в полной мере определяется маркетинговой стратегией. Отсюда и выбор произведений: они не просто общеизвестны, в каждом из них присутствует в той или иной степени трагическая ситуация, разрешающаяся благополучно в сюжете рекламы.

Объединяет ролики в единую серию не только отсылка к русской классической литературе, но и новый для первоисточника персонаж – представитель банка. Здесь также можно отметить определенную литературную аллюзию: данный прием нередко использовался в рассказах, новеллах, повестях, объединяемых в цикл или сборник. Достаточно вспомнить «Повести Белкина» А. С. Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Записки охотника» И. С. Тургенева, «Маленькую трилогию» А. П. Чехова.

Важным элементом композиции рекламы и неверbalным способом актуализации культурного контекста является книга, которую рассказчик, как правило, раскрывает в самом начале рекламного сюжета или в кульминационный момент литературного действия – переломный момент в судьбе героя (героев) произведения. Страницы книги в данном случае могут быть заложены банковским талоном, что одновременно является своеобразным знаком поворота в ходе сюжета и связующим звеном между литературной историей и альтернативной банка. После слов представителя банка «Вот был бы тогда ВТБ!» ход литературного повествования кардинально меняется: с помощью ипотеки москвичи решают квартирный вопрос, Герасим покупает вольную и сохраняет жизнь Муму, Лариса Огудалова открывает свой бизнес и проводит время в путешествиях и прочее. Таким образом, имплицитно, посредством хода уже рекламного действия присутствует мысль о том, что с помощью кредитных предложений банка можно выйти из самых сложных жизненных ситуаций. Как уже отмечалось, реклама рассчитана на массового потребителя, которому в большей степени важна счастливая развязка, чем идея писателя, вложенная в трагический финал повести или романа.

Каждый ролик заслуживает в нашем случае отдельного рассмотрения, поскольку отличается специфическими приемами актуализации и трансформации культурного контекста. В рамках статьи рассмотрим некоторые из них.

Для продвижения услуг по ипотечному кредитованию, открытию вкладов и кредитных карт авторы рекламы используют эпизод выступления Воланда в Варьете. Вербальными актуализаторами литературной основы становятся цитаты из романа М. А. Булгакова. Однако в их использовании наблюдаются определенная фактическая неточность. Фраза «Однажды на Патриарших прудах в час небывало жаркого заката...» служит началом рекламного ролика и в этом случае завязкой сцены в Варьете. Как известно, у М. А. Булгакова это начало романа: «В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах...» [2, с. 5]. В рекламном варианте можно отметить явное упрощение структуры фразы, смысловое выделение места и времени событий и важное для актуализации булгаковского текста упоминание имени собственного – Патриаршие пруды. Такое изменение способствует ее более гармоничному функционированию в дискурсе рекламы.

В рекламном тексте используются также известные фразы Бенгальского: «выступает знаменитый иностранный артист месье Воланд», «случай так называемого массового гипноза», Фагота – «таперича откроем дамский магазин». Их изменение минимально, а место в сюжете рекламы соответствует сюжету романа. «Люди как люди, любят деньги, но ведь так всегда было, и милосердие иногда стучится в их сердца, но вот только квартирный вопрос их испортил» – в устах рекламного Волан-

да хрестоматийная фраза романа становится более лаконичной, что, как уже отмечалось, соответствует стилистике рекламного текста.

Средства кинематографа позволяют достаточно развернутый эпизод романа представить сжато, поэтому для актуализации исходного литературного контекста весьма важен визуальный ряд. Участниками становятся известные литературные персонажи – кот Бегемот, Воланд, Фагот-Коровьев, Бенгальский. Узнаваемость рекламных образов поддерживается некоторыми деталями портретов, в большей или меньшей степени соответствующими литературным прототипам: огромных размеров черный кот, Воланд – высокий брюнет в элегантном черном костюме, с низким бархатным голосом и морщинками на лбу; Коровьев – мужчина средних лет в несущем клетчатом костюме и треснутом пенсне. Используются в видеофрагменте и другие, хорошо известные по роману детали: Воланд располагается на сцене в кресле, в лапах кота лентой мелькает колода карт, Фагот стреляет в воздух – на зрителей сыплются червонцы, исчезают наряды дам. В целом стилистика визуальной части ролика приближена к атмосфере 30-х годов XX в.

Таким образом, в первой части рекламного ролика прослеживается установка на максимальное сближение с романом Булгакова, для чего используются различного рода аллюзии.

Вторая часть – своего рода ремейк романа: история переосмысливается и получает продолжение с учетом маркетинговой концепции банка. Отсылкой к литературному источнику здесь на верbalном уровне служит слоган «Чтобы деньги не превращались в бумажки!..» и хорошо известное выражение «квартирный вопрос». На невербальном – персонажи М. А. Булгакова, которые благодаря первой части легко узнаются зрителями и в их современном обличии, а также интерьер квартиры № 50 на Садовой. Прагматическая установка реализуется посредством фразы Воланда «Там, где ВТБ, нам делать нечего!» Прогнозируемый вывод со стороны реципиента можно сформулировать следующим образом: решение аналогичных проблем возможно с помощью услуг данного банка.

Обращаясь к произведению И. С. Тургенева, авторы рекламной версии делают акцент на трагической истории Герасима и его собачки Муму. Тактика воздействия на аудиторию в данном случае очевидна – это апелляция к чувствам. Без сомнения, сюжет хорошо знаком многим и читатели желали бы его счастливого завершения.

Актуализация литературного контекста на вербальном уровне – цитаты из рассказа. «Он назвал ее Муму. Она была чрезвычайно умна. Ко всем ласкалась, но любила одного Герасима»; «Неужели какая-то собачонка дороже спокойствия и жизни его барыни»; «Герасим все греб да греб. Вот уже Москва осталась позади: потянулись поля, луга, рощи. Вот наконец он выпрямился, поспешно поднял Муму над рекой и в последний раз посмотрел на нее» [13], – такова текстовая основа отмеченного рекламного дискурса, представляющая собой, как мы видим, ключевую информацию одной из сюжетных линий рассказа. Видеоряд организуют следующие кадры: барская усадьба, Герасим в сопровождении маленькой собачки, капризная барыня, толпа слуг, врывающаяся к Герасиму в поисках собачки, Герасим и Муму в лодке на реке, – зритель, знакомый с сюжетом рассказа, легко узнает его ключевые моменты и восстанавливает ход событий. Не может не тронуть зрителя используемый в дискурсе кинематографический прием: милая мордочка собачки, безумно преданный, доверяющий взгляд крупным планом в тот момент, когда Герасим поднимает ее над рекой. Этот кульминационный момент становится поворотной точкой для альтернативной версии: Герасим сохраняет жизнь Муму, покупает вольную и открывает прокат лодок под говорящим названием «Герасим и Муму». Прогнозируемый результат со стороны реципиента дискурса: счастливое завершение истории собачки и ее хозяина не может не порадовать аудиторию, положительный эмоциональный отклик бу-

дет способствовать формированию положительного образа банка, а значит, и продвижению его коммерческих услуг.

Взаимоотношения Ильи Ильинской и Ольги Обломова положены в основу еще одного рекламного ролика. Как и в предыдущих примерах, вербальная часть здесь минимальна: представлен диалог Ольги и Обломова («–Как глубоко вы чувствуете музыку! – Нет, я чувствую не музыку, любовь!»), упоминается слуга Захара, письмо из деревни о недоимках в имении, диалоги героев о помолвке, разрыве отношений с обязательной отсылкой к общественной характеристике героя и ему подобных – «обломовщина») [4]. Кадры видеоряда также отсылают к литературной основе: комната со знаменитым диваном, гостиная в доме Ильинской, дачи, смена времен года и т.д.

Как и в проанализированных выше роликах, отправным моментом для финальной части романа становится только поверхностный, событийный план романа, глубинный смысл, предполагающий анализ социальных, психологических причин поступков литературных героев, не учитывается, поэтому в рекламном ролике Штолльц превращается в разлучника («Немец помочь Обломову не сумел, только невесту увел»), а халат и диван – символы благополучной жизни.

Еще один ролик этой серии, к которому хотелось бы обратиться в данной статье, связан с сюжетом романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Литературный контекст – краткий пересказ истории Евгения с опорой на ключевые слова и фразы из романа. Мы узнаем, что Евгений – нигилист, который ничего не признает, ничего не уважает: «Евгений не верил ни в любовь, ни в дружбу, ни в принципы прежних поколений. Порвав со всеми, уехал к родителям, заразился на вскрытии и умер» [14]. Закадровый голос сопровождают следующие видеофрагменты: приезд к Кирсановым, сцена за обедом, где присутствуют важные для романа герои (братья Кирсановы, Фенечка с сыном, Аркадий), бал у губернатора, сцена ухаживаний Базарова за Фенечкой, дуэль.

Быстрая смена достаточно кратких кадров, сопровождаемая таким же кратким пересказом, значительно упрощает используемые сюжетные линии первоисточника, что, как уже отмечалось, обусловлено эстетикой рекламы: краткость, яркость, броскость, простота в подаче материала, минимализм в деталях и т.д. Здесь отметим не просто упрощение образа Базарова, а некое ироничное его осмысление, чему, на наш взгляд, способствуют некоторые детали видеоряда. Это, прежде всего, хрестоматийные лягушки: зритель в начале ролика наблюдает в руках Евгения банку с лягушками, в finale, предлагающем альтернативную версию истории Базарова, эта же банка уже в руках, по всей вероятности, Ситникова. Сам Евгений необыкновенно весел, что явно резонирует с его литературным обликом.

На верbalном уровне реализуется смысловой контраст между стабильной жизнью, семейными ценностями и принципами героя: «Семейный банк – выгодно и отцам, и детям»; «Аркадий женится»; «–А лягушки? – Да ну их!». Прогнозируемый результат: выбор со стороны рядового зрителя в пользу «нового» Базарова, который предпочел «правильную», привычную модель жизни.

В целом, композицию всех рекламных роликов данной серии можно представить в виде следующей схемы: проблема (здесь «эксплуатируется» тот или иной литературный сюжет, образ) – упрощение ситуации (маркером является слоган «А вот был бы тогда ВТБ») – решение, предлагаемое банком. Подобные когнитивные приемы реализуют ведущую в серии когнитивную стратегию редукционизма [1, с. 140].

Сложный культурный контекст, интерпретация которого требует определенных интеллектуальных затрат, упрощается, сводится к некоторой совершенно житейской ситуации, а ее решение подается в мягкой форме за счет апелляции к обычным потребностям человека (любовь, уважение, семья, финансовая стабильность и

др.). Конечно, такое переосмысление литературного источника весьма провокационно и поэтому оценивается неоднозначно. Однако следует признать, что рекламная серия «Вот был бы тогда ВТБ!» привлекает внимание аудитории, что также является своего рода манипулятивным приемом воздействия на потребителя.

Заключение

1. Культурный контекст становится основой для создания новых образов и смыслов, значимых для потребителя определенного рекламного продукта.

2. Актуализация культурного контекста на вербальном уровне осуществляется посредством прямого цитирования, употребления ключевых слов и выражений из литературного источника, пересказ сюжета.

3. На неверbalном уровне актуализаторами становятся экранные образы персонажей, соответствующие литературным прототипам, визуализация их действий, места и времени событий.

4. Основная стратегия трансформации культурного контекста направлена на упрощение хорошо известной ситуации с последующим ее решением посредством определенного коммерческого продукта и услуги.

Упрощение базируется на «эксплуатации» только событийного плана культурного контекста, а решение основывается на апелляции к базовым потребностям человека, его эмоциям.

Список источников и литературы

1. Бронникова О. В., Головко А. С. Мультимодальные средства презентации прагматического потенциала в рекламном дискурсе // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 1. С. 132–144. URL: <https://lingngu.elpub.ru/jour/article/view/693> (дата обращения: 28.09.2025).
2. Булгаков М. Мастер и Маргарита. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 416 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS: КомКнига, 2007. 144 с.
4. Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4: Обломов. М.: Гослитиздат, 1953. 520 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://ilibrary.ru/text/475/p.1/index.html> (дата обращения: 09.09.2025). Доступ на сайте Интернет-библиотека Алексея Комарова.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: (современная английская медиаречь): учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
6. Добросклонская Т. Г., Чжан Хуэйцинь. Медиалингвистика в России и за рубежом: достижения и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 9–19. Электрон. версия печ. публ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialingvistika-v-rossii-i-za-rubezhom-dostizheniya-i-perspektivy> (дата обращения: 08.10.2025). Доступ на сайте КиберЛенинка.
7. Ермакова Л. В. Дискурсивный анализ: учеб. пособие. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. 80 с.
8. Современный медиатекст: учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. Омск: Полиграф. центр "Татьяна", 2011. 414 с.
9. Оломская Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 250–259.
10. Скнарев Д. С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Скнарев Дмитрий Сергеевич. Челябинск, 2015. 390 с.
11. Скребцова Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика: курс лекций. М.: ЯСК, 2020. 312 с.
12. Темникова Л. Б. К вопросу о типологии медиадискурса // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 119 (05). С. 1–13. Электрон. копия публ. URL: <https://cyberleninka.ru/>

- article/n/k-voprosu-o-tipologii-mediadiskursa (дата обращения: 28.09.2025). Доступ на сайте КиберЛенинка.
13. Тургенев И. С. Муму // Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 603–611. Электрон. верс. печ. изд. URL: <https://ilibrary.ru/text/1250/index.html> (дата обращения: 09.09.2025). Доступ на сайте Интернет-библиотека Алексея Комарова.
 14. Тургенев И. С. Отцы и дети // Записки охотника. Накануне. Отцы и дети. М.: Худож. лит., 1971. С. 465–636. (Б-ка всемирной литературы; сер. 2, т. 117). Электрон. версия печ. изд. URL: <https://ilibrary.ru/text/96/index.html> (дата обращения: 09.09.2025). Доступ на сайте Интернет-библиотека Алексея Комарова.
 15. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

References

1. Bronnikova, OV & Golovko, AS 2024, ‘Multimodalnyye sredstva reprezentatsii pragmaticheskogo potentsiala v reklamnom diskurse’ (Multimodal Means of Representing Pragmatic Potential in Advertising Discourse), *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication), no. 1, viewed 28 September 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnye-sredstva-reprezentatsii-pragmaticheskogo-potentsiala-v-reklamnom-diskurse> (In Russ.)
2. Bulgakov, M 2000, *Master i Margarita* (The Master and Margarita), Izd-vo EKSMO-Press publ, Izd-vo EKSMO-MARKET publ, Moscow. (In Russ.)
3. Galperin, IR 2007, *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* (Text as an Object of Linguistic Research), KomKniga publ, Moscow. (In Russ.)
4. Goncharov, IA 1953, *Sobraniye sochineniy v osmi tomakh* (Collected Works in 8 Volumes), vol. 4, Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury publ, Moscow, viewed 9 September 2025, <https://ilibrary.ru/text/475/p.1/index.html> (In Russ.)
5. Dobroslkonskaya, TG 2008, *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech* (Media Linguistics: A Systemic Approach to the Study of Media Language: Modern English Media Speech), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
6. Dobroslkonskaya, TG & Zhang H 2015, ‘Medialingvistika v Rossii i za rubezhom: dostizheniya i perspektivy’ (Media Linguistics in Russia and Abroad: Achievements and Prospects), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Moscow University Bulletin. Series 19 – Linguistics and Intercultural Communication), no. 1, viewed 8 October 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/medialingvistika-v-rossii-i-za-rubezhom-dostizheniya-i-perspektivy> (In Russ.)
7. Yermakova, LV 2014, *Diskursivnyy analiz* (Discourse Analysis), Izd-vo AmGU publ, Blagoveshchensk. (In Russ.)
8. Kuzmina, NA 2011, *Sovremennyy mediatekst* (Modern Media Text), Omsk. (In Russ.)
9. Olomskaya, NN 2013, ‘K voprosu o zhanrovoy klassifikatsii mediadiskursa’ (On the Genre Classification of Media Discourse), *Nauchnyy dialog* (Scientific Dialogue. Philology), no. 5 (17), pp. 250–259. (In Russ.)
10. Sknarev, DS 2015, *Yazykovyye sredstva sozdaniya obraza v reklamnom diskurse: semanticheskiy, pragmatischeskiy, marketingovyy aspekty* (Means of Creating an Image in Advertising Discourse: Semantic, Pragmatic, and Marketing Aspects), doctoral thesis, Chelyabinsk. (In Russ.)
11. Skrebtseva, TG 2020, *Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika. Kurs lektsiy* (Linguistics of Discourse: Structure, Semantics, Pragmatics. Course of Lectures), Izdatelskiy Dom YASK publ, Moscow. (In Russ.)
12. Temnikova, LB 2016, ‘K voprosu o tipologii mediadiskursa’ (To the question of the typology of media discourse), *Nauchnyy zhurnal KubGAU* (Scientific Journal of KubSAU), no. 119, viewed 28 September 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologii-mediadiskursa> (In Russ.)
13. Turgenev, IS 1980, *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v tridtsati tomakh* (Complete Works and Letters in 30 Volumes), vol. 4, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)

-
- 14. Turgenev, IS 1971, *Polnoye sobraniye sochineniy. Biblioteka vsemirnoy literatury. Seriya vtoraya* (Complete Works. Library of World Literature. Series 2), vol. 117, Khudozhestvennaya literature publ, Moscow. (In Russ.)
 - 15. Yartseva, VN 1990, *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* (Linguistic Encyclopedic Dictionary), Sov. entsikl. publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.10.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 01.10.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-198-210>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИДИОМ В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

**Ирина Валентиновна
Сопова¹**

**Елена Николаевна
Таранова²**

^{1, 2} Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
Белгород, Россия

¹ sopova@bsuedu.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-8832-1770>

² taranova_e@bsuedu.ru

² <https://orcid.org/0000-0002-9000-0084>

Аннотация. Устойчивые словесные комплексы, в состав которых входят паремии в широком понимании фразеологии, представляют интерес как культурно и исторически маркированные единицы языка. Данные выражения аккумулируют в своей семантике и форме законченные смысловые структуры, отображающие мировосприятие, ценностные характеристики, суждения, взгляды, фрагменты картины мира и способы познания и принципы взаимодействия с окружающей действительностью представителей этноязыкового сообщества. Использование единиц паремиологического фонда в речи обеспечивают высокую степень эмоционального воздействия на адресата.

В данной работе рассматриваются паремии на предмет наличия в своём составе собственно фразеогизмов в узком смысле понимания фразеологии. Целью исследования является выделение групп паремий согласно частей речи и распределение их в процентном отношении. В качестве задач выделяются определение лингвокультурологического потенциала пословиц и поговорок с компонентом-фразеогизмом, рассмотрение видоизменений словарной формы каждой из групп фразеогизмов в составе рассматриваемых паремий. Трансформации фразеогизмов представляет собой довольно частое явление. Чаще всего изменяется форма глагола или существительного, но нередки также и случаи возникновения усечённого варианта, замены компонента.

Использование фразеогизмов в составе паремий позволяет усилить суггестивную функцию последних, пробуждая в сознании реципиента общекультурные фоновые знания и определяя стереотипы речевого поведения, следуя правилам культуры коммуникации в этноязыковом пространстве. Устойчивые конструкты способствуют усилинию передачи эмоционального состояния и позволяют более точно изложить определённую мысль в дискурсивном пространстве благодаря целому ряду коммуникативно-обусловленных функций. Как замыловатые языковые единицы, тем более осложнённые идиомами, паремии в активном словарном запасе свидетельствуют о высоком уровне культурно-языковой компетенции участников коммуникации.

Ключевые слова: фразеогизм, пословицы, паремиологический фонд языка, идиоматичность, трансформации, раздельнооформленность компонентов, этнонациональные сообщества.

Для цитирования: Сопова И. В., Таранова Е. Н. Использование идиом в паремиях русского языка // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 198–210. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-198-210>

Сведения об авторах: И. В. Сопова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

Е. Н. Таранова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

© Сопова И. В., Таранова Е. Н., 2025

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-198-210>

THE USE OF IDIOMS IN RUSSIAN PAREMIA

^{1,2} Belgorod National Research University

Belgorod, Russia

¹ sopova@bsuedu.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-8832-1770>

² taranova_e@bsuedu.ru

² <https://orcid.org/0000-0002-9000-0084>

Abstract Fixed verbal complexes, which include paroemias in the broad sense of phraseology, are of interest as culturally and historically marked units of the language. These expressions accumulate in their semantics and form complete semantic structures that reflect the worldview, value characteristics, judgments, views, fragments of the worldview, and ways of cognition and principles of interaction with the surrounding reality of the representatives of the ethno-linguistic community. The use of paroemias in speech ensures a high degree of emotional impact on the addressee.

This paper examines paroemias for the presence of phraseological units in the narrow sense of phraseology. The aim of the study is to identify groups of paroemias based on their parts of speech and to determine their percentage distribution. The objectives include identifying the linguistic and cultural potential of proverbs and sayings with phraseological units, and examining the variations in the dictionary form of each group of phraseological units within the paroemias under consideration. The transformation of phraseological units is a common phenomenon. Most often, the form of a verb or a noun changes, but it is also not uncommon for a truncated variant or a component to be replaced.

The use of phraseological units as part of paroemias allows us to enhance the suggestive function of the latter, awakening general cultural background knowledge in the recipient's mind and defining stereotypes of speech behavior, following the rules of communication culture in the ethno-linguistic space. Fixed constructions contribute to the enhancement of emotional state transmission and allow for a more precise expression of a particular idea in the discursive space, thanks to a range of communicatively-driven functions. As intricate linguistic units, especially those complicated by idioms, paroemias in the active vocabulary indicate a high level of cultural and linguistic competence among the communicants.

Keywords: phraseological unit, proverbs, paroemiological fund of the language, idiomacticity, transformations, separate components, ethnonational communities.

For citation: Sopova, IV & Taranova, EN 2025, 'The Use of Idioms in Russian Paremia', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 198–210, [http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-198-210](https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-198-210) (in Russ.)

Information about the Authors: Irina V. Sopova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod National Research University, 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia.

Elena N. Taranova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod National Research University, 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia.

Введение

Тематика данной работы требует определить понимание фразеологии в двух аспектах: так называемом узком смысле, который включает в состав фразеологии языковые единицы с высокой степенью идиоматичности (фразеологизмы-идиомы: фразеологические сращения, фразеологические сочетания и фразеологические единства), и «широком смысле», подразумевающем в составе фразеологического фонда языка кроме упомянутых фразеологизмов фразеологические выражения: паремии, крылатые фразы, авторские клише, штаммы, афоризмы, терминологические сочетания, формулы этикета и другие устойчивые словесные комплексы с выраженной метафорической семантикой. Соответственно, в нашем случае рассматривается фразеология в широком охвате, поскольку пословицы и поговорки являются предметом исследования. Также и собственно фразеологизмы, или же фразеологизмы-идиомы, относящиеся к фразеологии в узком понимании, являются объектом исследования, поскольку они встречаются в составе выбранных паремий.

Исходя из вышесказанного, мы ставим целью рассмотреть употребление фразеологизмов-идиом в составе пословиц и поговорок и выявить их частотность соответственно определённых частей речи в составе паремий с учётом их лингвокультурологического потенциала. Планируется уделить особое внимание трансформациям фразеологизмов в составе паремий.

Материалы и методы исследования

В качестве основных методов исследования применялся описательно-аналитический метод, предполагающий анализ сопутствующих наблюдений за паремиологическим фондом русского языка на материале фразеологических словарей. Цель работы обусловила применение в рамках данного подхода описательного метода, предполагающего сбор, интерпретацию и систематизацию языковых фактов, демонстрирующих собственно фразеологизмы в составе паремий. С помощью лингвокультурологического метода анализируются паремиологические языковые конструкты, обладающие образно-метафорическим значением, а также его образно-эмоциональными коннотациями, которые лучше проявляются в дискурсном употреблении, что даёт основание для дальнейшего изучения данной темы уже в соответствующем ракурсе.

При отборе исследуемого материала применялся приём сплошной выборки из лексикографических источников, основным из которых был сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа» [17]. Следовательно, материалом данному исследованию послужили примеры из сборника паремий В. И. Даля. Были отобраны паремии общим количеством около 700, в составе которых содержатся собственно фразеологизмы с высокой степенью идиоматичности. Количество приблизительное, поскольку примеры вида *Концы в воду — и пузыри вверх* и *Концы в воду — и пузыри в гору* считали за варианты одной паремии, так как в данных примерах использован один фразеологизм, отличие заключается в лексемах, которые не относятся к данному исследованию.

В качестве материала собственно фразеологизмов возьмём фразеологический словарь русского языка Ю. А. Ларионовой [13] как основной источник зафиксированных фразеологизмов.

Результаты

Паремии, использованные в речи, обеспечивают высокую степень эмоционального воздействия на реципиента благодаря суггестивным образом обозначаемого контента. В семантике паремий содержится смысловая нагрузка высказывания, характерная для общенациональной концептосферы участников коммуникативного процесса.

Паремии как богатый культурно-исторический пласт языка являются объектом исследователей давно и не теряют своей популярности в настоящее время. Так, Т. А. Нагорная, Ю. В. Щеголихина и Т. Ю. Айкина исследовали «языковое сознание носителей немецкого языка, объективированное в пословицах и поговорках, содержащих лексему *Wahrheit*» [15, с. 47] с позиции семантико-когнитивного подхода. В. Г. Тылец и Т. М. Краснянская выявили психолингвистические особенности в пословицах и поговорках, содержащих прямые или опосредованные образными языковыми средствами рекомендации по использованию практик безопасности [18]. О. Бичер характеризовал анималистические образы в русских пословицах и поговорках с позиций лингвокультурологии и лексикографии [4]. Концептуальный подход к изучению паремиологического фонда отмечен в работах Л. В. Базаровой (концепт «Бог») [2]. Многочисленны новые исследования паремиологического фонда с различными опорными компонентами: онимами (Я. В. Лазарева) [12], нумеративами (М. А. Бредис и др.) [5], антропонимами (М. Л. Ковшова) [11], анимализмами, зоонимами (Ю. В. Горшунов; Н. И. Данилова, Ф. Н. Дьячковский) [7], не говоря уже об отдельных конкретных семантических или лексических единицах, становившихся объектом пристального внимания и детального изучения лингвистов.

Общеизвестно, что язык отражает культуру этноса, в культурно-языковом коде нации аккумулируется исторический опыт, устои, видение и восприятие мира, суждения, взгляды, ценностные ориентиры и нормы поведения, способы познания и принципы взаимодействия с окружающей действительностью. «Взгляд на пословицы и поговорки с точки зрения pragматики подтверждает, что они являются богатым материалом для исследования: одно и то же выражение может нести разные смыслы. Познание культуры нации приближает к интерпретации пословичных выражений» [4, с. 43].

Роль устойчивых словесных комплексов в формировании ценностной картины мира подчеркивается в работе Л. Г. Золотых: «...наиболее эксплицитное отражение ценностных характеристик того или иного явления в образном слове – метафорах, фразеологизмах, паремиях. Эти номинативные единицы, будучи ценностно ориентированными и часто имеющими в своем значении оценочную сему, с одной стороны, в совокупности формируют ценностную картину мира, а с другой – отражают своей семантикой ценностный мир той или иной лингвокультуры» [10, с. 25].

В рамках выбранной темы мы также рассматриваем устойчивые словесные комплексы на внутриязыковом уровне на предмет выявления функциональных характеристик идиом в составе паремий русского языка. Как уже отмечалось, пословицы входят в состав фразеологического фонда только в широком понимании фразеологии, «пословицы, являясь фольклорным жанром, отличаются от ФЕ дискурсивным характером, сентенционностью, ритмичностью, двуплановостью, многофункциональностью. Они строятся по моделям предложений различной структуры (простого, сложносочинённого, сложноподчинённого, бессоюзного сложного), в основе которых лежат суждения» [3, с. 146].

Идиомы на протяжении двух веков подвергались вниманию лингвистов также под разным терминологическим ракурсом. Их называли «слитными речениями» (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Потебня, И. И. Срезневский), «(собственно) фразеологизмами» (Н. М. Шанский, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия), «фразеолексемами» (В. Фляйшер, И. А. Мельчук), «фраземами» (Н. Ф. Алефиренко, М. М. Копыленко, З. Д. Попова). Основным признаком является несоответствие значения всего сочетания сумме значений отдельных его компонентов, то есть идиоматичность. «В. М. Савицкий считает, что идиоматичность языковой единицы – это ее структурное своеобразие по отношению к ее аналогу, принадлежащему к иноязычной системе (межъязыковая идиоматичность), либо к аналогу (прототипу) в собственном язы-

ке (внутриязыковая идиоматичность)» [14, с. 683–684]. Идиомы представляют собой устойчивые выражения, значения которых не выводимы из значений каждого из их элементов. Соответственно, идиомы как часть (разряд) фразеологического состава языка обладают наибольшей степенью идиоматичности.

В нашем случае также предстоит рассмотреть внутриязыковую идиоматичность фразеологизмов как вкрапление собственно идиом в канву пословиц, которые также являются разрядом фразеологии в широком её понимании. И идиомами мы считаем всё же раздельнооформленные образования в отличие от выше упомянутого автора, который полагает «логичным и последовательным считать идиомами не только устойчивые сочетания слов (раздельнооформленные идиомы), но и слова с грамматически непростым десигнатором (цельнооформленные идиомы), поскольку они обладают <...> категориальными признаками идиомы (устойчивостью и семантической целостностью)» [14, с. 685].

Как и ранее, в современном языкоzнании остаётся открытым вопрос о том, относятся ли паремии к единицам языка или единицам речи. Известная пословица может состоять из раздельнооформленных единиц, употреблённых в буквальном значении. Она не является эквивалентом слова, а представляет собой законченную мысль, фразу со структурой предложения с прямыми значениями отдельных слов поучительного характера. Семантика фразеологизма «практически совпадает с семантикой слова и противопоставляется семантике языковых афоризмов»..., которые обозначают «комплексные ситуации, так что афоризмы обычно являются эквивалентами целых нарративов» [6, с. 176]. К афоризмам Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров относят и пословицы, хотя целесообразно всё же их разграничить и отнести к фразеологическим выражениям. Причём, сами же авторы упомянутой работы утверждают, что «пословицы и поговорки — устные краткие изречения, восходящие к фольклору. Пословица в обобщенном виде констатирует свойства людей или явлений, дает им оценку или предписывает образ действий. Пословицы содержат в первую очередь обобщение, конденсируют мудрость народа» [6, с. 186]. Афоризмы же имеют автора и отображают чаще субъективное мнение. Таким образом, пословицы обладают лишь одним свойством, присущим единицам фразеологии — воспроизводимостью, а также требуют контекстного употребления, поскольку в ином случае не всегда информативны. Благодаря этому свойству пословицы усваиваются и извлекаются из памяти в целостном варианте и являются единицами языка.

Существуют примеры, когда сама пословица и фразеологизм в её составе мало отличаются друг от друга, лишь отдельным элементом, что даёт возможность оформления предложения в словосочетание, которое можно заменить одним словом. То есть фразеологизм *плёвое дело* со значением 'легко' является основой пословицы *Это плёвое дело*, которая представлена в грамматическом оформлении как законченное предложение. Сюда же можно отнести и примеры: *У него рука легка. У него денег и куры не клюют*.

Фразеологизм *за спасибо* в значении 'даром' встречается в нескольких пословицах: *Мужик за спасибо семь лет работал (в батраках жил). За спасибо солдат год служил. За спасибо кум пеши в Москву сходил. За спасибо мужичок в Москву сходил, да ещё полспасиба домой принёс*.

В пословице *Ходит мокрой курицей* использован номинативный фразеологизм *мокрая курица* со значением 'безвольный, бесхарактерный человек либо человек, имеющий жалкий вид, подавленный чем-либо, растерянный'.

Фразеологизмы в составе паремий чаще употребляются в видоизменённой форме. Чаще всего изменяется форма глагола или существительного, но нередко также и применение усечённого варианта. Возникает вопрос, в каких случаях можно

считать применение фразеологизма в усечённой форме? Также интерес представляют и то, что первично: пословица или же фразеологизм как часть паремии? Некоторые пословицы образованы с использованием фразеологизмов, а также есть пословицы, часть которых закрепилась в языке как фразеологизм. Как отмечают лингвисты, есть «фрагмент пословицы (её отрезок, полностью сохранивший грамматические формы слов) и часть пословицы (отрезок речи, отличающийся от исходной пословицы формами или комбинацией форм или слов)» [16, с. 22].

На современном этапе развития языка в словарях зафиксированы фразеологизмы как *собаку съел (-ла, -ли) на чём, в чём* (разг., одобр.), то есть 'имеет большой опыт, знания в чём-либо; является мастером' [13, с. 397] или же как *собака на сене* (разг., неодобр.) 'Сам не пользуется чем-либо и другим мешает' [13, с. 199]. Далее автор-составитель словаря указывает, что выражения (вероятно) происходят от пословиц «Собаку съел, а хвостом подавился» и «Как собака на сене (лежит): (и) сама не ест, и другим не дает» соответственно.

В данных примерах всё не так однозначно. Если во втором случае мы видим, что значение всего выражения, в данном случае пословицы, и её усечённого варианта, зафиксированного в словаре как фразеологизм, одинаковы. Исходная пословица лишь объясняет, раскрывает смысл фразеологизма, оставив во фразеологизме только намёк или скрытый подтекст, который сможет разгадать только носитель языка или же тот, кто знаком с его значением.

В первом же примере мы наблюдаем изменение значения изначальной пословицы на противоположное во фразеологической языковой единице. В привычном нам фразеологизме речь идёт о мастерстве, профессионализме человека, который с лёгкостью справляется с возложенной на него задачей, поскольку имеет в этом огромный опыт, а, соответственно, и навык. Подтекст таков, что на него можно полностью положиться и не переживать за результат. Пословица же за счёт продолжения выступает антагонистом фразеологизму по значению и речь идёт уже о том, что безупречный мастер также может оступиться и свести на нет весь свой ранее накопленный опыт одним проступком. В данном случае содержание пословицы больше близко по смысловым характеристикам другой пословице: *и на старуху бывает проруха*.

Фразеологизм *всё божья роса* со значением 'полное спокойствие, отсутствие волнений по любому поводу' образован путём усечения поговорки *Ему хоть плюй в глаза, а он говорит: божья роса* или же варианта *Дураку хоть плюй в глаза – всё божья роса*.

В обиходе иногда употребляются фразеологизмы, которые являются частью пословиц, иногда полный вариант даже неизвестен в привычном общении, либо утрачен со временем. Так, например, мы часто слышим выражение *хоть волком вой*, которое употребляют в отчаянии, затруднительном положении, невозможности изменить ситуацию. Данное выражение является второй частью пословицы, полный вариант которой звучит *Хоть песенки пой, хоть волком вой*. Как видим, вся пословица, благодаря контрасту, обладает усиленной эмоциональной окраской. Встречаются и примеры, когда наиболее известным становится первая часть, например, *Попытка не пытка, спрос не беда. Ума палата, да денег ни гроша. Денег девать некуда – кошеля купить не на что. Рука руку моет – обе белы живут* (или: *хотят обе белы быть*) (варианты: *Рука руку моет, а плут плута покроет. Рука руку моет, вор вора кроет*). Благодаря фольклорному жанру, а также творчеству писателей и поэтов на слуху выражения типа *утро вечера мудренее*, которое также имеет продолжение в пословице *Утро вечера мудренее – трава соломы зеленее или Утро вечера мудренее, жена мужа удалее*.

Большой частью встречаются пословицы, лишь элементом которых является фразеологизм. Например, в пословице «*Кто о ком за глаза худо говорит, тот того боится*» (варианты: *За глаза про кого не говорят? За глаза и про царя говорят*) составляющим элементом является фразеологизм *за глаза* в значении 'заочно, не в присутствии того, о ком идёт речь'. В примере *Заглазно и архиеря бранят* меняется форма, и фразеологизм, представленный как существительное с предлогом трансформируется в наречие и, соответственно, уже таковым не является, поскольку раздельнооформленность – один из признаков фразеологизма. Однако мы всё же подразумеваем согласно семантике сочетание *за глаза*. Именно поэтому данный случай считаем объектом внимания как трансформированный фразеологизм.

Очередным примером трансформированного фразеологизма можно считать и *У кого руки подлиннее, тот и правее*, поскольку устойчивое выражение *длинные руки*, семантика которого 'влиятельность, большие возможности, власть' имеет то же значение и в пословице, хотя прилагательное употреблено в сравнительной степени.

Пословица *Наступил на зубья – граблями в лоб* не содержит фразеологизма *наступить на те же грабли*, но он узнаваем в описательном представлении в пословице, содержащей его элементы, но процессуальное значение дополнено в той последовательности, которая имплицитно зафиксирована в семантике фразеологизма. Значение фразеологизма в данной пословице 'за ошибки нужно платить', акцент делается на повторяемость ошибочных действий, неспособность их избежать.

Чаще всего в составе пословиц встречаются глагольные фразеологизмы, такие, как *резать правду-матку*, то есть 'говорить открыто, прямо, иногда даже если это не нравится собеседнику и может иметь не очень приятные последствия': *Хлеб соль ешь, а правду режь* (или: *а правду-матку режь*). Усечённый вариант фразеологизма используется и в примерах *Пей, ешь, а правду режь. Царев хлеб ешь, а правду режь!* Здесь то же значение фразеологизма и глагол в повелительном наклонении. Вообще фразеологизмы, основой которых являются глаголы, стоящие в форме инфинитива, в пословицах, как и в речи, изменяются чаще других, так как меняют форму глагольного элемента, поскольку являются сказуемым и согласуются в роде, лице, числе с подлежащим. В примере *На правду да на смерть, что на солнце: во все глаза не взглянешь* изменился именно глагольный элемент устойчивого выражения *смотреть (глядеть) во все глаза*, то есть 'пристально наблюдать, безотрывно'.

В рассмотренных фразеологизмах глагольный элемент не только меняет форму, но и может быть заменён на другой глагол, чаще всего синоним, как мы видим в последнем примере. В паремиях могут остаться и устаревшие глагольные лексемы: *Врем, и глазом не смигнет*.

Меньше, чем глагольные, подвержены различным изменениям номинативные фразеологизмы, хотя существительные также могут склоняться в составе паремий. *Лакомый кусок, только бы попал в роток*.

По принципу лексико-синтаксической классификации выделим основные виды фразеологизмов:

1. глагольные;
2. номинативные;
3. адверbialные;
4. адъективные;
5. междометного и местоименного типа.

Из собранного материала наибольшей частотностью отличаются глагольные идиомы, менее распространены адверbialные, третье место по частотности у но-

минативных, адъективные и другие показывают весьма низкую частотность, что можно наглядно увидеть в таблице (в процентном отношении) (табл. 1):

Таблица 1**Распространенность видов фразеологизмов**

Глагольные	Номинативные	Адвербальные	Адъективные	Междометного типа и местоименные
46 %	21 %	23 %	менее 5 %	менее 5 %

Пословица *За что ни возьмется, все из рук валится* содержит в своей структуре идиому *валится из рук*, которая означает 'не получается, не выходит' (о деле, работе и т. п.). Данное выражение относится к глагольному типу фразеологизмов, так как приравнивается по синтаксической структуре к данной части речи.

Примером глагольного фразеологизма в составе пословицы можно также считать *Попал пальцем в небо, да в саму середку*. В данном случае использован фразеологизм *попасть пальцем в небо* со значением 'говорить или действовать невпопад, наобум, угадывать'. Именно из-за глагольного компонента в составе фразеологизма данный устойчивый словесный комплекс относится к упомянутой группе. Но есть случаи употребления без глагола, то есть в усечённом варианте «пальцем в небо», тогда он выступает как адвербальный тип. Поскольку их иногда трудно разграничить, поэтому будем всё же относить это идиоматическое сочетание к глагольному типу, так как фразеологические словари дают признанную форму фразеологизма с глагольным компонентом.

Среди пословиц встречаются и примеры типа *Этого тебе видом не видать, слыхом не слыхать* с фразеологизмом *слыхом не слыхать* (кого, о ком, о чём, про что). Прост. Значение 'совсем не знать, не иметь понятия о ком-либо, чём-либо; исчез, скрылся'. Здесь же по аналогии составлено сочетание *видом не видать*, которое не зафиксировано во фразеологическом словаре, но демонстрирует ту же модель образования и так же в семантическом отношении здесь используется глагол перцепции. Данное наложение смыслов двух выражений в одной пословице усиливает основную сему (без понятия) всей паремии.

Классическим примером использования адвербального фразеологизма является пословица *Пошло дело, как по бархату, как по маслу*, в которой идиома *как по маслу*, т. е. 'гладко, без затруднений, легко'. Данный компаративный фразеологизм используется в сочетании с разными глаголами: идти, течь, катиться и другими. Способность к подобной вариативности глагольного компонента генерирует открытые ряды вариантов словарной формы идиомы в языке и речи.

В пословице *Взят из грязи, да посажен в князи* использован фразеологизм *из грязи в князи*. Так говорят (разг., неодобр.) о том, кто поднялся на какую-либо высоту незаслуженно, добился цели аморальными средствами. В данном случае мы отнесём данный пример к адвербальным фразеологизмам, поскольку основное его значение заключается в наречии *незаслуженно*.

Встретились и две похожие пословицы с адвебиальным компонентом-фразеологизмом: *С него всякая беда, как с гуся вода, Лейся беда, что с гуся вода*. Опять сравнительный устойчивый оборот *как с гуся вода* (кому, с кого, разг.) означает 'абсолютно безразлично, все напочем кому-либо'. Но в первом случае он ис-

пользован без изменений, а во второй пословице заменён один из компонентов на синонимичный по значению (как→что), что часто встречается в коммуникативных практиках. Так, это говорит о том, что паремии являются образцами укоренившихся в языке речевых структур.

В качестве примера номинативного фразеологизма можно привести пословицу *Счастье вольная пташка: где захотела, там и села*. Наряду с идиомой *вольная птица* (чаще употр. в ед. ч.), зафиксированной во многих фразеологических словарях, существует и *вольная пташка* как вариант. Так называют человека, который ни от кого не зависит, не стеснен в действиях, свободный, независимый человек.

Номинативные фразеологизмы также подвергаются и другим модификациям. Так, пословица *Бьется, как рыба об лед* имеет несколько вариантов, в которых значение напрасного действия выражено разными существительными по семантической аналогии: *Колотится, как козел об ясли. (Как рак на мели. Как рыба без воды)*.

Касательно группы адъективных фразеологизмов, необходимо отметить, что это весьма малочисленная группа из выделенных в ходе данного исследования. Среди адъективных фразеологизмов, встретившихся в паремиях, можно рассматривать примеры, такие, как *Речист, да на руку нечист*. Идиоматическое выражение *нечист на руку»* (разг., предосуд.), означает 'плутоват, вороват; склонен к мошенничеству, воровству'. А также *Тяжбу завел – стал гол, как сокол* с фразеологизмом *гол как сокол*, значение которого 'очень беден'. В пословице *У него рука легка мы видим изменение полной формы прилагательного в выражении лёгкая рука на краткую*.

Пословица *Грудь нараспашку, язык на плечо* состоит из двух адъективных фразеологизмов *грудь* (рот, душа) *нараспашку* со значением 'откровенный, прямой' и *вывалить язык на плечо* в значении 'чрезмерно устать'. Существуют различные интерпретации данной пословицы, но мы полагаем, что речь идёт о бесхитростном, откровенном человеке, который навязчиво пытается донести свою правду до окружающих.

В последней группе пословиц, которые содержат в своём составе местоимённые и междометные фразеологизмы, приведём пример: *Так ли, сяк ли – уж один конец*. Существует фразеологизм *так-сяк*, в приведённой пословице лексемы разделены частицей *ли*. Слова *так* и *сяк* могут быть наречиями, а также междометием, союзом (так), даже глаголом (сяк). В данной пословице больше склоняемся к тому, что здесь представлены местоимённые наречия, поэтому подобные варианты мы отнесли к данной группе.

Заключение

Структурная организация паремий с использованием собственно фразеологизмов (идиом) в своём составе в рамках лингвокультурологического подхода способствует усилинию передачи эмоционального состояния и позволяет более точно изложить определённую мысль в дискурсивном пространстве благодаря целому ряду коммуникативно обусловленных функций. Благодаря коммуникативно-прагматическому подходу таким образом осуществляются дидактическая и регулятивная функции, лингвокогнитивный аспект позволяет паремиям выполнять функции стереотипизации и смыслообразования.

Паремии, в составе которых присутствуют идиомы, воспроизводятся в речи именно благодаря более выраженной идиоматичности, самой основе их прецедентного существования в языке, что делает их самодостаточными формами выражения мысли, способными органично вписаться в дискурсивное пространство. Сгустки смысловых структур в сознании представителя культурно-языковой общности образуют концептосферу, в которой устойчивые словесные комплексы, в том числе и по-

словицы с собственно фразеологизмами в составе играют важную роль в процессе продуктивной коммуникации, поскольку представляют собой значимые языковые и речевые средства благодаря образности. Смысловые универсалии, репрезентируемые в идиомах, гармонично вплетаются в основной смысл паремий и чаще выступают семантическим центром всей пословицы и идеяным содержанием высказывания.

Присутствие идиом в составе паремий позволяет также усилить аккумулятивную функцию последних, пробуждая в сознании реципиента общекультурные фоновые знания и определяя стереотипы речевого поведения, следуя правилам культуры коммуникации в этноязыковом пространстве. Кроме того, фразеологизмы-идиомы подчёркивают идеально-эмоциональную характерность паремий, их некий национальный «код», национально-этническую маркированность, показывают уникальный способ мировидения и означивания фрагмента картины мира представителями данной национально-этнической общности.

Список источников и литературы

1. Багрова Н. А. Ежу понятно: идиоматические выражения русского языка глазами нейросети // Бархударовские чтения: сб. науч. ст. участников Междунар. науч.-метод. конф., приуроченной к 130-летию со дня рождения С. Г. Бархударова. Ереван, 2024. С. 25–28.
2. Базарова Л. В. Концепт «Бог» во фразеологических единицах английского, русского, татарского и турецкого языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Базарова Лилия Вязировна. Казань, 2011. 268 с.
3. Байрамова Л. К., Томилина Г. Я. Аббревиация пословиц как средство образования русских фразеологизмов // Вісник запорізького національного університету. Філологічні науки. 2011. № 2. С. 146–150.
4. Бичер О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2022. 152 с.
5. Бредис М. А., Ломакина О. В., Сюэ Б. Числовой код лингвокультуры: анализ нумератива четыре как компонента фразеологизмов и паремий (на материале разноструктурных языков) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 72–82.
6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. акад. Ю. С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
7. Горшунов Ю. В. Этнокультурная специфика анималистических образов в пословицах и поговорках о труде // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 89-4. С. 129–133.
8. Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. Зооморфная лексика в составе якутских фразеологизмов и паремий (в сопоставлении с монгольскими языками) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 4 (41). С. 67–78.
9. Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Рус. язык, 1987. 448 с.
10. Золотова Л. Г. Фразеологическая семантика как отражение ценностного мира в лингвокультуре // Гуманитарные исследования. 2018. № 4 (68). С. 23–32.
11. Ковшова М. Л. Теория языка и лексикография: словарь антропонимов в русских паремиях и фразеологизмах // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем: сб. к 80-летию со дня рождения проф. В. М. Мокиенко. Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2020. С. 130–136.

12. Лазарева Я. В. Фразеологизмы и паремии с компонентом-онимом как отражение национальной культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 1. С. 62–69.
13. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014, 512 с.
14. Мочалина К. Н. К определению понятия «идиома» в отечественной и зарубежной лингвистике // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13, № 2 (3). С. 680–685.
15. Нагорная Т. А., Щеголихина Ю. В., Айкина Т. Ю. Когнитивные признаки концепта WAHRHEIT в пословицах и поговорках немецкого языка // Язык и культура. 2024. № 66. С. 45–61.
16. Панина Л. С. Образование фразеологических единиц на базе пословиц словаря В. И. Даля // Далевское литературоведение: сб. науч. работ. Вып. 2, ч. 2. Луганск: ГУЛНУ им. Тараса Шевченко, 2010. С. 15–29.
17. Пословицы русского народа: сборник В. Даля : в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 433 с.
18. Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Психолингвистические особенности пословиц и поговорок о практиках безопасности человека // Язык и культура. 2024. № 66. С. 100–121.
19. Шанский Н. М. Деривация слов и фразеологических оборотов: к вопросу о сходстве и различии процессов словообразования и оборотообразования // Вопросы фразеологии. Вып. 3: Вопросы, предназначенные для обсуждения на симпозиуме «Фразеология и слово». Самарканда, 1970. С. 249–259.

References

1. Bagrova, NA 2024, ‘Yezhu ponyatno: idiomaticheskiye vyrazheniya russkogo yazyka glazami neyroseti’ (Ezhu ponyatno: idiomatic expressions through neural networks), *Barkhudarovskiye chteniya. Sbornik nauchnykh statey uchastnikov Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii, priurochennoy k 130-letiyu so dnya rozhdeniya S. G. Barkhudarova* (Barkhudarov Readings. Collection of scientific articles by participants of the International Scientific and Methodological Conference dedicated to the 130th anniversary of S.G. Barkhudarov’s birth), 3–5 May, Yerevan, pp. 25–28. (In Russ.)
2. Bazarova, LV 2011, Kontsept “Bog” vo frazeologicheskikh yedinitakh angliyskogo, russkogo, tatarskogo i turetskogo yazykov (The Concept of God in Phraseological Units of the English, Russian, Tatar, and Turkish Languages), abstract of PhD thesis, Kazan. (In Russ.)
3. Bayramova, LK & Tomilina, GYa 2011, ‘Abbreviatsiya poslovits kak sredstvo obrazovaniya russkikh frazeologizmov’ (Abbreviation of proverbs as a means of forming Russian idioms), *Visnik zaporizkogo natsionalnogo universitetu. Filologichni nauki* (Bulletin of Zaporizhzhya National University. Philological sciences), no. 2, pp. 146–150. (In Russ.)
4. Bicher, O 2022, *Zoomorfnyye obrazy v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh: lingvokulturologicheskiy i leksikograficheskiy aspekty* (Zoomorphic Images in Russian Proverbs and Sayings: Linguocultural and Lexicographic Aspects), Izd-vo SmolGU publ, Smolensk. (In Russ.)
5. Bredis, MA, Lomakina, OV & Xue, B 2023, ‘Chislovoy kod lingvokultury: analiz numerativa chetyre kak komponenta frazeologizmov i paremiy (na material raznostrukturnykh yazykov)’ (Numerical code of linguoculture: analysis of the numeral four as a component of phraseological units and paremias (based on examples of typologically different languages)), *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoryya. Yazykoznanije* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 1 (13), pp. 72–82. (In Russ.)
6. Vereshchagin, EM & Kostomarov, VG 2005, *Yazyk i kultura. Tri lingvostranovedcheskiye kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* (Language and

- culture. Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech and behavioral tactics, and sapientema), ed. Yu. S. Stepanov, Indrik publ, Moscow. (In Russ.)
7. Gorshunov, YuV 2022, ‘Etnokulturnaya spetsifika animalisticheskikh obrazov v poslovitsakh i pogovorkakh o trude’ (Ethnocultural specificity of animalistic images in proverbs and sayings about work), *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 89-4, pp. 129–133. (In Russ.)
8. Danilova, NI & Dyachkovskiy, FN 2022, ‘Zoomorfnaia leksika v sostave yakutskikh frazeologizmov i paremiy (v sopostavlenii s mongolskimi yazykami)’ (Zoomorphic lexis in the composition of Yakut phraseological units and proverbs (comparison with the Mongolian languages)), *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, no. 4 (41), pp. 67–78. (In Russ.)
9. Zhukov, VP, Sidorenko, MI & Shklyarov, VT 1987, *Slovar frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* (Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
10. Zolotykh, LG 2018, ‘Frazeologicheskaya semantika kak otrazheniye tsennostnogo mira v lingvokulture’ (Phraseological Semantics as a Reflection of the Value World in Linguistic Culture), *Gumanitarnyye issledovaniya* (Humanitarian Researches), no. 4 (68), pp. 23–32. (In Russ.)
11. Kovshova, ML 2020, ‘Teoriya yazyka i leksikografiya: slovar antroponimov v russkikh paremiyah i frazeologizmakh’ (Language Theory and Lexicography: A Dictionary of Anthroponyms in Russian Paroemias and Phraseologisms), in EV Nichiporchik (ed.) *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya: traditsionnyye i novatorskiye resheniya problem. Sbornik k 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora V. M. Mokienko* (Slavic Phraseology and Paremiology: Traditional and Innovative Solutions to Problems. Collection for the 80th Anniversary of Professor V.M. Mokienko), Gomelskiy gosudarstvennyy universitetim. F. Skoriny publ, Gomel, pp. 130–136. (In Russ.)
12. Lazareva, YaV 2023, ‘Frazeologizmy i paremii s komponentom-onimom kak otrazheniye natsionalnoy kultury’ (Names Components as Part of Idioms and Proverbs: Language and Culture Peculiarities), *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* (Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy), vol. 13, no. 1, pp. 62–69. (In Russ.)
13. Larionova, YuA 2014, *Frazeologicheskiy slovar sovremennoy russkogo yazyka* (Phraseological dictionary of modern Russian language), “Adelant” publ, Moscow. (In Russ.)
14. Mochalina, KN 2011, ‘K opredeleniyu ponyatiya “idioma” v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvistike’ (Towards the definition of an idiom: Russian and foreign traditions), *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* (Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), vol. 13, no. 2 (3), pp. 680–685. (In Russ.)
15. Nagornaya, TA, Shchegolikhina, YuV & Aykina, TYu 2024, ‘Kognitivnyye priznaki kontsepta WAHRHEIT v poslovitsakh i pogovorkakh nemetskogo yazyka’ (Cognitive features of the concept WAHRHEIT in German proverbs and sayings), *Yazyk i kultura*, no. 66. pp. 45–61, doi: 10.17223/19996195/66/3 (In Russ.)
16. Panina, LS 2010, ‘Obrazovaniye frazeologicheskikh yedinit na bazeposlovits slovarya V. I. Dal’ya’ (Formation of phraseological units based on proverbs from V.I. Dal's dictionary), *Dalevskoye literaturovedeniye* NL Yugan (ed.), no. 2, part 2, GULNU im. Tarasa Shevchenko publ, Lugansk, pp. 15–29. (In Russ.)
17. *Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik V. Dahl v dvukh tomakh* (Proverbs of the Russian People.A Collection by V. Dahl in Two Volumes) 1984, vol. 1, Khudozhestvennaya literatura publ, Moscow. (In Russ.)
18. Tylets, VG & Krasnyanskaya, TM 2024, ‘Psikholingvisticheskiye osobennosti poslovits i pogovorok o praktikakh bezopasnosti cheloveka’ (Psycholinguistic Features of Proverbs and Sayings about Human Security Practices), *Yazyk i kultura*, no. 66. pp. 100–121, doi: 10.17223/ 19996195/66/6 (In Russ.)

19. Shanskiy, NM 1972, *Derivatsiya slov i frazeologicheskikh oborotov (K voprosu o skhodstve i razlichii protsessov slovoobrazovaniya i oborotoobrazovaniya)* (Derivation of words and phraseological phrases (On the question of the similarity and difference of the processes of word formation and speech formation), Nauka publ, Moscow, pp. 300–309. (In Russ.)

Вклад авторов:

Сопова И.В. – корреспондирующий автор, идея, теоретическая обработка, анализ материала.
Таранова Е.Н. – сбор и подсчёт материала, оформление рукописи, редактирование текста.

Contribution of the authors:

Irina V. Sopova – corresponding author, idea, theoretical processing and analysis of material.
Elena N. Taranova – collecting and counting the material, formatting the manuscript, and editing the text.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 30.10.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 211–222.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 211–222.

Научная статья
УДК 81-116
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-211-222>

ХАРАКТЕРИСТИКА КОНЦЕПТА «ВОЙНА» С ПОЗИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**Каринэ Бахтияровна
Таран**

Независимый исследователь
Тула, Россия, karine.taran@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-2607-3916>

Аннотация. Термин «концепт» до настоящего времени остаётся спорным и сложным для понимания. Отечественные учёные трактовали его с различных позиций – лингвистических, когнитивных, психологических, лингвокультурологических. Необходимость углублённого изучения сущности концепта обусловила актуальность данной статьи. В статье даётся историческая справка по раскрытию термина с различных научных точек зрения в их противоречии и пересечении. Но в основном характеристика понятия проводится с позиций лингвокультурологии, когда концепт воспринимается как элемент национальной культуры, отражая историю и этимологию, включая индивидуальные эмотивные и оценочные компоненты, идеальные установки, социальные и этнические стереотипы. Исследование выполнено на примере концепта «Война», относящегося к культурным универсалиям, то есть понятиям, константным для всего человечества. Исходной точкой анализа является слово в его прямо номинативном значении, во внутренней форме которого отражена историческая система представлений. Дальнейшая концептуальная информация изложена посредством денотативно-сигнификативного и pragматического блоков значений. Соотнесённость представлений с реалиями действительности, образный, оценочный и интенсивный компоненты значения имеют национально-культурную маркированность и составляют часть языковой картины мира народа. Прагматический макрокомпонент представлен эмотивным и коннотативным компонентами, выражающими отношение субъекта к действительности. Эмотивный компонент передаёт эмоциональную реакцию на взаимодействие языкового знака и образа. Коннотации, формирующие концепт, культурно маркированы, имеют национальную специфику, воспроизводимы и устойчивы. Углубление представлений о содержании концепта достигается средствами синонимии, метафоризации, паремийного фонда. В качестве материала, демонстрирующего структуру концепта, взяты разнообразные лексические и фразеологические единицы. Для иллюстраций привлечены тексты, составляющие обыденный культурный фон среднестатистического россиянина.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурология, война, культурные установки, понятия, стереотипы, идеологемы, внутренняя форма слова, коннотации, синонимы, метафоры, паремии.

Для цитирования: Таран К. Б. Характеристика концепта «Война» с позиций национальной культуры // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 211–222. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-211-222>

Сведения об авторе: К. Б. Таран – независимый исследователь, Россия, Тульская область, г. Тула.

© Таран К. Б., 2025

Scientific Article

UDC 81-116

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-211-222>

CHARACTERISTICS OF THE 'WAR' CONCEPT FROM THE STANDPOINT OF NATIONAL CULTURE

Independent Researcher

Karine B. Taran

Tula, Russia, karine.taran@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-2607-3916>

Abstract. The term concept remains controversial and difficult to understand to this day. Domestic scientists interpreted it from various positions - linguistic, cognitive, psychological, linguoculturology. The need for an in-depth study of the essence of the concept determined the relevance of this article. The article provides a historical background on the disclosure of the term from various scientific points of view in their contradiction and intersection. From the perspective of linguacultural studies, the concept is an element of national culture that reflects history and etymology, including individual emotive and evaluative components, ideological attitudes, social and ethnic stereotypes. The study analyses the concept of 'War', which refers to cultural universals, that is, concepts that are constant for all mankind. The starting point of the analysis is the word in its nominative meaning, in the internal form of which the historical system of representations is reflected. Furtherthe author presents conceptual information through denotative-significative and pragmatic blocks of meanings. The correlation of ideas with the realities of reality, the figurative, evaluative and intensive components of meaning have a national and cultural marking and form part of the people's linguistic worldview. The pragmatic macro component is represented by emotive and connotative components expressing the subject's attitude to reality. The emotive component conveys an emotional reaction to the interaction of a linguistic sign and an image. The connotations forming the concept are culturally marked, nationally specific, reproducible and stable. The means of synonymy, metaphorization, and paroemic fund provide a deeper understanding of the content of the concept. The author uses a variety of lexical and phraseological units as material demonstrating the structure of the concept. Examples include texts that make up the everyday cultural background of the average Russian.

Keywords: concept, linguoculturology, war, cultural attitudes, concepts, stereotypes, ideologemes, internal form of the word, connotations, synonyms, metaphors, paroemias.

For citation: Taran, KB 2025, 'Characteristics of the 'War' Concept from the Standpoint of National Culture', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 211-222, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-211-222> (in Russ.)

Information about the Author: Karine B. Taran – Independent Researcher, Tula, Russia.

© Taran K. B., 2025

Введение

Антропоцентрический подход в гуманитарном знании привел к появлению во второй половине XX в. синкетичных наук, одной из которых явилась лингвокультурология, изучающая проблемы взаимоотношения языка, мышления и культуры. Разработка методологического и терминологического аппаратов новой науки актуализировала необходимость поиска минимальной единицы знания, которой была признана лингвокультурэма – структура, принадлежащая двум семиотическим системам, имеющая план выражения в виде лексических и фразеологических единиц и план содержания – концепт.

Субъективная картина мира складывается из всей совокупности представлений индивидуума, основывающихся на результатах национальной культуры – научных достижениях и обыденных представлениях, официальной государственной идеологии и стереотипах конкретного социального слоя, произведениях искусства и личностных установках. Но базовой структурой любого понимания, безусловно, является язык. Во внутренней форме первого по времени значения слова отражено основное восприятие явления действительности. «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [10, с. 98]. Таким образом, взаимодействие человека и мира осуществляется посредством языка и культуры, ментальной единицей этого взаимодействия выступает концепт.

В российской науке понятие концепта впервые ввел А. С. Аскольдов-Алексеев в статье «Концепт и слово» в 1928 г. Согласно определению учёного, «концепт – есть мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [2, с. 269]. А. С. Аскольдов-Алексеев выделял познавательные и художественные концепты. Его подход к понятию можно определить как лингвистический. Д. С. Лихачёв считал, что концепт значительно шире словарного значения слова и является сочетанием слова и опыта человека – национального, сословного, классового, профессионального, семейного и личного. «Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче опыт человека» [9, с. 281]. Именно Д. С. Лихачёв ввел понятие концептосферы – совокупности концептов, включающих в себя, помимо национального языка, культуру в виде литературы, науки, фольклора. С конца XX в. концепт рассматривается с позиций когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и синкетичных дисциплин. Изучением концепта в рамках когнитивной лингвистики занимались Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. З. Демьянков и др. Согласно определению Е. С. Кубряковой, концепт – «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [8, с. 90]. С позиций когнитивистики концепт – единица памяти, призванная упорядочить информацию, актуализировать смыслы, отличающаяся схематизмом, динамизмом, бесструктурностью и субъективным характером. Психолингвистическое толкование понятия концепта, углубляющее когнитивную теорию, содержится в трудах А. А. Залевской, А. А. Леонтьева, А. Р. Лурия и др. Под концептом понимается мысленное образование, устоявшийся и типичный образ, выполняющий заместительную функцию. Общее с когнитологией понимание касается субъективного и динамичного характера концепта. Лингвокультурологический подход к концепту разрабатывались Ю. С. Степановым, Н. Д. Арутюновой, В. В. Колесовым, Ф. Ф. Фархутдиновой, Г. В. Токаревым и др. По определению Ю. С. Степанова, концепт – это «условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [15, с. 41]. Концепт признаётся национальной единицей культуры, отсылающей к исторически сложившимся представлениям, идейным установкам, эмоциональным и оценочным реакциям. Соглас-

но лингвокультурологическому пониманию Г. В. Токарева, «концепт – это ментальная макроединица, которая структурируется представлениями, научными и обыденными понятиями, культурными установками, идеологемами, стереотипами. Он совмещает в себе субъективное и коллективное, универсальное и национальное. Концепт – глобальное и многомерное ментальное образование. Он соединяет в себе конкретное и абстрактное, образное и безобразное, эмоционально-оценочное и рациональное» [17, с. 37]. Структура и содержание концепта неоднородны и неисчерпаемы. Синкетичные теории концепта, совмещающие когнитивный и лингвокультурологические подходы, можно встретить в работах С. А. Аскольдова, Н. Ф. Алефиренко, О. Д. Вишняковой, С. Г. Воркачёва, Л. А. Манерко, Т. А. Фесенко и др. В исследовании Н. Ф. Алефиренко концепт понимается как «достаточно широкий набор ментальных образований, кодирующих в самых разнообразных конфигурациях культурно значимые смыслы» [1, с. 225]. С позиции когнитивной лингвистики концепт понимается ментальной категорией, классифицируется принятым в когнитологии способом: концепт-представление, гештальт, фрейм, соотносится с одним верbalным знаком. С точки зрения лингвокультурологии концепт выступает средством понимания и интерпретации культуры.

Цель данной статьи – рассмотрение структуры концепта в основном с позиций лингвокультурологии. Задачами являются демонстрация концепта как многомерной ментальной единицы с признаками культурно-исторической обусловленности, широкого и неоднородного плана выражения, структурированности. Объектом исследования является концепт «Война», предметом – лексическое значение концепта, состоящее из денотативно-сигнификативного и прагматического блоков. Использованы методы: лингвокультурологический, сравнительно-исторический, структурно-лингвистический (метод оппозиций, дистрибутивного анализа), компонентного анализа. Материалом для анализа концепта «Война» явились тексты, составляющие культурный фон среднестатистического россиянина – широко известные литературные произведения, песни, речи политиков, паремии.

Анализ концепта «Война»

Концептуальная информация репрезентируется множеством лексических и фразеологических единиц. Исходной точкой анализа концепта является слово в его прямономинативном значении. Семантика слова восходит к понятию внутренней формы, отражающей систему представлений, складывающихся в обществе изначально. Языковое сознание народа вложило наиболее существенный признак в основу номинации, определив его целостное понимание. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово *война* происходит от старославянского *воинъ* ('воин') или *повинжти* ('покорить'), имеющих родственные слова в европейских языках с означаемым: 'гнаться, преследовать', 'охота, охотиться', 'стремиться, желать', 'дичь' [18, с. 334, 335]. Лексема *война* относится к наиболее древним, не изменившим своего значения. В «Повести временных лет» в двух списках слово встречается в 9 эпизодах.

Денотативный компонент значения слова несёт информацию об образе в его связи с референтом. Соотнесённость представлений с реалиями действительности имеет национально-культурную маркированность и составляет часть языковой картины мира данного народа. Согласно «Большому академическому словарю русского языка» «Война – вооруженная борьба между племенами, народами, государствами или общественными классами внутри государства // борьба между государствами для достижения каких-л. целей, ведущаяся средствами экономического, политического и т.п. воздействия» [4, с. 84]. Данная дефиниция отражает универсальность значения, характерного и для других народов мира. «War is a situation in which two or more countries or groups of people fight against each other over a period of time // a situ-

tion in which there is aggressive competition between groups, companies, countries, etc.» [20].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля дефиниция развернута и национально обусловлена. «Война – раздор и ратный бой между государствами, международная брань. Наступательная война, когда ведут войско на чужое государство; оборонительная, когда встречают это войско, для защиты своего. Война междуусобная, усобица, когда один и тот же народ, раздвоившись в смутах, враждует между собою оружием. Война сухопутная, морская, битва на материике, на море. Война подземная, подкопы разн. родов, при осаде, с той и с другой стороны. Малая война, аванпостная служба, занятия и обязанности сторожевой части войска. Партизанская война, действия отдельных, мелких частей войска, с крыльев и с тыла неприятеля, для отрезки ему средств сообщения и подвоза. Народная война, в которой весь народ принимает, по сочувствию к поводу раздора, живое участие» [7, с. 230]. Признаки значения расширены языковыми единицами: *раздор, ратный бой, усобица, вражда, битва, смута, служба, подкопы, осада, аванпостная служба, части войска, крылья, тыл (неприятеля), средства сообщения и подвоза, сочувствие по поводу раздора, живое участие*. Семантическая парадигма включает в себя определения: *наступательная, оборонительная, междуусобная, сухопутная, морская, подземная, малая, партизанская, народная (война)*. Данная лексика входит в сферу формирования концепта, располагаясь на разных уровнях от исходного значения.

Сигнifikативный компонент значения включает в себя часть признаков о реалии, позволяет отличить одно явление от другого. Рассмотрим речь заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР и народного комиссара иностранных дел В. Н. Молотова 22 июня 1941 г. [6]. Слово *война* встречается в тексте 4 раза, имеет нейтральное значение: ‘пересечение границы государства с целью захвата территории’. Тогда как слово *нападение* встречается 8 раз (а также *нападающая/-ий* (сторона, враг), *напали*). Номинация *нападение* означает: ‘броситься с враждебными намерениями, начать действовать против кого-н. с враждебной целью’. *Война* и *нападение* имеют общую архисему – «вооруженный конфликт». *Нападение* включает в себя ряд дифференциальных сем: «начало военных действий», «внезапность».

Содержание образного компонента (внутренней формы) слова в когнитивной лингвистике, согласно концепции Н. Ф. Алефиренко, сопоставляется с понятиями гештальта, сцены, сценария, фрейма [1, с. 278]. То есть это интерпретация значения, формирующаяся в сознании человека с точки зрения целостности образа, определенного обрамления в виде места и времени, знаний о мире, стандартности ситуации. Так, в речи В. Н. Молотова [6] можно встретить лексические и фразеологические единицы с яркими образными компонентами, входящими в семантическую парадигму концепта «Война» и придающие ему направленную интерпретацию: *разбойничье нападение, сострятьать* (обвинительный материал), *смелые соколы* (советской авиации), *наше дело правое*. Слово *разбойник* имеет значение ‘отъявленный негодяй’. *Разбойничье нападение* соотносится со сценарием дерзкого и наглого нарушения границ государства. Лексическая единица *сострятьать* означает ‘наспех сочиненное, придуманное, грубое и неискусное’, входит в фрейм закулисных интриг политической жизни. Языковой знак *сокол* сопоставляется с птицей, характеризующейся быстрым полётом и возможностью приручения для совместной охоты. Молодой человек, названный «соколом», в культурном поле россиян имеет вид красивого и ловкого («ясный сокол»). *Смелые соколы* (советской авиации) создают образ летчиков, отличающихся позитивными личностными качествами, искусствостью в полётах, дисциплиной. Правая рука как ведущая, более развитая у человека, дала начало

понятию о правом – ‘правильном, справедливом, невиновном’. Правое дело соотносится с гештальтом «правда».

С сигнификативным и образным компонентами связан интенсивный компонент. Интенсификация значений лексических и фразеологических единиц входит в зону коннотаций. Обратимся к тексту песни В. И. Лебедева-Кумача «Священная война». Языковая единица *смертный бой* указывает на наиболее выраженную интенсивность значения, связанную с концептом «Война», – смертельную угрозу. *Фашистская сила тёмная* характеризует врага с визуальной точки зрения, отсылает на устоявшееся в лингвокультурной общности восприятие тёмного («тёмная личность», «тёмные дела») по противопоставлению ночи дню. Сочетание *проклятая орда* является отсылкой к наиболее неблагоприятному историческому периоду для страны – нашествию золотоордынских племён. *Ярость благородная* указывает на сильную эмоцию, связанную с необходимостью ответной реакции на начало вторжения. В данном контексте это оксюморон: ярость в значении ‘сильный гнев, бешенство’ связана с благородством – ‘высокой нравственностью, самоотверженностью и честностью’. Фразеологическое сочетание *царство тьмы* указывает на библейской сюжет – место, где находится сатана, противопоставлено Божественному пребыванию. *Душители пламенных идей, насильники, грабители, мучители людей* – наиболее интенсивные характеристики фашистов-завоевателей. Все представленные языковые единицы содержат сему «очень».

С денотативным, сигнификативным, образным компонентами значения связан оценочный компонент. В языковом сознании общества складывается представление о положительном и отрицательном вне зависимости от объективных характеристик оцениваемого. Они ему приписываются согласно установившимся полюсным культурным представлениям. Оценка складывается из субъекта (кто оценивает), объекта оценки (предмет, лицо, событие), самой оценки (абсолютной или относительной), основания оценки (культурная установка, стереотип) [17, с. 65].

Рассмотрим сцену из романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»: боевое крещение Григория Мелехова в начальный период Первой мировой войны. «Григорий встретился с австрийцем взглядом. На него мертвые глядели залитые смертным ужасом глаза. Австриец медленно сгибал колени, в горле у него гудел булькающий хрип. Жмуясь, Григорий махнул шашкой. Удар с длинным потягом развалил череп надвое. Австриец упал, топыря руки, словно поскользнувшись; глухо стукнули о камень мостовой половинки черепной коробки» [19, с. 286]. Чувства, инициированные автором натуралистичностью сцены, противоречат общекультурному подходу к смерти противника на войне и тем самым готовят читателя к восприятию авторской оценки. Окончание главы имеет ярко выраженный оценочный характер. Субъектом оценки выступает автор-повествователь, объектом – война как таковая, вынуждающая убивать и калечить. «Муть свинцом налила темя. Григорий слез с коня и замотал головой... Григорий... пошёл к коню. Путано-тяжек был шаг его, будто нёс за плечами непосильную кладь; гнусь и недоумение комкали душу. Он взял в руки стремя и долго не мог поднять затяжелевшую ногу» [19, с. 286–287]. Сочетание *муть свинцом налила* отсылает к образу свинца – серого тяжёлого токсичного металла, создаёт атмосферу затенённости и физического сдавливания. Шаг героя описывается *тяжким и путанным*, он несёт *непосильную кладь* содеянного, не может поднять *затяжелевшую ногу*, то есть репрезентируются смыслы ‘тяжесть’, ‘давление’, ‘несоответствие силам’. Его выполненный воинский долг автор расценивает как *gnусь и недоумение* – нечто, ‘вызывающее отвращение, омерзение’, ‘непонимание’, ‘неясность’ задач и целей войны. Итоги боя затронули и тело, и *комкали душу* (‘портили, мяли’) главного героя. Таким образом, оценка победного, казалось бы, первого боя Григория Мелехова соответствует значению «плохо», и других оценок («хоро-

шо», «безразлично») на страницах романа «Тихий Дон» выявить не удалось, что соответствует культурным установкам автора.

Иную авторскую оценку можно найти в повести «А зори здесь тихие...» Б. Л. Васильева в сцене уничтожения и пленения врага. Субъектом оценки выступают автор и читатели, объектом – герои повести: советский и фашистские солдаты. «Нет, не крика они испугались, не гранаты, которой размахивал старшина. Просто подумать не могли, в мыслях представить даже, что один он, на много верст один-одинёшеньек. Не вмешалось это понятие в фашистские их мозги, и потому на пол легли. Мордами вниз, как велел. Все четверо легли: пятый, прыткий самый, уж на том свете числился» [5, с. 141]. Повторение лексической единицы *один, один-одинёшеньек*, сопоставленной со стереотипом подвига, демонстрирует авторскую оценку «хорошо». Языковые единицы описания врага, пренебрежительные по своей тональности: *подумать не могли, фашистские мозги, мордами вниз, на том свете* имеют негативную оценку. Противопоставление действий единственного старшины, кричавшего и размахивающего гранатой, четырём противникам, которые без сопротивления сдались, вызывает позитивные эмоции и положительную оценку результа-тов военной операции со стороны читателей. Идеологемы (культурные установки, актуализирующие определенные социальные ценности) при описании событий Великой Отечественной войны во времена СССР были однозначны, авторская оценочность полярна, позволявшая проводить разграничительную линию: «своих» – советских солдат и «чужих» – сил вермахта.

Прагматический макрокомпонент представлен эмотивным, стилевым, коннотативным компонентами, выражает отношение говорящего к действительности. Эмотивный компонент связан с оценочным и образным и представляет эмоциональную реакцию на взаимодействие языкового знака и образа. Обратимся к речи Президента Российской Федерации В. В. Путина по случаю 80-летия Победы в Великой Отечественной войне: «Мы верно храним память об этих исторических, триумфальных событиях» [11]. Определения *исторический* и *триумфальный* не являются синонимами: *исторический* – ‘существовавший в действительности’, *триумфальный* – ‘торжественный, победный’. Слово *исторический* констатирует факт прошлого, лексема *триумфальный* не просто отсылает к прошлой действительности, но формирует оценочный и эмотивный образ. Денотативная оценка обращена к стандарту, связанному с победой, торжеством, праздником. Данный стандарт репрезентируется в языке внутренней формой слова *триумф* с опорой на мотивацию ‘выдающийся, блестящий успех’. Коннотативная оценка базируется на фоновых исторических знаниях (национальная победа сопровождалась пышными торжествами, население и власти встречали победителей цветами и оркестром, войска проходили по улицам столицы через триумфальную арку) и обуславливает положительное эмоциональное переживание внутренней формы слова. Национальные стереотипы в данном случае выражают крайнюю степень позитивного.

Коннотация, согласно определению В. Н. Телия, «семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражющая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [16, с. 5]. Коннотации могут быть эмотивными, оценочными, экспрессивными. Основные функции их заключаются в демонстрации экспрессии и воздействии. Коннотации культурно маркированы, имеют национальную специфику, воспроизводимы и устойчивы. Проанализируем песню «Комбат» группы «Любэ» на стихи А. А. Шаганова. Паремия *А на войне, как на войне* повторяется неоднократно, формирует языковую коннотацию. Само построение фразеологической единицы, отсылающее к сопоставлению внутренней формы

со стереотипами, вызывает эмоциональную реакцию на образ: на войне, как обычно, люди испытывают физические и эмоциональные тяготы, рисуют жизнью и умирают. Первая строка развёртывается следующим текстом, подтверждающим ожидаемый стереотип: «А на войне нелёгкий труд, А сам стреляй, а то убьют... А на войне, неровен час, А может, мы, а может, нас». Просторечная единица *комбат-батяня, батяня-комбат* формирует эмотивную коннотацию, всегда связанную с оценочной. Подобное обращение возможно со стороны молодого солдата, покинувшего семью. Командир батальона воспринимается как близкий человек, которому можно доверить самое сокровенное, например, признаться в чувстве страха («Так бьёт, ё, комбат, ё, комбат»), чей образ оценивается как достойный подражания. Сопоставление войны с *дурной тёткой, стервой* формирует оценочную коннотацию, базирующуюся на фоновых культурных представлениях о психологических типах людей (быть «дурной тёткой» и «стервой» плохо). Интенсивную коннотацию, основанную на ассоциациях, развертывают строки: *Огонь, батарея, огонь, батальон, Огонь, батарея, огонь, батальон, Огонь, батарея, огонь, батальон, Огонь, батарея, Огонь, огонь, огонь, агония*. Скудность лексики, состоящей из последовательности трёх единиц, окончание строфы словом, имеющим фонетическое сходство с предыдущими, но демонстрирующим резко отрицательную эмотивность и интенсивную сему «очень», приводит к форсированию значения.

Синонимия является одним из ведущих языковых средств, расширяющих структуру концепта. В основе выделения ряда лексических синонимов лежит полное или частичное семантическое тождество. Синонимы характеризуются сходностью денотативного компонента при варьировании сигнификативного и прагматического блоков значения. Синоним-доминанта *война* характеризуется простым семным составом и общеупотребительностью. Все узуальные синонимы к слову имеют аналогичную денотативную отнесённость. В синхроническом аспекте в синонимический ряд включаются единицы, функционирующие в настоящем временном срезе: *война – военный конфликт, борьба, кровопролитие, агрессия, вражда, рознь, вторжение, нападение, конфронтация, противостояние, столкновение, сражение, противоборство, бой, схватка, битва, окружение, военная операция, вооружённое столкновение, блокада, осада, горячая точка, принуждение к миру, фронт, атака, бомбардировка, бойня, замес, мясорубка, Армагеддон*. Синонимы неабсолютные, отличаются от доминанты дифференциальными семами (идеографические или семантические синонимы), либо стилевыми (стилевые синонимы), либо оценочными, интенсивными и эмотивными семами (стилистические синонимы). Языковые единицы *войны конфликта, борьба, конфронтация, противостояние, столкновение, вражда, рознь, противоборство* отличаются от доминанты сигнификативными компонентами, привносящими дополнительные смыслы: ‘ослаждение международных отношений’, ‘разногласие’, ‘ухудшение ситуации’. В словах *битва, сражение* актуализируется смысл: ‘крупное решающее вооруженное событие’, в номинациях *вторжение, нападение* – дополнительные семы: ‘начало военных действий’, ‘неожиданность’. Единицы *бой, схватка, окружение, военная операция, вооружённое столкновение, горячая точка, принуждение к миру, блокада, осада, фронт, атака, бомбардировка* имеют дифференциальный семантический признак: ‘локальность вооруженного события’, являются синонимами-гипонимами. Слова *блокада, осада* также включают семы: ‘окружение войсками противника’, ‘принуждение к капитуляции’. Это идеографические синонимы. Лексемы *кровопролитие, агрессия* отличаются от доминанты оценочными, интенсивными, эмотивными семами, являются стилистическими синонимами, акцентируют смыслы: ‘убийство, истребление людей’, ‘ненависть’, ‘угроза’. *Агрессия* имеет дополнительное временное значение: ‘начало конфликта’. Жаргонизмы *бойня, замес, мясорубка* отличаются от доминан-

ты стилевыми и стилистическими семами, расширяя значение эмотивными отрицательными коннотациями, интенсивным компонентом «очень» и оценочным «плохо». *Армагеддон* – также стилевой и стилистический синоним, отличающийся крайне выраженными значениями интенсивной и эмотивной сем.

В диахроническом аспекте в синонимический ряд могут быть включены следующие языковые единицы: *война – валка, немир, повоевание, розмирие, розмирица, исполнение, раздор, смута, усобица, побоище, сеча, нашествие, ратоборство, брань, ратный труд, рать, поединок, дело, баталия, кампания, поход, интервенция, блицкриг*.

Лексемы *валка, немир, повоевание, розмирие, розмирица, исполнение* [14] относятся к архаизмам, при упоминании в современных текстах воспринимаются как окказиональные синонимы. При этом внутренняя форма слов для современного человека остаётся мотивированной за счёт структурно-семантического денотативного компонента, отсылающего к содержанию других языковых и культурных знаков.

Некоторые синонимы служат репрезентацией культурных установок, стереотипов и идеологем, опирающихся на фоновые знания. Слово *блокада* у большинства россиян ассоциировано с блокадой Ленинграда и подвигом защитников города. *Побоище* вызывает в памяти номинации – Ледовое, Донское. *Горячая точка, принуждение к миру* связаны с локальными военными конфликтами на территории бывшего СССР, *блицкриг* – с проваленной военной стратегией фашистской Германии, *интервенция* – с событиями Гражданской войны. *Раздор, смута, усобица, сеча, нашествие, ратоборство, брань, ратный труд, рать, поединок* отсылают к средневековым историческим событиям, *дело, баталия, кампания, поход* – к противостояниям XVIII – XIX веков. *Военная операция* указывает на реалии сегодняшнего дня. Культурная информация, связанная со словом *Армагеддон*, может по-разному трактоваться представителями различных возрастных и социальных групп. Полностью смысл понятия раскроется знатоку христианской эсхатологической литературы, для других это будет отсылка к фильмам, музыкальному альбому, шахматной партии, компьютерной игре.

Окказиональные синонимы уподоблены художественным тропам, их можно найти в поэтической речи: *война – меч огненный, мести гром, великие дела* (А. С. Пушкин), *закат в крови, широкий и тихий пожар* (А. А. Блок), *час мужества, птицы смерти* (А. А. Ахматова), *грамматика боя – смычки батарей* (М. А. Светлов), *крылья чёрные* (В. И. Лебедев-Кумач).

Художественному тропу близка языковая и художественная метафора, являющаяся, наряду с синонимией, одним из ведущих средств вербализации концепта. Согласно определению Г. Н. Скляревской, языковая метафора понимается «как вторичная косвенная номинация при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента» [13, с. 12]. Наличие образности позволяет дифференцировать языковую метафору от генетической, присутствие семантической двуплановости – от художественной. Совокупность сем, которые в исходном значении слова относились к сфере коннотаций, при метафоризации входят в денотативное содержание и служат основанием смысловых преобразований. Обратимся к произведению И. Э. Бабеля «Конармия». Рассказанные разными повествователями новеллы содержат неисчерпаемые возможности для демонстрации языковых и художественных метафор. В рассказе «Конкин» изображена динамичная сцена боя. «Крошили мы шляхту по-за Белой Церковью... Я с утра отметину получил, но выкомаривал ничего себе, подходяще... А я в тузя целиюсь. Малиновый, ребята, туз, прицепке и золотых часах» [3, с. 88, 89]. Слово *крошить* имеет прямономинативное значение: ‘дробить на мелкие части, превращать в крошки’, через коннотативный компонент (‘уничтожать’) превращается в мотивированную языковую метафору –

‘интенсивное уничтожение врага’. Лексема *отметина* (‘метка, знак, обозначение’) в данном контексте скорее относится к ассоциативной языковой метафоре. Сознание читателя отыскивает связь между далеко отстоящими смыслами: получить отметину в условиях боя, но продолжать выкормаривать (‘вытворять, выделять’), может означать ‘получить ранение’, так же, как и три другие аналогичные метафоры в рассказе (*дырка, сквозняк, отличия*). *Малиновый туз* относится к мотивированной языковой метафоре, но образный потенциал лексической единицы настолько высок, что метафора близка к художественной. Потенциальная сема для создания метафоры – «старший» (в масти игральных карт), при этом *малиновый* может означать деталь военной формы генерала, приоритет карточной масти, неопределенную ассоциацию рассказчика, связанную с образом высокопоставленного польского военного. В новелле «Смерть Долгушова» повествователем выступает сам автор, что повышает художественный потенциал метафор. «Пули скулят и взвизгивают. Жалоба их нарастает невыносимо. Пули подстреливают землю и роются в ней, дрожа от нетерпения» [3, с. 69]. Метафорический перенос данного типа является антропоморфизмом. Метафоры близки к художественным: не являются общепринятыми, недолговечны, ограничены одним произведением. Автор взял за основу звуковые (*скулят, взвизгивают*) и моторные (*роются, дрожа от нетерпения*) ассоциации, возникающие при стрельбе. При этом лексемы *жалоба, невыносимо, подстреливают* имеют отрицательную эмотивность и интенсивную сему «очень».

Концепт «Война» вербализуется различными языковыми единицами, как лексическими, так и фразеологическими. Выберем 89 паремий разных лет [12]. Наиболее древние относятся к дохристианской эпохе: *погибша, аки обры*. Пословицы фиксируют борьбу за власть древних князей: *Дмитрий и Борис за город подрались*; монголо-татарское нашествие: *пусто, словно Мамай прошёл*; события Отечественной войны 1812 года: *был неопалён, а из Москвы вышел опалён*; Гражданской войны: *Махно погиб давно, от Петлюры не осталось шкуры*; Великой Отечественной войны: *до Москвы на танках, а от Москвы на санках*. Вневременные фразеологические единицы обобщают национальные культурные установки и стереотипы: *война кровь любит; дружно за мир стоять – войне не бывать; кто храбр да стоек, тот десятерых стоит*.

Наиболее частотными в паремиях выявлены следующие слова:

- солдат/воин (*у сметливого солдата и рукавица – граната*);
- бой (*смело иди в бой, Родина за тобой*);
- враг (*враг хотел пировать, а пришлось горевать*);
- смерть/гибель (*лучше смерть на поле, чем позор в неволе*).

Во всех паремиях выражена семантика положительной оценки военных действий, направленных на ликвидацию врага, эмоция одобрения воинов-защитников Родины. В рассмотренных фразеологических единицах не встречаются лексемы *герой, подвиг, победа*, но они входят в коннотативные расширения большинства паремий (*бой отвагу любит; если народ един, он непобедим*).

Заключение

Триумфальные военные достижения направляют идеиную установку общества, определяют самосознание, самооценку народа и его дальнейшее развитие. Масштабное военное событие, порождая эпос, произведения литературы и искусства, формирует языковые презентации, культурные установки, фоновые знания, наивные и научные представления, стереотипы и стандарты поведения, оценки и эмоции, в конечном итоге оказывает влияние на многие поколения. Концепт «Война», являясь универсальным для всего человечества, безусловно, должен быть рассмотрен только с позиций взаимодействия языка, мышления и культуры.

Список источников и литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 391 с.
2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
3. Бабель И. Э. Конармия. М.: Олимп : АСТ, 2001. 272 с.
4. Большой академический словарь русского языка. Т. 3: Во – Вящий / гл. ред. К. С. Горбачевич. СПб.: Наука, 2005. 663 с.
5. Васильев Б. Л. А зори здесь тихие... М.: Сов. писатель, 1977. 144 с.
6. Выступление по радио заместителя председателя Совета народных комиссаров Союза ССР и народного комиссара иностранных дел тов. В. Н. Молотова 22 июня 1941 года. М.: Госполитиздат, 1941. 8 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А – З. М.: ГИС, 1955. 610 с.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
9. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста : антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
10. Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 622 с.
11. Речь Путина на параде в честь 80-летия Победы. Полный текст // ТАСС: информ. агентство: офиц. сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23897261> (дата обращения: 06.10.2025).
12. Русские народные загадки, пословицы, поговорки / сост. Ю. Г. Круглов. М.: Просвещение, 1990. 335 с.
13. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
14. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: электрон. версия: сайт. URL: <https://oldrusdict.ru/dict.html> (дата обращения: 10.10.2025).
15. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Яз. рус. культуры, 1997. 824 с.
16. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
17. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: Перемена, 2003. 213 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
19. Шолохов М. А. Тихий Дон: в 4 кн. Т. 1: кн.1–2. М.: Правда, 1980. 416 с.
20. War // OXFORD: Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/war?q=war> (дата обращения: 08.11.2025).

References

1. Alefirenko, NF 2002, *Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya i kultury* (Poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture), Academia publ, Moscow. (In Russ.)
2. Askoldov, SA 1997, *Kontsept i slovo, Russkaya slovesnost: ot teorii slovesnosti k strukture teksta* (Concept and word, Russian literature: from the theory of literature to text structure), ed. V. P. Neroznak Academia publ, Moscow. (In Russ.)
3. Babel, IE 2001, *Konarmiya* (Cavalry Army), Olymp publ, AST publ, Moscow. (In Russ.)
4. Gorbachevich, KS (ed.) 2005, *Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka* (Large academic dictionary of the Russian language), Nauka publ, St. Petersburg. (In Russ.)

5. Vasilyev, BL 1977, *A zori zdes tikhkiye* (The Dawns Here Are Quiet), Sovetskiy pisatel publ, Moscow. (In Russ.)
6. Molotov, VN 1941, *Vystupleniye po radio zamestitelya predsedatelya Soveta narodnykh komissarov Soyusa SSR i narodnogo komissara inostrannykh del tov. V. N. Molotova 22 iyunya 1941 goda* (Radio Speech of the Deputy Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR and People's Commissar for Foreign Affairs Comrade V.N. Molotov on June 22, 1941), OGIZ, Gospolitizdat publ. (In Russ.)
7. Dal, VI 1955, *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language), vol. 1, Gos. izd-vo in. inats. Slovarey publ, Moscow. (In Russ.)
8. Kubryakova, ES, Demyankov, VZ, Pankrats YuG & Luzina, LG (eds.) 1996, *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* (A Brief Dictionary of Cognitive Terms), Iz-vo MGU publ, Moscow. (In Russ.)
9. Likhachyov, DS 1997, 'Kontseptosfera russkogo yazyka' (Conceptual sphere of the Russian language), *Russkaya slovesnost. Antologiya* (Russian Literature. Anthology), ed. V. P. Neroznak, Academia publ, Moscow. (In Russ.)
10. Potebnya, AA 1989, *Slovo i mif* (Word and myth), Pravda publ, Moscow. (In Russ.)
11. Putin, VV 2025, 'Rech na parade v chest 80-letiya Pobedy' (Speech at the parade in honor of the 80th anniversary of Victory), TASS, viewed 6 October 2025, <https://tass.ru/obchestvo/23897261> (In Russ.)
12. Kruglov, YuG (ed.) 1990, *Russkiye narodnye zagadki, poslovitsy, pogovorki* (Russian folk riddles, proverbs, sayings), Prosveshcheniye publ, Moscow. (In Russ.)
13. Sklyarevskaya, GN 1993, *Metafora v sisteme yazyka* (Metaphor in the language system), Nauka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Sreznevskiy, II 1893, *Slovar drevnerusskogo yazyka* (Dictionary of the Old Russian language), viewed 10 October 2025, <https://oldrusdict.ru/dict.html> In Russ.)
15. Stepanov, YuS 1997, *Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya* (Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience), Yazyki russkoy kultury publ, Moscow. (In Russ.)
16. Teliya, VN 1986, *Konnotativnyy aspect semantici nominativnykh edinit*s (Connotative aspect of the semantics of nominative units), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
17. Tokarev, GV 2003, *Kontsept kak obyekt lingvokulturologii (na material reprezentatsiy kontsepta "Trud" v russkom yazyke)* (Concept as an object of linguacultural studies), Peremena publ, Volgograd. (In Russ.)
18. Vasmer, M 1986, *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* (Etymological Dictionary of the Russian Language), vol. 1, Progress publ, Moscow. (In Russ.)
19. Sholohov, MA 1980, *Tikhiy Don* (And Quiet Flows the Don), vol. 1, Pravda publ, Moscow. (In Russ.)
20. 'Oxford Learner's Dictionaries' OXFORD, viewed 8 November 2025, <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/war?q=war>

Статья поступила в редакцию: 10.11.2025

Одобрена после рецензирования: 12.12.2025

Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 10.11.2025

Approved after reviewing: 12.12.2025

Accepted for publication: 12.12.2025